

Ирина Успенская
ПРАКТИЧЕСКАЯ
ПСИХОЛОГИЯ

РАЗРУШИТЕЛЬ

Annotation

Виктория Вавилова, запертая в теле герцога Алана Вас'Хантера, продолжает бороться за свой разум, свою душу и свое существование. Впереди обучение у храмовников и возвращение в город, из которого Алана изгнали еще до рождения. Интриги Храма, предательство друзей и помощь врагов. И возможно... новая любовь, как награда за испытания. Заключительная книга трилогии.

В тексте есть: выживание, сильная героиня, женская душа в мужском теле

- [Практическая психология.Разрушитель](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Эпилог](#)
-

Практическая психология.Разрушитель
Ирина Успенская

Пролог

Двое неторопливо шли по осеннему парку. Лёгкий ветерок с тихим шорохом передвигал опавшие листья. Высокий светловолосый мужчина плотнее замотал шарф вокруг шеи и натянул чёрную вязаную шапочку на глаза. Он поёжился и засунул руки глубоко в карманы белоснежного кашемирового пальто.

– Не люблю холод, – донёсся из-под шарфа недовольный голос.

Его спутник весело засмеялся. В отличие от светловолосого щеголя, он был одет в потертые черные джинсы и вельветовый пиджак поверх обычной футболки. Но, судя по довольно прищуренным глазам, холодно ему не было.

– Вась, зайдем в кафе? – франт бросил беглый взгляд по сторонам.
– Мне на тебя даже смотреть холодно

– Не смотри, – покладисто согласился его спутник. – Лучше расскажи, как прошло совещание у босса? Он поднял глаза вверх и кивнул на небо.

– А то ты не знаешь? – сварливо раздалось в ответ. – Шеф рвет и мечет. Но торопить нас не будет. Он удивлен, что за время, прошедшее с момента переноса души госпожи Вавиловой в тело опального бастарда, она так и не приняла никакого решения.

– Алан выбрал жизнь!

– Не начинай! – Блондин поежился от налетевшего ветра. – Вместо того чтобы погибнуть в течение первых суток и вернуться, она старательно делает вид, что все в порядке. А ты ее поддерживаешь в этом заблуждении!

– Ничего подобного! – искренне возмутился Вася. – Виктория приняла новое тело, забыла женскую сущность. Между прочим, скоро Алан станет отцом!

– Бред! Полный бред! Неужели ты не замечаешь, что у Виктории началось раздвоение личности?

– Ты не прав, Ксю. – Курчавый весело блеснул огненными глазами на собеседника. – Он помнит свою прошлую жизнь, просто нашел способ не сойти с ума. Мне кажется, не без твоей помощи. – Блондин поднял на друга удивленный взгляд. – Не держи меня за идиота! Я

точно знаю, что это ты разделил сущность Алана на мужскую и женскую! Но ты все равно проиграешь спор! Он не вернется.

– Посмотрим, – буркнул Ксю. – Виктория заняла трон герцогства, но не забывай, что храмовникам это не понравится.

– Ерунда! Меня больше волнует, как Алан справится с женщинами. Беременная Зира хотя и не признана законной женой, но имеет на него влияние. Валя, мать его приемного сына, и красотка Эвелин, дочь убитого герцога, тоже не останутся в стороне. Цветник – и наш герцог посреди него.

– Крапива среди роз, – высунул нос из шарфа Ксю и на мгновение замер, а затем растянул губы в улыбке. – Вот на этом я ее и поймаю!

– Фи! – скептически протянул Вася, пиная носком кроссовки каштан. – Алана уже не тошнит от женщин и не колбасит от мужчин.

– Где ты слов таких набрался? – недовольно прозвучало из-под шарфа, но собеседник проигнорировал это заявление.

– Он меняется. Душа прирастает к телу и принимает его пол. Ты ведь сам знаешь, существует теория, что изначально душа бесполо. И если бы не разум и стереотипы, вбитые с детства, люди были бы более свободными и раскрепощенными. Это все религия.

– Не тебе рассуждать о религии, Вадий, – усмехнулся блондин и вновь нырнул в шарф. – Этот спор выиграю я! Кстати, я не верю в дурацкую теорию о том, что душа бесполо. И Виктория тому подтверждение.

– По пиву? Я знаю отличный паб здесь за углом, – Вася снисходительно похлопал друга по плечу. – Эта неугомонная душа все равно поступит так, как надо ей.

– А надо, чтобы она поступила так, как надо нам, иначе мы лишимся финансирования, – многозначительно произнес Ксю, и парочка свернула за угол.

Ветер продолжал гонять по парку сухие листья, и только рыжая белка была свидетелем разговора. Но ей не было никакого дела до забав этих смешных двуногих.

Глава 1

*В работе проходили их дни,
и за работой не видели они радости.
И велел тогда Вадий собраться Духам светлым.
И повелел им выбрать для себя по одному дню.
А людям велел в эти дни не работать,
а праздновать дни Духов и всячески их почитать.
Веселиться, отдыхать и в храмах зажигать свечи.
XXVI Песнь Жития*

Пятый день шел снег, превращая Белую крепость в причудливое нагромождение огромных сугробов. Снег возвышался шапками на крышах башен и донжона, на широких стенах, укрывал толстым слоем рыжую черепицу, словно желая оправдать название крепости. По мрачным темным коридорам гуляли сквозняки, но в жилых комнатах было тепло, и поэтому многочисленные обитатели крепости старались выходить на улицу только по крайней нужде.

– Шут! Где Иверт?

Телохранитель герцога Алана Вас'Хантера ухватил за шиворот пробежавшего мимо чернокожего Оську, одетого в коротенький лохматый кожушок.

– Лис-барамис, – вывернулся из захвата Оська. – Я великий шут и женский любимчик, а не нянька для горца! – Он показал язык и рванул по заснеженному двору в сторону казарм. – Он Руке уши обещал отрезать! Спорим на щелбан, что не сумеет? – донеслось из снегопада.

– Сир, они в тренировочном зале, – повернулся к герцогу юный ксен. – Приказать Берту принести шубу?

– Не стоит, тут близко, – махнул рукой Алан и первым вышел из-под козырька.

Ветер тотчас попробовал забраться под котту, швырнул в лицо колючие снежинки, но Алан не обращал внимания на зимнюю погоду. Не до того, когда в голове ругаются два голоса и ни один не хочет уступать.

Лис распахнул дверь, и герцог стремительно вошел в

тренировочный зал. Глухие редкие удары мечей, скупые движения, мягкие шаги и прерывистое дыхание говорили о том, что бойцы уже слегка выдохлись. Но признаваться в этом никто не собирался. Что же, придется вмешаться, ждать недосуг. Скоро прибудет генерал Генри Раман, а они еще не решили, сколько людей отбудет с Аланом на фронт и кто останется охранять крепость.

– Иверт!

– Да, мой вождь. – Горец отступил на шаг, но яташ не опустил. – Эй, ксен, когда ты в последний раз держал оружие?

Алвис посмотрел на узкий длинный меч в своей руке, стер кровь с разбитой губы и улыбнулся.

– Давно мне не встречался такой дикий противник, горец.

– Меня не зря прозвали Ураганом, – самодовольно произнес Иверт и поманил Искоряющего сложенными пальцами. – Мой вождь, дай мне немного времени, чтобы я убил этого ксена.

Длань так и не покинул крепость, чем вызвал у Иверта очередной приступ паранойи. Горец постоянно задирает брата Искоряющего, и в результате это вылилось в дуэль, после которой оба прониклись друг к другу уважением, что не мешало им периодически сталкиваться в тренировочных боях, часто напоминающих настоящие. По крайней мере, синяки и свежие порезы не сходили ни у одного, ни у второго. Алан не вмешивался, хотя иногда очень хотелось отправить этих двоих куда-нибудь подальше. Например, в горы... на поиск подснежников...

– Не желаете поучаствовать, кир Алан?

Алвис широко улыбнулся, стремительно атакуя самоуверенного горца.

Алан подошел к стене, увешанной оружием, выбрал легкий яташ, с которым обычно тренировался, и повернулся к Лису.

– Ксены против вождей.

Телохранитель не заставил себя уговаривать. Он скинул сутану, оставшись в шерстяной рубашке, и, взяв точно такой же яташ, приготовился к бою. Под залихватский свист Оськи и выкрики воинов, зашедших посмотреть на бой, Алан атаковал телохранителя.

«Ну и на кой оно мне надо? – успела подумать про себя Виктория, прежде чем их оружие встретилось. – Можно подумать, мне мало тренировок с Семухом. Идиотка!»

«Ага», – радостно согласился внутренний голос. Вроде бы

мужской...

Три месяца прошло с тех пор, как Алан объявил Игушетию независимым государством и сел на трон герцогства. Как сказал Алвис: «Вы нарушили все законы, удивительно, что вам это сошло с рук». Виктория же не удивлялась.

Через несколько недель после смерти предыдущего герцога на землю пришел сезон холодов. Снегом замело перевалы, закрыло проходы в горах. Госпожа зима стала союзником опального бастарда, дав отсрочку, чтобы он успел разобраться в делах герцогства, подтянул к себе людей и понял, что делать дальше. Но главным было то, что впервые Виктория никуда не спешила, не неслась сломя голову, не решала сто дел одновременно.

Как-то незаметно Мэтью взял на себя все хозяйственные и торговые заботы, Иверт, оставаясь советником вождя, собирал вокруг себя собственную команду, и Виктория надеялась, что со временем у них появится служба безопасности. Барон Семух контролировал гарнизон, а личную охрану герцога так и составляли два телохранителя-послушника. Охранять Турена она поставила ветеранов маркиза Генри. Мальчишка остался секретарем при герцоге, и Виктория с печалью думала, что, не будь он лишен части языка, из него бы вышел прекрасный оратор. Парень писал великолепные речи, когда Алану приходилось выступать на собраниях гильдий, или в храме, или на встрече с немногочисленным дворянством герцогства.

В общем, делать герцогу было совершенно нечего! Только тренироваться, разбирать бумаги, оставшиеся после советника, и разговаривать с самим собой. Как сейчас.

У Виктории появилось время немного осмотреться, решить, как жить дальше, остановиться, покопаться в себе, и это было так странно, словно она опять ушла на пенсию. Еще вчера нужно было рано вставать, бежать на работу, а сегодня можно целый день ничего не делать, заниматься приятными вещами, на которые раньше не хватало времени, но появилась пустота, словно у нее отобрали что-то очень важное. Когда она рассказала о своих ощущениях Иверту, тот только головой покачал.

– Зима, мой вождь, время скуки и любви.

Виктория вздохнула и поежилась, выбираясь из остывшей воды. Берт протянул полотенце.

– Знаешь, что я сделаю, как только мы вернемся в Кровь?

– Пойдете в баню, – улыбнулся Берт, помогая Алану натянуть на влажные плечи рубашку из плотной ткани.

– Обязательно! Там не будет кирены Валии и брата Алвиса, и никто не посмеет сказать мне, что сидеть в парилке с простолюдинами недостойно короля и вождя, – недовольно пробурчал вождь и король. – Эй, Лис! – окликнул он мывшегося за перегородкой парня. – Ты из благородных? А то, понимаешь ли... – добавил по-русски.

– Мой отец был гончаром, – раздалось из-за ширмы, и Алан многозначительно поднял палец.

– Да они не из-за этого, – Берт протянул нагретые над очагом подштанники. – Тут баня всеми ветрами продувается, а здесь тепло, сухо и ваша комната рядом. Не застудитесь. Кирена боится, что вы заболите. Нравится вы ей.

От этого заявления Алан застыл на месте со штанами, натянутыми до колен. Такая бредовая мысль ему в голову еще не приходила. Мать Турена всегда была сдержана, спокойна и учтива, но не более того. Эдакая Снежная Королева.

– Берт, с чего ты взял?

– Так я же вижу, как кирена на вас смотрит. Я этих делах не ошибаюсь, кир Алан. Вот молодая маркиза – та просто кокетничает, ей хочется, чтоб вы на нее внимание обратили, она и...

– Строит глазки, – закончил за слугу герцог.

Это Виктория сразу заметила – шестнадцатилетняя Эвелин совершенно не умела притворяться.

– Да только она со всеми так. И с Ураганом, и с братом Алвисом, и с вами, и с нашими ксенятами. Молодая еще.

– Глупая.

– Не скажите, кир Алан, – подал голос стоящий на страже у двери Хват. – Она не глупа, просто папенька ейный их в строгости держал. Не выпускал из крепости никуда, все замуж хотел выгодно отдать. Вот она и растерялась

– столько благородных киров разом собралось. И все пригожие да родовитые.

– Вот пусть Лиса и обаяет, – хмыкнул Алан, которого слегка раздражало навязчивое внимание Эвелин. От двери раздалось приглушенное хрюканье. Телохранилитель уже успел помыться и

облачиться в сутану.

– Тебе не нравится Эва? – поднял брови Алан, натягивая сапоги.

– Я ее боюсь, – честно ответил рыжий. – Несколько дней назад она просила провести ее в лабораторию советника, чтобы посмотреть на «кишки в банке», а вчера спросила, не подарю ли я ей на память листик с виноградной лозы.

– И что здесь страшного? – не понял Алан.

– Она указала на мою руку. Ночью мне приснилось, что маркиза Эвелин пришла ко мне с ножом и пыталась срезать кусок кожи с плеча, – совершенно серьезно ответил Лис.

Первым рассмеялся Берт, но спустя мгновение бессовестно ржали уже все, кроме рыжего послушника, который вновь нацепил на лицо маску хладнокровного убийцы.

– Зима, сир, – это время девок тискать да свадьбы гулять, – добродушно буркнул Хват, открывая перед герцогом дверь. – Скоро праздник Тарании Воительницы, за ним день станет расти, холода на убыль пойдут, а как снег сойдет, так и ждите неприятностей из-за гор.

– Ничего, Хват, прорвемся! – похлопал Алан воина по плечу. – Время еще есть, чтобы дела с Наместником полюбовно решить.

– Полюбовно – это всегда хорошо, – склонил голову ветеран. – Я бы женился да осел здесь в городе под вашей рукой.

– А что, есть кто на примете? – уточнил Берт, взглядом спрашивая у герцога разрешения разговаривать.

– А как же! – степенно ответил Хват. – Ежели кир Алан не станет возражать, то я бы Светику сосватал. Они шли по тускло освещенному коридору, и Виктория от неожиданности даже остановилась.

– А не стар ты для Светики?

– Дык мне всего пять десятков, – так же неторопливо ответил воин. – Как раз для такой шустрой девицы. Что молодой? Сам еще гулять охоч, а я уже все в дом, все для жены и детишек.

– А она знает?

– Не успел сказать, что любя она мне. Вот вернемся в Кровь – сразу скажу. Я же не козопас, чтоб силой девку брать. Коль не захочет, неволить не стану.

– Если кир Алан ей прикажет, то как миленькая захочет, – улыбнулся Берт.

– Вот прикажу тебе на рыжей Эльсе жениться, если будешь давать

такие глупые советы, – пригрозила Виктория, и Берт тотчас скорчил постную физиономию, только глаза шаловливо горели.

Виктория же рассматривала Хвата. А ведь действительно не старый еще мужчина, статный, подтянутый. Ни одной морщинки на лице, и седины нет. Взгляд выдает, конечно, прожитые годы, но выглядит Хват лет на сорок. Она постоянно забывала, что люди здесь не такие, как на Земле, и срок жизни у них выше.

– Я поговорю со Светикой, – кивнул Алан десятнику, и тот склонил голову, останавливаясь у двери, которую распахнул перед герцогом слуга. – Берт, скажи, что я жду всех в кабинете. Пора заняться делами.

Слуга поклонился и побежал выполнять распоряжение, а Виктория в сопровождении Лиса вошла в бывший кабинет советника. Нравилось ей здесь. Массивный стол, мягкие уютные кресла, шкафы с книгами и свитками, карты на стенах и большое окно с видом на далекую бухту. В камине трещали дрова, на столе стоял подогреваемый свечой медный чайник на маленькой треноге, рядом с ним – вазочка с пирожками и чашка с блюдцем.

Личные рабы советника по умолчанию остались в его покоях, и теперь Викторию окружали красивые девушки и юноши, вышколенные и молчаливые. Они появлялись, когда были нужны, и исчезали так же незаметно. Только один раз Алан собрал всех, чтобы объявить о смерти Мара Маргана и рассказать о перспективах. Их было пятеро, и ни один не захотел покинуть герцога. Ну что ж, если им так спокойнее, то это их право.

Виктория подозревала, что здесь не обошлось без Оськи, который с усердием, достойным большего, создавал киру Алану имидж благородного и справедливого владетеля. Она слышала, шут рассказывал слугам, как вождь Бешеный Кузнечик вырезал целое племя, чтобы спасти Оську и Берта из плена. Правды там было не больше, чем сладости в лимоне, но народ проникся. Да и остальные его люди не считали нужным держать язык за зубами, и скоро по городу гуляли слухи один другого чуднее. Смерть кира Мара была покрыта тайной, но по углам шептались, что и герцог, и советник пали от ярости вождя Алана Бешеного Кузнечика, которому покровительствует бог Отец и оба его сына. Когда Иверт или Турен рассказывали Виктории очередную байку, она только посмеивалась. Пусть болтают. Чем больше сплетен, тем труднее вычленишь правду.

Через десять минут в кабинете собрались соратники герцога. Турен прибежал последним, на ходу приглаживая лохматые волосы.

– Опять? – строго спросила Виктория у приемного сына, но тот только голову опустил и промолчал.

Впрочем, что тут говорить? Засос на шее и пылающие уши выдавали происходящее лучше любых слов. Не нравилось Виктории, что Тур начал так рано, ох не нравилось! Только поделаться она ничего не могла, поэтому прочла старшему сыну лекцию на тему предохранения и строго предупредила, что не дай Вадий... Выпорет! Ужас! Какие здесь ранние дети! Правда, если быть справедливой, то в земном летоисчислении Туру было почти пятнадцать лет. Но все равно – рано!

«Воевать не рано, а сексом заниматься рано?» – тут же влез противный мужской голос, который она гордо проигнорировала.

– Может, объявить, что вы ищете жену для сына? – подал голос Мэтью.

Он сидел в кресле возле камина вполоборота к Турену, и мальчишка не видел, как он подмигнул Алану.

– Если так будет продолжаться, то, видно, придется, – тяжело вздохнул Алан Вас'Хантер и жестом пригласил всех рассестись вокруг стола.

– Не по правилам, – тихо произнес Турен, раскладывая на столе бумагу. – Первым надо старшего в роду женить.

– А когда это твой отец жил по правилам? – глухо поинтересовался от двери Алвис.

– Брат Искореняющий, я не приглашал тебя, – спокойно заметил Алан.

– Кир Алан, когда вы перестанете видеть во мне врага? – с укоризной произнес ксен. – Я принес вам письмо от Наместника.

– Наместник поздравляет меня, признает Игушетию и настоятельно приглашает в гости, – Алан передал Турену письмо и обвел напряженных соратников задумчивым взглядом. – В чем подвох?

– Нельзя ехать, – категорично заявил Иверт. – Это ловушка. Ты сам так поступил, когда собрал вождей в Осколке. Я знаю, ты приказал Рэю вырезать всех, если вы не договоритесь.

Виктория чуть вздрогнула. Она была уверена, что об этом их с капитаном разговоре не знает никто.

– Потом поговорим.

– Ехать нужно. – Не дождавшись приглашения, Алвис сел за стол рядом с Ивертом. – Наместник – самая значимая фигура в этой части суши, а вы не в том положении, чтобы воевать на три фронта.

– Отчего на три?

– Галендас, Мирия и Ратия.

– Мирия не станет воевать против Игушети. Кир Алан наполовину мириец. Да и некому там воевать, трон под правящей династией трещит и шатается. Скорее они поддержат его в борьбе за трон Галендаса, – подал голос Мэтью.

– Но что потребуют взамен? – без улыбки поинтересовался Алвис.

– Думаешь, у меня есть шанс получить трон без кровопролития? – Алан встал и, обойдя вокруг стола, остановился у камина.

– Вы ведь собираетесь женить кира Турена Ли-Алана, а король Ратии ищет мужа для младшей дочери. Таким образом, вы заручитесь поддержкой двух правителей, и регент останется в меньшинстве.

– Алвис, ты на чьей стороне? – весело поинтересовался Иверт.

– На собственной, – без тени улыбки ответил Искореняющий.

– Я ему не верю, – подал голос Мэтью.

– Я тоже, – хмыкнул Иверт, и Турен кивнул, наблюдая за Дланью исподлобья, почти с ненавистью.

– Не думаю, что брат Искореняющий этим сильно расстроен, – усмехнулся Алан. Алвис только улыбнулся.

– Подготовь договора между Игушетией и Галендасом, – обратился к нему герцог. – В отличие от нас, Наместник полностью доверяет тебе. Я подпишу, если условия будут приемлемы. Не смею больше задерживать, брат Искореняющий.

Алвис понял, что его выставляют. Он встал и, подойдя к герцогу, тихо произнес:

– Учитель ждет вас для прохождения обучения. Из нашего лагеря вы сможете отправиться в столицу. Регент ожидает вас в первый месяц межсезонья. Месяц Белого Вепря.

– Мы еще это обсудим, – так же тихо ответил Алан. Когда Длань вышел, герцог повернулся к Мэтью.

– У тебя нет случайно портрета принцессы Ратии?

– Случайно нет, но я знаю, кому написать, чтобы его прислали.

– Сделать это нужно тихо. Я не хочу, чтобы слухи о том, что мы интересуемся принцессами, просочились в другие правящие дома.

– Я понимаю, кир Алан, – Мэтью бросил быстрый взгляд на Турена. – Никто не узнает, для кого предназначен портрет.

– А ты сам не хочешь жениться? – подал голос Иверт.

– Нет! – гаркнул Алан.

Иверт вздрогнул, Турен подпрыгнул, а Мэтью быстро отодвинулся вместе со стулом к окну. Барон Семух только укоризненно покачал головой, глядя на горца. Он не участвовал в разговоре, только отвечая, когда обращались непосредственно к нему и Виктории очень хотелось знать, о чем он думает.

– Все, все! – поднял руки Иверт. – Молчу!

Алан зло сверкнул глазами. Честно говоря, его за это время просто достали предложениями брака. В крепости перебивали, наверное, все мало-мальски подходящие девицы от четырнадцати до тридцати лет. Как было хорошо в Крови! Там просто пытались подложить конту в постель очередную девушку, но никто не настаивал на браке. Здесь же...

– Приступим к делам. Кир Горий, ты первый.

Это уже стало традицией: собираться ежедневно, чтобы обсудить вопросы, требующие согласования с владельцем, поделиться новостями, распланировать очередной день. Новый герцог Вас'Хантер не собирался пускать дела на самотек.

– От Кэпа есть новости? – спросил Алан Мэтью, когда они собирались расходиться.

– Пока никаких. Но не волнуйтесь, ветер стих. Скорее всего, «Шустрик» просто задержался, пропуская шторм. Виктории вздохнула. Кэп должен был вернуться еще три дня назад.

– Надеюсь, у них все в порядке.

Она скучала по сыну. Безумно скучала. И эти три дня не находила места, постоянно представляя всякие ужасы. Часто поднималась на смотровую башню и, кутаясь в мохнатый тулуп, подолгу смотрела на видневшееся вдали море. Обычно ее сопровождал Ворон, и однажды он спросил, в чем причина волнения герцога? Виктория честно ответила, что боится за сына, и теперь Ворон, потерявший в море семью, тоже ходил мрачный.

В дверь заглянул Берт.

– Там кирена Эвелин велела напомнить, что вы обещали ее к Неж... Леонардо отвести.

– Скажи, что я помню, – Алан закатил глаза. Вот еще одна головная боль – девица на выданье. – Турен, не хочешь отвести кузину к художнику? Она просила, чтобы Леонардо нарисовал ее портрет.

– Сир, мне нужно подготовиться к занятиям, – Тур мстительно улыбнулся.

Мэтью и Иверт с серьезными лицами поклонились герцогу и чуть не бегом бросились к двери. Когда мужчины выскочили в коридор, Виктория услышала громкий смех. Барон Семух был более сдержанным и просто улыбнулся, но тоже поспешно покинул кабинет.

– Кир Алан, – в голосе Лиса слышалась вина. – Пусть вас Ворон сопровождает к Леонардо.

– Я и сам дорогу найду, – буркнул Алан с тяжким вздохом.

Эвелин достала всех, кроме Алвиса. Длань она побаивалась и обходила стороной, зато он находил ее забавной. Вот и женился бы!

– Тур, пришлешь за мной Берта, когда накроют к ужину, – с тяжелым вздохом произнес Алан, очень надеясь, что ужин наступит прямо сейчас.

– Отец, – Турен собрал бумаги и теперь переминался с ноги на ногу. – Ты правда хочешь меня женить?

– Так у тебя же свербит, – спокойно ответил Алан, внимательно глядя на сына. – Я считаю, что лучше иметь законную жену благородных кровей, чем тискать служанок и давать им ложную надежду.

– Она ничего не хочет! – импульсивно воскликнул Тур. – Она просто... я ей нравлюсь.

– Тур, как ты считаешь, что она будет чувствовать, когда ты женишься на кирене? Кем она будет для окружающих?

– Никто не узнает!

– Да о вашем Рамане только тау не говорят! Запомни, влюбленные не видят никого, зато их замечают все. И еще... – Виктория вздохнула, не хотелось ей это говорить Турену. – Твоя подружка приходила к лекарю, чтобы он вытравил ей плод.

– Это не я!

Алан строго посмотрел на сына, под его взглядом Тур опустил голову.

– Мы уже говорили на эту тему. Я тебя предупреждал. Если ты считаешь, что готов к ответственности, что сможешь воспитать ребенка,

значит, ты вырос, и я буду рассматривать варианты твоей женитьбы.

С этими словами Алан вышел из кабинета. В душе Виктория рыдала, но по-другому поступить не могла, парня нужно было приструнить. Конечно, никто его так рано не женит, но ведь подбирать невест можно долго, очень долго.

– Это не его ребенок, – тихо произнес Ворон, пристраиваясь в спину герцога.

– Я знаю, – кивнул Алан.

Виктория лично разговаривала с лекарем, и по всем срокам выходило, что беременность наступила еще до появления Турена в крепости. Но говорить Туру ничего не стала, влюбленный мальчишка все равно бы не поверил. Поэтому она велела Иверту присматривать за девицей, но не вмешиваться.

– Отец!

Турен и Лис догнали их у покоев Эвелин.

– Это не может быть мой ребенок! Я... мы... всего несколько раз... Оно бы еще не проявилось!

– Я знаю, сын.

– Она меня обманывала? – растерянно спросил парень, глядя в пол.

– Спросите у нее сами, – посоветовал Ворон.

– Турен, я люблю тебя. И хочу, чтобы ты был счастлив, но со своими женщинами тебе придется разбираться самому, – Алан потрепал сына по голове. – Ты ведь уже взрослый мужчина.

– Я понял, – кивнул Тур и решительно направился по коридору. Следом за ним с заскользил Лис.

– Предатель, – прошипел ему в спину Ворон.

Рыжий, не оглядываясь, махнул рукой, очерчивая обережный знак Вадия. Алан вздохнул и постучал в дверь. Эвелин, наверное, ждала за порогом, потому что не успел кулак коснуться полотна двери, как та распахнулась.

– Кир Алан, я решила, вы обо мне забыли!

Невысокая курносая блондинка с живыми и веселыми голубыми глазами просто фонтанировала энергией. Она почти бежала за размашисто шагающим герцогом, но при этом умудрялась задавать массу вопросов.

– А он хорошо рисует?

– Хорошо.

- А правда, что все его тело покрыто вашими инициалами?
- Правда.
- Я не верю, что это сделал мой отец! Зачем ему было вырезать на теле вашего раба ваши же инициалы?
- Он вырезал свои. Вас' Хантер.
- А говорят, что на спине раба вырезано «Алан Валлид». Правда?
- Правда.
- Вот бы посмотреть!
- Нет!
- Почему? Кир Алан, отчего вы всегда такой хмурый?
- Я не хмурый.
- Мне кажется, вы меня не любите.
- Вам только кажется, Эвелин.
- Кир Алан, вы оформили документы на опеку?
- Да.
- Значит, это вы будете решать, за кого мне выйти замуж?
- Да.
- А где рыжик?
- Сопровождает Турена.
- Он не захотел показать мне лабораторию кира Мара!
- Я запретил.
- Тогда, прошу вас, покажите мне! Я хочу посмотреть на девочку в золотой маске!
- Трупы брат Искореняющий велел сжечь.
- А золото?
- В казне.
- Кир Алан, вы будете сопровождать нас с Валией на завтрашнюю службу в храм?
- Не планировал.
- Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Вы никогда не ходите с нами в храм. Пожа-а-луйста!
- Хорошо!

Эвелин взвизгнула и бросилась герцогу на шею. Виктория едва удержалась, чтобы не шарахнуться. Она терпеливо переждала благодарственные обнимашки, бросая на Ворона предупредительные взгляды, но телохранитель был бесстрастен и серьезен. Это рыжий бы уже тихонько ржал.

Неженка, предупрежденный Бертом, ждал их в мастерской, большой угловой комнате с тремя окнами, стены которой были увешаны картинами, планами, набросками. Раб плавно опустился на колени, как только Алан вошел в помещение. Виктория уже не обращала на это внимания, если ему необходимо такое служение, то ради бога, лишь бы не было больше срывов. Она протянула художнику руку, которую он почтительно поцеловал.

– Леонардо, это кирена Эвелин. Я попрошу написать несколько портретов этой милой девушки. Для женихов, – добавил Алан многозначительно. – И встань уже. Ворон, прикажи подать вина.

Телохранитель вышел за дверь, и Виктория услышала короткие распоряжения. А ведь еще несколько месяцев назад телохранитель заявил бы, что приказывать слугам не входит в его обязанности.

Леонардо поднялся с колен и открыто улыбнулся, откидывая со лба длинную челку. Шрамы уже не выглядели воспаленными, но еще были красными, однако Виктория знала, что они побелеют через некоторое время и станут едва заметными. Но Неженку это больше не расстраивало. Теперь он гордился, убирал назад волосы, открывая лоб, и не опускал взгляд, когда кто-то начинал пристально на него пялиться.

– Раб, нарисуй меня у окна. Я буду смотреть на небо!

Эвелин уже успела обежать комнату, рассматривая рисунки на стенах, и теперь села у окна и, сделав одухотворенное и печальное лицо, устремила взгляд вдаль.

– Нет, кирена.

– Что? Кир Алан, прикажите, чтобы он меня слушал! Маркиза в негодовании топнула ногой.

– Эвелин, в этой комнате правит Леонардо, даже я не могу ему здесь приказывать. Он мастер, и он лучше знает, как передать твою красоту, – Алан подмигнул улыбающемуся художнику.

Парень благодарно кивнул и сел на скамью у стены, положив на колени стопку бумаги.

– Кирена, сегодня забудьте обо мне.

– Эвелин, хочешь посмотреть работы Леонардо?

– Очень!

Алан достал из шкафа большую плотную папку с завязками и расположился с ней на диванчике, Эвелин села рядом.

– Ой, это же ваш шут! Как похож! А это Тур? Он здесь такой

несчастный. Кир Алан, а это вы! Ой!

Девушка закрыла рот ладошкой и густо покраснела. Алан был изображен по пояс обнаженным, с яташем в руках. Неженка сумел ухватить момент разворота и вдохнуть жизнь в карандашные штрихи.

– А вы красивый. А откуда эти шрамы? – Эвелин ткнула пальчиком в изображение.

– Я был в плену, – нехотя произнес Алан, уже жалея, что начал показывать маркизе рисунки.

– А это ваш сын? Симпатичный мальчик. А это опять вы. А это кто?

– Зира. Моя женщина.

– Красивая. А как это – ваша женщина? Вы на ней женитесь?

– Нет.

– А почему? А Валия знает, что у вас есть невеста?

– А какое до этого дело кирене Валии?

– Ну как же... ой, Рыжик! Какой красивый!

Ворон налил в кубок вина и подал герцогу, при этом бросил быстрый взгляд на рисунок. Лис был изображен во время взывания. Он сидел напротив лика Вадия, опустив голову. Вся поза послушника выражала смирение и отстраненность. Все же Леонардо гений, он смог передать покорность и силу, вдохновение и смирение.

– Леонардо очень талантлив, – тихо произнес Ворон. – Учитель рад, что он выжил и сумел найти путь к светлому лику вопреки проискам Вадия.

– Леонардо, тебя ценят, – подмигнул художнику Алан.

– Я тоже рад, что выжил, – отозвался из угла Леонардо и светло улыбнулся. – Что может быть лучше, чем служить моему господину?

Виктория переглянулась с Вороном, и они синхронно вздохнули. И все равно, такой Неженка нравился ей намного больше, чем тот нервный забитый испуганный парень, каким она встретила его в Крови.

– Позвольте ему, кир Алан, – одними губами шепнул телохранитель.

– А я что, по-твоему, делаю? – обреченно буркнул герцог.

– Вы делаете все верно, – серьезно кивнул послушник и вытянул из стопки очередной портрет. – Покойный герцог Вас' Хантер.

Он долго всматривался в рисунок, а затем отдал его всхлипнувшей Эвелин.

– Леонардо послушался твоего совета, – Алан передал папку девушке и, откинувшись на спинку дивана, задумчиво сделал первый глоток вина. – Он нарисовал свой страх и отпустил его.

Это был их с Вороном маленький секрет.

– Как он?

Алан, стараясь не шуметь, зашел в комнату Неженки через несколько дней после случившегося с рабом несчастья. Незнакомый мужчина, дежуривший у постели больного, встал с кресла и низко поклонился. Раненого уложили в гамак, подвешенный к столбам большой кровати, чтобы уменьшить давление на изрезанное тело.

– Пришел в себя, но не ест, на вопросы не реагирует. Плачет. Приходил брат Искореняющий, принес лекарство, велел мазать раны. Лекарь сменил повязки рыску назад.

– Оставь нас и скажи Ворону, чтоб никого не пускал.

Когда помощник лекаря вышел, Виктория осторожно взяла забинтованную руку раба и, глядя в безучастные голубые глаза, произнесла:

– Простишь ли ты меня когда-нибудь? – Неженка перевел на мужчину пустой взгляд. – Я не сдержал слово. Я обещал защищать тебя, но не смог.

Алан прижал пахнущую травами ладонь ко лбу. В груди разливались горечь и чувство вины. Хотелось обнять, прижать к себе, а еще было страшно, если не простит. Только не молчи! Как жить еще и с этой виной Виктория не представляла, никогда еще она не чувствовала себя так беспомощно, как сейчас. Но Леонардо молчал, глядя в потолок и Виктория отчетливо понимала, что он никогда уже не будет прежним, а вот каким будет, возможно, зависит от этого разговора.

– Я сопротивлялся, – хриплым чужим голосом вдруг произнес парень. – Он порвал ошейник, что вы мне подарили. Я ждал вас, надеялся, что вы придете и спасете меня. Я верил вам, хозяин.

– Я спешил.

– Вы все же пришли, – словно не слыша, продолжил Неженка. – Вы не дали мне умереть. Почему вы не дали мне умереть?

– Потому что ты мой друг, потому что без тебя этот мир станет намного хуже, потому что мне без тебя будет очень плохо.

– Мне тоже будет без вас очень плохо.

– Ты собрался меня оставить? – попыталась пошутить Виктория.

– Я теперь ур-род. Вы не захотите, чтобы я служил вам.

– Господи, Неженка! – воскликнула Виктория, для которой эта причина казалась чем-то несуразным. – Как ты можешь так обо мне думать! Да мне плевать, как ты выглядишь! Я люблю твою душу. И я никогда никуда тебя не отпущу. А шрамы через некоторое время станут совсем незаметными. Ты и с ними очень красивый.

– Вы и раньше не позволяли мне... А теперь... – голос Неженки звучал сбивчиво и едва слышно. – Я был так счастлив, когда вы поручили мне рисовать для вас дом, когда мы планировали город. Я служил вам и только вам... А теперь вы не захотите, чтобы рядом с вами был такой ур-род как я. Вы прогоните меня.

Ну что за детский сад!

– А в чем твое ур-родство, Леонардо? – раздался холодный голос Ворона. Художник чуть повернул в его сторону голову.

– Я видел в зеркале! – совершенно другим, злым голосом выкрикнул он. – Он вырезал на мне свое имя!

– Он вырезал на тебе имя твоего господина. Кир Алан Валлид отныне и навсегда герцог Вас'Хантер, – отчетливо и жестко произнес Ворон. – Нам пора, кир Алан, лекарь просил не задерживаться.

Виктория удивленно посмотрела на телохранителя, до сих пор он не позволял себе вступать в ее разговоры, а значит, повод достаточно серьезен. Она вздохнула и, осторожно опустив руку Неженки на простыню, произнесла:

– Я горжусь тобой, Леонардо. Отдыхай и не думай всякие глупости.

В коридоре Виктория остановилась у стены и вопросительно посмотрела на Ворона.

– Вы неверно себя с ним ведете.

– В чем же?

– Ему нужен строгий хозяин, который жестко ограничит для него рамки дозволенного поведения. Вы же чувствуете себя виноватым и позволяете манипулировать собой.

– Мне кажется, ему нужно немного уверенности в себе, поддержка, дружеское участие, – растеряно отозвалась Виктория.

Как же с Неженкой все сложно!

– Нет. Вы заметили, что он начал огрызаться? Он больше не боится. Последние события изменили его. И сейчас он может сорваться.

– Думаешь, он попытается покончить с собой?

– Допускаю, что он попробует таким образом обратить на себя ваше внимание. Вы ведь понимаете, что ему нужно?

– Смутно! – Алан потер виски. – Ворон, я не вчера родился. Я слышал о таких людях, как Неженка, но никогда не сталкивался с ними в жизни!

Да, Виктории были знакомы понятия «доминант» и «сабмиссив». Знакомы, но не более. Как-то не пришлось в прошлой жизни с этим сталкиваться. Да и их отношения с Неженкой лежали совершенно в другой плоскости!

– Откуда ты все это знаешь? – устало поинтересовался герцог.

– Кир Алан, нас готовят в Длани. А чтобы управлять людьми, нужно знать и понимать их. Учитель очень много рысок посвящает этой науке.

– Эта наука называется психология.

– Возможно, – чуть улыбнулся Ворон. – Вы просто не понимаете, что Леонардо никогда не будет счастлив, если позволить ему самому решать за себя. Сейчас он растерян, его жизнь неопределенна, отсюда и агрессия. Вы должны решить, что с ним делать, как ему жить дальше.

– Тебе не кажется, что я своими решениями уже довел его до весьма плачевного состояния? Он должен меня ненавидеть.

– Вы заблуждаетесь. Я заметил, что он спокойно игнорирует чужие приказы, довольно свободен в отношениях с женщинами, но преклоняется перед вами. Он поставил вас выше богов, и любое ваше недовольство доставляет ему почти физическую боль.

– Откуда ты знаешь?

– Я слышал его исповедь, – просто ответил Ворон и присел рядом с герцогом у стены. – Он живет ради служения вам. Его преданность, беспрекословное послушание, нежелание вас огорчить, доверие делают его жизнь насыщенной и счастливой, наполняют ее смыслом. Но вы должны контролировать его. И еще, кир Алан, вы должны понимать, что это не любовь, не физическое влечение. И боль Леонардо не требуется, только ограничения, контроль и возможность служения.

– Ты меня успокоил! – ехидно сообщил герцог и взвыл про себя.

И ведь никуда от этого не деться. Она сама приблизила к Алану Неженку, сама привязала его к себе, а теперь не знает, что с этим делать.

– Ворон, для меня это все дико. Я не могу понять, что движет

такими людьми, не понимаю, как можно позволить кому-то решать за себя!

– Доверие. Это вопрос обоюдного доверия, насколько вы кому-либо доверяете, чтобы позволить решать, и насколько доверяют вам, принимая на себя ответственность за вашу жизнь.

– Значит, я никому не доверяю настолько сильно, – глядя в противоположную стену, проговорила Виктория. – И я понятия не имею, как мне теперь вести себя с Леонардо.

– Доверьтесь ему. Он сам покажет.

– А если я не пойму?

– Вы научитесь чувствовать его потребности. Просто возьмите инициативу в свои руки. Я подскажу.

В голове мелькнула малодушная мысль, что лучше бы Неженка... но она не позволила себе ее додумать.

– Он просто другой. Его сделали таким, но это не делает его преступником, – тихо произнес Ворон и подал Алану руку, помогая подняться.

Угу, это просто добавляет новоиспеченному герцогу еще одну головную боль. Будь проклято рабство!

– Я попробую.

На следующую встречу Алан принес Леонардо новый ошейник. Золотой, инкрустированный драгоценными камнями. Произведение искусства, а не символ рабства. Может быть, именно для него и готовил этот подарок кир Мар Марган, да только теперь уже не узнать.

Разговор был сложным, но оно того стоило. И теперь Виктория смотрела на спокойного улыбающегося парня и тихо радовалась маленькой победе над собой. Ей было намного труднее, чем Леонардо, ведь через стереотипы переступить сложно.

От воспоминаний отвлек голос Эвелин. Вот неугомонная девица, хотя бы полчаса помолчала! За окном начинало темнеть, зато наконец утих снегопад, и можно было завтра вывести воинов на небольшие учения в горы, так сказать поднять боевой дух и самому размяться.

– Кир Алан, а какое приданое вы за мной дадите?

Виктория недоуменно посмотрела на девушку. А черт его знает, какое.

– А что бы ты хотела?

– Драгоценности матери, – начала загибать пальцы Эвелин. – Еще у

отца был дом в городе, и корабль, и...

– Корабль не получишь, – категорически заявил Алан, поднимаясь.
– Но не волнуйся, голой и босой я тебя не оставлю.

– Мне уже так хочется узнать, кто будет моим мужем, – мечтательно протянула Эвелин, подбегая к двери. – Главное, чтобы он был красивым!

Ворон только глаза закатил.

– Кирена, выходите замуж за Леонардо. Красивее его нет мужчины в герцогстве. Леонардо продолжал рисовать, не обращая внимания на шуточки телохранителя.

– Брат-послушник, – высокомерно заявила Эвелин, тыкая в Ворона пальчиком, – вы говорите глупости! Маркиза может выйти замуж только за герцога или принца!

– Они все старые и страшные, – раздался от двери ехидный голос, и в мастерскую вошел Алвис.

– Брат Алвис, вы несносны! Кто обучал вас манерам? Эвелин гордо проплыла мимо Искореняющего к двери.

– Доброго дня, прекрасная кирена! – прокричал ей вслед Алвис.

– Ворон, проводи, – Алан кивнул на дверь, телохранитель бесшумно скользнул следом за девушкой, а герцог повернулся к Длани.
– Что случилось?

– Вы уже подыскали жениха для юной маркизы? – проигнорировал его вопрос Искореняющий.

– Да, – коротко ответил Алан и, кивнув Неженке, вышел из мастерской.

– Это секрет? – Алвис пристроился рядом.

– Нет.

– Кир Алан! Вы хотите, чтобы я сгорел от любопытства?

Виктория удивленно посмотрела на Алвиса. Это что сейчас было? Ему на самом деле это интересно, или у Длани есть собственные планы на девчонку? И почему он такой довольный? Счастливый Алвис – головная боль для Алана, сразу просыпается паранойя.

– Ты хочешь предложить свою кандидатуру?

– Кан-ди-да-ту-ру? Это как? – Алвис с любопытством смотрел на Алана. Ну вот, опять...

– Своего человека или себя.

– У меня есть несколько идей, – заговорщицки сообщил

Искореняющий.

– Какой-то ты подозрительно веселый, – заявил Алан, прикидывая причины странного поведения ксена.

Ну не хочет же он сам жениться на Эвелин! Или?.. Нет! Не может этого быть! Хотя... почему не может? Эвелин красива, юна, непосредственна и бывает очень забавной. Алвиса она побаивается, что, похоже, очень веселит Длань. Виктория про себя захихикала. Да ну... не может этого быть! Влюбленный Алвис – это из разряда фантастики!

– А Дланям можно жениться?

– Почему нет? Любой мужчина может привести в дом супругу. Вадий и Ирий никогда не препятствовали этому.

– О! – только и смогла ответить Виктория.

А она думала, что высшим иерархам Храма нельзя жениться.

– А Учителям?

– Например, я точно знаю, что супруга отца Жириша проживает в собственном замке и занимается воспитанием правнуков. Правда, многие ксены предпочитают полностью отдаваться служению и не заводят семьи. Но часто имеют детей, – Длань тонко улыбнулся.

– Ты хотел сказать, что имеют любовниц, – в голосе герцога звучала изрядная доля сарказма.

Алвис лишь склонил голову и лукаво блеснул глазами. «Зараза обаятельная», – беззлобно подумала про себя Виктория, а вслух сказала:

– Убью!

– За что?

– За Эвелин.

– Кир Алан, – укоризненно и серьезно произнес Искореняющий, моментально превращаясь в опасного собранного хищника. – Не думайте обо мне хуже, чем я есть на самом деле. Меня это оскорбляет. Так кого вы подобрали в женихи кирене Эвелин? – уже деловым тоном поинтересовался он.

– Герцога Сайшу, третьего сына короля Ратии. Но теперь я передумал и, пожалуй, внесу в список еще одну кандидатуру.

– Кого же?

– Тебя!

– Я не брат Турид, которого вы хитростью вынудили жениться на вашей бывшей жене.

– Алвис, ты посмеешь мне отказать? Законному королю Галендаса?

Какое это счастье – видеть растерянность на лице всегда уверенного в себе Искореняющего! Виктория, посмеиваясь, свернула к своим апартаментам. Немного поработать – и спать! Только предупредить Турена, что ужинать не будет.

– А что ты хотел сказать? – вспомнила она, уже открыв дверь.

– «Шустрик» в дневном переходе. Вас ожидает сюрприз.

– Какой?

– Узнаете, сир! – последнее слово Искореняющий пропел.

– Алвис, стоять!

Но Длань уже скрылся в тенях плохо освещенного, продуваемого сквозняками коридора. Отомстил!

Алан вошел в бывшие апартаменты кира Маргана, которые теперь принадлежали ему. Библиотека, смежная с комнатой-кунсткамерой и подвалом-лабораторией, из которого вынесли трупы и другие неприятные экспонаты, большая гостиная, совмещаемая Аланом с кабинетом, и огромная спальня, рядом с которой находилась уборная.

Его уже ожидала служанка – одна из девушек-рабынь, доставшихся Алану по наследству от прежнего хозяина. Она застенчиво и радостно улыбнулась.

– Мила, – Виктория улыбнулась в ответ. – Завтра прибудет мой сын, прошу сообщить кухарке, чтобы приготовила праздничный ужин и напекла сладких булочек.

– Кир Алан, это замечательная новость! – воскликнула девушка, подавая герцогу теплый стеганый халат. – Благословение Ирию! Мы все очень переживали за юного хозяина. А на вас постоянно тень Вадия была, смотреть больно.

Виктория благодарно улыбнулась. Даже не верилось, что эта искренняя девушка еще несколько месяцев назад боялась глаза от пола поднять в присутствии нового хозяина. А теперь весело отвечает на вопросы, не опасаясь больше за свою жизнь.

– Где Берт?

– Они с Оськой наводят порядок в дальней комнате, где кир Марган всяких зверей держал.

– Зверей?

– Диковинных. Ему из дальних стран привозили, он из них чучела делал.

– Как интересно. Передай Турену, что я ужинать не буду.

Диковинные животные. Надо же. Может, создать зоопарк? Малышу будет интересно, да и старшим мальчишкам понравится. Виктория вспомнила, с каким восторгом Дарен выбирал крольчонка для Литины. Как они там? Как Зира? Мучает ли ее токсокоз, или уже все прошло?

Вдруг накатила тоска. Алан редко вспоминал об оставленной на фронтире женщине, и иногда ему было за это стыдно. Вот как сейчас.

Он сбросил сапоги и, натянув теплые меховые тапочки, похожие на обрезанные унты, с блаженством вытянул ноги. Мила неслышно выбежала за дверь, а в комнату вошел юноша с подносом и умело сервировал к чаю низкий столик, не поднимая на Алана глаз; герцог в очередной раз подумал, что благодарен покойному советнику за слуг. Исполнительные, молчаливые, умелые и, что самое главное, в каждом из них чувствовалось воспитание. Виктория называла их «мои идеальные английские слуги», знала всех по именам, знала их истории и никогда не забывала благодарить за хорошо выполненную работу. Для нее это было естественным, сказать лишний раз

«спасибо» не казалось чем-то странным. Однако люди замечали и, как заговорщицки сообщил вездесущий Оська, молились, чтобы герцога как можно дольше никто не убил.

– Благодарю. Принеси свечи, разбери постель и скажи, чтобы меня не беспокоили до утра. Парень поклонился, и налив в чашку густого чая, пахнущего малиной, бесшумно исчез в спальне.

Виктория дописывала историю колонизации Америки, когда в дверь постучали. Она отложила в сторону перо, потерла глаза и зевнула. Идея записать все, что она еще помнила о своей прошлой жизни и об оставленном мире, пришла ей в голову в начале зимы. Кто знает, как сложится дальнейшая жизнь Алана, но хотелось оставить после себя хоть какую-то память. Быть может, ее знания пригодятся Турену? Он уже неплохо говорил и писал по-русски, когда-нибудь сможет прочесть записи. Пусть ее дети узнают правду об отце...

– Войдите!

– Сир, кирена Валия просит разговора, – в приоткрытую дверь скользнул один из ветеранов маркиза Генри. – Пускать?

Виктория представила, как сейчас выглядит Алан. В теплом стеганом халате, в шерстяных подштанниках и меховых тапочках, лохматый, с заляпанymi чернилами пальцами. Смущенный.

– Извинись и скажи, что я уже сплю. Завтра буду сопровождать их с киреной Эвелин в храм, по пути и поговорим.

– А ежели настаивать будет?

– Завтра! – гаркнул Алан.

Воин поклонился и выскочил за дверь, решив, что лучше не гневить герцога лишними вопросами. Последние дни кир Алан ходит злой; все, кто пришел с ним из Крови, ощущали напряжение и понимали причину. Долго не было известий от Кэпа.

Алан раздраженно тряхнул головой и пригладил волосы. И что ей понадобилось ночью? Поговорить? О чем, интересно? Конечно, о Турене и предстоящей свадьбе. Ну да, о ком же еще? Странно, что только сейчас Валия захотела поговорить о сыне, о бывшем сыне... поскольку родственные отношения в этом мире устанавливались по отцу и, если Алан женится, то формально матерью Тура будет считаться его жена.

Герцог налил горячего чая и подошел к окну. Из щелей тянуло морозным воздухом, и Алан крепче обхватил ладонями теплую чашку. Он смотрел на свое отражение в темном стекле, перебирая в памяти редкое общение с Валией.

В первые суматошные дни его «воцарения на престол» она очень помогла новому герцогу освоиться. Показала крепость, рассказала ее историю, провела в картинную галерею, где висели портреты предыдущих владельцев Белой крепости, и весьма подробно описала биографию каждого. Кто чем прославился или, наоборот, запятнал свою честь. Она даже знала имена художников! Но затем их общение свелось к коротким разговорам ни о чем за совместными трапезами, которые Алан зачастую пропускал.

И если Эвелин была для Виктории раскрытой книгой, то полный образ Валии пока не складывался. Она никогда не начинала разговор первой, никогда не задавала вопросов, была всегда ровной и доброжелательной, и еще она никогда не смеялась. Алан совершенно ее не знал и не стремился узнать. В ее присутствии он чувствовал себя неуютно, словно был в чем-то виноват. Впрочем, Виктория прекрасно понимала причину – она отобрала у Валии сына. Не посоветовавшись с матерью, приняла решение о судьбе ее ребенка и если быть честной перед собой – им давно нужно было поговорить.

Красивая, сдержанная, женственная. В Валии привлекало чувство

достоинства, сила, спрятанная за мягкостью. Но пока герцогу так и не удалось найти тему для общения и Виктория понимала, что в этом ее вина, она сознательно возвела между ними барьер, просто не зная, с чего начать.

Здесь все было не так, как в Крови. Там, дома, они жили большой дружной семьей – слуги, воины, даже рабы. Да там и спрятаться было негде от любопытных взглядов. Здесь же Виктория даже не знала всех в лицо. Строгая иерархия, все чопорно, официально, даже Турена она видела только во время совещаний и совместных завтраков. Все остальное время мальчишка либо учился, либо тренировался, либо пропадал у своей

«ненаглядной». Ей очень не хватало Рэя, нормального человеческого общения, шуток, душевного тепла, Светики и пирожков Райки. Она скучала по ним всем и с нетерпением ждала, когда снег сойдет и можно будет отправиться в путь. Лучше уж обучение у Учителей, чем все эти преданные и заискивающие взгляды.

Дверь распахнулась, и в нее влетел смеющийся Турен в распахнутом кожаном плаще и валенках. Не смог затормозить, замахал руками, не удержался и шлепнулся на диван.

– Я только что газговагивал с багоном Семухом! От волнения он опять начал проглатывать буквы.

– Прибыл гонец от Мэтью! «Шустрик» вошел в прибрежные воды! Утром будет в гавани. Но там очередь на разгрузку. Они третьи. Мэтью написал, чтобы после храма встречать ехали.

Его глаза сияли, на щеках алел румянец. Виктория с нежностью смотрела на парня, она никак не могла привыкнуть, что он начал смеяться, и каждый раз старалась запомнить и сохранить в памяти эти мгновения.

– Отличная новость, – Алан с улыбкой подошел к столу и налил сыну чаю. – Я скучаю по Дарену.

– А я по пирожкам тетки Райки, – Турен скинул валенки и пересел на пол к камину. – Можно вопрос? – дождавшись кивка Алана, он продолжил: – Ты ведь пошутил насчет женитьбы? – Алан вопросительно поднял брови. – Я все понял и больше не буду ходить к... служанке.

– Первая любовь почти никогда не бывает счастливой. – Герцог стянул с дивана две подушки, одну кинул Турену, на вторую сел сам. –

Я был влюблен в... портрет... девушки старше меня на много лет, которая даже не знала о моем существовании. – Виктория с ностальгией улыбнулась, вспоминая свою первую влюбленность в актера Гойку Митича. – Не буду врать, я попросил Мэтью составить список невест. Просто чтобы знать, – она взъерошила отросшие светлые волосы Тура. – Но я никогда не заставлю тебя жениться против воли.

– Я бы дождался, когда Зира родит, – вздохнул Тур и пошевелил кочергой угли.

– Тур, – рассмеялся Алан, – тебе не кажется, что пятнадцать лет – слишком большая разница в возрасте?

– Очень хорошая разница, – серьезно кивнул парень. – Отец был старше матери на двадцать лет. Алан на мгновение замер. Вот и шанс расспросить о Валии.

– А сколько лет ей сейчас?

– Она вышла замуж в пятнадцать. Через двадцать две десятидневки родился я, значит, сейчас ей почти тридцать лет.

– Ты родился раньше срока?

– Нет!

– А сколько длится беременность?

В животе собрался напряженный ком. Здесь же другое количество часов в сутках, и исчисление времени идет по-другому.

– Не знаю, – безразлично пожал плечами Турен. – Завтра спроси у мамы.

– Тур, как ваши отношения? – осторожно поинтересовался Алан.

– Мы разговариваем, – задумчиво произнес парень. – Много разговариваем. Но все время обо мне. О том, что произошло с ней, она не рассказывает. Знаешь, а я не хочу знать, – Тур зло сверкнул глазами. – Я был рабом, я помню... – Алан обнял его за плечи и прижал к себе. – А еще она спрашивает о тебе.

– Вот как? – неприятно кольнуло в груди. Дурная привычка всех подозревать!

– Ей интересно, что ты за человек, – Турен хихикнул и зевнул. – Какому богу молишься, Вадию или Ирию? Сколько у тебя детей? И кто такая Зира? И почему ты пропускаешь обеды?

– А ты что?

– Я не вру.

Алан открыл рот, чтобы еще расспросить, но тут дверь в покои слуг

распахнулась, и на пороге возник Оська с такой хитрющей и довольной физиономией, что Алан враз заподозрил какой-то подвох. Следом за ним в комнату вошел Берт с большим подносом, уставленным тарелками и кувшинами.

– Кир Алан! Кирена Валя сказала, что вы на ужин не ходили, и велела отнести вам еду.

– Вот-вот... именно это я и хотел сказать, – заговорщицки округлил глаза Турен. – Она все время говорит, что мы мало едим.

– Тур! – закричал Оська, забираясь в кресло. – А тебя Хват ищет во дворе! Ругается.

– Ты опять сбежал от охраны? – укоризненно произнес герцог.

– Ничего, сейчас его рыжий ксененок найдет, – Оська показал язык. – Хват ему пожаловался. А Лисенок злой, он проиграл Руке три боя из трех.

– Ой! Я спать! Папа, можно я через библиотеку пройду?

Турен быстро обулся и исчез за небольшой дверью, соединяющей покои. Герцог кивнул Берту, и тот, подхватив факел, побежал следом.

Алан усмехнулся. Ну какая женитьба? Мальчишка! Он совсем еще мальчишка. Пусть гуляет. А там... может, и правда у него родится дочь, и кто знает... но так далеко Виктория загадывать остерегалась, помня земную присказку: «Хочешь рассмешить богов, расскажи им о своих планах»

Перед сном она напомнила себе не забыть расспросить о сроках беременности в этом мире. Как бы ни сложилась жизнь, куда бы не занесла герцога судьба, но присутствовать при рождении своего ребенка он обязан.

Глава 2

Мужчина – игла, острая и безжалостная,

Женщина – нитка, которая тянется за иглой.

Умная женщина всегда завяжет узелок,

чтобы виден был результат работы иглы.

Умный мужчина не станет резать нить,

пока не сошьет накрепко две судьбы.

Из проповеди брата Чеха

Проснулся Алан поздно и долго лежал в кровати, вдыхая аромат заваренных трав – насыщенный, слегка терпкий и горьковатый. Слуги всегда к его пробуждению держали наготове подогретый напиток, с

легкой руки герцога получивший название «чай». Солнечный луч скользнул по щеке, и Алан открыл глаза, чтобы с удивлением воззриться на странный предмет, лежащий на подушке рядом с лицом. Длинный узкий мешочек из тончайшей даже на вид кожи был украшен по краю жемчугом и бисером. Виктория с любопытством взяла его в руки. Край мешочка затягивался на манер кошелька золотой тесьмой, но на кошелек это не походило. Слишком узкий и длинный, сантиметров тридцать. Она повертела его в руках и положила обратно.

– Доброе утро, Алан-балан! Герцог вздрогнул и выругался.

– Оська! Ты что здесь делаешь?

– Смотрю, – хихикнул шут, – как ты мой подарок примерять будешь.

– Примерять?

– Ага.

– И на какое место я его должен примерять?

И тут до Виктории дошло, для какого места предназначен этот «чехольчик». Она почувствовала, как начинают полыхать уши, а на языке собираются матерные слова. Оська радостно заскакал на одной ножке вокруг стола.

– Чтоб детей не было лишних, и было красиво!

Э... это что? Прототип презерватива? Интересно, но совершенно непрактично, негигиенично и... вообще! Размерчик на жеребца! Хотя льстит, конечно.

Алан позвонил в колокольчик. В комнату вошел Берт с охапкой одежды и сразу же заметил «подарок».

– С днем Тарании Воительницы, сир! Мы вчера пять штук таких нашли у бывшего герцога в комнате. Но этот – самый красивый.

Они еще и многократного использования! Ужас! Какая гадость! Хватит того, что Алан «донашивает» за прежним хозяином Белой крепости одежду, так еще и это!

– Соберите все и сложите с остальным, – буркнул Алан, направляясь в уборную.

Берт и Оська уже месяц упаковывали в набитые соломой ящики коллекцию «кунсткамеры» Мара Маргана. Виктория решила отправить ее Учителям в Виктоград – как раз послужит основой будущего музея естествознания.

За спиной раздался шепот Берта:

– Ты проиграл!

– Бе-бе-бе! – громко пропел Оська и залиvisto рассмеялся.

Виктория не знала, злиться ей или веселиться вместе с шутком, но смеяться выходило плохо. Она вспомнила прежнюю жизнь, удобства, машины, электричество, потерянную семью... настроение стремительно рухнуло вниз.

Когда Алан вернулся из уборной, на столе стоял завтрак. Пресная каша похожая на перловую, кусок мясного пирога и пара сваренных вкрутую яиц. Виктория в очередной раз с тоской вспомнила Райку и ее стряпню, уют замковой кухни, большой очаг, милые душевные посиделки...

Она быстро поела, выслушала доклад Хвата и сплетни, собранные вездесущим Оськой. Но даже это не отвлекло от грустных мыслей. Только предвкушение от скорой встречи с сыном и Рэем будоражило, не давая сосредоточиться на делах.

Берт помог облачиться в «парадный мундир». В комнату проскользнул Ворон в новой теплой сутане, поверх которой был наброшен меховой плащ. Он протянул герцогу меч в ножнах. Ярость. Меч, некогда подаренный королем Айро графу Валлиду. «Откупные за рога», – усмехнулся про себя Алан, цепляя Ярость на пояс.

– Все в сборе и готовы отправиться на праздничную службу. Брат Чех прислал гонца с просьбой не опаздывать к утреннему взыванию.

Во дворе Алана уже ждали. Лис и Хват улыбались, зато Турен выглядел не очень довольным. Он поклонился отцу и нырнул вглубь кареты.

– Что это с ним?

– Лис с утра провел с маркизом несколько боев, а затем капитан Семух долго и нудно разбирал его ошибки, – флегматично пояснил из-за спины Ворон.

Виктория только хмыкнула. Как барон мог занудствовать, она уже знала. Ничего, в следующий раз Турен подумает, прежде чем сбегать от охраны.

– Где Иверт?

– Советник на рассвете отбыл в порт, чтобы лично проследить за разгрузкой Шустрика. Мэтью с ним. Брат Алвис ждет нас в храме.

Виктория только головой покачала, но не стала делать замечание. Ксенята упорно не называли Мэтью киром, он на такую фамильярность

внимания не обращал, и Алан не вмешивался.

Карета мягко покачивалась, Турен сидел рядом с отцом и хмурился, кутаясь в меховой воротник. Алан рассматривал сидящих напротив женщин. Эвелин улыбалась, глядя в маленькое окошко. Красивая, беззаботная, глаза сияют, щеки разругались, из-под теплого платка выбилась прядь волос. Шуба из белого меха, варежки, меховые сапоги. И рядом Валия... Специально она, что ли? В душе Алана начала подниматься злость. Он едва сдерживался, чтобы не сказать матери Тура какую-нибудь гадость. На Валии было надето зеленое шерстяное платье, которое она носила постоянно, поверх накинут кожух, из которого она давно выросла, голову прикрывал тонкий платок. Видя, что герцог недовольно ее рассматривает, она поежилась и спрятала покрасневшие от холода кисти в рукава. Алан перевел взгляд на выглядывающие из-под длинной юбки носы тонких кожаных ботинок.

– Тур, достань для матери одеяло из-под сиденья, – сквозь зубы процедил он, едва сдерживаясь, чтобы не наговорить женщине гадостей.

Эвелин испуганно посмотрела на герцога, затем бросила беглый взгляд на тетку, и Виктория заметила мелькнувшую в голубых глазах жалость. И что это означает? Неприятный вид Валии портил и без того неважное настроение. Если ей нечего надеть, что мешало сказать об этом? Или она считает, что герцогу больше делать нечего, кроме как следить за гардеробом домочадцев? Для этого есть слуги, модистки, управляющий! Почему Эвелин не стесняется просить новые платья или украшения, а эта корчит из себя жертву? Или она считает, что если Алан усыновил Тура, то он должен усыновить и его мать? А что сделала эта мать, чтобы сблизиться с Аланом? В груди начал ворочаться злобный монстр. Алан, прищурившись, рассматривал Валию, но она только сильнее распрямляла плечи под его мрачным взглядом и смотрела в окно.

В общем, когда прибыли на место, герцог кипел.

«Чего ты взъелся? – спросил внутренний голос. – Я бы тоже не просила. Ее положение в крепости неясно. Приживалка».

Глупости! У меня никогда не было таких мыслей!

«А ты ей об этом сообщил?»

Она могла просто поговорить со мной или с Туреном! А не сидеть сейчас с видом обреченной жертвы!

«Она держится с достоинством, а ты...» Заткнись!

Ворон распахнул дверцу кареты, и Алан был неприятно удивлен количеством людей, их встречающих. Он рассчитывал на спокойное утро в узком кругу, а оказалось, что толпа народа собралась поглазеть на таинственного герцога. Площадь перед храмом была заполнена нарядно одетыми людьми. Здесь был, наверное, весь город с окрестностями. Женщины в ярких платках, расшитых кожихах и цветных юбках, веселые шумные детишки, мужчины в лохматых шубах или теплых плащах и в шапках, напоминающих меховые трубы. У всех к одежде приколоты цветные ленточки. Шум, гвалт, смех.

– Твою мать... – только и смог сказать Алан, когда толпа хлынула к карете.

Но уже спешили воины крепости, выстраиваясь цепью и не давая людям приблизиться.

– Ой, я забыла! – воскликнула Эвелин и полезла в маленькую тряпичную сумочку. Она достала кипу цветных лент и быстро приколола каждому на грудь. Алану досталась синяя. – Вот теперь можно идти. Брат мой, прошу вас сопровождать меня в храм, – церемониально произнесла юная маркиза, подавая Туру руку. Тот серьезно кивнул. – Ворон, а где твоя ленточка?

Телохранитель пожал плечами и моментально был награжден желтой лентой, Эвелин оглянулась, явно разыскивая взглядом Лиса, но тот стоял возле Алвиса, рядом с главным храмовником герцогства – братом Чехом, и их сутаны уже украшали символы праздника.

– День Тарании Воительницы самый почитаемый в народе, – пояснил Ворон. – Вам надо сказать людям несколько слов.

Алан вздохнул и первым выскочил из кареты, радостно улыбнулся и помахал восторженно орущей толпе. Затем повернулся и подал руку Валии, с другой стороны кареты раздался громкий голос Турена. Виктория слегка напряглась, зная, что сын, когда нервничает, начинает глотать слова, и тогда его речь очень сложно понять. Но Тур справился, он специально не произносил слов с не выговариваемыми для него звуками.

– Гуляйте, люди! Пейте вино, любите, а случись нападение – встаньте под знамена духа войны!

– С праздником, люди! – раздался звонкий и радостный голосок Эвелин. – И пусть Тарания бережет нас в бою и в мире!

Карета отъехала, и возбужденная, счастливая Эвелин буквально притащила улыбающегося Турена. Алан даже залюбовался девушкой. Красавица. Хоть сейчас на обложку журнала мод. Рядом с ней наряд Валии смотрелся еще ущербнее и это бесило.

– Кир Алан! – громкий голос брата Чеха перекричал гудящую толпу. Алан предложил Валии руку.

– Хотя вам, кирена, больше подойдет другая компания, – не удержался он, когда они проходили мимо выстроившихся у стен храма нищих.

Валия сильнее сжала губы, ее глаза блеснули, но она промолчала. Это ее молчание отчего-то жутко злило.

– Скажите, кирена, вы специально устроили этот демарш, чтобы показать свое бедственное положение в Белой крепости? И выставить меня жлобом и самодуром?

Виктория так и не выучила за это время местных ругательств, пришлось использовать русский, но Алан даже не обратил на это внимания, так его разозлила холодность бывшей герцогини.

Женщина вскинула на него глаза, посмотрела прямо и открыто.

– Я не совсем вас поняла, герцог. И отстаньте от моей одежды! Что есть, то и ношу!

– А попросить меня вы не могли, или это уронит вашу честь?

– Вам и помимо этого хватает забот, я не хочу быть обязанной больше необходимого, – она улыбнулась и кивнула кому-то в толпе.

– Вам не кажется, что это глупо? – Алан увидел среди купцов толстяка Левиса и махнул ему, приглашая присоединиться.

– Глупо просить у человека, общение с которым сводится к «Добрый день, кирена», «Как дела, кирена?», «До свидания, кирена»? У человека, который меня не замечает? – Валия чуть повысила голос, но быстро взяла себя в руки. – Да я лучше у... у храмовников попрошу!

– Вот прямо сейчас и просите. В храм как раз к празднику после покойников одежду свезли, чтобы раздать нищим, – прошипел Алан, с улыбкой подводя Валию к брату Чеху.

Ксен стоял на ступенях храма, сложив руки на груди и чуть прищурившись. Алан знал, что брат Чех близорук, но смотрит внимательно, цепко, иронично. Только вот взгляд светло-карих глаз все же заставляет нервничать. Смотрит, гад, так, будто все знает. Ксен улыбнулся и осенил всех знаком Ирия.

– Скажете своим подданным несколько слов?

– Скоро закончится сезон холодов, и нас ожидает много работы. А пока отдыхайте, веселитесь и не о чем не беспокойтесь! За вас побеспокоюсь я! – проорал Алан.

Толпа радостно закричала. Герцог увидел, как со ступеней спустились послушники и молодые ксены с корзинами.

– Скромные дары от Храма во славу Вадия, покровителя духа Тарании, – пояснил брат Чех. – Сир, прошу вас. Вы впервые у нас в гостях, и до взывания я бы хотел показать вам храм.

Ксен указал рукой на распахнутые двери и сам пошел впереди. Двигался он нечеловечески ловко и грациозно. Алан шел следом, чувствуя спиной недовольный взгляд Алвиса. Интересно... То, что эти двое не любят друг друга, он заметил еще в первый момент своего знакомства с братом Чехом. Какие выгоды это может сулить в борьбе с храмовниками?

– Брат Алвис, проводите кирену и детей на их места, – попросил глава храма тоном, не терпящим возражений. – А я покажу владельцу библиотеку.

– Взывания следовало начать еще полрыски назад, – холодно произнес Алвис, предлагая Валии руку.

– Братья меня простят.

Храм заполнялся людьми, и Виктория с тоской подумала, что ей сейчас хочется быть на пристани, куда должен пришвартоваться «Шустрик». Задерживаться она не планировала. Они прошли через круглый зал в небольшой кабинет, заставленный массивными темными шкафами. В углу стояла большая жаровня, полная раскаленных углей. Моментально нахлынули неприятные воспоминания и зачесалось невидимое тавро на запястье.

– Присаживайтесь, – кивнул брат Чех на мягкий стул и сам сел напротив. – Вы не хотите исповедоваться?

– Нет.

– Мой друг, брат Турид, писал, что вы старательно избегаете исповеди. Отчего?

– Мне не нужны посредники для общения с богом, – Алан распахнул плащ, в кабинете было тепло. – Если мне нужно в чем-то покаяться или о чем-то попросить, я обращаюсь к богу напрямую.

– И он вам отвечает? – совершенно серьезно поинтересовался ксен,

глядя на герцога внимательно и пытливо.

– Оба. Даже являются иногда. А вот Отец Небесный пока игнорирует, – иронично ответил герцог. – О чем ты хотел поговорить?

Алан дал понять, что больше не намерен обсуждать эту тему.

– Кир Алан, кто будет править Храмом на землях Игушетии?

– Ты.

– Это ваше решение? Или...

– Брат Чех, ты хочешь знать, кто стоит за мной? – Ксен кивнул. – Никто. И иногда меня это сильно огорчает. Учителя пока не вмешиваются в мои дела, и я надеюсь, так будет и дальше.

– А Длань?

– Он мой верный враг.

– Я так и думал.

Взывающий плавно поднялся со стула и подошел к секретеру, вытащил из-под рясы ключ на длинной тесьме, открыл верхний ящик и, пошуршав в нем несколько секунд, достал скрученный пергамент, перевязанный синей лентой. Он протянул свиток герцогу.

– Здесь записаны мои мысли по нынешнему положению дел в Храме и предложения по изменению ситуации.

– Это очень интересно, – Алан спрятал записи во внутренний карман плаща. – Я обязательно ознакомлюсь с ними, и мы еще раз встретимся.

– Вы понимаете, что этими записями я обеспечу себе опалу у Наместника? – слегка улыбнулся брат Чех, но карие глаза смотрели холодно.

– Я обещаю хранить нашу беседу в тайне.

– Я верю вам, кир Алан, иначе не стал бы вести этот разговор. Он поднялся, и Алан встал следом.

– Вам нужно жениться, кир Алан, – мягко произнес ксен, когда они направились к выходу. – Желательно на девушке из древней семьи, чтобы заручиться поддержкой влиятельных родов.

– И на ком же? – устало поинтересовался Алан. Как его достали эти разговоры!

– Скажите мне, сир, на правах кого в Белой крепости живет кирена Валя? Ну вот! Так и знал, что без нее не обойдется!

– На правах гостыи, – буркнул недовольно Алан. – Да откуда я знаю! – тут же вспыхнул он. – Я об этом не думал! Живет и живет, не

выгонять же мне ее на улицу!

– Не кричите, кир Алан, – тихо произнес брат Чех и плотнее прикрыл дверь, которую до этого успел приоткрыть герцог. – Молодая красивая вдова из древнего влиятельного рода, родственница короля Ратии, мать вашего сына живет в вашей крепости как компаньонка маркизы Эвелин. Редкого ума и воспитания женщина, которая с достоинством вынесла свое бедственное положение при бывшем герцоге, которая никогда ни у кого ничего не просила, незаметно живет рядом с вами. Вы находитесь рядом с прекраснейшей женщиной и не замечаете ее. Вы меня поражаете.

– Ну так и женись на ней сам! – огрызнулся Алан, больше сердясь на себя, чем на ксена.

– Пожалуй, так и сделаю, раз вы не возражаете, – серьезно кивнул Взывающий. – Я собирался поговорить с вашим сыном, в его возрасте простительно не видеть очевидного, но вам, сир, должно быть стыдно. Вам следует лучше заботиться о кирене, хотя бы потому, что она мать юного маркиза.

– И в чем, по-твоему, должна выражаться эта забота? Алану было стыдно, и от этого он злился еще больше.

– Вы могли бы выделить ей слуг и подарить хорошую одежду, – остановился Чех, с укоризной глядя на собеседника.

– А сама она не может решить эти вопросы? – в голосе герцога невольно сквозило раздражение, за которым он старательно прятал чувство вины.

– Вы сами сказали, что она гостья в вашем доме, а гостям не пристало распоряжаться чужим имуществом. – Чех покачал головой. – Женитесь на Эвелин, – резко сменил он тему.

Алан стоял напротив ксена, но смотрел мимо. Черт! Теперь все то, что он наговорил Валии, казалось безобразным и несправедливым. И что на него нашло? Но он действительно не знал! Не знал или не хотел знать? Не важно! Она тоже хороша, могла бы и рассказать о своих нуждах, а не молчать.

Дурак ты, Алан.

А ты, можно подумать, умная, Виктория.

– Тогда после взывания я поговорю с киреной, и если она согласится, то сыграем свадьбу, как снег сойдет, – прекратил ксен самоедство герцога.

– Поговори, – нехотя процедил сквозь зубы Алан и вышел из кабинета.

И отчего так муторно на душе? Оттого, что придется объяснять Турену, что их невнимательность подтолкнула его мать к замужеству и переезду. Но она ведь не в другой город уезжает. Будут видеться.

«О, дьявол! – зарычал про себя Алан. – Чувствую себя мерзавцем».

– Все в порядке? – тихо спросил Алвис, когда Алан встал между ним и Туреном.

– Нет! – рыкнул герцог и бросил на Турена многообещающий взгляд, словно это он был виноват в невнимательности отца.

«Стоп! – жестко произнес внутренний голос. – Хватит психовать. У тебя есть Зира, и тебе нет никакого дела до Валии».

Зира... Алан вздохнул. Он думал о ней, но не видел их будущего.

«Господи, как все сложно!» – взывала про себя Виктория. Быстрее бы сошел снег, да исчезнуть в горах среди послушников Храма. А оттуда перебраться в столицу, найти Чупачурика и наконец-то выяснить, где корона Королей и что хочет от Алана Наместник. Заняться действительно важными делами и забыть как страшный сон всех этих женщин!

Только до отъезда надо подыскать жениха для Эвелин, пока не нашелся какой-нибудь урод.

Алан не слушал, о чем там поет взывающий, полностью погрузившись в свои мысли, только автоматически осеял себя знаками Вадия или Ирия, замечая, как это делает Алвис. Народа в храм набилось много, было душно, и спустя какое-то время Виктория начала проклинать тот момент, когда согласилась сопровождать Эвелин и Валию на это мероприятие. Вот зачем она здесь? Следовало ехать в порт, встречать сына, а не тратить время на бесполезное стояние в храме. Но все когда-нибудь заканчивается, закончилось и взывание. К герцогу начали подходить купцы и главы цехов, чтобы поздравить с праздником. Люди улыбались, шутили, почтительно интересовались здоровьем, приглашали в гости, желали счастья. Эвелин сияла, Тур улыбался, Валия и Алвис были безукоризненно доброжелательны, а Алан оглядывался, выискивая в толпе гонца от Иверта. И дождался. К нему протиснулся Хват.

– Сир! «Шустрик» швартуется!

– Алвис, я возьму твоего коня, а ты поезжай домой с женщинами в

карете! Турен, за мной!

Глава 3

- Пока жива, с тобой я буду - Душа и кровь неразделимы,-

Пока жива, с тобой я буду -

Любовь и смерть всегда вдвоем...

На полях черновика «Налоги и сборы»

Они прибыли, когда на причал сбросили сходни. С моря дул холодный ветер, принося мелкие брызги и колючие снежинки, но Виктория не обращала на него внимания. Сердце громко стучало в груди, она жадно вглядывалась в торчащие из-за борта лица.

– Папа!

– Слава богу! – прошептал Алан по-русски и шагнул на причал.

Но прежде, чем первый человек ступил на сходни, через борт перепрыгнул большой лохматый зверь и стремительно бросился к Алану.

– Кусь! Не смей!

Распушившаяся на зиму тау, прижав иглы, с громким повизгиванием неслась на любимого хозяина. Алан отступил назад, расставил ноги, чуть наклонился вперед и все равно не устоял. Налетевшая Кусь опрокинула мужчину и, прижав передними лапами к заснеженным доскам причала, начала усердно вылизывать лицо. Вокруг рассмеялись воины.

– Я тоже тебя люблю, – Алан попытался оттолкнуть голову суки, но легче было танк свернуть. – Все, хватит, хватит!

Рядом залиvisto смеялся Турен, а к ним бежал Дарен в валенках, длинном белом кожухе и лохматой шапке. Он неуклюже заскользил по мокрым деревянным доскам причала, Турен ухватил его за рукав в попытке удержать, но сил не хватило, и они, хохоча, рухнули на Алана.

– Задушите, паразиты, – прохрипел герцог, наконец-то сталкивая с себя Кусь и обнимая младшего сына. – Я так скучал!

– Я тоже. А мы привезли щена от Кусь для Тура. Белого! А Акела побоялся в лодку залезть, дома остался! Лис помог герцогу подняться, и Виктория наконец-то смогла нормально обнять сына.

– Ты вырос.

– На три пальца! Наставник говорит, что я теперь буду быстро расти. Он тоже с нами.

– Как вы добрались? Отчего так долго? – спросил Алан у

подошедшего Кэпа.

– Дык буря три дня крутила, гарпун мне в глотку, пришлось ждать. Кир Алан, я там вам почту привез и...

Но Алан не слушал. Он смотрел, как по сходням легко сбегают две амазонки, одетые в короткие меховые куртки и теплые штаны, и как Иверт бережно сводит на причал женщину, укутанную в платки, словно матрешка. Смотрел и чувствовал как губы сами расползаются в улыбке.

– Зира?

– Увязалась за нами, – наябедничал Дарен. – Рэй ругался, ругался, но она сказала, что отец должен первым взять ребенка в руки. Тетка Райка тоже здесь, а еще Светика и Учитель.

– Учитель? А ему что здесь надо?

– Отец Взывающий хочет посмотреть библиотеку кира Маргана, – спокойно сообщил из-за спины Ворон.

– Ты знал?

– Да.

– Ступай, встретить его.

– Лис пошел.

– Поговорим позже.

Алан смотрел на Зиру, которую вел под руку хмурый Иверт. Все мысли выветрились из головы, осталась лишь нежность.

– Упрямых женщин надо пороть! – заявил советник, как только они подошли ближе. – Моя сестра потеряла разум, отправляясь в это путешествие!

– Здравствуй, муж мой.

Алан шагнул вперед и обнял свою женщину, осторожно целуя в щеку.

– Здравствуй, Ласка.

– Что-то мне говорит, Алан-балан, – глубокомысленно заявил невесть откуда взявшийся Оська, – что наша спокойная жизнь закончилась.

В кои веки Алан был согласен со своим шутом. Он тихонько вздохнул, глядя, как вновь заросший бородой Рэй помогает спускаться по сходням Райке, прижимающей к груди плетеную корзинку, рядом с ней, зажимая платком рот и испуганно оглядываясь по сторонам, шла бледная Светика.

– Кир Алан! – запричитала она еще на подходе и закашлялась. –

Как вы здесь без нас? Кто вас кормит? Кто за вами смотрит? И что это вы без шапки?

– Светика! – Алан закатил к небу глаза и обнял бросившуюся к нему девушку. – Ты как здесь оказалась?

– Ну, вы же обещали мне мужа подыскать, а сейчас самая пора, – горячо обжигая дыханием, шепнула девушка на ухо и нехотя отошла, уступая место серьезной Райке.

Кухарка степенно поправила платок, поклонилась, оглядела Алана с ног до головы и покачала головой.

– Худючий-то какой! Как тау в гон. Я же тебе говорила, – с негодованием развернулась она к улыбающемуся Рэю.

– Говорила, что нельзя хозяина одного отпускать! А ксенята-то как похудели! – всплеснула она руками, обратив внимание на переминающегося с ноги на ногу Ворона. – Так, кир Алан, вы как знаете, а вашу кухарку следует рассчитать!

– И я рад тебя видеть, тетка Райка, – Алан протянул к женщине две руки, и она, смущаясь, обняла его в ответ. – Ну, не плачь. Все же хорошо.

– Это я от радости, – шмыгнула носом Райка и отстранилась. К ней тут же подбежал Оська.

– Королевишна, а что у тебя в корзине?

– Ой, гостинцы это для Турена. Вареньечко из его любимой черной ягоды да медок с орешками, – Райка с нежностью посмотрела на смущенного Тура и смахнула варежкой слезы. – Красивый какой стал, настоящий маркиз.

Вот так и узнаешь, что о тебе думают люди. Нельзя так врать глазами. И амазонки, и служанки, и Рэй – все были искренне рады встрече, а Дарен, казалось, светится изнутри, так сияла его восторженная мордашка.

– Холодно, – шепнула тихонько Зира, и Алан моментально отвлекся от своих мыслей. Все потом. Сейчас нужно отправить домой детей и женщин.

– Ворон!

Послушник все понял правильно, и спустя несколько минут к причалу подъехали две большие кареты, куда и погрузили женщин, незнакомого Алану Учителя в черной шубе, из-под которой выглядывала белая сутана, и наставника Дарена. Мальчишки и Иверт

тоже забрались в одну из карет, и вскоре на берегу воцарился относительный порядок – грузчики под командованием Кэпа разгружали корабль, им помогали моряки, Мэтью лично сортировал груз. Что-то сразу пойдет к купцам, что-то отправится на склады, а что-то отвезут в крепость.

– Наконец-то тишина, – буркнул Рэй и, сделав шаг вперед, тяжело опустился на колено. – Ну, здравствуйте, герцог Алан Вас'Хантер.

– Здравствуй, Рэй! – кивнул Алан и широко улыбнулся. – Как же мне тебя не хватало, старый вояка! Да встань ты! Дай обнять!

– Больше я вас одного не отпущу!

Рэй так сжал воспитанника, что Алан испугался за целостность костей, несмотря на плащ, подбитый мехом.

– Как там остальные?

– Брат Турид пропадает у храмовников, дом решил ставить на их территории, не хочет в городе жить. Кирена Литина привет вам прислала. Ходит хорошо, ворожея говорит, девочку носит. Только тошнит ее постоянно, она очень сильно схуднела, да как мне кажется, ей только на пользу.

Он полез в карман, и Алан усмехнулся, ожидая, что капитан вытащит морковку, но Рэй достал огромный платок и шумно в него высморкался.

– Застыл маленько, – виновато пояснил он.

– Слушай, Рэй, – вспомнил Алан занимающий его вопрос. – А сколько беременность длится?

– Ворожея сказала, что двадцать десятидневок, коль все нормально. С пацанами обычно перехаживают, а девок и раньше сбросить могут. Как Ирий решит.

Двести дней... вполне может быть. Сутки здесь длиннее, чем на Земле, зато у людей высокая способность к регенерации, поэтому клеточный состав обновляется быстро и надолго, отсюда долголетие и более короткий срок беременности... Это если она ничего не путает из курса биологии.

– Аккурат к празднику Начала станете отцом, – усмехнулся в бороду Рэй.

Праздник Начала – Новый Год по-местному, первый день весеннего солнцестояния. Отмечают его в месяц Желтого Петуха[1], и это, пожалуй, самый почитаемый в народе праздник после Тарании

Воительницы. Говорят, в этот день родились Ирий и Вадий. «Ну что же, у моего ребенка будет всегда выходной на день рождения», – усмехнулась про себя Виктория.

– Город строится. Работы не прекращаем даже в морозы, рабов нагнали со всего фронта, и еще купцы везут. Мрут многие, но тут уж ничего не поделаешь. Купцы как прослышали, что от вождей пошел заказ хороший, востепенелись. Всем денег хочется, вот и тащат всякий сброд. И больных, и здоровых. А многие в пути заболевают.

Виктория знала, что это неизбежно, но все равно было горько слышать слова Рэя.

– А еще слух прошел, что скоро рабство запретят. Мол, налог будет такой высокий, что никто сам не захочет рабов держать. Даже не знаю, кто слухи распускает? – лукаво поглядывая на герцога, продолжил Рэй.

– Не имею понятия, – развел руками Алан, прекрасно зная, откуда идут слухи. Из Белой крепости.

– Да что я все о себе и о себе, как вы тут? Еще не приженились?

Они направились к стоящим в отдалении Лису и Иверту. Алан укоризненно глянул на богатыря и покачал головой, а тот продолжил:

– Ураган тоже, гляжу, не остепенился. Сарх Гривастый Волк привет шлет да шкур зимнего зверя на шубу. Богатую добычу его охотники в этом сезоне взяли, да и наши амазонки не уступили. Семерых матерых оленей завалили. Вроде посмотришь, бабы как бабы, а как лук в руки возьмут – мужикам стыдно становится.

– Как они? Не ссорятся с местными?

– Была пара стычек поначалу, да как синяки сошли – мировую пить сели. Девки ладные, дикие немного, но несколько свадеб намечается.

– А ты жениться не собираешься?

– Да чем я Вадия прогневал, что вы мне такое говорите?

Рэй обмахнулся знаком Вадия и на всякий случай сделал круг в другую сторону, умастивая и Ирия заодно.

– А что Райка? Не хочет?

Капитан издал горловой звук, больше похожий на рычание, косо глянул на лыбящегося Алана и только головой досадливо покачал.

Стемнело быстро, опять пошел снег, делая плохую видимость практически непроглядной. Пора было возвращаться, Алан и так тянул до последнего, давая время улечься и мыслям, и волнению. Чего уж скрывать, было даже немного страшновато. Привычная жизнь рушилась

на глазах, а он ничего не мог с этим поделаться.

– Женщины... все зло от них! – громко произнес Иверт, словно прочтя его мысли, когда они спешили во дворе крепости. – О чем думал отец, отпуская Ласку в путешествие? – он зло сунул поводья подбежавшему рабу и с остервенением пнул ни в чем неповинную снежную кучу.

– Бойтся, что кир Алан другую в храм отведет, – степенно проговорил Хват, придерживая под узды жеребца герцога. – Как только вождь Бешеный Кузнечик стал королем фронта, Сарх поднялся над другими вождями. Считай, дедушка принца.

– Он знает, что храмовники не дадут разрешения на этот брак, – буркнул Иверт, смахивая с воротника тулупа снег.

– А когда это нашему герцогу нужно было чье-то дозволение? – с таким искренним удивлением спросил Хват, что Виктория даже загордилась своей самостоятельностью.

– Это точно, – громогласно сообщил Рэй, с кряхтением вылезая из длинных саней, на которых и прибыл в крепость в компании безлошадных сопровождающих. Он помахал руками, сделал пару наклонов и, прищурившись, начал всматриваться в спешащего сквозь пелену снега мужчину. – Знакомая рожа...

– Молчун! Твой ли громогласный рык я слышу, старый ведмедь?

– Это кто старый? – грозно спросил Рэй, подбоченившись и расставив ноги. – Давно тебя в снегу не валяли, Змей?

Из снегопада вынырнул барон Семух в накинутом на плечи кожухе и с мечом на боку. Он коротко поклонился Алану и шутливо стукнул кулаком Рэя в грудь.

– Рад тебя видеть. – Барон протянул руку.

– Говорят, ты в бароны заделался, – Рэй с энтузиазмом ответил на рукопожатие и хлопнул старого знакомца по плечу, да так, что тот пошатнулся.

– Случайно вышло, – усмехнулся капитан. – Безземельный барон – почетно, но не прибыльно. Сир, – обратился он к наблюдающему за ними Алану. – Гости ваши... на кухне.

– Что-то не так? – оглянулся на Иверта Алан, тот понял все правильно и, кивнув, исчез за услужливо распахнутой дверью.

– Ох, шумная у вас кухарка, – замялся прямолинейный барон, тщательно подбирая слова. – Перетрясла всю кухню, довела главную

стряпуху до слез, построила рабов и даже на меня наорала, – удивленно закончил он, словно не веря в то, что только что сказал.

– Узнаю тетку Райку, – раздался довольный голос Лиса, и столько в нем было тепла и нежности, что все заулыбались.

– Привыкай, капитан. С ней даже я боюсь связываться, – доверительно сообщил барону Алан.

– Тетка Райка тихая, – серьезно произнес Ворон. – Вот Светику я бы остерегался, особенно в паре с Оськой. Лис сдавленно хрюкнул, сдерживая смех.

– Все зло от баб! – глубокомысленно изрек барон Семух и услышал в ответ громкий смех рыжего послушника.

Рэй и Семух, пообещав прийти на ужин, куда-то отправились в сопровождении ветеранов маркиза. С ними ушел Лис, Ворон же ненавязчиво пристроился за спиной герцога.

– Сир! – управляющий крепостью ждал его сразу за дверью. – Позвольте доложить? Алан сбросил плащ на руки подбежавшему рабу и выжидательно посмотрел на мужчину.

– Ваших гостей я разместил в правом крыле, кирену Зиру – в покоях, смежных с вашими, а юного графа Дарена Валлида – в соседней комнате с маркизом. Их наставник категорически настоял, чтобы его поселили рядом с воспитанниками. Я счел возможным пойти ему навстречу. Где прикажете накрывать ужин?

– В большой столовой. Пригласи всех. И еще... – Алан оглянулся, не услышит ли их кто-нибудь, и кивком головы пригласил управляющего следовать за ним. – Где живет кирена Валия?

– В своих покоях. Там же, где жила при прежнем хозяине, – управляющий опустил взгляд, что не осталось незамеченным. – Сир, – нерешительно начал он, – кирена была... заложницей, пленницей герцога. И...

– И?.. – грозно перебил его Алан.

– И ничего не изменилось. – Управляющий вжал голову в плечи, словно ожидая удара. – Вы не приказывали.

Виктория глубоко вздохнула, досчитала до десяти, чтобы не разораться и не швырнуть что-нибудь в стену. Сама виновата, забыла, что без приказа господина никто и шага ступить не смеет. Это не Кровь, где Рэй или ворожея могли сказать в глаза, что они думают, здесь инициатива не приветствовалась.

– Так вот, приказываю. Пусть переберется в любые покои, которые ей нравятся. Выдели ей служанок. Отправь завтра к кирене модисток и швей. Скажи, я приказал пошить ей платья... ну, все, что надо для женщины. Шубу там, сапоги...

Алан смутился.

Виктория сама не очень хорошо понимала, откуда берутся наряды. Плащ, камзол, штаны, обувь... Алану их приносили утром и забирали в чистку вечером.

«Да уж, Виктория Викторовна, в прошлой жизни тебе так надоел быт, что и здесь ты старательно обходишь стороной все вопросы, связанные с ведением хозяйства», – иронично подумала она про себя.

– А если кирена...

– Скажи, я приказал! – резко ответил Алан, не желая больше разговаривать на эту тему.

Они как раз подошли к его покоям, и управляющий как склонился в поклоне, так и застыл посреди коридора, разогнувшись, лишь когда грозный герцог захлопнул за собой дверь.

– Дерьмо! – воскликнул Алан, оказавшись в своей комнате.

И отчего так муторно на душе? Вроде должен радоваться, сын приехал, Рэй. Но радоваться не получалось. Занозой сидело какое-то незнакомое доселе беспокойство и причину этого беспокойства Виктория найти не могла.

– Сир, – в комнату вошла служанка. – Ваша одежда готова.

Виктория глубоко вздохнула и пошла переодеваться к ужину. Хотя с большим желанием сбежала бы сейчас в библиотеку. Вот уж прав Иверт, все проблемы из-за женщин!

– Вождь Алан Бешеный Кузнечик! – гаркнул Хват и распахнул перед Аланом двойные двери столовой.

Виктория про себя улыбнулась. Вспомнили, что Алан еще и вождь, а не только герцог. Гости приветствовали вождя стоя и, дождавшись, когда он сядет во главе стола, с грохотом задвигали стульями.

Все было чинно, парадно и очень церемониально. Виктория с грустью вспомнила посиделки на кухне в Крови, душевные беседы, горячий хлеб, который можно было рвать руками, не заботясь об этикете. Свобода. Именно поэтому Алан и пропускал здесь обеды и ужины. Все эти чопорные собрания – скучные и размеренные – нагоняли на Викторию глухую тоску. Но сегодня вокруг были дорогие

лица. Мая и Иверт держались за руки. Эта парочка постоянно то ссорилась, то мирилась, причем всегда очень бурно выясняя отношения. Мэтью и купец Левис о чем-то неспешно беседовали, Лис и Ворон примостились по обе стороны от сухощавого Учителя и мастера Семона – наставника Дара, Зира сидела между Аланом и Эвелин, девушка бросала на нее заинтересованные взгляды, но разговор не начинала. Алвис и брат Чех как всегда перебрасывались ехидными замечаниями, Турен и Дар сидели напротив отца и тихонько хихикали, Рэй грыз морковку и степенно кивал барону Семуху, который что-то ему втолковывал. Место Валии пустовало.

– Где кирена Валия? – спросил герцог у Эвелин, перегнувшись через Зиру и незаметно поглаживая ее по круглому животу.

– Ей нездоровится, – тихо ответила маркиза.

– Лекаря послали?

– Тетушка сказала, что не надо.

– Берт! – окликнул Алан слугу, стоявшего возле Дарена, разговоры моментально стихли, и все повернули головы в сторону герцога. – Пошли к кирене Валии лекаря.

– А что случилось? – взволнованно спросил Левис.

– Тетушке нездоровится, – громко повторила Эвелин. – Но ничего страшного.

Дверь распахнулась, и в столовую вошли Райка и Светика в белоснежных передниках и таких же белых косынках. Они несли огромный поднос, на котором возвышался... торт? Да, Виктория не ошиблась – настоящий торт! Украшенный ягодами!

– С днем Тарании Воительницы, кир Алан!

Под восторженные возгласы женщины водрузили поднос на стол.

– Обалдеть! – только и смог произнести Алан. – Райка, дай я тебя расцелую!

– Наливайте вино в кубки! – вскочил на ноги Иверт, весело сверкая глазами. – За моего вождя, за его сыновей и за его женщину!

– За того, кто сумел собрать под своей рукой таких разных людей! – поднялся Учитель, что было для Виктории полной неожиданностью.

– За моего мудрого воспитанника! – пробасил Рэй, взмахнув кубком.

– За моего таинственного соперника, – улыбнулся Алвис.

– За моего мужчину, – шепнула Зира и так лукаво улыбнулась, что

у Алана стало тяжело в животе.

– За красавчика Алана! – задорно выкрикнула Мая и тут же получила полный негодования взгляд отца.

«Черт! А ведь приятно!»- подумала Виктория, поднимая кубок.

Разошлись, лишь когда Зира начала засыпать на плече у Алана. Он подхватил ее на руки и отнес в спальню, нежно поцеловав на прощание и оставив на попечение амазонкам, а сам прошел в кабинет, где его ждали друзья.

– Оська, позови наших милых дам и Леонардо, – приняв от Рэя кубок с вином, распорядился Алан, садясь к огню.

Служанка помогла ему переобуться в меховые «чуни» и, спросив, не желает ли хозяин еще чего-либо, тихо удалилась.

– Как же хорошо! Не люблю я эти торжественные ужины, – пожаловался герцог Рэю.

– Строго у вас здесь, – кивнул капитан. – Да что поделать, терпите, кир Алан.

– Терплю. Но так хочется все бросить да уйти морем домой. В Кровь.

– Я тоже скучаю по нашим горам, – медленно произнес Иверт. – Время снега и холодов – печальная пора. Когда мне становится тоскливо, я поднимаюсь на дозорную башню и пою луне песню одинокого тау. И только черное небо, белая пустошь и холодный ветер подпевают мне.

Дарен, приоткрыв рот, слушал горца, Берт прикусывал губу, чтобы не улыбаться, остальные смотрели на Иверта удивленно и недоверчиво. Все молчали, и в повисшей тишине звонкий хлопок прозвучал как выстрел.

– А я всю крепость перевернул в поисках одичавшего животного! Думал, из зверинца кира Маргана сбежал какой загрыз да воет ночами, да так жалобно и с таким надрывом, что хотелось пристрелить зверя, чтоб не мучился!

Иверт покосился на барона Семуха и хрюкнул, но затем не удержался и громко рассмеялся.

– Очень смешно было наблюдать за твоими людьми, когда они вилами протыкали сугробы в поисках зверя, – с хохотом сообщил он.

Барон только головой досадливо покачал.

Распахнулась дверь, и в комнату влетел Леонардо, подталкиваемый

Оськой, а следом Хват внес большой поднос, груженный всякой снедью. Из-за его плеча выглядывала пунцовая Светика.

– Мы же только из-за стола! – воскликнул Турен.

– Видела я, как вы там ели, – сварливо произнесла Райка, входя следом. – В Крови рабы больше едят, чем у вас здесь господа. Да и Неженка голодный небось, – она тепло улыбнулась парню. – Кир Алан, это же пирожки ваши любимые, с ягодой.

– Где ты ягоду зимой взяла? – Алан все же не удержался и утащил пару пирожков. За ним следом и остальные потянулись к столу.

– Так мороженая, ясно дело, – Райка степенно села возле Рэя. – Кир Алан, я вот хотела у вас спросить, – герцог кивнул. – К какому делу вы нас со Светикой приставите?

– Я хочу, чтобы ты готовила для моей семьи. Возьмешься?

– Возьмусь, чего бы не взяться, – с видимым облегчением ответила стряпуха. – Это вы верно придумали, чтоб для вас отдельно. А то... – она махнула рукой. – Да не хотелось мне ссориться с местными в первый же день.

– Ничего себе не хотелось! – беззлобно буркнул Горий Семух. – А кто на кухне войну устроил?

– Так где это видано, чтобы травы не запаривали, а варили! Такое только свиньякам вылить, а не на стол вождю ставить! – возмущенно воскликнула Светика, грозно уперев руки в бока. – Да наша ворожея этот кипяток на голову вылила бы бабе дурной! А еще главная стряпуха! Кир Алан, а мне что делать? – тут же с ласковой улыбкой повернулась она к герцогу. – Ну, пока вы мне жениха не сыщете...

Турен, хихикнув, толкнул Дарена в бок, и, склонившись к его уху, зашептал, косясь на Хвата, который глаз со Светики не сводил.

– Ох, горяча девка, – одобрительно рассматривая Светику, причмокнул барон. Девушка под его взглядом залилась румянцем и спряталась за спину Иверта. – Может, мне жениться?

– Пятый будешь, – солидно произнес Оська, делая вид, что достает из-за пазухи бумагу и записывает.

– А кто впереди? – добродушно пророкотал Рэй, приобнимая Райку, за что тут же получил по рукам.

– Оська, огласи список, – попросил Лис, сладко жмурясь.

Он сидел у самого огня, держа на коленях тарелку со сладостями. Турен и Дар периодически пытались утянуть у него лакомство, но пока

ни разу не преуспели. Ворон снисходительно наблюдал за их игрой, лениво жевал пирожок и о чем-то думал.

– Бертушка, – тонким женским голоском пропел Оська, водя пальцем по воображаемому списку. – Леонардушка, братец Эдар и... Хват!

Все дружно повернули головы в сторону ветерана.

– Да я хоть сегодня, ежели Светика согласится. Люба она мне, – не смутился воин, а наоборот, приосанился и грозно положил руку на рукоять меча, словно собирался в бою отстаивать свое право на девушку.

– Никаких «сегодня»! – нахмурил брови Алан. – Гляди мне! Только после обряда в храме!

– Ой! – Светика прижала ладошки к щекам, во все глаза глядя на «жениха». – Ой, матулечка... это что же выходит? А... как же... а...

– Что, а? – влез Оська. – Посмотри, какой жених тебя сватает, а ты – а... бэ... мэ... Десятник, воин, красавец, и деньжата у него водятся. Не гулящий, работающий и на конике скакающий. Да и сир к нему хорошо относится. Хватай и тащи, пока не передумал! А то амазонки на него давно уже пялятся.

Виктория улыбнулась. Не нравился бы воин Светике, она бы уже его отбрила. Все остальные, видно, думали так же, наслаждаясь представлением, устроенным Оськой.

– Так... – Светика покосилась на улыбающегося Хвата и опустила взгляд.

– Так! Ты хочешь замуж или не хочешь? – шут обличительно ткнул пальцем девушку в живот, она взвизгнула и залепила ему легкую затрещину.

– Хочу! Но это как-то... Страшно мне, – Светика спрятала лицо в ладони.

– Люба моя, – Хват подошел к ней и осторожно погладил по плечу. – Клянусь, что не обижу, беречь буду. Соглашайся, не пожалеешь, а мне другая и не нужна. Скажи «да».

Светика шмыгнула носом и кивнула. Воин обнял ее за плечи и на мгновение прижал к себе, а затем повернулся к довольному Алану. Одна проблема решена.

– Сир, прошу разрешения взять Светику в жены.

– Ну, коль девица не возражает...А она не возражает? – Светика

раздвинула пальцы и лукаво стрельнула на него глазищами. – То и я не против! – торжественно закончил герцог. – Наливай!

Зашумели все сразу, Оська пел, мальчишки кричали, Рэй и Семух поздравляли Хвата, Леонардо светло улыбался и быстро рисовал что-то углем на подносе. Шум, гам, смех. Виктория отдыхала. Спроси ее кто-нибудь, что она ощущает сейчас, и получил бы искренний ответ – счастье. Тихое, уютное, светлое счастье. Вокруг нее была семья. Она бросила взгляд на Рэя и увидела, как капитан со вздохом покосился на Райку, а потом на его лицо тень набежала, но он тряхнул головой и потянулся за кувшином. Ох, не просто так вздыхает великан. Райка улыбалась, но глаза у нее были грустные. Вот дурные люди!

– Вот и отлично! – громко произнес Алан, хлопая в ладоши. – Через десятницу свадьбу и сыграем. Ну а вы когда поженитесь? – обратился он к поперхнувшемуся Рэю. – Долго еще собираешься Райку по закоулкам тискать?

– Сир! – взвыл Рэй. – Да разве же я против? Это она, баба шальная, все придумывает отговорки, – он в сердцах махнул кулаком, чуть не задев Оську. – Да я за ней уже сколько хожу! Как она в Кровь переехала, так я как привязанный!

– Райка! – строго произнес Алан, глядя на кухарку с напускной грозностью. Она сидела прямо, сложив руки на коленях, и смотрела на огонь. – Чем тебе Рэй не пара?

– Да раньше он не звал, а теперь куда уже жениться, только людей смешить, – спокойно ответила она, не поворачивая головы.

Виктория почувствовала предвкушение. Настроение было таким хорошим, что хотелось, чтобы все вокруг были счастливы, чтобы, наконец, смогли осуществить свои желания. Да и что скрывать – роль свахи ей понравилась. Она уже собралась выдать целую тираду, как раздался тихий голос Неженки:

– Тетка Райка, выходи за него замуж, я же вижу, что вы любите друг друга.

Все замолчали, Светика даже кулак прикусила, чтобы ничего не ляпнуть, Райка посмотрела на художника, но он опять склонился над рисунком, и лица не было видно за распущенными волосами.

– Ну, коль ты говоришь... то ладно, выйду, – буркнула стряпуха, спрятав за сварливым тоном улыбку.

– Уи! – заверещала Светика и бросилась обниматься.

А Рэй так и застыл посреди комнаты, не донеся до открытого рта кубок с вином.

– Это она что, согласилась? – растерянно спросил он, ни к кому не обращаясь.

– Нет! Вы только на него посмотрите! – воскликнула Райка и всплеснула руками. – Он еще и глухой!

«Как же я вас всех люблю», – подумала Виктория, хохоча вместе со всеми и ощущая, как тугое кольцо вокруг сердца начинает слабеть.

– Кир Алан, а где мать Турена? – поинтересовался Рэй, когда беседа плавно перешла от воспоминаний к новостям. – Любопытно познакомиться.

– Отец с ней поссорился, – не успела Виктория придумать, что сказать, как ответил Турен. – Она из-за этого и на ужин не пошла.

– А, вот оно в чем дело, – протянул Рэй, поглядывая на воспитанника с пониманием.

– Да ничего подобного! – возмутился Алан. – Мы не ссорились! Мы вообще не общаемся!

– Ага, – Оська на всякий случай спрятался за спинку дивана, на котором похрапывал Иверт. – Они не общаются, да только сегодня управляющий бегал, как будто его за попу тау грызли. Старые покои красавицы Валии мыли, чистили, проветривали. Ковры туда натаскали, кровать из подвала притащили с золотыми ножками. Сир приказал, чтоб вы переехали, – гнусавым голосом очень похоже передразнил он управляющего. – А еще сир дарит вам ткани на платья и меха на шубу. Но, конечно, Алан-балан ничего этого не приказывал!

– Пап, ну ты же на ней женишься, поэтому и даришь подарки, – Дарен поднял на отца сонный взгляд и широко зевнул.

– Откуда такие мысли? – Алан подозрительно покосился на Турена, но тот тоже смотрел на Дарена с недоумением.

– Она же мама Тура. А ты его папа, значит, вы должны жить вместе, – бесхитростно сообщил Дар и еще раз зевнул. – Я тут подумал, что Светике все равно делать нечего, вот пусть она ей и прислуживает. Светика ведь наша, и мама Тура тоже теперь наша, а наши должны держаться вместе.

– Кир Алан, я буду очень хорошо прислуживать и все-все вам рассказывать! – Светика заговорщицки подмигнула герцогу, при этом смотрела она на него так жалостливо, как смотрят на отвергнутых женихов.

– Марш спать!

Мальчишки и Неженка исчезли моментально, остальные ушли степенно, без суеты, но очень быстро, многозначительно переглядываясь между собой, что внушило Виктории уверенность, что сегодня ночью щеки и уши у Алана будут пылать. В кабинете остались только Оська, Иверт и хмурый герцог. Шут оглянулся на Алана, коварно оскалился, тихонько подкрался к спящему горцу, сложил ему руки на животе, всунул между ладонями кусок колбасы вместо свечи, нарисовал углем усы и бороду и, показав Алану язык, шмыгнул в потайную дверцу, ведущую на половину слуг. Алан усмехнулся, но колбасу все же вытащил. Не из-за Иверта, а просто было жалко обивку дивана, жирные пятна плохо выводились.

В спальне его ждал сюрприз. На кровати, занимая большую часть, растянулась Кусь.

– Как в старые добрые времена, – сталкивая суку с кровати, пробормотал Алан, падая на подушку. – Прав Иверт

– все проблемы от женщин!

Проснулся герцог от тихого скулежа Кусь. Прислушался. За стеной, ведущей в кабинет, кто-то ходил и шептался. Тау лежала под дверью и тихо поскуливала, уткнув нос в щель. Значит, свои.

– Эй, кто там?

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул лохматый и заспанный Дарен в стеганом халате.

– Пап, не спишь? Я хотел поговорить.

– Заходи, – Алан приглашающим жестом откинул одеяло. К утру в комнате стало прохладно.

Дар протиснулся в щель, отталкивая на ходу Кусь, которая тут же полезла лизаться, и забрался на кровать.

– Как спалось?

– Страшно, – смущенно признался сын. – Комната такая большая, а я один.

– Если хочешь, можешь ночевать со мной, – Виктория протянула руку и убрала упавшую на лицо мальчишке прядь волос.

– Со страхами нужно бороться, говорит наставник. Я лучше Кусь к себе возьму. Пап, а ты Ольта помнишь?

– Такого забудешь, – усмехнулся Алан, вспоминая рыжее чудо, которое принесло им немало напряженных моментов.

– Можно он вернется? Он исправился!

Виктория улыбнулась. Она следила за Ольтом, постоянно получая от Найка сведения о нем. Баронет мальчишку хвалил, хотя и не скрывал, что Ольт слишком непоседлив. Но тут уж ничего не поделаешь. Зато жизнь среди воинов научила его дисциплине.

– Я не стану возражать.

– Ты сегодня напишешь письмо капитану Рогана, чтобы Кэп привез Ольта?

– Напишу. Расскажи, как вы без меня жили?

– Скучно, – вздохнул Дар и закинул руки за голову. – Брат Эдар такой вредный! Заставлял читать «Житие мое» каждый день! А еще о тебе спрашивал, что ты пишешь. А я дядьке Рэю пожаловался, и он что-то сказал ксену, и брат Эдар от меня отстал! А еще он тренируется с нашими воинами! На покойницкой полосе лучше всех. Рэй сказал, что он отличный боец. А Светика за ним ходила, ходила, а он на нее внимания не обращал. Ему знаешь, кто нравится? – Дарен приподнялся на локтях и с самым заговорщицким видом сообщил: – Суно! Командирша амазонок! Тетка Райка сказала, что он ей тоже нравится! Пап, он же такой страшный... Не понимаю я этих женщин! – серьезно закончил он.

Виктория рассмеялась и взлохматила волосы сына, Дар по привычке уклонился и широко улыбнулся.

– А еще мы привезли щенка от Кусь для Тура! Подарок на совершеннолетие. Белого! Он его Снег назвал. Принесет тебе показать сегодня. Пап, а ты что подарил Турену?

– Меч именной.

– А мне Рэй не позволил взять оружия, – обиженно пробормотал Дар.

– Правильно не позволил. Турен старше тебя на три года. Успеешь еще навоеваться.

Они замолчали. Виктория просто наслаждалась мгновениями единения и доверия, а Дарен сосредоточенно о чем-то думал, его подвижное лицо становилось то строгим, то лукавым, он несколько раз

открывал рот, но так ничего и не спросил.

– Говори уже, – усмехнулась Виктория.

– Пап, а как мне называть Зиру?

– Отчего ты спросил? – чуть нахмурился герцог.

– Она меня сыном называет, значит, мне нужно называть ее мамой?

Э...

– Зира называет тебя сыном?

Дарен кивнул, при этом лицо у него стало удивленно-лукавым, словно он заподозрил отца в скудоумии. Вроде простой вопрос задал, а он не понял, переспрашивает.

Виктория не знала, что сказать, для нее это тоже было неожиданно. Поэтому она осторожно спросила:

– А почему?

Взгляд Дара подтвердил его мысли об умственных способностях герцога.

– Папа! – тоном «папа, ты болван» ответил он. – Ну она же твоя жена по законам горцев, а значит, моя мачеха. Ведь когда у вас родится ребенок, он будет называть ее мамой, а тебя папой. А я буду ему брат, так? Значит, тоже должен называть Зиру мамой? Только я вот что подумал, – он потер нос и лег на живот, подперев голову кулаком. – Если ты женишься и на кирене Валии, то ее мне тоже надо будет мамой называть? Зира говорит, что у вождя может быть столько жен, сколько он сумеет прокормить, и что все дети общие. Да... – протянул он задумчиво. – А ты же богатый и сможешь много прокормить...

О боги! Какая Валия? Какие жены? Тут хотя бы с детьми разобраться! Алан застонал, а Дарен звонко рассмеялся.

– Дар, а как тебе хочется? – спросила все же Виктория, глядя на сына с нежностью и печалью. Дарен всегда завидовал тем, у кого была полная семья.

– Я бы хотел, чтобы у меня была мама. Зира красивая и добрая, она мне нравится.

– Вот и ответ. Твое решение должно идти отсюда, – Алан протянул руку и положил ладонь на грудь Дарена, где громко и быстро стучало сердце.

Мальчишка серьезно кивнул.

– А Тур свою маму называет «кирена Валия», – он вопросительно посмотрел на отца.

Виктория вздохнула. Она видела, что между Туреном и Валией непростые отношения. Несколько лет тяжелой разлуки развели их, и пока они не смогли преодолеть некоторое отчуждение. А может быть, в их семье так всегда было?

Дарен словно прочел ее мысли.

– Тур никогда не сможет прийти к своей маме и валяться с ней в кровати, болтая о всякой ерунде, – с чувством превосходства и гордости произнес он.

Виктория его понимала. Дарен спокойно воспринял стремительные перемены в своей жизни. В силу своего легкого характера, жизнерадостности и умения доверять людям ему было легче, чем Турену, к которому он изредка ревновал Алана и с которым соперничал. Но иногда его вопросы ставили в тупик. Дар – замечательный, хороший, добрый и отзывчивый мальчишка, но он еще ребенок и не умеет притворяться. Вот и сейчас говорит о том, что для него действительно важно. И как ему объяснить, что среди аристократов не принято показывать свои чувства? Да и стоит ли объяснять?

Эх, но пора вставать.

– Приказать, чтобы тебе принесли одежду?

– Не надо. Там Оська ждет, он обещал после завтрака взять меня с собой в лабораторию советника. Если наставник разрешит.

– Думаю, мастер Семон не будет возражать. Встретимся за завтраком.

– Ага!

Дарен скатился с кровати и, свистнув Кусь, исчез за дверью. Алан прикрыл глаза, стараясь сохранить в памяти это утро. Дети очень быстро растут, и скоро Дар будет по утрам выходить из других дверей. Но Виктория постарается всегда оставаться своим детям другом, а поэтому нужно поговорить с Туреном.

Алан широко зевнул, потянулся, еще несколько минут полежал в кровати и только потом позвонил в колокольчик. Тотчас в дверь заглянул один из его слуг – Саш, белокурый раб, оставшийся Алану по наследству от советника.

– Доброе утро, хозяин.

– Доброе, Саш. Все в порядке? – раб кивнул. – Позови Берта, принеси одежду и передай на кухню Райке, чтобы на завтрак приготовила блины и омлет. И никакого мяса!

[1] Белые месяцы – «зимние», серые – «осенние», желтые – «весенние», а зеленые – «летние».

Глава 4

Женщина – источник проблем.

*Коварство у них от Вадия,
а взглядом невинным Ирий наградил.*

Неизвестный

Улыбающийся Берт появился с тазом теплой воды, полотенцем и набором для бритья. Умело орудуя острым ножом, сбывая жесткую щетину со щек Алана, он успел рассказать последние новости и сплетни.

– Учитель и Лис уже две рыски как сидят в библиотеке, мастер Семон тоже с ними. Ворон ушел завтракать, на посту стоит Пип. Зира еще спит, умаялась, бедная, пока плыли. Я сказал амазонкам, чтоб не будили. Если что, Райка ей завтрак в комнату отнесет. Брат Алвис еще с вечера уехал из крепости. Кир Дарен в фехтовальном зале с Рэем занимается. Капитан серчает, что меча юному конту по руке не найти. Тяжелые все, да железо плохое. Неженка с утра на стене сидит, смотрит на море. Одет в шубу! – увидев, что Алан пытается что-то с возмущением сказать, быстро добавил Берт. – Не замерзнет. Барон Семух за ним присматривает. Тут на нашего художника бабы охоту открыли. Проходу ему не дают. Хорошо, вы не дали ему свободы, а то оженили бы уже. Кирена Эвелин вызвала портниху, видел, как управляющий ткань тащил в ее комнату. Иверт со своими салагами Оську по всей крепости ловят. Учудил что-то наш шут да спрятался. Так Иверт устроил своим учения. Кто поймает Оську – тому освобождение от вахты на десятидневку. Да только не поймают, он в подвале схоронился, а там сам Вадий дороги не найдет. Но горец злющий, грозит шуту кое-что отрезать и вместо кулона на шею повесить. – Берт рассмеялся. – Светика, как утреннее взывание закончилось, сразу к покоям кирены Валии направилась. Ор стоит... На все крыло! Слуги и рабы как ужаленные носятся, чистят, моют, что-то таскают. А Светике все не так: и печь плохо вычищена, и в комнате холодно, и на ковре пятно, и отчего еще не принесли горячую воду кирене, и где теплые чуни? И если все это быстро не сделается, то кое-кто пойдет на конюшню. Короче, стоит наша Светика посреди коридора, руки в бока, и только прикрикивает на всех. Вы же ее знаете, она и вами не

постесняется пригрозить. Нет, все же хорошо, что ее Хват берет. Такую женку иметь... – он резко взмахнул рукой с ножом, разбрызгивая куски пены.

– Думаешь, десятник с ней справится? – с усмешкой спросил Алан. Берт на мгновение задумался, прежде чем ответить:

– Она его пока побаивается, но скоро будет старик у нее с рук есть.

– Берт, а что Светика говорит? – осторожно поинтересовался Алан, а то вдруг шустрая девица к утру передумала.

– Ха! Кир Алан, да она уже всем рассказала, что выходит замуж за Хвата и что лучшей партии для порядочной и скромной девушки не сыскать. И в столицу она с мужем вслед за вами поедет, и первенца в вашу честь назовет. Так что не избавьтесь вам от пристального женского внимания, – со смехом закончил Берт бритье и набросил на лицо герцога горячее влажное полотенце.

Отправив Берта предупредить Светику, чтобы была на месте, Алан, накинув на плечи меховую безрукавку, вышел в кабинет. Саш вытирал пыль. На столике стоял медный чайник, над ним курился пар, разнося по кабинету глубокий пряный аромат мирийских трав. На этот сбор Алана присадил Оська. Чай был чуть горьковатый, густой, насыщенного оранжевого цвета и бодрил лучше кофе.

Виктория сидела в кресле, пила чай и наблюдала за слугой. Он вытирал пыль на столе. Долго, тщательно, медленно.

– Читать умеешь? – Алан кивнул на раскрытый медицинский атлас, вокруг которого и совершал манипуляции Саш.

Слуга вздрогнул и отшатнулся от стола. Герцог под страхом смерти запретил прикасаться к книгам и записям кира Маргана. Слишком хрупкими они были и слишком большую ценность для Виктории представляли. Изучая медицинский атлас, она с удивлением узнала, что внутренности у местных жителей расположены не так, как у землян, да и пара лишних органов, функции которых она пока понять не могла, вызывала нешуточный интерес.

– Обучен, – Саш смотрел в пол, боясь поднять голову.

Хорошо хоть на колени перестал бухаться. Саш, Мила и еще несколько рабов достались герцогу по наследству от советника, и первое время их покорность вызывала у Виктории нервный тик.

– Чем занимался у кира Маргана?

– Переписывал книги, писал под диктовку. Иногда писал письма

для герцога и для кирены Эвелин. – Виктория удивленно подняла брови. – Герцог писать умел, но не любил, а кирена едва буквы знает.

Ну естественно, женщинам грамота ни к чему, у них в этом мире другое предназначение. А сама учиться Эвелин не стремится, ей и так хорошо.

– Мне кажется, что тебе больше понравится работать в библиотеке, чем подавать мне чай. – Ну вот! И чего он носом хлюпает? – Мне нужен библиотекарь. Тот, кто сделает полную опись книг, расставит их по темам и будет следить за порядком. Согласен?

Саш кивнул и улыбнулся.

– Спасибо, хозяин. Я и надеяться не смел. Раньше я знал, что скоро умру, и не мечтал о подобном, а потом решил, что просить у светлого Ирия еще чего-то – кощунство. Он и так много сделал для нас.

– Я не Ирий, – Виктория покосилась на портрет светлой сволочи, – но тоже кое-что умею. Сегодня и приступай. Я предупрежу охрану. Вечером обсудим твои первостепенные задачи.

– Простите?

– То, что нужно сделать в первую очередь.

Алан поднялся и, поставив чашку на стол, направился к выходу.

– Кир Алан, – догнал его уже у порога голос слуги. – Я ...

– Что Саш?

– Можно потом с вами поговорить не о книгах?

Виктория про себя улыбнулась. Неужели созрел и решил просить разрешения на свадьбу? Она уже давно замечала, как переглядываются Мила и Саш, когда думают, что их никто не видит.

– Вот вечером и поговорим.

Она вышла в коридор и направилась в сторону покоев Турена, ей хотелось успеть переговорить со старшим сыном до завтрака.

Саш подождал, пока за герцогом закроется дверь, а затем дал волю эмоциям. Он несколько раз подпрыгнул, помахал руками и, наконец, опустился на колени у портрета Ирия.

– Спасибо, спасибо, спасибо! Я мечтал об этом так долго, – он вытер глаза и осенил себя кругом Ирия. Дверь, ведущая на половину слуг, бесшумно отворилась, и в кабинет проскользнула Мила.

– Я все слышала, – зашептала она. – Не смей признаваться! Сейчас, когда весь ужас позади, нам не следует вмешиваться в дела господ.

– А если его убьют? – так же шепотом ответил ей Саш и поднялся с

колен. – Что тогда?

– Не говори! Он убьет нас! Пусть все идет, как Вадий задумал! Миленький, дорогой, молчи! Ирием светлым заклинаю! – Мила расплакалась.

– Не плачь, я не скажу, – едва слышно угрюмо ответил Саш.

– Все будет хорошо!

Девушка поцеловала его в щеку и, подхватив корзину с грязным бельем, ушла.

Саш некоторое время еще сидел на полу, невидяще уставившись на лицо Ирия, а затем, решившись, направился к столу, возле ножки которого стоял деревянный поднос. На нем углем был нарисован портрет улыбающегося Лиса. Слуга взял небольшой перочинный нож и нацарапал на подносе несколько букв, затем водрузил поднос на камин портретом Лиса вперед и продолжил уборку.

Мила, прижимая к животу корзину, быстро шла в сторону прачечной, по ее щекам текли слезы. Так как этим коридором пользовались только слуги, то и факелов здесь было не больше, чем требовалось, чтобы едва освещать проход. Поэтому убийцу она заметила, только когда ладони сомкнулись на ее шее.

Турена Виктория перехватила, когда он шел в свои покои после тренировки. Красный, потный и расстроенный до дрожащих в голубых глазах слез.

– Что случилось?

Алан нахмурился и, остановившись напротив сына, положил обе руки ему на плечи. Тот только головой мотнул и отвел взгляд.

– Турен Ли Алан! Что случилось?

– Они меня не понимают, – он поднял глаза. – Не понимают, что я говорю. – Тур нервничал и, как всегда в такие моменты, во рту у него была «каша». – Мы тренировались пять на пять, капитан поставил меня командиром, а они не понимали мои команды и... смеялись.

– Смеялись? – нахмурился Алан.

– Не в глаза. Потом, в бане, я слышал.

Виктория сильнее сжала его плечи, в очередной раз проклиная бандитов, которые отрезали мальчишке кончик языка.

– Сын, – Алан постарался говорить спокойно и убедительно. – Ты самый смелый и достойный человек из всех, кого я знаю. Но людям свойственно видеть только то, что сверху. Ты никому ничего не должен

доказывать.

– Я не хочу, чтобы ты во мне разочаровался.

– Турен, мне ты уже все доказал. – Алан на мгновение прижал сына к груди. – То, что нас не убивает, делает сильнее. Запомни это. Знаешь, что я подумал, – он увлек Турена за собой в сторону покоев Валии. – Тебе нужно тренировать выдержку, чтобы ничто не могло заставить сильно нервничать. Есть всевозможные практики. Плюс упражнения для речи.

Виктория кое-что еще помнила. Средний сын долго не выговаривал некоторые звуки, и они много занимались с логопедом и дома.

– Хочешь, я поговорю с Алвисом, чтобы он позанимался с тобой? Турен отрицательно помотал головой.

– Я лучше кира Мэтью попрошу.– Парень постепенно успокаивался. – Брата Алвиса я боюсь.

– Я тоже.

– Правда? – Тур недоверчиво смотрел на герцога.

– Правда. Он умен, непредсказуем и ведет игру на нескольких направлениях. Я не могу его просчитать, и это меня пугает. Он опасный противник. Очень опасный.

– Он не предавал отца, – тихо произнес Тур. – Мэтью Гарнер ошибается. Брат Алвис бился на стенах рядом с отцом. Когда провожал нас, он был ранен, но не ушел.

«Значит, ему что-то было нужно», – подумала про себя Виктория, но вслух этого не произнесла.

– Ты хочешь провести кирену Валию?

Алан задумчиво посмотрел на сына, останавливаясь у покоев герцогини.

– Тур, а отчего ты не называешь ее мамой? Парень замялся и словно нехотя ответил:

– Я называл, когда был маленьким и она возилась со мной, а потом у меня появилась нянька, наставники. Мы стали меньше общаться, и я начал называть ее как они. Привычка.

Он пожал плечами, а затем остановился и, не глядя на герцога, добавил:

– Знаешь, я ведь путешествовал с отцом, к нам приезжали гости, никто не относится к детям как ты.

– Как?

– Как горец или селянин. Среди аристократов это не принято. Отец всегда говорил, что сильная любовь делает слабым и уязвимым.

Виктория усмехнулась. Да, герцог был прав, но... она такая, какая есть, и ничего менять не собирается.

– Смирись, – зловеще прошипел Алан, выпячивая глаза и оскалив зубы. Он протянул дрожащие руки к шее Турена. – Я буду вечно находиться рядом и любить тебя...

– Я смирился, – озорно сверкнул глазами Тур и хихикнул.

– И попробуй все же сказать «мама».

– Кир Алан! – к ним бежала Светика. – Утречка доброго! Что же вы не предупредили? Я распоряджусь, чтобы принесли напитки! А кирена Валя уже встала! Тур, она всегда такая молчаливая? Ой, кир Турен! – она добежала и присела в реверансе.

Алан и Тур улыбнулись.

– Доброе утро, Светика. Доложи о нас кирене. Как у тебя дела?

– Ужас! Слуги совсем разбаловались! Но я их быстро научу строем ходить и песни петь! Турен прыснул, а Алан рассмеялся, услышав из уст Светики любимую фразу Хвата.

– Кирена тебя хорошо приняла?

– Да я ее вчера и не видела, а сегодня утречком вот только воду принесла, но мне кажется, она меня и не заметила. Смотрит, словно мимо, – шепотом закончила она.

Вот и повод!

– Я вас познакомлю.

– Совсем она бедненькая, кир Алан. Ее подкормить надобно, что же это за кирена такая худая? Вот кирена Литина, та настоящая женщина! И, – она понизила голос, – нарядов бы ей поболее. Да прикажите дров выделить.

– Светика, для этого есть управляющий крепостью. С ним и договаривайся. А насчет нарядов я распорядился, – нахмурился Алан.

– Ага, вы такой щедрый! Кир Алан, а на свадьбу ко мне придете?

– Светика! Какая же свадьба и без меня? Мы все придем!

Турен серьезно кивнул, и девушка засияла пуще прежнего. Она распахнула двери, и они вошли в большую комнату с камином. Было тепло, потрескивали дрова, горели свечи. Диван, стол, два кресла, синий ковер на полу, тяжелые плотные шторы на окне. Чистенько и уютно.

– Садитесь, садитесь, – засуетилась Светика. – Турен, а ты к огню

сядь, а то потный весь, еще застудишься. Я сейчас, я быстренько!

– Какая она... шумная, – тихо проговорил Турен, подтаскивая кресло к огню. – Я уже и забыл.

– Да, Светика всколыхнет местное болото.

Алан вытянул ноги и задумался. Разговор предстоял непростой, и как его начать, он не знал.

– Турен, твою мать хочет сватать брат Чех. Тур молчал, глядя на огонь.

– Я не буду давить, но если она согласится...

– Соглашусь на что, кир Алан?

В комнату вошла Валя, и мужчины поднялись. На ней было надето все тоже зеленое платье, но поверх него накинута длинная меховая безрукавка, на ногах – меховые полусапожки, такие же, как носил дома Алан. Герцог склонил голову, Турен подвинул матери кресло, в которое она грациозно опустилась.

– Доброе утро... мама.

– Доброе утро, кир Турен, – Валя нежно улыбнулась.

Неисправима! Неужели не видит, как мальчишке не хватает ее объятий? Виктория едва сдержалась, чтобы не высказаться. Это было неправильно! Нельзя отталкивать ребенка, когда он в тебе нуждается. В груди вновь поднялась неприязнь к этой холодной красавице. Пусть бы она вышла замуж за Чеха и исчезла из их жизни!

– Я зашел узнать, как ваше драгоценное здоровье, – не удержался Алан от шпильки. – Вы вчера пропустили ужин, Эвелин сказала, что вам нездоровится. Лекарь приходил?

– Ничего страшного, общая слабость.

«А может, у нее проблемные дни? Господи, какое счастье, что я мужчина, – подумала Виктория. – Хоть об этом не надо думать в чертовом средневековье!»

– Вы довольны апартаментами?

– Своими покоем, – перевел Тур.

Он сидел набычившись и смотрел на огонь.

– Да, благодарю вас. И за ткани спасибо, но не стоило...

– Мама! – Тур вскочил на ноги. – Может, хватит уже притворяться... обиженной приживалкой? Если тебе здесь так с нами плохо, то выходи замуж за брата Чеха! Надоело!

Он выскочил из комнаты, с такой силой хлопнув дверями, что на

камине погасли свечи. Валия дернулась, но не встала, опять застыв мраморной статуей.

– Вы действительно так глупы, кирена? Или это маска, которую вы носите, чтобы вызвать у окружающих жалость? – не выдержал Алан. Ему хотелось удушить эту непрошибаемую ледышку. – Неужели вы не видите, что он ждет от вас любви? Или вы не способны даже на это, любить своего ребенка? Не способны или не хотите? – задумчиво продолжил он. – Вы не замечаете, что Турен хочет видеть вас другом, хочет, чтобы вы блистали, чтобы он мог гордиться вами, стоя рядом? Не видите, что вы отталкиваете его своим глупым поведением?

Алан сидел на диване и наблюдал за женщиной. Она, выпрямив спину и не мигая, смотрела в стену. Она хоть слышит, что он говорит?

– Если бы не Тур, я бы палец о палец не ударил ради вас. Вы словно вмерзшая в лед статуя, которой не нужны ни помощь, ни любовь, ни дружба.

В комнату вошла Светика с подносом. Румяная, улыбающаяся, живая. На ее фоне Валия показалась Виктории еще более чужой и отдаленной.

– Ой, доброго утречка, кирена Валия. Что же вы не позвали помочь вам одеться? А где Турен? Ой, то есть кир Турен?

Она поставила поднос на столики, споро налив в чашки горячий напиток из медного чайника, подала одну чашку Алану, а вторую поставила перед Валией. Затем, бросив на нее жалостливый взгляд, поставила рядом с чашкой тарелку с маленькими булочками.

– А может, вам молочка? Тепленького?

Валия подняла на нее удивленный взгляд и отрицательно покачала головой.

– Вам кушать надо! А то от голода и головокружения и малокровие бывает. Брат Турид всегда велел кирене Литине горячее молоко по утрам пить. С маслом и медом!

– Оставь нас.

– Это Светика, ваша управляющая, – проигнорировав ее слова, произнес Алан. – Пока вы живете в крепости, она будет следить за вашим благополучием, питанием, гардеробом и здоровьем...

Валия нехорошо сузила глаза. Ага, не нравится, что к тебе приставили соглядатая? Ну возмутись, скажи хоть что-нибудь. Но женщина промолчала, лишь кивнула.

Светика бросила на Алана очень красноречивый взгляд и едва заметно укоризненно помотала головой.

– Светика, милая, сходи к Зире, скажи, что мы ждем ее к завтраку. И передай Райке, что через полрыски мы спустимся в столовую. Пусть накрывает на... семерых. И пошли Берта за Ивертом. – Светика закатила глаза. – Молчу, молчу! Ты умница и сама все знаешь. Ступай!

– А вы кушайте, кушайте, пока тепленькое, – Светика подвинула булочки чуть ближе к Валии. – До завтрака надо, чтобы живот заработал, так всегда брат Турид говорит!

– Кто такой брат Турид? – словно продолжая прерванный разговор, произнесла Валия, когда за Светикой бесшумно закрылась дверь.

– Был в Крови взывающим. Сейчас женат на моей бывшей жене.

– У вас была жена?

– Угу. А вы не знали?

– Нет. Турен не говорил. Отчего вы расстались?

– Мы не любили друг друга.

– А разве это так важно для семейной жизни?

– Для меня важно.

– А вашу... горянку вы любите?

– Я к ней привязан, – уклончиво ответил Алан, поставив пустую чашку на стол. – А какие планы у вас, кирена Валия? Не собираетесь замуж?

– За вас?

Вот и язвительность проклюнулась. Алан довольно усмехнулся. Не так уж тебе все безразлично, дамочка. Быть может, еще не все потеряно?

– Брат Чех просил вашей руки.

– И что вы ему ответили? – Валия заметно напряглась.

– Я же не деспот, кирена. Спрашиваю вас, хотите ли вы замуж за брата Чеха? Мне он показался очень достойным человеком.

– Да, он человек достойный, – тихо произнесла женщина. – И я должна буду переехать к нему?

– Обычно жены живут с мужьями.

– А...

– А разве вас здесь что-то или кто-то держит?

Алан постарался, чтобы в голосе не сквозило ничего, кроме легкого интереса.

Он ждал взрыва, истерики, скандала, но Валя сдержалась. Только вздохнула и опустила плечи, словно стержень, который держал ее тело, вдруг согнулся.

– Знаете, я не глупая и очень люблю сына, но...

– Но?

Валя встала с кресла и отошла к окну, отодвинула штору и застыла, глядя на улицу.

– Я не глупая. Поэтому прекрасно понимаю, что в любой момент вы можете избавиться от меня, – не поворачиваясь, произнесла она ровным и бесстрастным голосом. – Выдать замуж или просто устроить несчастный случай. Поэтому я не хочу, чтобы Турен привязывался и потом страдал.

– Все же вы дура, кирена. Женщина резко обернулась.

– Что такое? – с издевкой произнес Алан. – У вас наконец-то появились эмоции? Румянец на щеках, гнев в глазах. Да вы красавица, когда злитесь, кирена!

– Извинитесь!

– За что? За правду? Или вы считаете это умным поступком – оттолкнуть от себя сына, когда он больше всего в вас нуждался? Настроить против себя меня, человека, от которого зависит ваша жизнь? Вести себя, как... зомби? Это вы находите умными поступками?

– А что мне было делать, когда вы отделились и даже не разговаривали со мной? Что мне оставалось думать?

– Поговорить с сыном! Эта мысль не пришла в вашу прекрасную головку, кирена? Или вы ее используете, только чтобы ею есть?

– Я не хотела, чтобы он волновался обо мне!

– О да! Вы хотели, чтобы мы читали ваши мысли! Так вот, кирена, люди обычно разговаривают, чтобы узнать друг друга!

Алан встал с кресла, и теперь они орали друг на друга, стоя на разных концах комнаты.

– Вы считаете, мне следовало бегать за вами по крепости и просить поговорить со мной?

– Могли бы и побегать, коль нуждались в разговоре!

– Да вы, кир, просто заносчивый, самовлюбленный хам!

– А вы, кирена, интриганка и манипулятор!

– Ну знаете...

– Завтракать пойдете? – совершенно будничным, спокойным

голосом поинтересовался Алан, с удовольствием следя, как беззвучно двигаются губы растерявшейся от резкой смены разговора Валии.

– Вы...Вы... Вы невыносимый человек, кир Алан!

– А вы очень интересная женщина, кирена. Особенно когда прекращаете притворяться.

– Я слишком привыкла прятаться, – тихо вздохнула Валия и приняла руку герцога, позволяя увлечь себя в коридор.

За дверью стояла бледная Светика и довольный Лис.

– Светика решила, что вы убиваете кирену Валию, и позвала меня, – улыбаясь, заявил послушник. – Наверное, чтобы я помог вам труп прятать.

Алан улыбнулся в ответ, пропуская Валию вперед и подмигивая теперь пунцовой Светике. Лис научился шутить, это было очень здорово.

– Как дела?

– Учитель Крамер и мастер Семон в таком восторге от библиотеки, что собираются перенести туда кровати.

– Я не позволяю! – испугался Алан за свое богатство. – Я отправил туда Саша, чтобы он следил за порядком.

– Когда Светика за мной прибежала, его еще не было.

– Придет. Ты голоден?

– Нет. Тетка Райка накормила нас.

Лис склонил голову и пристроился позади, враз став серьезным и собранным.

В столовую они пришли последними. Алан провел Валию к свободному месту и помог сесть на стул под очень любопытными и красноречивыми взглядами. Он просто ощущал эти взгляды кожей.

– Это Зира, моя женщина. А это Валия, вдова герцога Ли Вас'Хантера, – представил он женщин. – Доброе утро, Ласка. Как наш малыш? Еще не нашептал тебе, кто он – мальчик или девочка?

Алан наклонился и поцеловал Зиру в висок, легонько погладив живот. Это было так необычно, ощущать под руками округлый животик, в котором билось сердце их ребенка. Хотелось гладить его постоянно, замирая в предвкушении легкого толчка. Но это позже. Пока еще срок маловат. И все равно это было чудо.

– Муж мой, – засмеялась Зира. – У нас двое сыновей, и я надеюсь, что третья будет девочка.

– Я очень хочу дочку, – шепнул ей на ухо Алан, садясь рядом.

– У вас есть еще дети? – громко поинтересовалась Эвелин, с жадным любопытством следящая за Аланом.

– Турен и Дар, – безмятежно отвечал Алан, протягивая руку к блюду с омлетом. – Тур, кого ты кормишь под столом?

– Откуда ты знаешь?

Дарен и Иверт хлопнули друг друга по ладоням и одновременно повернулись в сторону Турена.

– Потому что ты терпеть не можешь мед, а блинчики сегодня с творогом и медом, и ты взял уже третий, – со смехом сообщила ему Зира.

– Это прокол, – пробормотал по-русски Тур.

– Не быть тебе разведчиком! – хохотнул Иверт, наваливая на тарелку сразу пять блинов и большой кусок омлета.

– Это Снег под столом?

Эвелин вскочила с места и заглянула под стол, откуда уже вылезал Тур с толстым белым щенком в руках.

– Какая прелесть! Тетушка, смотри, какой толстый!

Зира улыбалась, глядя на Турена нежно и с любовью. А Алан смотрел на нее и восхищался. Черт, но как? Как девчонка из полудикого племени может так щедро и беззаветно принимать чужих детей? А для родной матери это сложно? Он перевел взгляд на Валию – она медленно ела, следя за суетой вокруг. Турен, Дар и Эвелин столпились вокруг щенка.

– Кирена Эвелин! – укоризненно произнесла Валия.

– Пусть дети поиграют, – заступилась за молодежь Зира. Валия бросила на нее быстрый взгляд, но промолчала.

– Берт, заberi щена, – Завтрак не время для игр с животными. – Турен, не приучай его к столу.

– Хорошо, папа, – покладисто отдал щенка Тур. – Мама, подай мне хлеб, пожалуйста.

В столовой повисла тишина. Напряженная. Колючая, вот-вот готовая взорваться ссорой.

– Возьми, – Зира протянула Турену плетенку с хлебом.

Эвелин громко выдохнула. Валия медленно отложила салфетку, поднялась и, слегка кивнув герцогу, направилась к двери. Но Алан успел увидеть блеснувшие в голубых глазах слезы.

– Она не знает наших законов? – обратилась к Иверту Зира, поднимаясь следом. Гордец отрицательно покачал головой. – Я поговорю с ней. Негоже женам начинать знакомство с распрей.

– Э...

Но Зира уже стремительно шла следом за киреной.

– Валия, подожди!

Святая простота! Поругаются же! Что делать, бежать следом, или ну их? Пусть сами разбираются!

– Глупый поступок, – заявил Иверт, намазывая на хлеб масло.

– Ну зачем ты это сделал? – Алан с сочувствием смотрел на Турена.

– Ты сам сказал, что у меня должна быть мать! – Турен с шумом отодвинул стул и рванул из столовой, но у двери его перехватил Лис. – Пусти!

– Пап, а?.. – Дарен переводил с Иверта на Алана беспомощный взгляд.

– Ему нужно было сначала объяснить женщине наши законы, – многозначительно произнес Иверт. – Равнинники

– странные люди, э? Не все ли равно, чьи это дети, когда ты их любишь? Он пожал плечами и как ни в чем не бывало продолжил завтракать.

– Отпусти его, Лис, – устало произнес Алан.

Турен выбежал в коридор. Следом за ним, дождавшись многозначительного взгляда герцога, выскользнул Лис, на прощание кивнув, мол, понял, что нужно делать.

Вот незадача, что-то переходный возраст у Турена затяжной. Но ничего, пусть лучше выплеснет, чем носит в себе. Мы уже это проходили в той, прошлой жизни.

– Не волнуйся, Бешеный Алан, женщины всегда между собой договорятся. Поплачут и договорятся. Против тебя,

– утешил друга Иверт и, криво усмехнувшись, подмигнул Эвелин.

– А я бы хотела иметь семью, – тихо пробормотала Эвелин.

– Нет, нет! Тебя я усыновлять не буду! – замахал руками Алан, пытаясь справиться с дурным предчувствием.

– Но вы ведь так хотите дочку, – захлопала глазами маркиза.

Ответить Алан не успел: дверь с грохотом распахнулась, и в столовую стремительно вошел Ворон в сопровождении двух ветеранов.

– Кир Алан, ваши женщины закрылись в покоях кирены Валии, их

охраняют. Маркиза Лис запер в синей гостиной, сейчас туда отведут кирену Эвелин и вашего младшего сына. Рэй уже оцепил крепость.

– Что случилось? – Алан скомкал бросил на стол салфетку и поднялся.

– Вам лучше это увидеть своими глазами, – хмуро сообщил послушник. – Оська нашел тела.

Глава 5

Нашел как-то в горном ущелье Вадий цветок

Да возжелал, чтобы он превратился в деву столь же прекрасную.

Сбылось его желание. Оба брата полюбили дивную красавицу.

И заспорили Ирий и Вадий, кому она в жены достанется.

Но спустился с Неба Отец их.

И увел красавицу с собой.

С тех пор и ходят братья холостыми.

XXII Песнь Жития

Они долго шли по темным коридорам, и Виктория подивилась их протяженности, как-то ей не приходило в голову изучать эту часть замка. Впереди ветераны Генри Рамана, возглавляемые Рэем, по бокам скользили Лис и Ворон с кинжалами в руках, оба сосредоточены и напряжены. Неужели они думают, что кто-то сможет напасть на герцога прямо здесь? Спину прикрывал Иверт со своими салагами. Отряд получился внушительным, и это нервировало. Враз пришли ненужные воспоминания. «Расслабился ты, Алан, в тишине зимы», – подумала Виктория. Воздух похолодел, пол под ногами сделал уклон вниз, кирпичные стены перешли в каменные, и Виктория поняла, что они под горой, неужели еще один ледник кира Маргана? По спине прошел неприятный озноб, память тут же вытащила на свет страшные воспоминания. Ну вот зачем ей это? Почему бы вместо ужасных и болезненных картин прошлого не вспомнить состав присадок для металла или как получить пенициллин?

Наконец в конце коридора замаячил факел, и они увидели Оську, размахивающего в нетерпении руками.

– Сюда, сюда! Здесь свежие мертвяки! – заорал он и скрылся в темном овале входа.

Коридор заканчивался небольшой кривой комнатухой, из которой вела одна обитая железными листами дверь, запирающаяся на засов. Сейчас она была распахнута, замок валялся на полу, и Виктория

увидела заснеженные вершины. Значит, это еще один выход из крепости.

– Ты открыл замок? – пробасил Рей, выглядывая на улицу. – Выход в сторону бухты, но тропы нет. Все снегом замечено.

– Этот проход просматривается со сторожевой башни, поэтому его не охраняют, – хмуро сообщил Иверт, и Рэй захлопнул дверь.

– Оська, запри замок.

–А у меня нет ключика, я его отмычкой открыл, а она сломалась, – виновато развел руками шут. – Герцог, ты вот сюда лучше глянь.

Он поднял факел, и Виктория увидела четыре трупа, небрежно сваленных в углу. Видно, тот, кто их прятал, рассчитывал вернуться весной и вытащить тела в горы.

– Здесь твоя рабыня, – тихо произнес Оська и ткнул пальцем в верхний труп. – Мила. Я когда их нашел, она еще немножко гнулась.

О, черт! К горлу подкатил ком, но жизнь на фронте, война, постоянные опасности сделали его жестче, циничнее, чем он был еще полгода назад. Он будет сожалеть, но не сейчас, сейчас следует понять зачем убили Милу? Девушку удушили, следы от пальцев явственно виднелись на шее. Алан склонился над трупом и приложил пальцы к синякам. Его ладонь была больше.

– Лис!

Парень понял без слов.

– Значит, это мужчина, телосложением схожий с Лисом. Кто остальные убитые?

– Парень из вольных, я его при кухне видел, он камины и печи чистил. Девушек не знаю, но судя по ошейникам – рабыни. – Оська был как никогда серьезен. – Я тут искал дверь наружу, чтобы от Урагана спрятаться, и вот... нашел.

Чистил камины и печи...Может быть, услышал через камин что-то опасное? Виктории не хотелось этого делать, но нужно было проверить. Она задрала юбку Миле, но местный аналог трусов – штанишки до колена – были на месте. Насилие можно исключать.

– Найдите того, кто их опознает, и пусть ксен совершит обряд погребения, – бросил герцог, направляясь к выходу.

И как об этом рассказать Сашу? Черт, черт, черт! Девчонке не больше восемнадцати было, только жизнь начала налаживаться, планы строила, замуж хотела, смеялась еще пару часов назад. И какая-то

сволочь прервала ее жизнь.

– Кир Алан, – им навстречу бежал барон Семух. – В библиотеке нашли вашего раба! Он мертв!

– Неженка? – воскликнул Алан, чувствуя, как стало трудно дышать.

На плечо легла ладонь Иверта, и эта поддержка не дала сорваться в бег, хотя видят боги, хотелось схватит Семуха за грудки и вытрясти информацию.

– Нет-нет, другой, – поспешно сообщил барон.

Виктория почувствовала как в висках застучала кровь и сердце заколотилось с удвоенной силой, вдох-выдох... Это не Неженка, это другой, но кто?

– В библиотеке? Саш!

Вот дерьмо! Саш и Мила... Но что такого знали эти двое, из-за чего их убрали?

Пока шли в библиотеку Алан перебрал в уме сто причин, но не одна из них не казалась серьезной, чтобы ради нее убивать слуг и рабов, а потом прятать трупы. В мире где невольник не человек, скрывать убийство раба было бессмысленно. Маньяк? Не похоже. Ни следов пыток, ни изощренных методов умерщвления, ни насилия, все трупы были просто задушены.

Первый, кого они встретили в библиотеке, был учитель Крамер.

– Я запретил трогать труп до вашего прихода, – глядя с прищуром на герцога, сообщил он. – Там кое-что есть, хочу, чтобы вы посмотрели.

Алан на мгновение прикрыл глаза, ему совсем не хотелось это видеть... Совсем... Боги, дайте сил не сорваться!

В помещении пахло кровью и чернилами. Саш лежал на боку у стола, бледный и какой-то умиротворенный, у него было перерезано горло. Алан вздохнул. Вот и не придется сообщать о смерти Милы, они уже встретились за рекой Забвения.

«Так, не раскисать! – скомандовала себе Виктория. – Не время для жалости, по замку бродит убийца».

– Уже умирая, он смог схватиться за убийцу и повалить на пол. Вот здесь он упал, – ткнул Иверт пальцем в пол.

На полу в размазанной луже из чернила и крови четко виднелся прочерк от скольжения и отпечаток ладони, чуть дальше – неровный след сапога. Убийца поскользнулся, упал, поднялся и ушел через...

– Как он ушел?

– Через служебную комнату. Этот коридор не охраняется. Но следов нет, убийца разулся, – тихо сообщил Учитель.

Алан поставил ногу рядом со следом, тот был меньше на пару размеров.

– Лис, попробуй убить меня таким ударом.

– Лучше меня, – вышел вперед Ворон. – Саш был моего роста.

Мужчина с ногой 40-42 размера, ростом примерно метр восемьдесят и небольшой рукой. Негусто. Под это описание подойдет каждый третий.

– Раб мог стоять на коленях, – заметил Учитель. Остальные тихо стояли у двери, не мешая герцогу.

– Он бы опустил на колени только перед благородным. Сейчас в замке таких немного – семья герцога и я, – ответил ему барон Семух.

– А еще перед ксеном, – задумчиво произнес Алан. – Где Длань?

– Это не его работа. Слишком грязно, – спокойно заявил отец Крамер. – Мальчик бы не оставил следов. Убийца спешил, поэтому поступил небрежно, а убрать за собой не успел. Мы с мастером Семоном ходили перекусить, он должен был это знать. Скорее всего, убийца дождался, когда мы выйдем, спокойно вошел в помещение и сразу же напал.

– Что он искал?

– Мы только начали сверяться с описью, но, судя по первому впечатлению, он ничего не успел взять.

– Если его целью было не убийство, а кража, то какой смысл убивать Милу? Рабыню кира Алана и подругу Саша, – спросил Ворон Учителя. – Думаю, они что-то знали, и их устранили как лишних свидетелей.

– Согласен, – кивнул Алан. – Саш хотел со мной о чем-то поговорить, я думал – о свадьбе, но теперь начинаю сомневаться.

И отчего было не выслушать парня? Ведь было время, могли бы переговорить. И, может быть, ребята остались бы живы? Еще один грех на плечи герцога, еще две невинные жизни погасшие из-за его невнимательности, еще две души на весах возмездия, две тени за спиной. Виктория всегда знала, что придет время и она ответит за каждую жизнь, но боль от этого не становилась меньше.

– Рэй, приведи Леонардо, и пусть возьмет все для рисования, – Алан даже не оглядывался. Он знал – великан выполнит распоряжение.

– Уберите труп, но отпечатки пока не трогайте. Ворон, поговори с остальными рабами, возможно, они что-то знают. Иверт, выдели ему в помощь пару толковых грамотных парней, пусть все записывают, а сам с остальными обшарьте крепость. Капитан, – он повернулся к барону Семуху. – Закрывать все входы и выходы, у каждого поставить охрану. Мне нужно, чтобы из крепости даже мышь не выскользнула.

– Кир Алан, это же просто рабы, – тихо произнес Учитель.

– Это мои рабы! – отрезал герцог.

Как же надоело каждому объяснять, что рабы – это тоже люди! И убийство одного человека может потянуть за собой убийство другого, и это может оказаться уже не раб, а благородный. Если этого не понимает даже просвещенный Учитель, то что говорить о простых людях? Да уж, переломить стереотипы будет сложно.

Все разошлись, и вскоре появились Неженка с Рэем. По пути Рэй, видно, просветил художника, с чем ему предстоит столкнуться, потому что тот не испугался, увидев труп, а только тяжело вздохнул.

– Здравствуйте, хозяин, – низко поклонился он.

– Леонардо, я хочу, чтобы ты очень точно скопировал отпечаток ладони. Особенно меня интересует рисунок на пальцах и рисунок линий на ладони. Мне нужен очень точный рисунок. Очень, Леонардо. Сможешь?

Парень опустился на колени и склонился над кровавым отпечатком, внимательно его изучая.

– У меня есть увеличительное стекло, – отозвался отец Крамер. – Принести?

– Да, – коротко ответил художник. – Хозяин, я понял, что вам надо. Прикажите добавить свет. Был бы он всегда таким собранным и уверенным в себе, насколько было бы проще.

– Кир Алан, вы что-то знаете? – Учитель лично принес подсвечник и поставил его возле распластавшегося на полу Неженки.

– Каждая человеческая ладонь уникальна, не существует двух одинаковых. Виктория рассказала все, что помнила о дактилоскопии и о хиРамантии заодно.

– Хочу организовать сыскную службу, но совершенно не представляю, с чего начать, – устало закончил герцог и сел за стол. – Может быть, вы поможете?

– Я библиотекарь. Ученый. Книжник, – мягко улыбнулся Учитель.

– Напишите отцу Паулю. За те сведения, что вы мне сообщили, он не откажет в совете.

Да, так и придется сделать. Проще всего – написать Паулю, отдать знания, показать Храму свою уникальность и нужность, тем самым выторговав еще немного времени. Сейчас Викторией казалось, что она бьется головой о стену, разбивая лоб и набивая шишки, а рядом стоит кувалда, но у нее нет сил ее поднять.

Как же муторно и тоскливо на душе. У! Выть охота. Молодые, красивые – и вот так, небрежно, какая-то сука походя лишила жизни несколько человек.

– Он не рассчитывает, что вы будете искать убийцу рабов, – тихо произнес Лис. – Он вас совершенно не знает.

– Рэй, бери наших ветеранов, амазонок и отряд Иверта под свое командование. Это будет моя личная гвардия. Подчиняться должны только тебе и никому больше. Нечего тебе без дела ходить. Мою семью должны охранять только наши люди.

серьезно кивнул. Алан нехотя поднялся и направился к выходу. Напиться бы, да нечем. Вино не берет, а водку он пока решил не изобретать, хотя самогонный аппарат для герцога кузнец собрал и Алан даже провел его испытание, да только весь первач ушел на медицинские нужды, часть передал ворожее в Кровь, часть брату Туриду, ну и себе кувшинчик оставил. Для примочек, дезинфекции и растираний.

– Кир Алан, сходите в храм, облегчите душу, – посоветовал Учитель.

Ха! Если только сходить плюнуть в портрет одного черноглазого типа, устроившего душе Викторией такое шикарное посмертие. Но вслух Алан это конечно не сказал.

– Я лучше схожу проведу... – Алан чуть не ляпнул «своих женщин», но вовремя спохватился, что Валя его женщиной точно не является и навряд ли станет, – женщин.

– Кир Алан! – пробасил вслед капитан. – Возьмите людей больше, негоже одному по коридорам ходить. На вас же и кольчуги небось не надето!

– Лиса достаточно.

– Да что он сделает один? – Лис недобро сверкнул глазами на это заявление. – А супротив стрелы?

– Сделаю, – безразлично пожал плечами телохранитель, открывая

перед Аланом дверь.

– Не вздумай! – гаркнул герцог. – Ты уже закрыл меня от ножа и чуть не погиб!

– Мы здесь, чтобы сохранить вам жизнь, – с легким укором произнес рыжий.

Виктория взвыла. Каждый намек на еще одну смерть вызывал в душе физическую боль. Лучше уж пусть она погибнет, чем эти мальчишки.

– Отправлю в Виктоград, – прошипел герцог, выходя в коридор.

Лис почувствовал настроение герцога и традиционную фразу: «Не вы нам приказы отдаете», – вслух не произнес. И правильно, потому что Виктория была в том состоянии, когда эмоции преобладают над разумом.

Зря Рэй беспокоился, за дверью их ждали ветераны маркиза Генри – Хват и Пип.

– Лис, – позвал Алан идущего впереди послушника. – Если погибнете, я воспользуюсь своими связями и подниму вас. И попрошу Вадия, чтобы он дал вам тела... девушек, но оставил память!

Лис оглянулся и широко усмехнулся, но чем больше он смотрел в глаза герцога, тем быстрее тускнела его ухмылка.

– Даже не сомневайся. Рыжий серьезно кивнул:

– Мы постараемся не погибнуть.

– Кир Алан, не сердчайте, сбережем мы ксенят, – Хват положил ладонь на рукоять меча. – Все будет хорошо. Найдем ур-рода, повесим, оно и полегчает.

– Повешение ур-родов очень способствует крепкому сну и хорошему аппетиту, – глубокомысленно изрек Пип и потер перебитый нос. – Ежели мы в плену у Гадюки выжили, неужто тут не управимся, а, кир Алан?

– Управимся! С нашим герцогом сам Вадий не страшен, – бесхитростно заявил Хват.

Виктория благодарно кивнула. Нравился ей рассудительный и надежный Хват, хороший муж будет для шустрой Светики.

Глава 6

И сказал Ирий светлым людям:

«Все ваши дела возвратятся к вам

Добром или злом, любовью или ненавистью».

*А Вадий обещал каждого встретить на берегу реки Забвения
И судить по поступкам, и приговор выносить справедливый.
ПVI Песнь Жития*

Барон Семух не подвел, возле покоев Валии тоже стоял пост. Воин в накинутом поверх формы теплом плаще пялился в стену напротив. Увидев герцога он моргнул и сделал шаг в сторону, освобождая проход. Алан постучал и не дожидаясь ответа, вошел. Лис скользнул следом, а ветераны застыли напротив двери готовые отразить любую атаку.

В первой комнате, небольшой, заставленной шкафами и столами, суетилась заплаканная Светика. Она протирала посуду, стоящую в буфете, и, увидев герцога, чуть не уронила чашку.

– Кир Алан! – шмыгнула она носом. – Жалко-то как!

– Ты же их не знала, чего ревешь? – Алан погладил ее по голове и отстранился.

– Все равно жалко, чай, не анчута, а люди.

– Ты одна не ходи. Как побежишь куда, бери одного воина из тех, что за дверью стоят. Как там наши кирены? – прислушиваясь, понизил герцог голос. – Не поубивали друг друга?

– Ой, ну вы скажете, – хихикнула Светика. – Зира, конечно, высказала свое недовольство, да так грозно, что я даже немного спужалась. Руки на живот опустила и таким строгим голосом говорит: «Если обидишь наших сыновей, я вызову тебя на бой по законам горцев».

– А Валия? – с любопытством поинтересовался Алан.

– Ну, по ней не скажешь, сами знаете, какую ледышку пригрели, – Светика понизила голос, собрала бровки домиком и отчаянно зашептала: – Она рот открыла и ничего не сказала, только на дверь пальцем ткнула, да Зира даже не посмотрела, куда там кирена тычет. Села на диван и сказала, что никуда не пойдет – ей спина, мол, болит по крепости бегать. А коль младшей жене, – тут она выкатила глаза, косясь на герцога с восхищением, – что-то не нравится, то пусть сама и идет.

Алан застонал, а Виктория захихикала. Ну Зира, ну умница! Вот вам и простая девушка из горного аула, а как сразу расставила все по своим местам. Младшая жена – и будь добра подчиняться.

– А дальше? – нетерпеливо поторопил Алан служанку.

– А дальше они поорали друг на друга, а потом плакали долго, – шмыгнула носом Светика. – Я уж и травок им для спокойствия

заварила. Да вроде помирились, даже ткани вместе смотрели. Небося, не выгонят. – Она смахнула с груди герцога паутину, убрала с плеча волос и легонько подтолкнула к двери. – Идите, не бойтесь, чай, с двумя бабами управитесь. Вы же у нас вон какой...

– Какой? – подозрительно спросил Алан.

– Красивый, – вздохнула Светика.

– Я вас здесь подожду, – очень серьезно, так серьезно, что Виктория сразу заподозрила подвох, произнес Лис. – Если что, кричите.

Виктория усмехнулась, прислушиваясь к ощущениям. Что она испытывает после рассказа Светики? Облегчение

– в первую очередь, все же женских войн ей не нужно, и любопытство – до чего же они договорились? Младшая и старшая жена...дурь полнейшая! Зира, говоря откровенно, досталась волей судьбы, а не собственным желанием, а теперь еще и Валя как-то оказалась в списке жен. Нет, в ЗАГСе есть определенная прелесть!

Алан толкнул дверь и вошел в гостиную, напевая: Я на горке стою,
Слёзки катятся;

Мне жениться велят – Мне не хочется.

Без меня меня женили, Я на мельнице был.

Приманили домой,

Да и потчуют женой, Хозяйкой молодой.

Они сидели рядышком на диване и рассматривали большую вышивку. Услышав, что кто-то вошел, одновременно подняли головы. Зима и лето, холод арктических пустынь и тепло домашнего очага. Зеленые глаза смотрели с любовью и радостью, голубые – с холодным отчуждением. Ничего не изменилось, если Валя и сделала какие-то выводы, то по ней этого заметно не было. Да шла бы она замуж за брата Чеха и оставила их в покое!

– Муж мой! – вскочила Зира. – Я приготовлю напитки!

– Сиди, – перехватил ее герцог. – Светика все сделает. Как вы тут? Не подрались?

Он усадил Зиру на диван, себе подвинул кресло и уселся напротив. И все это под пристальным взглядом Валии.

– Я объяснила младшей жене наши обычаи, мой вождь. – Зира погладила кирену по руке, а Алан поперхнулся матерными словами, застрявшими на кончике языка. – Знаешь, мне кажется, что горцы намного свободнее – у нас выбирает женщина.

– Я не принуждаю кирену Валию ни к чему, – быстро проговорил герцог.

Алан сразу решил расставить точки. Не хватало еще, чтобы Снежная Королева решила, будто он хочет на ней жениться. Нет! Никогда и ни за что!

– И к замужеству? – холодно поинтересовалась Валия.

– Я вам делал предложение? – Алан удивленно округлил глаза. – Это было в состоянии умственного помешательства.

– Вы прекрасно поняли, что я имею ввиду брата Чеха.

– Так вы все же не хотите за него замуж?

– Не хочу, – спокойно ответила Валия.

– Ну и не выходите, – пожал плечами герцог.

Виктория про себя выматерилась. Отчего ей не нравится ксен? Вышла бы за него замуж, и скольких проблем удалось бы избежать!

– Я зашел сообщить, что запрещаю передвигаться по крепости без охраны. Особенно это касается вас, кирена Валия.

– Почему меня?

– Потому что Зира со мной не спорит.

В дверь заглянул Лис, окинул всех внимательным взглядом и, посторонившись, пропустил в комнату Светику с подносом.

– Я чай принесла, как вы велели, кир Алан. Зира, может, кушать хочешь? Так я на кухню сбегая, тетка Райка как раз пироги затеяла.

– К жене герцога Вас' Хантера следует обращаться уважительно, – сделала ей замечание Валия.

– Кирена, что ли? – Светика растерянно посмотрела на Алана, но тот, откинувшись на спинку кресла, молча наблюдал, не вмешиваясь.

– Я не привыкла к такому, – улыбнулась Зира.

– Кирена Валия права, нужно привыкать, – Алан протянул руку, и пунцовая Светика подала ему чашку с чаем. – Здесь не Кровь.

– Да, здесь не Кровь, – тихо буркнула Светика, но так, что герцог ее услышал. – Там все было настоящим, а здесь картинки неживые.

Служанка бросила на Валию красноречивый взгляд.

– Светика, скажи Райке, чтобы накрывала обед.

– Кир Алан, я очень плохо выгляжу? – дождавшись, пока Светика выйдет, Валия огорошила герцога неожиданным вопросом.

– Не плохо, – осторожно ответил Алан.

– Тогда отчего ваша служанка меня постоянно кормит? Она

приносит еду, даже когда я не приказываю!

– Она просто заботится о тебе, – мягко произнесла Зира. – Разве это плохо, когда кто-то о тебе заботится?

– Для кирены это удивительно, – язвительно произнес Алан, поднимаясь и протягивая Зире руку. – Она просто не знает, что это такое – забота о других.

Валя сверкнула глазами и, судя по полному негодованию взгляду, собралась выдать герцогу целую тираду, но тут вмешалась Зира:

– Бешеный Кузнечик! – с укоризной воскликнула она. – Не говори так!

Валя тихонько прыснула, прикрыв рот ладонью, но затем не удержалась и расхохоталась в голос.

– Бешеный Кузнечик... ой... не могу... простите... но... нет, не могу! Простите...

– Вы что, не слышали раньше, как меня называют горцы? – недовольно буркнул Алан, чувствуя иррациональную обиду.

Чтоб Гадюке на том свете икнулось!

– Слышала, – со смехом произнесла Валя. – Но тогда это было официально, а сейчас... это как-то... смешно. Простите, кир Алан, – она промокнула глаза зеленым платочком. – Простите.

– Вам очень идет улыбка, кирена, – усмехнулся герцог и, обняв Зиру, направился к выходу. – Улыбайтесь чаще. Они уже выходили, когда Валя окликнула:

– Кирена Зира, спасибо. Я постараюсь следовать вашим законам, коль мой сын теперь и ваш сын тоже.

– Младшая жена, говоришь? – зловеще прошептал Алан, прижимая к себе улыбающуюся Зиру. – Ты действительно хочешь, чтобы я женился на этой ледышке?

– Муж мой, – она потерлась щекой о его плечо, – она мать Турена. Как иначе?

Алан зарылся носом в ее волосы, вдыхая родной аромат, и умиротворенно вздохнул. Зира действовала на него успокаивающе. Хотелось обнять ее крепче и так простоять целую вечность, никуда не спеша, не думая о проблемах, об убийце, о женах, о детях... просто стоять, вдыхать ее аромат, слушать тихий голос.

– Зира, приходи сегодня ко мне, – шепнул он.

– Обязательно, муж мой, – лукаво улыбнулась она. – Все будет

хорошо, я ведь с тобой. Да, теперь обязательно все будет хорошо, все наладится.

«Не будет», – угрюмо сообщил внутренний голос, но Алан его отогнал подальше и все же поцеловал свою женщину.

«Стоим в продуваемом сквозняками коридоре на виду у охраны и целуемся, как школьники, – подумал он. – Ну и черт с ним!»

В Синей гостиной царило уныние. Турен лежал на диване и дремал. Дарен играл со щенком, Эвелин перебирала рисунки из большой стопки, лежащей на столе. Горели ароматические свечи и их терпкий запах будил неприятные воспоминания. Похороны, лилии, поп с кадилом...

Алан тряхнул головой отгоняя неприятные мысли, он редко сюда заходила, ему не нравилась мрачность этой комнаты. Синяя с золотым рисунком ткань на стенах, темно-синяя, почти черная обивка диванов, деревянная мебель темного дерева и одно узкое длинное окно, застекленное цветным мозаичным стеклом, практически не пропускающим света. Все вместе создавало довольно гнетущее впечатление.

– Папа! Нашли убийцу? – Дарен выглядел немного испуганным.

– Нет, и поэтому передвигаться только под охраной. Турен, ты ничего не замечал подозрительного?

Алан встал возле камина. Спину окутало приятным теплом, и моментально накатила усталость. Скорее бы лето. Турен сел и отрицательно мотнул головой, его заспанный взгляд скользнул по лицу герцога и остановился на огне, паренек хотел что-то сказать, но в последний момент передумал. Виктория окинула взглядом комнату. Странно, что маркиза не задала сто пять вопросов. Молчит и взгляд прячет.

– Эвелин, ты что-то знаешь?

Девушка вздрогнула, но глаз от рисунков не подняла.

– Может быть, что-то слышала? Кто-то вел себя странно? – настаивал Алан.

– Кир Алан, неужели вы считаете, что мне есть дело до рабов? Никто никогда не расследует убийства рабов. Купите новых и все.

– Я тоже был рабом, – зло ответил ей Турен. – И ты можешь стать рабыней в любой момент. Захоти отец от тебя избавиться – ойкнуть не успеешь, как окажешься на невольничьем рынке. Подумай об этом,

кузина, и если что-то знаешь, лучше сразу расскажи.

– Я ничего не знаю! – выкрикнула Эвелин и расплакалась. – Вы просто меня ненавидите!

Хорошая попытка сменить тему, да только мы таких манипуляторов видели не раз. Виктория открыла дверь и приказала:

– Отведите кирену Эвелин в ее покои, никого к ней не пускать и не выпускать без моего приказа. – Алан повернулся к рыдающей уже в голос девушке. – Захочешь поговорить, пришлешь за мной. И запомни: я все равно узнаю правду, и тогда наказание последует неотвратимо.

– Я их не убивала! За что вы меня наказываете?

– За ложь!

– Но я не вру вам! Я не знаю, кто их убил!

– А за что их убили, знаешь?

Взгляд маркизы затравленно заметался по комнате.

– Ничего я не знаю!

Когда Эвелин вышла, Лис, до сих пор молча стоящий у двери, подал голос:

– Кирена лжет.

– Я знаю, Лис.

– Раньше она не позволяла себе так с вами разговаривать.

– Она знает, что отец терпеть не может истерик, и специально устроила скандал, – подал голос Тур. – Когда мы обсуждали убийства, она хохотала и совершенно не переживала. А когда Иверт сказал, что убили Саша и Милу, она испугалась.

– Где Длань, когда он мне нужен? – задал риторический вопрос Алан, вспоминая, как быстро Алвис смог выяснить правду в замке Рогана.

– Брат Алвис прибудет сегодня, – как ни в чем не бывало ответил ему Лис. – Я получил от него сообщение вчера вечером.

– Впервые буду рад его возвращению, – хмыкнул герцог. – Парни, ступайте обедать. Алан направился к выходу.

– Мэтью с дочерью ждут в кабинете, – тихо сообщил Лис.

– Откуда знаешь?

– Хват сказал.

– А ты пойдешь обедать? – подал голос Дарен, когда герцог уже дотронулся до дверной ручки.

– Я перекушу в кабинете.

– А Зира с... мамой Тура помирились?

Виктория услышала в голосе младшего сына напряжение. Дарен нервничал, он всегда переживал даже из-за малейших намеков на разлад и до сих пор боялся, что его бросят. Она кивнула Лису, чтобы ждал за дверью, и вернулась в комнату.

Тур смотрел хмуро и немного зло, Дар – чуть испуганно, хотя и пытался это скрыть. И как им объяснить... да и что объяснять? Черт, как сложно!

– Да, они помирились. Кирена Валия согласна принять законы горцев.

– Ты на ней женишься? – напряженно спросил Турен.

Жениться? На Валии? Да Алану даже мысль такая в голову не приходила!

– Ты считаешь, это будет правильно? – осторожно спросил Алан.

Турен глубоко вздохнул и посмотрел не пряча взгляд, с вызовом, открыто и прямо.

– Ты ведь знаешь, король Ратии – дядя моей матери. Женившись на ней, ты укрепишь союз с этой страной. Думаешь, прежний герцог почему ее не убил? Потому что не хотел проблем с Ратией. А тебе нужны союзники.

– Из тебя выйдет прекрасный правитель, Турен, – задумчиво произнес Алан. Парень прав. Брак с Валией принесет только бонусы, но... – Но я не люблю ее.

– Тогда мне придется жениться, несмотря на то, что я тоже никого не люблю. Ты сам говорил, нам нужны союзники. У Ратии нет выхода к морю, а держать в герцогстве несколько кораблей очень соблазнительно.

– А что им помешает напасть на нас и завоевать герцогство?

– Твое родство с королевским домом Мирии, горцы, Храм за спиной и твои права на трон самого богатого государства.

– Турен, ты не устаешь меня удивлять, – Алан улыбнулся. – Я горжусь тобой. Но знал бы ты, как я не хочу жениться! – не выдержав, воскликнул он. – Давай пока не торопить события, но обещаю, если у меня не будет выхода, я женюсь лучше на твоей матери, чем на ком-то еще.

– Я понимаю, – вздохнул Тур и пригладил отросшие волосы. – Я тоже не хочу жениться, но правители не вольны в своем выборе.

– Я не стану вас заставлять, – твердо пообещал Алан. – У тебя есть минимум пять лет, чтобы не думать о женитьбе. Сперва мы выдадим замуж Эвелин...

Дарен о чем-то сосредоточенно думал, ковыряя маленькую дырочку в кладке камина. Наконец он поднял голову и смущенно произнес:

– Ты же заказал портреты невест для Тура.

– Ну, присмотреть девушку надо заранее, познакомиться, пообщаться...

– А как же дочка Зиры, на которой он обещал жениться?

– Она же теперь моя сестра! – возмутился Турен, но без особого энтузиазма.

– Не по крови, поэтому, если ты все же влюбишься, я не стану возражать, – усмехнулся Алан.

Викторию веселили эти рассуждения, но она понимала, что такие вопросы следует обсуждать с детьми, чтобы потом у них не возникало желания что-то скрывать. И вдруг так остро, так болезненно накатила тоска по потерянному дому, по сыновьям, по внукам, которых она никогда не увидит, что Виктория качнулась, упершись рукой о стену. Как там ее мальчики? Хоть бы одним глазком посмотреть...

– А мне тоже надо будет жениться на принцессе? – отвлек ее вопрос Дара.

– А тебя это пугает? – сделал страшные глаза Турен.

– Я вообще не хочу жениться!

– Дарен, тебе не обязательно будет родниться с королевскими домами, – улыбнулся Алан. – А отчего ты так этого не хочешь?

– Эта Эвелин такая дура! – искренне воскликнул мальчишка. – А она ведь родня короля! Вдруг они все там дуры?

Алан лишь руками развел на это заявление младшего сына. А что говорить, когда Эвелин действительно не производит впечатление умной девушки. Зато она непосредственная и веселая, а еще коммуникабельная и милая...

Когда он выходил из комнаты, ему в спину неслись залиvistый хохот Турена, обиженное бормотание Дарена и веселый лай-вой Снега.

В кабинете его ждали хмурый Мэтью Гарнер и улыбающаяся Мая.

– Добрый день, сир.

Мэтью поклонился, Мая чмокнула герцога в щеку. Их отношения

так и не стали прежними, но Алан с удовольствием общался с этой задорной и неунывающей девушкой. Просто не доверял ей больше.

– Мирийские послы придут через сутки. Их корабль в дне от берега.

– Я не ждал, – Алан лихорадочно соображал, что это может означать?

– Среди послов есть друг Мати. Очень близкий друг... – многозначительно кивнул Мэтью, бросая на герцога внимательный взгляд. – Я считаю, им необходимо встретиться.

– Иверт это не одобрит, – Алан побарабанил по столу пальцами.

– А откуда он узнает? – беззаботно спросила Мая.

– Кир Алан, из Мирии приходят очень нехорошие слухи, и нам лучше заранее знать о планах ваших родственников.

– Мая рискует?

– Не больше, чем находясь рядом с вами.

– Мая, ты опять обманываешь Иверта. Мне это очень не нравится, сразу предупреждаю.

– Сир! – Мэтью откинулся на спинку стула и снисходительно улыбнулся. – Она не будет с ним ложиться в постель! Я же сказал – друг, а не любовник.

Виктория облегченно вздохнула, посчитала до десяти, чтобы унять злость, и только после этого спокойно произнесла:

– Надеюсь, так будет оставаться и дальше. Я не люблю... вертихвосток.

– Кого? – с любопытством переспросил Мэтью.

– Непостоянных девушек.

– Я стала очень постоянной с тех пор, как влюбилась в Иверта, поэтому тебе не о чем переживать, хозяин, – Мая показала язык и выпорхнула из кабинета.

– Несносна. Это моя вина – я ее баловал в детстве, и она всегда получала, что хотела, – произнес Мэтью, но раскаяния или сожаления в его голосе не было. – Сир, я привез последние отчеты о ваших финансах.

– Оставь, я посмотрю. Мэтью, у тебя нет на примете толкового человека, которому можно было бы поручить организовать сыскную службу?

Теневой король задумался.

– Не будь Мати девчонкой, я бы предложил ее. Она умна, изворотлива и умеет надавить, когда нужно. Она только кажется ветреной и глупой, на самом деле дочь сможет заменить меня через некоторое время. Ее уважают и побаиваются.

Алан недоверчиво улыбнулся. Нет, возможно, уважают, но бояться? Эту пигалицу?

– Сир, вам просто не приходилось видеть, как Мати владеет длинным ножом. Жаль, что она не парень. Хм... ну, для Виктории не имело огромного значения, парень или девушка. Ее волновало другое.

– А смогу ли я ей доверять? Ведь ее легко можно перекупить.

– А вы назначьте такую цену, чтобы это стало сложным, – не улыбаясь, предложил Мэтью.

– И какова же эта цена?

– Ваша дружба. Мати не показывает, но она очень переживает, что вы отвернулись от нее. – Он встал. – Но ведь наш разговор не может быть серьезным, женщине не место среди мужчин.

– Ты плохо меня знаешь, Мэтью, – осканился герцог. – Я собираюсь опровергнуть это утверждение.

Виктория давно планировала создать женский монастырь и дать его настоятельницам равные права с ксенами. Подрывать устои, так со всех сторон! Почему бы и не попробовать дать Мае шанс? Это стоило хорошо обдумать.

– Мэтью, не мог бы ты меня проконсультировать в вопросах семьи?

Гарнер поднял брови, ничем не выказывая своего удивления. Именно за это Алан его и ценил, за умение слушать и братья за любые дела, моментально просчитывая варианты и сулящую выгоду.

– Кем сейчас приходится Турену его мать?

– Никем, – не раздумывая, ответил теневой правитель герцогства. – В момент усыновления вами мальчика она была пленницей, лишенной имущества и прав. Во всех документах она проходит как вдова герцога Вас'Хантера кирена Валя. Без титула и земель.

– Но она племянница короля Ратии. Как мы объясним послам ее положение при...

– Дворе? Сир, перестаньте смущаться. Вы король и вождь, и все это... – Мэтью с улыбкой развел руками, – ваш двор. А кирену представим как вашу фаворитку. Это никого не удивит.

Ага, Версаль! В понятии Виктории королевский двор – это

вельможи и дамы в шикарных платьях, роскошь, балы, интриги, а не мрачное, продуваемое сквозняками каменное здание, в котором нормально отапливались лишь покои господина и его семьи, и где спокойно разгуливает убийца.

– Ты знаешь, что у нас произошло?

– Да, мне Иверт рассказал. Позвольте дать совет?

Алан кивнул. Советы от Мэтью Гарнера лишними не бывают.

– Ищите среди родственников и их приближенных, именно им ваше присутствие в крепости может казаться незаконным.

– И какие у них причины?

– Эвелин вы лишили отца и статуса выгодной невесты, кирену Валию – сына, барона Семуха – возможности выслужиться до генерала, – Алан удивленно поднял бровь. – Вы не знали, что герцог обещал ему звание и пенсию по выслуге? – Герцог отрицательно покачал головой. – Касима лишили комиссионных, которые он получал от купцов, делая закупки. Теперь золото платят мне. – Мэтью подбросил на ладони небольшой кошелек.

– Кто такой Касим?

– Ваш управляющий.

– Не знал, что у него еще и имя есть.

– Имя, любовница и долги.

– Долги?

– Долги есть у всех в этом списке, сир. Эвелин любит побрякушки, кирена Валия вынуждена сама покупать себе необходимое...

Алан почувствовал стыд. Опять его ткнули носом в собственную невнимательность. Очень хотелось обвинить в этом Валию, но это было бы несправедливо, поэтому он только скривился, но промолчал.

– Капитан недавно выкупил меч и кольчугу, которые ему явно не по карману, Касим слишком любит женщин и просаживает почти все деньги в борделе. Любой из них мог замыслить против вас, а рабы могли оказаться ненужными свидетелями.

– Ну, женщин можно исключить, – не согласился с ним Алан.

– Женщины могли нанять убийцу.

– Но зачем? Это бессмысленно!

Абсурд! Чтобы добраться до герцога, не было необходимости убивать столько рабов!

– Это нам кажется бессмысленным, сир, а понять женщин

невозможно. – Мэтью развел руками. – Прикажите Иверту проверить в первую очередь этих людей.

– Но Семух был со мной, когда это случилось!

– Вы уверены?

Алан задумался. Нет, не все время...

Он сел за стол, взял лист бумаги и расчертил его на графы. Время, действие, люди...

– Кира Турена я бы тоже внес в этот список, – тихо произнес Мэтью. – От вашей смерти больше всего выиграет он. Трон, мать, земли...

– Я не уверен, что замыслили против меня, – буркнул недовольно Алан, но имя Турена вписал. Нехотя, не веря в такую возможность, но...– Может, это просто маньяк, которому нравится убивать.

– Тогда убийств было бы больше, а они начались всего несколько дней назад. И новых людей в крепости не появлялось, кроме тех, кто пришел из Крови.

Мэтью ушел, Алан задумчиво склонился над бумагой. А если он прав? Ели это кто-то из близких?И еще Гарнер прав в оценке убийцы: тот не дурак, раз привязал череду смертей к приходу людей из Крови. Свалить ведь можно на кого угодно...

Алан откинул голову на высокий подлокотник и прикрыл глаза...

В углу за клубились тени. Виктория прищурилась и глубоко вздохнула. Все же опасность угрожает ей, иначе чего бы он пришел?

– Ну здравствуй, Алан.

– Ну здравствуй, галлюцинация.

Вадий белозубо улыбнулся, легко ступая босыми ногами по мягкому ковру. Прошел по комнате, остановился у камина, с интересом рассматривая портрет на раздаточной доске.

– Когда-то этот мир был более совершенен, чем Земля. Наука развивалась по другим законам. Здесь умели выращивать и заменять органы, лечить многие болезни, сохранять светлый ум до самого конца. То, что у вас называется эзотерика, в этом мире было очень развитой наукой. Ученые и исследователи не летали в космос, им это было не нужно, они умели выходить из своих физических тел и перемещаться на огромные расстояния в энергетическом теле. С развитием этой науки развивались и возможности «ходовиков» – ученых, практикующих и исследующих это явление. Со временем они научились изменять

биоэнергетику организма и разрывать связь с физическим телом. Тебе ведь известно понятие «управляемые сны», «управляемый выход»? – Виктория кивнула. – Владеющий этой технологией может притянуть душу в нужное ему место или занять ослабленное болезнью, наркотиками или алкоголем тело. Специалисты могут занимать только что умершее тело, излечивать его и спокойно в нем существовать.

– Ты хочешь сказать, что я тоже это могу?

– В тебе есть задатки, и если бы нашелся тот, кто тебя обучит, то вполне смог бы. Не знаю, как далеко, но взлететь над кроватью ты уже можешь. – Вадий улыбнулся. – Я вижу, как сейчас ты паришь над диваном.

– Потому что я сплю?

– Ты находишься в пограничном состоянии, – кивнул Вадий. – Ты ведь заметил, что наши встречи всегда происходят, когда твое сознание отключено. Это либо измученное болезнью или ранениями тело, либо легкий сон. Тот лишний орган, который ты обнаружил на изображении в анатомическом атласе, и отвечает за энергетический баланс в организме.

– Что случилось с планетой?

– Все очень банально. Извержение супергигантского вулкана. И развитая цивилизация ничего не смогла этому противопоставить. Один из материков был полностью разрушен и ушел под воду, жизнь на втором была смыта гигантскими цунами. По миру прокатились волны землетрясений, кое-где взорвались ядерные электростанции. Радиация. На четыре года повисло облако пепла, наступила зима. Вымерли животные, погибли растения. Большая часть населения, конечно, выжила. Правительства многих стран успели подготовиться к катаклизму. Но тут их настигла другая проблема. Война за ресурсы. Вместо того, чтобы объединиться, остатки человечества начали воевать. Ядерная катастрофа отбросила цивилизацию на сотни лет назад.

Виктория потрясла головой, потеряла виски и недоверчиво переспросила:

– Ты хочешь сказать, что кто-то перенес мое сознание в этот мир при помощи эзотерических технологий? Вадий кивнул. Какой-то он слишком серьезный.

– ...твою мать! А у меня спросили, хочу ли я? А видения рая? Это что, тоже галлюцинация?

– Может быть, он существует? Кто знает, сколько миров во вселенных?

Алан вскочил с места и заметался по комнате. Полученные сведения не умещались в голове. Это все было слишком сказочным. Слишком!

– Странно все это звучит, не находишь?

– Для меня – нет. Для тебя – да, но я постарался рассказать обо всем самым примитивным и доходчивым для тебя языком.

Алан решил не обращать внимание на примитивного. А что обижаться, когда по уровню сознания ему, похоже, никогда не дотянуться до собеседника.

– Выходит... я смогу вернуться?

– В свое тело – нет.

– Почему?

Болезненно заняло сердце.

– Некуда.

– Да, точно, меня же давно похоронили.

Виктория почти с ненавистью смотрела на черноволосого мужчину, стоящего напротив. Дать надежду – и тут же ее отобрать!

– Нет, ты была в коме.

– Была?

– Сегодня твои родные приняли тяжелое решение. Час назад врачи отключили аппаратуру жизнеобеспечения.

Ноги подкосились, и Виктория рухнула на диван. Она могла вернуться к семье! Могла увидеть детей, еще немного прожить рядом с ними! А теперь надежды нет. Никакой. Даже если она научится перемещать свое энергетическое тело между мирами, вернуться будет некуда. А если и получится, то ждет ее только сумасшедший дом после первого же посещения родных... В уме всплыли воспоминания о таких случаях. В газетах или новостях иногда проскальзывали сообщения о людях, помнящих чужие жизни, чужих детей, чужие секреты; о людях, говорящих на множестве языков и не знающих, откуда у них эти знания. А все, оказывается, очень просто... Когда-то для жителей этого мира это не было необычным.

– Алан, наш договор остается в силе. Выполни его, и мы что-нибудь придумаем.

– Да пошел ты!

– Я не виновен перед тобой,– в голосе Вадия проскользнула жесткая нотка. – Но я готов извиниться.

– Не нужны мне извинения. Научи меня.

Может быть, ей удастся увидеть своих детей хоть во сне?

– Проще всего входить в чужие сны. Мертвые часто так делают, когда им есть что сказать родным и связь с ними еще не ослабла. Я попробую дать тебе теорию, но что получу взамен?

– Я не стану бить тебе морду, – огрызнулся Алан в смеющуюся «морду».

Хотя... Виктория присмотрелась внимательнее. А ведь симпатичный мужчина. Жесткие, но не отталкивающие черты лица, и глаза красивые...

– Бешеный Кузнечик! Я нашел убийцу!

Алан вздрогнул и раскрыл глаза. Черт! Это был сон или правда? Как понять? Очередной выверт нездорового мозга, или так и было на самом деле? Библиотека. Следует немедленно идти в библиотеку. Не может быть, чтобы нигде не осталось хоть каких упоминаний об этих способностях. И Учителя. Обязательно поговорить с отцом Жиришем. Они явно что-то знают. Не могут не знать!

– Алан! Проснись! – В дверях стоял довольный Иверт. – Я нашел ур-рода!

– Уверен?

Алан потер виски. Как не вовремя. Столько вопросов не успел задать Вадю. Жди теперь, когда этот гад появится вновь.

– Мы бы еще долго возились, если бы не Оська. Хитрый он, – Иверт подошел в камину и протянул к огню руки. – Он по «очень большому секрету» рассказал всем в замке, что ты уже знаешь, кто убийца, но не хватаешь его, потому что решил посмотреть, кто тебе предан. А предан тебе тот, кто сообщит первым правдивую версию. Тому ты дашь золотой. А если кто тебя боится, то пусть он Оське сообщит, как твоему доверенному лицу. Все знают, что ты ему позволяешь многое. Поверили. Он мне притащил целый список подозреваемых. И знаешь, двое подошли! Неженка лично проверил их линии на ладони. Хотя метод Рэя мне понравился больше.

– Это который? – с интересом спросил Алан.

– Два удара по почкам и иголки под ногти.

– А если они невиновны?

– Ну, Рэй извинился, – пожал плечами Иверт. Он подошел к двери, открыл ее и скомандовал: – Забрасывай.

– Погоди, сперва надо застелить, а то грязи с него много. – В дверь протиснулся слегка смущенный Рэй. – Кир Алан, вы, это, не сердчайте сильно, немного разозлился я.

Следом за ним зашли двое «салажат» Иверта, синхронно поклонились и расстелили на полу какую-то серую тряпку, напоминающую замызганное одеяло, затем на нее из коридора швырнули «тело». Иверт самодовольно покосился на Алана, мол, как мои мальчики сработали?

Герцог усмехнулся. Молодые воины горца боготворили, хотя гонял он их нещадно и проклинали они его так же искренне, как и любили. В кабинет тихонько зашли Ворон и Неженка. Телохранитель встал у двери, а художник сразу прошел к дивану и сел на пол у ног Алана. Зачем его сюда притащили? Как свидетеля?

– Ну и кто это у нас?

В избитом окровавленном теле в мокрой одежде Алан никого не узнал. Но камень, который придавил сердце после разговора с Мэтью Гарнером, пропал. Это явно был кто-то чужой, а значит, можно больше не подозревать никого из членов семьи. «Если только его не наняли», – тут же влез противный внутренний голос.

Иверт наклонился и за волосы задрал голову бездыханного тела.

– Он мертв?

– Да еще дышал, как волокни, – растерянно пробормотал Рэй.

– Сдох, – недовольно констатировал горец. – Эх, а я хотел показать на нем одну занимательную казнь, которой мы казним убийц детей.

– Не узнаю, – Алан как ни всматривался, а не мог понять, кто это.

– Управляющий Касим, – подал голос Леонардо.

– Вы что натворили? Да не мог он быть убийцей! Вашу мать! Убили невинного человека!

– Хозяин, у него линии сошлись, – виновато прошептал Леонардо, словно это он избил несчастного до смерти.

– Да признался ур-род! – в сердцах воскликнул Рэй.

– А я предупреждал, – тихо произнес Ворон. – Но капитана можно было остановить только молотом.

– Так он же сбег! Уйти хотел через тайный ход, уже в горах взяли. Из-за него я в снег по пояс провалился!

– Да, это повод убить человека, – хмуро буркнул Алан. – Ворон, рассказывай.

– Оське кухарка шепнула, что покойный печник, перед тем как сгинуть, хвалился, что скоро разбогатеет, что он секрет услышал такой, за который ему кучу золота отваяют. Да только вместо золота получил шилом между ребрами. Я так понимаю, что в тот тупик, где мы нашли тела, он пришел получить плату за молчание. Потому что убили его там, кровь на земле была, остальные были задушены. Когда Касима взяли, он сразу сказал, что только с вами будет говорить, что он знает, кто за всем этим стоит. Мол, после того как вы узнаете правду, вы его еще и наградите.

– А потом сбежал, пока мы других проверяли, – попытался оправдаться Рэй виноватым голосом. – Ну как пошли за ним, так я и... сорвался.

– Я же говорил, бей вполсилы! – встрял Иверт.

Судя по довольной роже горца, его совесть не мучила. Главное, они поймали убийцу, а то, что он не выжил, так воля духов. Жизнь в этом обществе гроша ломанного не стоила.

– Так я и бил вполсилы, – поскреб Рэй макушку. – Видать, нечаянно сломал ему что-то.

– Уберите его отсюда, – устало приказал Алан. – Ворон, что он успел сказать?

– Что его наняли убить вас, когда вы только пришли в крепость, что потом этот человек передумал, но рабы и печник подслушали, и он, чтобы не подводить нанимателя, убрал свидетелей. По приказу. Он сам бы никогда и ни за что! И вас он не собирался убивать! Он бы признался! Но отказать этому неизвестному человеку не смог. А имя только вам скажет. Он не думал, что вы из-за рабов так осерчаете. Это же рабы, но они хотели денег, а денег у него нет. В общем, ни в чем не виновен. Рабы не люди, их можно убивать безнаказанно.

– И из-за несдержанности Рэя мы не узнаем имени заказчика, – Алан смотрел на Рэя, и тот ежился под его взглядом.

– Да я его один раз только и стукнул! Ну, может, три...

– И иголки под ногти.

– Не, это я только пугал!

– Испугал до смерти, – хохотнул Иверт.

– А ты зубы не скаль, задание твой отряд провалил, – жестко

произнес Алан. – Я сказал убийцу живым привести! А ты мне труп притащил! Мне теперь ходить и оглядываться, кто еще нож точит? А Зира? Если этот неизвестный решит ударить по ней, раз по мне не вышло? Пошли вон! Оба!

Алан был в ярости. Столько работы коту под хвост! Опросить людей, собрать сплетни, проверить подозрительных – и из-за глупой силищи некоторых потерять нить!

– Кир Алан, виноват... – начал Рэй, но, столкнувшись с взглядом воспитанника, попятился к двери. – Я потом зайду...

– Хозяин, – тихо позвал Леонардо. – Не кричите. Капитан не хотел, просто он за вас испугался. Как услышал, что это вас убить хотели, так и обезумел.

Художник бесшумно поднялся, в руках у него оказался уголь. Он оглянулся в поисках бумаги, не нашел и, подойдя к камину, снял с него поднос. Сел обратно, опершись спиной о диван, и начал быстрыми штрихами делать набросок. Алан вздохнул. Испуган и нервничает. Леонардо всегда начинал рисовать неровными штрихами, когда нервничал. Словно пытался выплеснуть негатив в рисунок. Действительно, нужно взять себя в руки. Уже ничего не изменишь, а поговорить можно и позже.

– Прости, Неженка, – чуть слышно произнес он и, подойдя к художнику, остановился за его спиной, бездумно глядя, как из коротких нечетких линий рождается голова тау. – И никакой зацепки...

Алан отошел к столу, потер кольнувшие болью виски. Кто? Зачем, было ясно – месть. А мстить могли многие. Тот, кому Касим не мог отказать, кто-то выше его по положению. Алан зло ухмыльнулся. Таких в крепости много, да и за ее пределами тоже. Тот же Чех или Гарнер... Он до сих пор не мог понять их мотивы.

– Хозяин, – позвал Леонардо, и Алан резко оглянулся. В голосе раба звучал испуг. – Я очень хорошо помню, что, когда рисовал в прошлый раз, тут ничего не было! – Он двумя руками держал на весу доску. – Здесь написано

«Эмилия».

– Где?

– Вот! – парень ткнул пальцем в самый уголок доски.

Если не присматриваться – можно подумат, что просто царапины от ножа.

– Узнай, кто, кроме Саша, заходил в кабинет, – бросил Алан Ворону.

Тот, как всегда при таких приказах, укоризненно посмотрел на герцога, но вышел в коридор. Намек или просто имя любимой девушки?

– Ты уверен, что этого не было?

– Уверен. Я в прошлый раз выбирал ровную сторону, поэтому осмотрел все.

Алан кивнул. Эмилия. Это ни о чем не говорило, женщин с таким именем среди его знакомых не было. Но, может, кто-то из любовниц старого герцога?

– В вашем кабинете, кроме Саша, никого не было, – подал от двери голос Ворон. – Ненадолго заходила его подружка, забрать белье в стирку. Больше никто не появлялся. Длань вернулся.

«Вот как, – хмыкнула про себя Виктория, – вовремя и, небось, уже в курсе происходящего». Дверь без стука распахнулась, и в кабинет вошел хмурый Алвис.

– Эмилия – имя маркизы Вас'Хантер.

– И тебе добрый день, Алвис. Странно выглядишь, – ехидно произнес Алан, рассматривая ксена. Потертая кожаная куртка на меху, черные штаны, заправленные в высокие сапоги, мохнатая шапка, которую Длань снял с головы и бросил на кресло. – Еще одна неучтенная дочь бывшего герцога?

– У герцога была одна дочь. Официально. Эмилия Вас'Хантер, которую вы знаете под именем Эвелин.

– ...?

– Давно я не слышал от вас новых слов, – улыбнулся Алвис и налил себя вина. – Ей не нравилось имя, и она приказала называть себя Эвелин.

– Так, может, Саш был в нее влюблен и выцарапал имя на доске от избытка чувств?

– Нет, хозяин, Саш любил Милу, – тихо произнес Неженка и сжался под взглядом ксена, он все еще его боялся.

– Ну что же, пойдём и спросим у юной маркизы, что она об этом всем думает? – решил Алан. – Ворон, ты с нами.

– Розги взять? – невинно поинтересовался послушник.

– Если это она заказчица, то я даже не знаю, что с ней делать.

– Она благородная дама, родственница королевского дома Ратии, – подал голос Алвис. – Смерть нескольких рабов – не повод казнить девушку.

– Хочешь правду, Длань? – Алан открыто посмотрел в глаза ксена.

– Если бы пришлось выбирать, то я бы предпочёл её смерть, а не смерть Саша.

– Киру Алану нужен был библиотекарь, и он его нашёл, – пояснил Ворон. Виктория зубами заскрежетала. Неужели не понимают?

– Эвелин – пустышка. Симпатичная внешность и пустая начинка.

– Она не глупа, просто слишком юная, милая и непосредственная, – не согласился с ним Алвис, открывая перед герцогом дверь и входя следом за ним в комнату Эвелин. – Она ничего не видела, кроме крепости. Где ей было учиться и набираться опыта?

– Саш тоже нигде не был, кроме крепости, – гаркнул Алан. – Однако он учился, потому что хотел этого! А из-за этой... дряни...

– Кир Алан, – с укором произнес за спиной Ворон. – Где ваша выдержка? Алан сжал кулаки, глядя на вскочившую с дивана Эвелин почти с ненавистью.

– Это не я! – закричала девушка. – Я не приказывала Касиму убить вашего раба! Он сам!

– Откуда знаешь про Касима? – резко спросил герцог.

– Слышала, как стражники разговаривали, – тут же выпалила Эвелин.

– Лжет, – коротко бросил Ворон.

– Я знаю.

Как это часто бывало у Алана, следом за вспышкой ярости пришла апатия. Ну вот он нашёл заказчика, нашёл виновного, и что дальше? Длань прав, убивать её не за что.

– Кирена, расскажите, как все было? – мягко попросил Алвис, беря девушку за руку. Она тут же попыталась её выдернуть, но не смогла. – Не бойтесь, вас никто не тронет, но кире Алану нужно знать правду.

Правда оказалась до банального простой – девица решила отомстить за смерть отца и не придумала ничего лучше, как нанять для

этих целей управляющего замка, который был вхож во все двери и ни у кого не мог вызвать подозрений.

– Он приходил ко мне с тканями и новыми нарядами, и мы обсуждали, что делать дальше. Но это было еще до того, как я познакомилась с вами, кир Алан! – заливалась слезами Эвелин. – А когда я вас узнала, я сразу сказала, что отменяю заказ! А Касим меня пугал, что вам все расскажет! Я ему колечко отдала и пообещала после свадьбы отдать еще из приданого, чтобы он вам не рассказывал. А рабы и печник подслушали наш разговор и... я не знаю, зачем он их убил! Я не говорила ему это делать! Я его боялась! Он мне угрожал! Почему вы мне не верите?

– Мы тебе верим, – Алвис прижал девушку к себе и погладил по спине. – Ты просто ошиблась, не подумала...

– А она вообще знает, что такое «думать»? – громко спросил Алан. – Ты ей веришь?

– Сейчас она не лжет, – Алвис достал откуда-то носовой платок и промокнул Эвелин глаза. – Она испугана, расстроена и сожалеет.

– Раскаялась, – зло бросил Алан. – Она притворяется.

– Нет, – покачал головой Алвис, не выпуская девушку из объятий.

Не будь Алан так зол, он бы обязательно съехидничал на тему «дружеских объятий», но сейчас больше всего ему хотелось придушить дуру.

– Стража!

В дверь заглянул один из воинов Хвата.

– Позови палача и пусть возьмет розги. Или ремень? – повернулся он к Алвису. – Как считаешь?

– Розги будут в самый раз.

Эвелин затравленно переводила взгляд с одного на другого, но не находила сочувствия.

– А после экзекуции...

– После чего? – Длань с любопытством поднял голову.

– После наказания кирене надлежит собраться и отбыть на фронт, в Кровь, где она и будет пребывать до тех пор, пока я не присмотрю ей мужа, – мстительно сообщил Алан.

Эвелин отшатнулась от ксена, упала ничком на диван и разрыдалась в голос.

– Лучше отдайте ее мне.

Алан и Ворон с одинаковым удивлением на лицах воззрились на Длань.

– На опыты? – подозрительно поинтересовался герцог.

Нет, он, конечно, зол на глупую девицу, но все же не настолько, чтобы отдать юное существо такому монстру, как Длань. Вдруг она с годами поумнеет?

Эвелин притихла, прислушиваясь к разговору, только плечи вздрагивали.

– Почему на опыты? – в голосе ксена слышалось веселье. – В жены.

– В жены? Тебе? Вот это? – Алан ткнул пальцем в сторону дивана.
– Алвис, ты в своем уме?

– Она милая.

– Она дура!

– Она чиста и невинна, а я смогу нарисовать на этом холсте то, что мне угодно.

Виктория стояла посреди комнаты и глупо лупала глазами. В ее мозгу не укладывалось, как такой мужчина как Алвис может позариться на такую девушку, как Эвелин? Зачем? Неужели любовь? Нет, скорее тонкий расчет. Она родственница короля Ратии, а значит брак с нею возвысит Длань и даст ему нужные связи, а этого допускать не хотелось. Девушку нужно использовать на благо герцога, а не Храма. Боже, какая она стала циничная!

Пришел палач. Алан ожидал очередной истерики, но Эвелин покорно легла на кушетку, только тихонько расплакалась от стыда, когда палач задрал пышные юбки и стянул до коленей тонкие панталоны с кружевом. Пока он порол девушку, Алан не произнес ни слова. Отстранено наблюдал за кружащей над крепостью черной птицей, думая совершенно о другом. О ванне, полной горячей воды, о стиральной машине, о запахе весеннего леса, о римских катакомбах... о чем угодно, кроме того, что делать дальше с девицей. Алвис стоял рядом и тоже смотрел в окно.

– Я Длань, мне нужна жена, с которой можно расслабиться, у которой не хватит ума участвовать в заговорах против меня. Жена, с которой можно мило провести время, но которая не будет требовать невозможного. Я смогу воспитать ее так, как надо мне.

«Мир иной, а люди такие же», – подумала Виктория.

– Мне этого не понять. Я сразу ищу подвох, особенно, когда это ты.

– Она двоюродная племянница короля Ратии, – одними губами улыбнулся Длань. – Это хорошая партия.

– Но какая выгода от этого брака мне?

– Разве вам не хочется породниться с Дланью Наместника?

– Это даст мне шанс дожить до нового года? – скептически поднял бровь Алан.

– Это даст вам шанс выжить, – совершенно серьезно ответил ему Длань. – Пришло время Разрушителя. Впереди много перемен.

Алан кивнул. И все равно это подозрительно!

Глава 7

Просили люди у богов знаний,

как им сдвинуть горы и расширить реки.

И вынес им коварный Вадий волшебный огонь,

который взрывался на солнце,

Предостерегал Ирий людей, не брать такие дары,

Но люди его не послушали и взорвали горы.

И обрушились они на селения, убивая все живое.

Хохотал Вадий и рыдал Ирий, видя это.

XXVII Песнь Жития

Алан сидел у камина и бездумно смотрел на огонь. На душе было пусто и тоскливо, никак не давали покоя слова Вадия. Неужели это все правда, и Виктория могла бы вернуться в свой мир? На Землю? Она произнесла это вслух, смакуя с детства знакомое слово.

– А хотелось бы тебе вернуться? – спросила сама у себя, продолжая внутренний диалог.

– Хотелось бы, – ответила твердо.

Хоть одним глазком увидеть детей, сказать, как она их любит, и... вернуться назад, в этот мир, потому что ее сыновья выросли, у них есть семьи, любящие женщины, а здесь у нее двое мальчишек, которых без Алана просто убьют, и еще один не рожденный, но уже любимый, и его судьба зависит от отца. Рэй, Зира, Иверт... их бросить она не сможет.

– Ничего, мы еще повоюем, да, Кусь?

Тау подняла голову и, внимательно посмотрев на хозяина, зевнула.

– Берт! – крикнул герцог.

– Я здесь, кир Алан, – краснощекий Берт с мокрой головой и следами снега на штанах протиснулся в узкую дверцу, которая вела в комнаты слуг.

– Чего ты такой красный?

– Да с вашими сыновьями в снежки играли, – смущенно потупился слуга. – Они крепость построили, вот и... ну как-то так. – Он смутился еще больше. – А вы помните, как мы малыши строили крепости?

– Не помню, Берт, – грустно улыбнулся Алан. – Я забыл все, что было до встречи с ведмедем.

– Вы очень не любили проигрывать, – вернул ему кривую улыбку Берт. – Какие будут приказания?

– Знаешь, есть хочу, – сказал Алан совершенно не то, что планировал сказать. – Удивительно, но я действительно голоден!

– Кир Алан, – всплеснул руками Берт, явно передразнивая Светику. – Счастье-то какое! Так я передам тетке Райке, чтоб собрала?

– Скажи, чтобы накрывала на стол, и пригласи мою семью. И еще, Берт, – слуга оглянулся. – Хочу, чтобы ты брал уроки риторики у мастера Семона.

Ведь наступит когда-то день, когда Берт узнает правду о своем рождении.

– Чего уроки?

– Вот того! – Алан усмехнулся. – Уроки правильной речи.

– А...

Берт вышел за дверь, а Виктория представила, как он сейчас в задумчивости лохматит белокурые волосы, гадая, что за очередная бредовая идея пришла странному герцогу в его многострадальную голову.

Через полрыски слуга вернулся, чтобы сообщить, что все собрались за столом, ждут только Алана. По мнению Берта, семья Алана состояла из двух его сыновей, Зиры, Алвиса, ксенят, Неженки, Рэя, Иверта, кирены Валии, Оськи и зареванной, испуганной Эвелин. «Немаленькая такая семья», – улыбнулась про себя Виктория.

– Добрый вечер, – Алан сел на отодвинутый Бертом стул и повернулся к испуганной Эвелин, которая примостилась на самый краешек скамьи. – Тебе удобно сидеть, кирена?

Девушка вспыхнула под его язвительным взглядом и затравленно посмотрела на Валию.

– Можешь удалиться, – снисходительно разрешил герцог, не обращая внимания на укоризненный взгляд Алвиса.

Эвелин покраснела еще больше, но поспешно вскочила и чуть не

бегом бросилась к выходу. Хват, стоящий у двери, вопросительно посмотрел на Алана, но тот не стал приказывать провожать маркизу. Вряд ли кто-то стукнет ее канделябром по голове. А жаль.

В большой столовой было тихо, так тихо, что Алан слышал, как снег стучит в окно. Опять все завалит, скоро по крепости можно будет только на лыжах передвигаться, с тоской подумал он.

– Итак, – Виктория поняла, что молчать не стоит. – Вы уже знаете, что Эвелин наняла бывшего управляющего, чтобы он убил меня. Думаю, они планировали отравление. Но в итоге погибли другие. Не буду скрывать, что я зол на маркизу и планировал сегодня же отправить ее в Кровь к брату Эдару, может быть, даже отдать замуж за горца, чтобы укрепить наш союз. – Иверт присвистнул, а Зира презрительно скривилась. – Но брат Алвис удивил меня. Он выразил желание жениться на Эвелин, поэтому пока она будет под домашним арестом, а затем я решу, что с ней делать.

– Вы дадите за Эвелин приданое? – тихо поинтересовалась кирена Валя.

– Да, как ее опекун я не отказываюсь от своих обязательств.

– Она поступила глупо, но я понимаю ее.

– Конечно, вы бы сделали все умнее, тоньше и результативнее. Если бы вы, кирена, решили меня убить, я бы был уже мертв.

– Даже не сомневайтесь, кир Алан, – светски улыбнулась Валя. – Но у меня нет причин желать вам смерти.

– Алвис, тебя укусила бешеная тау? – подал голос Иверт, и столько в нем было неподдельного удивления, что все повернули головы в его сторону. – Ты все же женишься на этой... – Зира пнула его кулаком в бок, и Иверт вовремя исправился: – На этой глупой девице?

– Женюсь, Ураган, если кир Алан даст согласие, – улыбнулся Алвис.

– Э... ну ладно тогда, – горец озадаченно почесал лоб и философски заметил: – Возможно, регулярная порка и семеро детей сделают ее спокойнее.

– Надеюсь, ее муж будет над этим работать, – совершенно серьезно сообщил всем Алан. – А теперь мне дадут поесть? – повысил он голос.

– Муж наш, не ругайся, – Зира легонько тронула его за руку. – Мы все опечалены тем, что произошло.

– Это уже произошло, поэтому не стоит о нем больше говорить.

– Ты мудр, мой вождь.

Алан не удержался и, наклонившись, поцеловал Зиру в лоб. При этом он успел заметить, как Валия отвела взгляд. Ей что, неприятно видеть такие вольности?

– Завтра прибывает посольство из Мирии, где вы планируете его разместить? – Алвис отрезал от большого куска запеченного мяса тонкую пластину и положил себе в тарелку.

– Не в крепости, – категорично заявил герцог. – Думаю, «Лисья нора» Кирима им вполне подойдет. Иверт, позаботься. – Горец кивнул. – Больше о делах ни слова, – Алан кинул на ксена предостерегающий взгляд. – Как прошел ваш день, парни? – обратился он к сыновьям.

Больше о делах не говорили, но все равно ужин душевным не получился, и Виктория с грустью констатировала, что настроение поднять не удалось.

Из столовой они вышли втроем: герцог и две женщины. И если с Зирой Алан худо-бедно определился, то как относиться к Валии, он так и не решил. Когда подходили к дверям Зириных покоев, она тихо произнесла:

– Муж наш, пусть сегодня Валия согреет твою постель, я устала.

– Э...

Алан на мгновение опешил, удивленно повернулся к Валии и встретил такой же растерянный взгляд и легкий румянец на щеках.

– Э... – ничего более путного в голову не приходило. – Зира, зачем?

– Ты молод, горяч и не должен спать один. У тебя две жены, и мне не хочется, чтобы твою постель согревали служанки. Это неправильно!

– Но... – тихо пробормотал Алан, не зная, как реагировать на это заявление.

– Это позор для жен, если их мужчина спит с наложницами! – припечатала гневно Зира. – Зачем тогда брать двух женщин в дом?

– Ласка! Я пока еще не женат на кирене Валии! – попробовал Алан воззвать к ее разуму. Бесплезно! Зира твердо для себя все решила и отступить не собиралась.

– И в этом мире женщины глупеют во время беременности? – пробормотал Алан по-русски.

– Значит, женись на ней по законам ее племени. Зачем ты тянешь? – Зира прижалась к герцогу, и он обнял ее за плечи. – Тур очень огорчается, – шепнула она и шмыгнула носом. – Мне так его жалко.

– Только не плачь! – Нет, это невыносимо! Скорее бы она родила! – Обещаю, я подумаю над твоими словами.

Зира потерлась щекой о его плечо, улыбнулась, позволила Алану поцеловать себя и скрылась за дверью, а герцог еще несколько секунд пялился в стену, переваривая услышанное. Нет, определенно, в законах горцев есть здоровое зерно, но как же он не любит, когда на него давят! Виктория понимала, что брак с Валией – это решение многих проблем, но... Черт бы побрал этих женщин!

– Ну что, кирена Валия, – наконец герцог повернулся к замершей за его спиной женщине. – Вы готовы исполнить долг жены и согреть мою постель?

– Если вы будете настаивать, – спокойно ответила Валия и взяла его под руку. – Но вы ведь не будете.

– Не буду, кирена.

Больше они не произнесли ни слова. Алан провел Валию до дверей ее покоев, сдал улыбающейся Светике и, позвав с собой Ворона, который незримой тенью следовал за ними, направился в библиотеку.

Большое полутемное помещение вызвало у Виктории благоговение и непроизвольную тревогу. Заваленный бумагами, освещенный множеством свечей деревянный стол был единственным островком света. Казалось, во тьме кто-то прячется, хотя Алан точно знал, там никого нет.

– Добрый вечер, – тихо поздоровался он, но все равно мастер Семон схватился за сердце. – Мастер, нельзя же так увлекаться. Вы ужинали? – укоризненно произнес Алан, подвигая стул к столу.

– Мы с отцом Крамером нашли очень интересные записи. Очень! Знаете, кир Алан, похоже, это тайная переписка некоей молодой кирены с одним из королей. Смотрите! – старый наставник шустро подвинул к Алану придавленные стеклом, исписанные мелким почерком листы, где округлые буквы чередовались с точками и тире.

– Видите?

– Мне незнаком этот язык, – улыбнулся Алан. – И что же здесь написано?

– Мы еще не все расшифровали, – тихо заметил сидящий в кресле Учитель. – Но то, что смогли прочесть, проливает свет на некоторые события, имеющие место в нашей истории.

Историю Виктория не знала, поэтому текст не вызвал у нее

никакого интереса. А вот точки-тире напомнили всем известную азбуку Морзе. Как жаль, что здесь не изобрели провода!

– Вы что-то хотели спросить? – мягко поинтересовался Учитель.

– Да. Не встречалось ли вам понятие бестелесного перемещения? Управляемые сны? Рассказы о том, как можно путешествовать, не покидая спальни?

Учитель внимательно смотрел на Алана, но прочесть что-либо по его глазам было невозможно. Зато подал голос наставник Дарена:

– Вам следует прочесть сказания Океании. В их сказках очень часто герои летают над морями и даже встречаются с многочисленными богами.

– Хороший совет, – задумчиво кивнул отец Крамер. – А почему вы заинтересовались этой темой?

Виктории очень не понравилось, что этот милый старикан заострил внимание на ее интересах. Пришлось врать.

– Когда-то нянюшка мне рассказывала сказки, и мне всегда хотелось узнать об этом больше.

– Скорее всего, она вам и пересказывала Сказания, – улыбнулся мастер Семон и, потеряв интерес к разговору, склонился над письмом.

– Не буду вам мешать, – откланялся Алан. – Приказать подать ужин?

– Что вы, кир Алан! – замахал руками Учитель. – Как можно принимать пищу в этом храме знаний? Это кощунство!

Алан улыбнулся и не глядя снял с полки небольшую книгу, после чего направился в свои покои. Пока шел по библиотеке, ощущал тяжелый, давящий взгляд в спину. Ох, зря он задал свой вопрос при отце Крамере. Зря.

Книга оказалась летописью деяний какого-то Взывающего. Весьма познавательное и занимательное чтение, жаль, написано очень витиевато и нудно. Зато через пять страниц Виктория начала зевать, а спустя еще две страницы задула свечу и провалилась в сон, даже не успев подумать о прошедшем дне.

Проснулась она от того, что задыхается. Болела шея, которую обхватывали сильные пальцы. Алан попробовал дернуться, вывернуться из захвата, но незнакомец сильнее сжал пальцы, давая понять, что шутить не намерен. Перед глазами замелькали желтые круги, в висках начали стучать молоточки, а под черепом забила болезненная мысль –

если это переворот, то что случилось с детьми и Зирой?

– Алан, кто вы такой?

Хватка ослабла, но руку с шеи не убрали. Сейчас можно было бы дернуться, но Алан понимал, что вряд ли победит из такого положения – лежа под одеялом.

– Ответьте и будете жить.

Нет! Пожалуй, сразу стоило догадаться, кого именно старик Крамер пришлет задать герцогу неприятные вопросы. Ну и жди ответы! Накатила злость и глупое упрямство, Алан закрыл глаза и начал про себя напевать: «Взвейтесь кострами, синие ночи...» Один черт, синяки на шее останутся. Убивать его Алвис не станет, а устраивать драку пока рано, не в том он сейчас положении, чтобы дергаться.

– Кто за вами стоит, кир Алан? Простой конт с фронта не может знать о самой большой тайне Ордена. О ней не знают даже Приближенные.

– Интересно, при помощи управляемых сновидений можно передавать информацию? А я еще гадал, каким образом вы так быстро узнаете новости? Занимательно...

Длань убрал руку с шеи, но теперь Алан почувствовал холод стали, упирающейся в кадык. Он замолчал. А о чем еще говорить? Оправдываться – глупо, рассказывать правду Виктория не собиралась, так что пошел Алвис в сад! Интересно, где охрана? Если они пропустили Длань, значит, нужно избавляться от таких телохранителей. А жаль, она успела привыкнуть к ксенятам, даже иногда забывала, что они приставлены к ней в качестве соглядатаев.

– Я могу убить вас, кир Алан.

Виктория представила лицо Длани – сосредоточенный взгляд, уверенность – и улыбнулась.

– Можешь.

– Вы не боитесь. Не верите или считаете, что Храму вы нужнее живым?

– Хотел бы убить, уже давно бы прирезал, – безразлично произнес Алан. – Или убивай, или исчезни, я спать хочу.

– Кир Алан, – нож от шеи убрали. – Зря вы считаете себя неуязвимым и незаменимым.

– Я не считаю так, Длань.

– Не забывайте, что у вас есть дети и женщина. Если я не получу

ответы на свои вопросы, они умрут. А вы останетесь жить. Я постараюсь обеспечить вам долгую жизнь. Жизнь с чувством вины.

А вот это он зря сказал. За себя Виктория не боялась, устала бояться, но угрозу своим близким восприняла очень серьезно. Холодная ярость привычно омыла душу, выдавливая все другие чувства, прочищая мозг и приводя мысли в порядок.

– Алвис, будь осторожен.

– Буду.

Алан не слышал, как закрылась дверь, но он понял каким-то шестым чувством, что Искореняющий покинул комнату. Первым желанием было броситься проверять, как там мальчишки и Зира, но Алан не стал поддаваться этому порыву. Разговор только начинается, Длань открыто дал понять, что желает получить ответы любым способом. Ну что же, Алан тоже может быть непредсказуемым. И свой ход он сделает очень скоро.

Виктория закрыла глаза и попыталась заснуть, но сон не шел. Она встала, на ощупь нашла теплый стеганый халат, сунула ноги в меховые ботинки и вышла из спальни. В кабинете, естественно, никого не было, рукопись лежала на столе, там, где она ее оставила вчера вечером. Интересно, ксенята уже сняли копии? Зажгла от тлеющих углей свечи. Если спать не хочется, стоит немного поработать.

Виктория села на диван и откинула голову на твердую спинку. Шея болела, неприятно ныло сердце, но голова была на удивление светлой. Она ожидала от Алвиса чего-то подобного: не может змей стать котенком, так не бывает, и стать другом старый враг тоже не может. Давно пора расставить точки в их отношениях, только сделать это надо с умом. Она горько усмехнулась. До чего ты дошла, Вавилова? Сидишь и спокойно планируешь убийство человека, который тебе небезразличен. «А что делать, — тут же ответила она сама себе, — если он стал угрожать моим детям?» Разве у нее есть выход? Или быть первой, или проиграть.

Сами собой закрылись глаза. Немного посидеть, а потом написать пару листов о будущей религии...

Уже проваливаясь в дрему, Виктория уловила едва слышный свист и знакомый голос. Он звал ее по имени, по ее прежнему имени. Чертов Вадий, что ты опять задумал?

— Иди ко мне, Викушка, — невидимый Вадий насвистывал

веселую мелодию, очень напоминающую песенки Оськи.

Викушка... смешно. Да ее так уже лет двадцать никто не называл! Но не раздражало, наоборот, повеяло теплом, захотелось подурачиться. Только вот куда идти?

— Закрой глаза и иди на голос.

«Ладно, попробуем, коль так приглашают».

Виктория встала с дивана и, вытянув руки, направилась на тихий свист. Шаг, второй, третий; сейчас она упрется руками в стену, и на этом все закончится. Пятый шаг, седьмой, десятый, двадцатый, и она не выдержала, распахнула глаза.

Вадий сидел на крепостной стене и с улыбкой смотрел на Викторию, так и застывшую с вытянутыми вперед руками.

— Ты такая смешная, — произнес мужчина и улыбнулся.

Смешная? Он говорит о ней как о женщине? Виктория перевела взгляд на руки и испуганно дернулась. Тонкие девичьи запястья, длинные пальцы, синие вены просвечивают сквозь белоснежную кожу. Она опустила голову и провела руками по телу, словно оглаживая его — небольшая грудь, плоский живот, изгиб бедер. Этого не может быть! Виктория задыхнулась от нахлынувших эмоций, глаза наполнились слезами. Она подняла руку, чтобы смахнуть слезы, и замерла. Волосы! Длинные темно-рыжие волосы! Твою мать!

— Я была брюнеткой.

— Прости, — развел руками Вадий и легко соскочил с каменной кладки. — Какое тело было под рукой, такое тебе и дал.

— Это... — спазмы перехватили горло, стало трудно дышать. Виктория согнулась, оперев руки в колени, и резко выдохнула: — Это... мое новое тело?

— Прости, но нет, — Вадий подождал, пока она отдышится, и протянул руку. — Пойдем, я покажу тебе зимнюю ночь.

— Сперва поясни! — Виктория гневно сверкнула глазами.

Рациональный ум требовал объяснений, и она собиралась получить их немедленно. А потом, потом она все же двинет кулаком в эту наглую рожу!

Вадий тихонько рассмеялся.

— Подумай сама.

— Я на улице, здесь зима, идет снег, но мне не холодно, — Виктория догадалась и кивнула своим мыслям. — Но тело? Чье оно?

Оно так реально.

— Какая-то девушка, — пожал плечами Вадий. — Пока она спит, я взял ее образ.

— Хочешь сказать, что я могу его занять и в реальности?

— Нет, конечно. Пока нет...

Виктория все же приняла руку Вадия, про себя отметив, что впервые с момента их знакомства он дотрагивается до нее. И она тут же об этом спросила.

— Это твой сон, мы здесь оба в виде энергетических тел.

— Стоп! — Виктория подняла руку. Черт, как же непривычно вновь видеть женскую ладонь! — Выходит, я смогла покинуть тело? — Вадий загадочно улыбнулся и кивнул. — И здесь мы оба воображаемы? — он скривился, но кивнул еще раз. — Не кривись, — отчего-то развеселилась Виктория. — Как могу, так и объясняю, это же ты у нас ученый, а не я!

Вадий притворно вздохнул и взмыл вверх, увлекая ее за собой.

— Ой! Если я тут как бы понарошку, то отчего у меня дух захватывает?

— Тело очень близко, ты чувствуешь его реакцию.

Они зависли над Белой крепостью. Сверху мрачное строение выглядело как россыпь огромных белоснежных сугробов, только широкая дорога вилась вниз среди гор, да виднелось вдали темное пятно — море. Сам городок на берегу спал — не светились окошки, не горели факелы, — а вот дальше все было затянуто густым туманом.

— Боже, как это красиво, — шепнула Виктория. — Так, а давай-ка слетаем на фронтир. Хочу посмотреть, как там продвигается строительство моего города, и не мешало бы слетать посмотреть, где генерал...

Вадий рассмеялся — искренне, весело и задорно, да так заразительно, что Виктория не выдержала и улыбнулась в ответ.

— Ты неподражаема! Даже во сне ты желаешь все контролировать! Но пока не получится, ты и так задержалась непозволительно долго. Смотри, как бы не убили во сне. Тебе пора возвращаться.

— Эй! Погоди, а как?..

Но тело со стремительной скоростью уже летело куда-то во тьму, лишь мелькал небольшой огонек. Виктория осознала, что сидит на диване с открытыми глазами и смотрит на пламя свечи.

— Охренеть, — с блаженной улыбкой на губах прошептал по-русски Алан. — Даже думать не буду, как это все происходит, какие лишние органы за это отвечают, магия это или мой личный бред, потому что запутаюсь еще больше, но это было великолепно! Даже если это шизофрения и всего лишь галлюцинации, это все равно было великолепно!

И, главное, какие возможности это открывает и... на какие рассуждения наталкивает. Обязательно спросить у Вадия, можно ли прочесть чужие мысли, прошлое или знания, войдя в чужой сон? Или это уже из области фантастики? Ах, как жаль, что в свое время она совершенно не интересовалась эзотерикой! Придется учиться всему с нуля.

«Если тебе это позволят, — влез неугомный внутренний голос. — И не забывай, что здесь это свойство организма, наука, исследования, оттачиваемые веками, а не сведения, почерпнутые из брошюрки “Что мне надиктовал неизвестный голос”».

— Разберемся! — Настроение было отличное, давно уже она не чувствовала такой эйфории и подъема. — А теперь пора заняться делами.

Алан выглянул в коридор. За дверью, прислонившись к стене, дремал один из ветеранов.

— Пип! — Воин дернулся и вытянулся в струнку. — А где Лис?

— Его с вечера Учитель отправил с поручением в храм, к брату Чеху, а Ворона брат Алвис на вечерней тренировке зашиб маленько, в лазарете парень. Он порывался прийти, да Рэй приказал привязать к кровати и не пущать, значицца. Длань сказал, что у него головы сотряс, ему три дня вылежаться надобно, вот капитан, значицца, и осерчал.

— Позови ко мне Иверта и Рэя, только тихо, чтобы никто не знал.

— Есть! А как же вы один?..

— Ступай, я справлюсь.

На душе потеплело. Все же ксенята не предали Алана, а их очень аккуратно устранили. Ну хоть за это спасибо, брат Алвис, что не дал парням мучиться сложным выбором. Хотя... интересно, что бы они выбрали — приказ своего наставника или приказ Длани? Кому они верны — Храму или лично отцу Паулю? Себя Алан в этот список не включал, понимая, что тринадцать лет полного послушания одному человеку просто так из головы не выбить.

«Неверная система, ну ничего, мы ее сломаем».

«Если успеем», — опять не промолчал внутренний голос.

Рэй и Иверт пришли одновременно. Рэй даже не удосужился надеть теплую рубаху, так и пришел в сапогах, штанах и развязанной на груди нижней рубашке. Зато с мечом. Иверт, в отличие от него, был экипирован по полной, но зевали они одинаково. Алан усмехнулся.

— Иверт, ты спал одетым?

— Э, нет, что я, свинопас какой, что ли? Просто салаг хочу вывести в горы, пока утро не настало.

— С ума сошел? Они у тебя все отморозят! — Алан оглянулся на окно — за мутным стеклом шел снег.

— Да они у него уже отмороженные, — буркнул Рэй и сел на жалко скрипнувший под ним диван. — Вчера друид жаловался, что у него все мази от обморожения перетаскали Ивертовы воины.

— Отморозки, — Алан зло улыбнулся. — Ну что же, Иверт, будет твоим отморозкам хорошая тренировка сегодня, — он понизил голос. — Хочу, чтобы они взяли Учителя, наших ксенят и Алвиса.

Только треск дров в камине и два удивленных взгляда были ему ответом.

— Что у вас с шеей? — Рэй зашарил по бокам, но вовремя спохватился, что карманов с морковкой нет.

— Алвис приходил, — сразу догадался Иверт. — Оська, сын блудливого барана, вылезь из-под дивана!

— А я что? Я ничего. А ты сразу орать и пинаться! — обиженно заюлил шут, ужом выползая из-под дивана и шустро уползая на карачках в дальний угол. — Я охранял герцога! Вот! — он издали показал небольшой острый нож.

— И давно ты меня охраняешь? — Алан с любопытством посмотрел на шута. Как много он слышал и какие выводы сделал?

— Ну, я слышал, о чем наш умный ксен спрашивал у глупого герцога, — Оська сел, скрестив короткие ножки, и многозначительно закивал, точно японский болванчик. — Но этому бешеному горцу я ничего не скажу, все равно не поймет!

— А ты понял?

— Конечно! Оська умеет слушать и подслушивать, он слышал разговор Длани и старого дядьки в белом балахоне.

— Почему мне ничего не сказал? — Алан нахмурился. Коль Оська

промолчал, значит, разговор был слишком опасным или, наоборот, слишком незначительным.

— Придушить его, — Иверт, как всегда, был категоричен.

— Я хотел! — искренне воскликнул шут. — Но Рука — это не какой-то там глупый горец, он меня поймал! И подкупил! — гордо сообщил он. — Теперь я шпион Храма в этой крепости!

— И что он тебе пообещал? — Рэй положил меч на колени и многозначительно постукивал по нему пальцами.

— Не отрезать язык и уши, — начал загибать пальцы шут. — Не сажать в клетку, не рассказывать Иверту, кто сообщил Мае о его любовных похождениях, и не сообщать капитану Семуху, кто спер у него вот этот ножик.

— Повесить на крепостной стене, — коротко предложил Рэй.

— Нет, лучше сделать из него ледяную статую и поставить посреди двора, — не отставал от капитана Иверт.

— Хватит, — Алану надоело слушать кровожадные планы друзей, и он прекратил дискуссию. — Оська, как считаешь, куда лучше всего поместить Длань?

— Оська покажет Алану-балану одно очень жутенькое местечко. Там небольшая дыра в скале, если ее заложить камнем, то получится могила, — он захихикал. — Рука не выберется и не надерет Оське уши!

— Отлично. Покажешь потом.

Оська самодовольно выпятил грудь и показал Иверту средний палец и язык одновременно. Паршивец! И запомнил же, что означает этот жест.

— Рэй, — капитан серьезно и хмуро кивнул, — в операции будут участвовать только наши ветераны и отморозки Иверта. Все нужно сделать тихо и бесшумно. Ворона и Лиса поместить в комнатах без окон и без камина, в тех, что отапливаются печами из коридора. Раздельно. Я хочу, чтобы они не знали о судьбе друг друга. Учителя пока запереть в его комнате, поставить охрану и запретить твоим людям входить внутрь. — Алан вопросительно посмотрел на капитана, все ли ему ясно? Рэй кивнул. — Лис сейчас в городе, вернется утром, тогда его и возьмешь. Постарайся, чтобы никто не пострадал. Они нам не враги, просто я хочу отрезать Длань от поддержки. Это ясно? — Рэй опять кивнул. — Алвиса будут брать отморозки Иверта, надеюсь, ты

справишься?

— Алан повернулся к горцу. — Ураган, будь предельно осторожен, сам в бой не лезь, дело командира — командовать, а не воевать, — жестко пресёк он попытку Иверта возмутиться. — Алвису сразу кляп в рот, повязку на глаза и веревки на руки и шею. Помните, один раз мы уже упустили его.

— Не мы, а ты, — поправил Иверт.

— И не упустили, а отпустили, — добавил Рэй.

— В этот раз все по-другому, он угрожал моей семье.

— Он вас специально провоцирует, — Рэй тяжело поднялся. — Не полезет он к детям.

— Я это прекрасно понимаю, Рэй, но он дал мне повод, и я им воспользуюсь.

Соратники молча кивнули. Виктория смотрела на сосредоточенные и решительные лица и чувствовала бесконечную благодарность. За верность, поддержку, дружбу и

доверие, за то, что они не задают лишних вопросов, на которые у нее нет ответов, а если и есть, то озвучивать вслух их нельзя.

— Справимся, кир Алан, запрем ур-рода. Да только что вы потом делать будете? — спросил Рэй.

— А потом я буду торговаться, — криво усмехнулся Алан, понимая, что план шаткий и пестрит дырами, как рубашка нищего.

— Храмовникам это не понравится, — весело оскалил зубы Иверт.

— С Наместником? — уточнил Рэй.

— С Учителями, — поправил его Иверт и поднялся. — Во сколько начинаем, вождь?

— Собирайте людей и приступайте. Оська, пошли, покажешь свое жутенькое местечко.

Местечко Виктории показалось идеальным для того, что она задумала. Каменный мешок, который перекрывал железный щит, закрепленный на вбитых в скалу петлях. Места внутри хватало только чтобы сидеть или полулежать. Действительно, если заложить камнем, то получится вечный саркофаг.

— Холодно здесь, — поежился Алан, поднимая факел выше. — Так что ты подслушал, Оська?

— Как старикан сказал Руке, что тебя надо допросить. А еще про то, что ты пришел к нам извне.

— Откуда?

Виктория сжалась от дурного предчувствия, и только усилием воли ей удалось сдержать непроизвольную дрожь в руках.

— Извне, — Оська стал необычайно серьезен. — Раньше многие умели уходить и возвращаться за грани, но потом разучились, и теперь никто этого толком не умеет. Наши шаманы могут входить в мир предков и приводить оттуда заблудившихся, тогда люди излечиваются от болезней и даже не умирают. А раньше умели занимать чужие тела и даже жить в этих телах. Старик говорит, что ты занял чужое тело, и нужно узнать, кто ты на самом деле и какие у тебя цели. И кто же ты, Алан-балан? Анчута?

— Когда я это узнаю, ты будешь первым, кому я сообщу эту новость, — грустно отшутился Алан.

— Ты прекрасно знаешь это, Алан Большой Врунишка. — Шут ткнул герцога в живот пальцем. — Но мы тебя любим даже таким ненормальным, хотя иногда твоя глупость удивляет даже меня.

— Спасибо, Оська, — улыбнулся Алан. — Покажешь Иверту это место?

— Ага! — и шут припустил вперед по коридору, прекрасно ориентируясь в темноте.

Алан прижался лбом к холодной шершавой стене. Значит, Учителя знают о том, о чем рассказал Вадий. В принципе, ничего удивительного — никто ведь не утверждал, что он единственный, кто может навещать свой старый мир. Или этот мир не его? Потому что если то, что он рассказал — правда, то выходит, он живет пятьсот лет? Перемещаясь из тела в тело? Но... нет, в это Виктории было сложно поверить. Она умом понимала, что сейчас живет среди народа, отличающегося от привычных для нее людей и анатомией, и продолжительностью жизни, и даже возможностями разума. Понимала, но продолжала измерять все старыми понятиями. Сложно отказаться от вдолбленных с детства стереотипов и принять то, что в прошлой жизни считала шарлатанством и сказками.

Навстречу вынырнула темная фигура, и тихий голос Хвата сообщил:

— Учитель и Ворон изолированы. Старый ксен просит вас не совершать необдуманных поступков.

— Он не спал?

— Да кто его знает, кир Алан? — развел руками десятник. — Но сразу почувствовал, что за дверью встала стража да лучники под окном. Через дверь попросил передать.

— Что Иверт? — они стремительно шагали по коридору в сторону покоев Алана.

— Пока вестей нет. Рэй меня к вам послал, чтоб вы не ходили по крепости без охраны, — нахмурился Хват. — Вы уж постарайтесь не сбегать от моих парней, я к вам двоих приставлю. Кир Алан, можно сказать? — Алан кивнул. — Жалко мне ксенят. Вы ежели их порешить надумаете, то яд у меня есть. Сильный. Сразу убивает. Для себя берег, когда с генералом в последнюю кампанию на горца ходили, ну как в плен возьмут... — Хват смущенно замолчал.

— Спасибо, — Алан положил руку на плечо ветерана, сжал. — Спасибо, Хват. Господи, не дай принимать такое решение!

Сменился утренний караул, а от Иверта не было никаких вестей. Зато заходил Рэй с пучком моркови и хмурым лицом. Лиса он лично проводил до его новых «апартаментов», и парень, не ожидавший подвоха от капитана, понял, что его арестовывают, только когда Рэй попросил сдать оружие.

— В глаза ему смотреть не мог, — жаловался великан, баюкая в огромных ладонях хилую кривую морковку. — Предателем себя ощущаю. Он же за вас чуть не погиб, а мы его... эх...

— Сопrotивлялся?

— Нет, улыбнулся и отдал оружие. Сказал, что хоть выпится.

— Молодец.

Виктория вздохнула с облегчением. Пока не пролита кровь, еще можно надеяться на лучшее, а ей очень этого лучшего хотелось. Иначе — война, война на полное уничтожение, и она не была уверена, что сумеет в этой войне победить. Хотя...

Алан сидел напротив камина, вытянув к огню ноги, и рассуждал. Что, если Учителя не пойдут на уступки? Убить Алвиса, отца Крамера, мальчишек? Придется убить, иначе все это будет выглядеть как пустые угрозы, а этого он позволить себе больше не мог. На кону стояли жизни его сыновей, его неродившегося ребенка, его соратников. Он сделает это. А потом вырежет всю верхушку Храма за то, что они заставили его так поступить.

«Боже, Виктория, — взывала в душе женщина и зашлась

рыданиями. — Кем ты стала?»

— Я Алан Бешеный Кузнечик, вождь, герцог и отец! — вслух произнес Алан и поднялся. Привычная злость на самого себя прочистила мозги, заставляя разум трудиться.

— Я...

И тут дверь распахнулась, и в нее просунулась голова Рэя.

— Взяли Длань. Без жертв, только Иверту зуб выбил, да и то оттого, что горец первый полез: обиделся, видишь ли, что ксен оказался не таким благородным, как ему хотелось. — Рэй потер переносицу и устало спросил: — Что дальше?

— Дальше я иду спать.

А пленники пусть пока промаринуются в собственных мыслях.

Удивительно, но остаток ночи Алан крепко спал. Совесть молчала, разум не протестовал, даже интуиция не подавала признаков жизни.

Утром его разбудила Кусь, которую привел Дарен.

— Пап, ты завтракать будешь? Меня Тур послал спросить. — Дар хитро улыбнулся. — А мама Зира ремонт в своих покоях затеяла, — выпалил он и залез на кровать. — Они с мамой Турена кроватку детскую велели принести, вымыть ее, зашкурить, новым пухом матрас набить. А еще Зира хочет переставить мебель в своей комнате, а мама Валия будет вышивать одеяло для малыша! Странные они какие-то, — потер он нос.

— Нормальные, — взъерошил волосы сыну Алан. Тот, как всегда, попытался увернуться. — Это у всех беременных бывает, гнездоваться им хочется.

— Как птичкам? Гнездо свить, всего в него натаскать и потом яйца отложить? — недоверчиво посмотрел на него сын. — Чтоб ребеночку было уютно?

— Ага. — Алан сладко зевнул. — А что, уже завтрак?

— Да уже второй караул сменился! Ну ты и засоня, папа! — Дар захихикал и, позвав Кусь, убежал, на прощание выпалив: — Тетка Райка сказала, что в малой столовой накроет!

Алан усмехнулся. Давно он так долго не спал. Что значит чистая совесть! В комнате его уже ждали Берт и девушка-рабыня с чистой одеждой. Алан неторопливо и тщательно оделся, побрился, вместо газеты выслушал местные сплетни, которыми его каждое утро снабжал Берт, и только через полчаса направился в столовую. За спиной у него

тут же пристроились двое ветеранов. Непривычно. Но что поделать, с ксенятами он собирался разговаривать после завтрака.

Столовая его встретила громким хохотом. Алан даже застыл на месте, несколько раз моргнул и незаметно ущипнул себя за ляжку. Снежная королева смеялась! Нет, она хохотала! Зира заливалась смехом, держась за живот, Турен и Дарен уже хрюкали, на глазах Эвелин блестели слезы, она прижимала к губам платочек и тихо хихикала. А перед ними на стуле стоял Оська с задранной вверх рукой и зверским выражением лица.

— Доброе утро.

Ответом ему был взрыв смеха. Чертовски неприятное ощущение, словно подсмотрел или подслушал что-то интимное. Явно Оська рассказывал о нем.

— Над чем смеетесь? — Алан прошел к своему месту между Зирой и Валией, поцеловал Зиру в щеку и сел.

— Ваш шут рассказывает, как вы стали Бешеным Кузнечиком, — со смехом сообщила Валия. — Кир Алан, я не думала, что вы такой жере... — она прикрыла рот ладошкой и хихикнула.

С ума сойти! Валия умеет хихикать?

— Кто? — подозрительно прищурился Алан.

— Прыг-скок от горянки к горянке, прыг-скок, никого не пропустил наш прыгучий кузнечик, — пропел Оська и, спрыгнув со стула, рванул к двери.

Черт бы побрал этого шута! Вот так и рождаются легенды о неумомимых мачо и половых гигантах.

— Да уж, придется нести почетное звание секс-идола в массы, — пробормотал Алан по-русски и подмигнул Турену.

Но в душе Виктория была благодарна Оське, потому что холод в отношениях, который преследовал их последние дни, исчез. Даже Эвелин робко улыбалась. Правда, она старательно не смотрела Алану в глаза, что тоже было хорошо. Пусть боится. Да и улыбающаяся Валия нравилась Алану намного больше той холодной ледышки, которой она постоянно притворялась.

Герцог подвинул к себе тарелку с кашей, не жалея полил маслом и приступил к еде, старательно не думая о том, что ему предстоит сделать после завтрака.

— Муж мой, — Зира прильнула к нему и обхватила за руку. — Я

всегда знала, что любая женщина пойдет за тобой, если ты только этого захочешь, поэтому не сердись на Оську, что он нам все рассказал.

— Зира! — улыбнулся Алан, не зная, ругаться ему или хохотать. — Да ведь все было не так, как он тут сочинил! Тебе же Иверт рассказывал!

— История Оськи делает вас, кир Алан, более привлекательным мужчиной, чем любая правда, — тихо произнесла Валя и лукаво стрельнула глазами.

О боже мой, она что, заигрывает? Нет, определенно пора делать ноги!

— Турен, Дар, проводите женщин, а мне пора.

Алан поцеловал Зиру в живот и быстро ретировался. И пока стремительно шел к выходу, ощущал спиной горячие женские взгляды. Это немного пугало, и если горянка уже прочно заняла свое место в его душе, то что делать с такой Валией, он просто не представлял. Нет-нет, лучше встретиться с Алвисом и Учителем, чем думать, с чего это кирена Валя сменила гнев на милость.

Но первым он посетил Ворона. Парень спал, лежа на животе, но стоило Алану войти, как он распахнул настороженные глаза.

— Как себя чувствуешь?

Герцог взял стул и сел рядом с кроватью, внимательно наблюдая за послушником. Выглядит бледным, синяки под глазами, заострившиеся черты лица, повязка вокруг головы в желтых пятнах — похоже, лекарь не сэкономил на мази. Хорошо его Длань припечатал.

— Чем это он тебя?

— Кулаком, — Ворон чуть улыбнулся, при этом внимательно следя за руками Алана. — Я пропустил удар, оступился и упал назад, ударился затылком о помост для оружия. Сильно ударился.

— Думаешь, случайность?

Парень поправил подушку и сел, задумался на мгновение. Алан ждал — от ответа Ворона многое сейчас зависело.

— Нет, это не случайность, кир Алан. Длань хотел меня ранить, и он меня ранил. Потом я узнал, что моего напарника он отправил с поручением в город. Судя по вашей шее, вы повздорили с братом Искореняющим? Вы живы, а он не приходил меня проведать... Вы его убили?

Спокойный взгляд, спокойный голос, только чуть-чуть расширены

зрачки, да капля пота на лбу, но пот может быть оттого, что парню нездоровится. Алан молчал, затягивая ответ, а потом медленно произнес:

— Он устранил вас, потому что не был уверен, чью сторону вы займете.

— Я долго рассуждал об этом и думаю, вы правы.

— Возможно, он спас вам жизнь, Ворон. И я этому очень рад.

Алан направился к выходу, так и не ответив на вопрос своего телохранителя. Когда он опустил руку на дверную ручку, раздался тихий голос послушника:

— Я тоже рад, кир Алан. Мне бы очень не хотелось делать выбор, и я до сих пор не могу ответить себе на вопрос, чью сторону я бы выбрал.

— Спасибо, Ворон.

Алан улыбался, когда выходил из комнаты, улыбался, несмотря ни на что, потому что понял: ему удастся сохранить жизнь этим двум мальчишкам, так рано ставшими взрослыми. Мальчишкам, которых он уже давно принял в свою семью и которые не раз спасали ему жизнь. Осталась мелочь — выкупить их у Храма.

В отличие от друга, Лис встретил герцога холодно. Алан даже подумал, что он нападет, но парень лишь кивнул и потер без того красные глаза. Вопреки обещанию, он не спал, даже постель не разобрана.

— Где он? — вместо приветствия спросил Лис, исподлобья наблюдая за Аланом.

— Тебе что-нибудь нужно? — проигнорировал герцог вопрос.

— Кир Алан! — Лис все же не выдержал. — Он жив?

Взгляд метнулся к двери, тело напряглось. Виктории показалось, что парень бросится к выходу.

— Жив.

Из Лиса словно стержень выдернули. Сгорбившись, он сел на кровать, сжал виски ладонями.

— Если бы он стоял у вашей двери, Длань бы убил его.

Алан со стыдом понял, что ошибся. Лис волновался не об Алвисе, он места себе не находил, не зная о судьбе друга.

— Откуда знаешь, что Алвис приходил ко мне?

— Кир Алан, — укоризненно произнес рыжий и вымученно улыбнулся. — Мы арестованы, у вас на шее синяки, а кроме него на это

никто бы не решился.

«Следовало все же надеть шарфик», — подумала про себя Виктория.

— Лис, — Алан присел рядом. Кровать под ним прогнулась и чуть слышно скрипнула, словно жалуясь. — Почему ты думаешь, что Длань убил бы нашего друга?

Лис чуть заметно улыбнулся, услышав эти слова.

— Он бы встал на вашу защиту, — не глядя на герцога, ответил он.

— А ты?

— Не знаю, — с отчаянием произнес Лис и поднял на Алана совершенно большие глаза. — Я не знаю.

— Ворон тоже не знает. — Алан поднялся. — Приказать принести тебе книги?

— Да.

Алан вышел за дверь, прошел три метра по коридору и...

— Йес!

Согнутая в локте рука и некое замысловатое па в стиле Элвиса Пресли, может, и вызвали удивление у сопровождающих Алана ветеранов, но вида они не подали. Вождь Бешеный Кузнечик давно слыл слегка эксцентричным господином, так что воины сделали вид, что ничего не заметили.

А Виктория ликовала. Парни, сами того не осознавая, вступили на путь свободы и независимости; возможно, впервые в своей жизни они поняли, что могут сами принимать решение. И это было замечательно.

«Я бы никогда себе не простила, если бы мне пришлось убить вас», — подумала она, ощущая просто колоссальное облегчение. Алвиса и Учителей ей жалко не было, они сами выбрали свою судьбу и заигрались. Но ксенята просто не знали другой жизни, имея видимость свободы, но не свободу.

— Ну что ж, послушаем, что скажет отец Крамер, — пробормотал Алан по-русски. — Пип, — обратился он к сопровождающему ветерану, — передай Турену, чтобы отправил гонца за Мэтью и Маей. И пусть кого-нибудь пошлет в порт: хочу знать, когда мирийцы сойдут на берег.

Отец Крамер самым бессовестным образом спал, и Алану пришлось ждать, пока его разбудят, пока он умоется, оденется и соизволит выйти из спальни.

— Это ни в какие ворота не лезет, — вместо приветствия с улыбкой

произнес

Алан, понимая, что этот раунд проигран. — С утра бегаю, нервничаю, интригую, а вы, отец Крамер, безмятежно спите! Совесть чиста?

— Стар я, чтобы нервничать, — Учитель жестом предложил Алану сесть. — Что-то хотите сказать?

— Нет, ничего не хочу, — безмятежно улыбнулся Алан.

— Даже не озвучите причину моего пленения?

— Отец Крамер, ну кто вам сказал такую глупость? Просто хочу оградить вас от излишнего волнения.

— Чего вы добиваетесь, кир Алан?

— Уважения. Свободы. Знаний. Гарантий безопасности для меня и моей семьи. Вы считаете, это много?

— Чего вы хотите от меня?

— Знаний.

— Каких конкретно.

— Если вы не возражаете, я бы начал с анатомии.

— Зачем вам это? — искренне удивился отец Крамер.

— Хочу найти ответы на свои вопросы. — Алан встал. — Если будете общаться с остальными, передайте мой привет и скажите отцу Паулю, что я жажду беседы и попробую навестить его в ближайшее время.

Удивление и недоверие, проскользнувшие во взгляде Учителя, были маленькой, но все же наградой для самолюбия. Простой разговор ни о чем, а из комнаты Алан вышел с ощущением, будто Рэй гонял его по полосе препятствий с лошастью на спине. Не к месту вспомнился жеребец, которого пришлось оставить в Крови. Интересно, как там его Уголь?

Глава 8

Иногда ради больших свершений приходится совершать поступки, за которые бывает больно. Стыдно.

Которые гнетут всю жизнь.

И огромное мужество, зная это,

идти против совести, против мнения большинства.

Честь и хвала тем, кто думает о благополучии мира.

И не боится суда божьего.

«Летопись деяний Разрушителя».

Возле «жутенького местечка» стражи было больше. Иверт поставил четверых отморозков охранять Длань. Щит закрывал вход, а рядом была навалена куча обработанного камня и стояли ведра с сухим раствором. Рэй все подготовил для того, чтобы замуровать Алвиса заживо. Не хотелось бы, конечно, но...

Господи, как спокойно она думает об убийстве! А ведь прошло немного времени с тех пор, как не спала ночами из-за покалеченной рабыни. Что с тобой стало, Виктория?

— У кого ключ?

— У командира, — прижал кулак к груди молодой белобрысый воин.

— Сбегай, принеси.

Алан присел на камни и засунул озябшие руки подмышки. Холодно здесь, а он, как всегда, забыл приказать принести теплый плащ и теперь мерзнет по собственной глупости. Разговор с Алвисом пугал, а еще больше пугало безразличие, с которым она принимала решения об убийстве. Виктория очень боялась ошибиться в своих предположениях, потому что если ее расчеты неверны, то жизнь ее не будет стоить и ломаного гроша. Черт, как все сложно!

Через десять минут прибежал Иверт.

— Вождь, почему Рэя не позвал?

— Иверт, дай ключ, и оставьте меня одного.

Алан протянул руку ладонью вверх, и Иверт вложил в нее холодный ключ. В его глазах легко читалось несогласие с решением Алана, но при подчиненных он спорить не посмел.

— Я останусь с тобой, — все же сделал он попытку.

— Тогда возьми людей, и отойдите на такое расстояние, чтобы видеть меня, но не слышать разговор, — Виктория поняла, что проще в чем-то уступить горцу, нежели долго спорить. — И пусть твои парни поищут Оську, он явно прячется поблизости.

— Не прячется, — Иверт был собран и напряжен, даже не улыбнулся. — Кирена Валяя нашла твоему шуту занятие: он поет им песенки о приключениях шамана.

— Кому? — не понял Алан.

— Твоим женщинам! Они шьют одежды для младенца, а Оська их развлекает.

— Вот зараза! Представляю, как он их развлечет и что расскажет,

— простонал Алан и вставил ключ в замок. — Он связан?

— Немного, — уклончиво ответил Иверт. — Я помогу тебе сдвинуть щит и потом уйду.

Алан с трудом провернул ключ в замке, раздвинул толстые дужки, снимая их с вбитых в скалу колец, и они с Ивертом сняли щит с петель и сдвинули в сторону. Ураган первым заглянул в темный лаз и повернулся к Алану, открыв рот, но Виктория знала, что скажет горец, поэтому ответ прозвучал раньше:

— Нет!

Иверт яростно сверкнул глазами и, резко развернувшись, направился к воинам, на ходу обнажая яташ. Алан заметил, что ветераны маркиза Генри держат наготове заряженные тяжелые арбалеты. Длань остерегались, и было за что. Алан передвинул факел так, чтобы он освещал пещерку, и глубоко вздохнул.

— Доброе утро, Алвис.

Ксен сидел у стены, подтянув колени к груди; от ошейника, застегнутого на большой и даже на вид тяжелый замок, тянулась цепь, ее конец был надет на вбитый глубоко в стену крюк. Виктория не сразу поняла, что Иверт связал искореняющему лодыжки и кисти, примотав их друг к другу тонкими скрученными веревками, больше похожими на толстую бечеву. Так горцы связывали, когда хотели наказать: крайне неудобная поза и невозможность разогнуться приносили пленнику страдания и боль. Было бы здесь места больше, Иверт бы связал его «ласточкой», и к утру они бы нашли или неадекватного человека, или... труп. Ну нельзя же так!

Алан присел, снял с глаз ксена повязку и с трудом вытянул изо рта разбухшую скомканную тряпку. Следует все же поговорить с Ивертом. Недопустимо так относиться к пленным, особенно к таким, как Алвис.

— Прости, Ураган перестарался.

Ксен закашлялся, сплюнул кровь на каменный пол и прохрипел:

— Он никак не простит мне свой последний проигрыш. Развяжите руки, сир, мне не хотелось бы лишиться конечностей из-за злопамятности горца. Обещаю не нападать.

Алан достал из-за голенища нож и осторожно срезал веревку с ноги, не рискуя разрезать на запястьях, где она врезалась в опухшую и посиневшую кожу. Искореняющий со стоном вытянул затекшую ногу и поднес руку к глазам. Алан, стараясь не касаться кожи, распутал

веревки на запястье, про себя матеря Иверта и боясь, что кровообращение уже не восстановится. Затем он освободил вторую руку. Теперь только цепь ограничивала движения Длани, но, судя по его виду, нападать он действительно не собирался. Или не мог.

Виктория смотрела, как ксен шевелит распухшими пальцами, осторожно, с тихим стоном растирает конечности, и чувствовала, как в душе образуется воронка, сквозь которую уходят эмоции, оставляя после себя пустоту. Она с ужасом осознала, что не испытывает к Алвису ни сострадания, ни жалости, ничего. Это пугало.

— Алвис, чего ты добиваешься?

— Вы посадили меня в каменный мешок, чтобы задать этот вопрос?

— Нет. Но ты спровоцировал меня на агрессию. Зачем? Ты ведь знал, что я отвечу на угрозу моей семье, и все рассчитал правильно. Это такой способ самоубийства?

— Я не ожидал, что вы поступите настолько... опрометчиво.

— Странно, что ты не просчитал мои действия. Мне кажется, я никогда не давал повода считать себя заурядной и предсказуемой личностью.

— Кир Алан, — Алвис наконец смог отползти к стене, чтобы на нее опереться и поднять голову. — Я хочу от вас определенных действий. И первое — разрушить Храм.

Алан скептически поднял брови. Это было неожиданно, Виктория рассчитывала услышать все что угодно, но не это.

— Зачем? Меня устраивает ваша религия.

— Меня не устраивает абсолютная власть Храма, — Алвис закричал. — Не прикажете дать мне воды?

— Нет. Продолжай.

— Кто вы? Почему вы только что назвали религию нашей, а не своей? Куда делся Алан Валлид?

— А черт его знает, — Алан пожал плечами и присел напротив ксена, чтобы видеть его глаза. — Кто я? Ведь ты прекрасно понимаешь: если я расскажу правду, мне придется тебя убить.

— А разве не это вы собираетесь сделать?

— Надеюсь, что нет. Мне нечем тебя шантажировать, Алвис, у тебя нет семьи, нет возлюбленной, нет детей. Ты ни к кому не привязан, а поэтому неуязвим, но...

— Но?

— Я очень рассчитываю, что к тебе привязан отец Пауль, — Алан позволил себе холодную усмешку. — Когда старик о тебе говорит, его глаза сияют отцовской гордостью. Скажи, мой верный враг, кем тебе приходится Учитель Пауль?

Виктория очень внимательно следила за Искореняющим и только поэтому заметила, как слегка дрогнули его губы, словно он прикусил щеку изнутри.

— Я прав. Он твой отец. — Алвис молчал. — Как я раньше не замечал вашего сходства? А твоя мать была мирийкой. Знаешь, если отец Пауль пойдет мне навстречу, вы все останетесь жить. Если нет... Мне будет очень жаль, Алвис. Мне действительно будет очень жаль. И я не прощу храмовникам ваши смерти, я буду мстить, даже если мне придется уничтожить их всех. — Алвис улыбнулся. — Именно этого ты и добиваешься, не так ли?

— Так кто вы, сир?

— Анчута. Как еще можно назвать того, кто занял чужое тело?

— Ходок, — очень тихо прошептал Алвис.

— Хочешь об этом поговорить? — Фрейда на вас нет!

— Мы знаем лишь то, что нам сказали боги. Сказки, легенды, песни, обрывочные записи, понять которые очень сложно. Знания о ходоках были утрачены еще во времена первых храмов. Все, чего смогли достигнуть лучшие из нас, это входить в чужие сны и находить заблудших у реки Забвения. Друиды умеют излечивать, переходя за грань, шаманы Океании могут больше. Но они неохотно делятся своими секретами.

— А наука? Вы находили книги? Записи? Исследования? — жадно спросила Виктория. Один черт, она уже почти раскрылась.

— Все знания о ходоках хранятся у Учителей. Будете проходить обучение, спросите.

— Думаешь, после того, что я сегодня сделал, мне позволят жить?

Виктория убрала волосы со лба ксена, отстраненно подумав, что, будь она женщиной, ни за чтобы не упустила такого мужчину.

— Конечно. Храм заинтересован в вас не меньше, чем вы в нем. Просто... мои цели немного расходятся с целями Учителей.

— Позволь угадать? Они тормозят... — Виктория поняла, что сказала это по-русски. — Они специально задерживают развитие

технологий... э... науки и ремесел, а тебе это не нравится. Но... я понимаю стариков. Некоторые знания людям совершенно не нужны.

— Дети тоже падают и получают раны, когда учатся ходить.

— Если рядом с ребенком взрослый, он сможет его поддержать.

Алан встал, понимая, что больше говорить не о чем, и они просто оттягивают неизбежное. Да, очень хотелось открыться, рассказать о себе, о своем мире, встретив наконец собеседника, способного понять и принять, но... Идти на такой риск Виктория была не готова. А о прошлой жизни и с Вадием поболтать можно.

— Встретимся либо во сне, либо в аду.

— Я не умею ходить по снам, кир Алан. Что такое ад?

— Место, куда попадают души грешников после смерти. — Алан грустно рассмеялся. — Это владения Вадия. Хорошие люди попадают к Ирию, но нас с тобой туда не пустят. — Алвис задумчиво кивнул. — Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое, — зачем-то произнесла Виктория, наблюдая, как Иверт тихо что-то выговаривает своим салагам.

— Знаете, в чем наша разница? Я думаю о своей стране, а вы — только о своей семье.

— Ты прав. Но моя семья — единственное, что есть у меня в этом мире, Алвис. Алан вышел из отнорка и, повернувшись к Иверту, крикнул:

— Принеси кувшин воды, сухари и ведро, и начинайте закладывать стену. Оставьте только щель для воздуха. — Он повернулся к Алвису. — Очень надеюсь, что мы еще увидимся.

— Я бы этого тоже хотел, — тихо прошелестело в ответ, когда Алан уже отошел на несколько шагов.

Дерьмо! Неужели Алвис сдался? Сломался? Смирился со своей участью? Пожертвовал собой, чтобы Алан Бешеный Кузнечик смог осуществить месть? И отчего Виктория отчетливо понимает, что она проиграла этот бой?

Виктория не стала смотреть, как воины Иверта исполняют приказ, и малодушно сбежала к отцу Крамеру.

— Вы уполномочены вести переговоры от всех Учителей? — без предисловий начал Алан.

— Кир Алан, вы все же поступили необдуманно, — покачал головой старый ксен. — Убив Длань, вы бросили открытый вызов

Наместнику, Храму и нам. Мы растопчем вас, кир Алан. Вы живы до сих пор только потому, что Длань просил за вас, и потому, что мы рассчитывали с вашей помощью провести некоторые реформы.

— Нет, я жив, потому что за моей спиной стоят боги. Потому что Вадий и Ирий заключили сделку. Потому что я владею знаниями, о которых вы забыли. Потому что вы все же не идиоты и понимаете, что мир не может стоять на месте, а еще вам страшно... Вы боитесь меня.

— Кир Алан, я не знаю язык, на котором вы со мной разговариваете.

— А зря. Учите русский, он вам пригодится. — Виктория перешла на местный диалект. — Как быстро вы получите ответ от остальных Учителей?

— Семь дней, минимум. — Учитель больше не улыбался, взгляд его приобрел жесткость, он смотрел на Алана сосредоточенно и выжидательно. — Каковы ваши условия?

— Я приказал замуровать Длань в стене.

— Зачем такая жестокость? — отец Крамер чуть заметно скривился.

— Потому что он единственный человек, которого я боюсь. Камеру можно открыть, можно подкупить охранника, можно его заставить выпустить узника, а из могилы, забранной железным щитом и поверх него заложеной камнем, тихо выбраться невозможно. Будь это простой ксен, я бы запер его, как вас, в комнате. Но я знаю, на что способен Длань, и рисковать не намерен. Я остерегаюсь вашей организации, настороженно отношусь к своим соратникам, не верю Наместнику, но Длань я боюсь. Мне ни разу не удалось предсказать его действия.

— Он точно так же говорит о вас, кир Алан, — с мягкой улыбкой произнес Учитель. — У вас много общего.

— У него кувшин воды и запас сухарей, но он умрет, если ответ задержится. Я хочу от вас немного — гарантии неприкосновенности мне, моей семье и моей команде, поддержку или невмешательство Учителей, знания и ответы на вопросы.

— Это какие же?

— Почему я?

— На этот вопрос я могу дать вам ответ прямо сейчас. Ваше появление было предсказано. Вы Разрушитель, кир Алан. А благо или горе принесут ваши действия — пока не ясно.

— Это тоже будет зависеть от исхода наших переговоров. И передайте остальным: если мне придется убить Алвиса и ксенят, я вам этого не прощу. Я уничтожу вас, вашу систему и ваш Храм.

— Именно об этом и говорилось в пророчестве. — Отец Крамер прикрыл глаза и откинулся на спинку дивана. — Придет Разрушитель и приведет в мир новых богов, и рухнет Храм, погребенный под собственной глупостью. И польется кровь, пойдет брат на брата, запыхают костры новой веры, и встанет на страже нового бога город на берегу холодного моря.

— Вот дерьмо! — с чувством произнесла Виктория.

Не каждый день узнаешь, что станешь виновником гражданской войны.

— Мне бы не хотелось, чтобы пророчество сбылось. Я передам остальным ваши требования. — Он пожевал губами. — Кир Алан, сходите в храм, облегчите душу. Не знаю, каким богам вы молитесь, но вам не помешает обратиться к покровителю за поддержкой. — Лицо герцога перекосило, и старый ксен понимающе грустно улыбнулся. — Тогда навестите вашего любовника. Боюсь, что беременной женщине будет сложно выдержать вашу ярость, а ваш раб с удовольствием поможет вам расслабиться. Очень интересный экземпляр, я вам скажу. Давно за ним наблюдаю. Такой талант и... — Он замолчал, увидев непонимание на лице герцога. — Простите, я старый человек и иногда увлекаюсь. В старости, знаете ли, только и остается, что наблюдать и болтать, — с виноватой улыбкой развел руками отец Крамер.

Виктория, прощаясь, слегка склонила голову и вышла в коридор, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица. Внутри клокотали боль, отчаяние и злость. Злость на тех, кто засунул ее в этот мир, кто дергает за ниточки, преследуя собственные непонятные цели. Сквозняк моментально забрался под вязанную грубую кофту, напомнив, что сейчас зима, а за окном только недавно закончили расчищать дороги. В коридоре Виктория прижалась пылающим лбом к холодной стене, руки тряслись, хотелось биться головой о каменную кладку. Как она выдержала разговор с Учителем и не сорвалась? Чудо, не иначе. Но теперь ее никто не видит, кроме дернувшегoся к герцогу Рэя; можно заняться самоедством.

— Вина! И меня не беспокоить! — гаркнул Алан, почти вбегая в свои покои.

Он громко хлопнул дверью перед носом Рэя, но капитан намек проигнорировал и все же зашел следом.

— Сир, может, не стоит?

Рэй смотрел на воспитанника с болью, и этот взгляд вызвал очередной приступ ярости.

— Рэй, я только что приказал убить человека, который пока ничего плохого лично мне не сделал. Возможно, только что я подписал нам всем приговор. И ты хочешь, чтобы я после этого был спокоен?

— От вина только хуже станет, — не согласился Рэй, мрачно глядя на портрет Вадия. — Все верно вы сделали, давно пора было... — он замолчал и, вытащив из-за пазухи морковку, сунул ее в зубы. — Может, поспать ляжете?

Виктория вылупилась на Рэя в попытке осознать, что он ей сказал. Ее лихорадочно мечущийся ум не уловил смысла последнего предложения. Спать? Сейчас? В этом состоянии?

— Да пошли вы все к черту! Даже в собственной крепости я не могу делать то, что мне хочется! — в сердцах заорала она и выскочила из комнаты, на ходу хватая с дивана кожух.

Возле ворот топтался оседланный конь, и Алан не раздумывая влетел в седло. От злости это получилось легко и быстро. Хват с Рэем только успели выскочить следом, как герцог уже гнал коня вниз по расчищенной дороге в сторону виднеющегося города.

Мыслей не было, было желание сбежать от себя, от собственной совести, от сочувствующих взглядов. Так тяжело не было, даже когда она приказала вырезать деревни горцев вместе с женщинами и детьми. Тогда это были абстрактные люди, незнакомые ей, а теперь... Чертов Алвис! Чертова манера интриговать за спиной! Чертов

Наместник, политика, страна! Будь проклят Вадий, что не дал умереть окончательно!

Герцог распластался на шее коня, не обращая внимания на ледяной ветер, задувающий под расстегнутый кожух, режущий глаза, покрывающий волосы тонким слоем снежной пыли. В нос шибал запах конского пота, но и на это Алан не обращал внимания. Главное — не останавливаться, не думать, не чувствовать, сосредоточиться на том, чтобы удержаться в седле, не вылететь и не сломать шею. Хотя... может, и стоило бы подложить богам такую свинью?

Взмыленный конь вынес в город и помчал по единственной дороге

в сторону порта. Навстречу стали попадаться люди. Увидев несущегося на них оскаленного коня, они шарахались на обочину, проваливаясь в снег. Вслед герцогу раздавались проклятия и угрозы. Рассмотреть владельца в сумасшедшем ездоке было сложно.

Впереди замаячили стены храма, и Виктория дернула поводья, заставляя животное свернуть на небольшую площадь перед входом. Соскользнула со спины тяжело дышащего жеребца, бросила подскочившему нищему:

— Займись!

И бегом взбежала по широким обледеневшим ступеням, чудом не поскользнувшись и не размозжив голову.

«Чокнутых боги берегут», – хмыкнула она про себя, распахивая тяжелые двойные двери и вступая в темный холодный зал.

У ликов богов горели свечи. Виктория подошла к изображению Вадия. Черноглазая сволочь смотрела на нее с деревянного полотна и премемерно ухмылялась. Что, гад, думаешь, загнал в угол? Все рассчитал? Интересно, Алвису ты тоже являешься, хренов покровитель? Имя Длани сработало катализатором: вновь нахлынули видения умирающего от голода и обезвоживания Искореняющего... Черт! Черт! Черт! Кулак метнулся вперед, с силой впечатываясь в нарисованное лицо. И еще раз, и еще... пока дерево не треснуло, пока не упали на пол капли крови из разбитых костяшек, пока сильная физическая боль не вытеснила боль душевную. Виктория упала на колени и закрыла лицо дрожащими руками. Как же погано!

— Сир, я заварил травы. Жду в кабинете.

Брат Чех стоял у тяжелой бархатной шторы, закрывающей проход в рабочие помещения, и с прищуром смотрел на Алана. Увидев, что герцог его услышал, повернулся и бесшумно скрылся за портьерой. Виктория еще немного посидела, тупо глядя на разбитые руки, и со вздохом поднялась.

— Мы еще не закончили, Вадий, — прошипела в темноту. — Не думай, что ты победил. И... спасибо. Боль прогнала истерику, и она вновь могла мыслить.

— Брат Чех, я хочу рассказать тебе о Спасителе...

...История вышла немного запутанная и длинная. Но смысл брат Чех уловил...

— Выходит, Вадий — это Дьявол? Зло?

— Выходит, что так.

— И поклоняясь ему, человек теряет шанс после смерти попасть в чертоги Ирия?

— Именно.

— Хорошая религия, чтобы контролировать народ, — задумчиво произнес брат Чех. — Но... у меня есть много вопросов. И первый — откуда вы это знаете?

— Помню. Это уже было в этом мире до того, как его разрушил природный катаклизм.

— Ката...

— Собирайся, брат Чех. Думаю, тебе предстоит некоторое время пожить в крепости. Нам есть что обсудить.

В крепость они вернулись под утро вместе с ошеломленным свалившимися знаниями братом Чехом. Тот собирался задать герцогу такое количество вопросов, что они здраво рассудили, что лучше им пока не расставаться. Их сопровождали злой, но молчаливый Рэй с десятком воинов. Виктория ушла на задний план, оставив Алана разбираться с проблемами. Стоило Алану отправить брата Чеха с Рэем обустроиваться в крепости, как проблемы навалились со всех сторон словно специально, чтобы не дать герцогу ни единого шанса заняться самоедством.

— Сир, — Мэтью Гарнер с припухшими от недосыпа глазами встретил его во дворе. — Посольство Мирии просит аудиенции.

— Приглашай. Что еще случилось?

— Как вы догадались? — Мэтью шел рядом.

— У тебя взгляд виноватый.

— В городе нашли третью мертвую девочку. Явно один и тот же убийца. За три дня — три девочки. Всем по пять лет. Все из зажиточных семей.

— Что стража? — отрывисто спросил Алан, останавливаясь у двери в свой кабинет. — Цеховые?

— Ищут. Мои люди тоже подключились. Плохо, что нет единовластия, каждый цех содержит свой отряд, пока соберешь сведения... — Мэтью махнул рукой.

— Почему ты этим занялся? Это ведь не входит в круг твоих интересов. — Алан с прищуром смотрел на теневика. Слабый свет факелов не давал возможности увидеть выражение его глаз, а очень

хотелось...

— Не люблю, когда на моей территории убивают детей, — глухо ответил Мэтью и отвернулся. Помолчал, словно чего-то ожидая, и добавил: — Сир, вы опять ведете себя неподобающе правителю.

— И в чем это выражается? — Алан непонимающе поднял бровь.

— Я сказал «на моей территории», а вы меня даже не исправили.

— Мэтью, ты болван, а я нет. Я точно знаю, кто на самом деле принимает решения, и нагло этим пользуюсь.

— И?

— Если бы меня это не устраивало, ты бы уже сидел на колу посреди площади и портил Кариму торговлю.

— Вот как... — пробормотал барон и искоса посмотрел на герцога. — Я не ворую, — он сам не знал, зачем это сказал, просто почувствовал, как по спине прокатилась волна озноба под пристальным взглядом черных глаз.

— Пригласи на завтрак Маю и сам приходи, — отрывисто приказал Алан и мягче добавил: — А сейчас найди себе комнату и ляг спать. Мне нужно, чтобы на встрече с мирийцами ты был рядом со свежей головой. И еще, Мэтью, найди мне управляющего в крепость. А то полный бардак!

— Сделаю.

Мэтью поклонился и растворился в полумраке коридора, а из тени выскользнул Иверт.

— Генерал Раман в дневном переходе, к вечеру будет в городе. — Он открыл дверь и первым вошел в кабинет.

— Что на тебя нашло, Бешеный Алан? Ты зачем ушел из крепости?

— Не начинай!

— Твой ребенок ударил меня, — Иверт расплылся в белозубой улыбке. — Точно мальчик будет. Сильно ударил! Я всего лишь сестру по животу погладил, а он как стукнет! Воин!

Алан не сразу понял, о чем говорит Иверт, а когда понял — довольно улыбнулся. Значит, у Зиры половина срока... Ну что ж, время еще есть.

— Кто пойдет встречать генерала?

— Рэй пусть идет, мои салаги охраняют... сам знаешь кого.

— Угу, Волдеморта, — горько и непонятно пошутил Алан. — Скажи капитану, чтобы выходил на рассвете.

— Сам скажи.

— Он на меня дуется.

— Старее Рэй, — притворно вздохнул Иверт и бессовестно заржал.

Алан не без труда стащил плащ и с сожалением посмотрел на руки. За эти часы костяшки распухли и почти не гнулись, под кожей запеклась кровь, ссадины изрядно болели... Черт бы побрал эти психи!

— С кем ты подрался, мой вождь? — Иверт больше не улыбался.

— С Вадием, — нехотя буркнул Алан.

— Надеюсь, ты победил? — Иверт криво усмехнулся и выскользнул за дверь так, что даже штора, обрамляющая вход, не колыхнулась.

Алан услышал, как он что-то тихо говорит, затем топот кованых сапог, и наступила тишина. Следовало позвать рабыню, чтобы помогла переодеться, да и руки не помешает обработать, но было лень...

Дверь тихонько открылась. Алан хотел гаркнуть, чтобы оставили его в покое, но увидел на пороге женскую фигуру и промолчал. Валия на мгновение замерла, словно страшась зайти, но потом, видно, что-то для себя решив, прошла к сидящему у потухшего камина герцогу.

— Покажите ваши руки, кир Алан.

— Зачем?

— Не будьте ребенком. — Алан нехотя протянул правую руку. — Лекарь прибудет только к утреннему зыванию, на рассвете, вам нужно обработать раны. Следуйте за мной.

И, не дожидаясь ответа, она направилась к выходу. Словно королева, только что бросившая своему придворному указание, в выполнении которого не сомневается. Алан еще немного посидел, анализируя, что он чувствует, и все же последовал за киреной. С предвкушением. Потому что если ночью одинокая женщина приглашает молодого привлекательного мужчину в свои покои, то это хоть что-то да значит?

А у него так давно не было секса... Да его вообще не было! Три раза за почти год? Это не считается.

От этой мысли стало совсем тошно. Впереди долгая жизнь, если, конечно, Наместник не укоротит непокорного бастарда на голову, и прожить ее в одиночестве, не найти свое счастье, не полюбить, не...

«Хватит», — одернул себя Алан, вступая в полутьму покоев Валии.

Пип, который сопровождал герцога, тихонько прикрыл за его спиной дверь, будто боялся спугнуть намечающееся... что? Свидание? Ох, не придумываешь ли ты себе, Алан Валлид, герцог Вас'Хантер? С чего бы это ледяная принцесса решила сменить гнев на милость? Да и сам ты ей ни разу даже не намекнул на свой интерес. Да и интереса не было, говоря честно. Странное состояние, когда мужчины уже не привлекают, а женщин не привлекают еще...

— Садитесь! — Валя кивнула на кресло у камина, а сама скрылась за шторой в спальне, чем-то там шурша и булькая. — Вашу служанку будить не будем, сама справлюсь.

Да он как-то и не планировал.

Алан развязал ворот теплой рубашки и огляделся. В комнате было жарко, камин еще горел, освещая небольшое помещение. На столе аккуратной стопкой лежали отрезки ткани, стояла корзинка с рукоделием. Неужели не спала?

Валя вернулась быстро, принесла подсвечник на пять свечей, сама зажгла от лучины свечи, поставила его на стол, сдвигая корзину в сторону. Рядом водрузила медный тазик с водой и небольшую коробочку.

— Руки на стол, кир Алан.

— Будьте со мной нежны, кирена, — попытался шутить герцог, но под холодным взглядом стушевался и замолчал, а спустя мгновение заскрипел зубами.

— Нужно кровь спустить, иначе опухоль долго не сойдет.

Валя обмыла раны и чуть надавила, прощупывая опухшие и разбитые костяшки. Затем вытащила из коробочки длинную тонкую иглу, прокалила ее над свечой и, не предупреждая, сделала прокол. Герцог прикусил губу. Сами проколы не были болезненными, но когда Валя начала осторожно надавливать, чтобы вышла кровь, стало весьма неприятно. Будь здесь Иверт, Алан бы матерился и проклинал Вадия, но перед этой женщиной показывать слабинку было стыдно.

— Сейчас смажу, и к обеду все сойдет.

— Где вы этому научились? — спросил герцог, когда Валя аккуратно и нежно смазала ему руки какой-то маслянистой жидкостью.

— Герцог Вас'Хантер был очень вспыльчив, а лекарям не доверял, — туманно ответила женщина и стала убирать со стола.

— Оставьте, слуги приберут, — Алан протянул к ней руку. —

Идите ко мне, кирена Валя. — Получилось не нежно, как он планировал, а достаточно властно.

Она на мгновение замерла, и Алан решил, что сейчас получит грозную отповедь. Он даже приготовил достойный ответ, но Валя вложила руку ему в ладонь, едва касаясь кончиками чуть дрожащих пальцев. Алан поднес ладонь к губам и поцеловал.

— Спасибо.

Напряженная Валя стояла рядом, а он не выпускал ее руки из своей и не отнимал ладонь от губ.

— Идите ко мне, Валя, — еще раз тихо позвал Алан, наблюдая за женщиной сквозь ресницы.

Если не подойдет, значит, он и настаивать не будет, и тогда их брак будет платоническим, потому что предлагать себя два раза Алан не намерен.

«Брак?» — спросил внутренний голос.

«Да я уже смирился, что придется жениться. И уж лучше на ней, чем...»

«Ты стал политиком», — в голосе прозвучала печаль.

Валя сделала шаг, еще один. Нужно было бы встать, обнять, прижать к себе, поцеловать, но... он так устал, а здесь в кресле было уютно и удобно. Если посадить женщину на колени, то можно...

Алан все же потянул Валию на себя, и она, не удержавшись на ногах, упала ему на колени, как он и хотел...

— Вы очень красивая, кирена.

Алан убрал светлые волосы с ее лица, запутался в них пальцами, обхватил голову Валии и осторожно наклонил к себе. Поцелуй вышел почти целомудренным, и не потому, что Алан не старался, просто Валя почти не отвечала. Чуть приоткрыла губы, обняла его за плечи, соблюдая небольшую дистанцию, и замерла.

Черт! Алан просто не знал, что делать дальше — остановиться и перевести все в шутку? Глупо. Продолжать? Он чувствовал себя насильником.

— Валя, вам неприятно? — все же решил он задать мучающий его вопрос.

— Нет, — едва слышно ответила она. — Мне нравится.

И покраснела! Черт побери, она покраснела! Это было мило, но очень неожиданно. Алан понял, что в штанах стало свободнее. Вот

зараза! Первый раз соблазнить девушку и опозориться! Мужик ты, Алан, или не мужик?

Алан представил, как будет веселиться Виктория, и, решительно отгоняя панические мысли, подхватил Валию на руки и переместился на диван.

Через десять минут герцог был готов к подвигам, и женщина вроде не возражала. Ну, ему так казалось... Хотя, конечно, сравнить с Зирой их было невозможно.

Да и с Маей тоже...

В какой-то момент мысли покинули больную голову, и Алан уже не очень хорошо соображал, что он делает и зачем. Справиться с платьем ему не удалось, он просто задрал вверх юбку. Слава богу, под ней были лишь коротенькие тонкие штанишки, которые легко соскользнули с длинных ног. Валия ему не помогала, и на какой-то миг Алан испугался, что ей все это неприятно. Но тут женщина под ним задышала тяжелее, вцепилась в плечи, и он отбросил мысли в сторону, запутался в собственных штанах, разозлился, рванул их вниз...

Кончил он непростительно быстро. Слишком быстро... Позорище!

Алан тихонько лежал, целуя лицо женщины, глядя ее волосы и банально боялся что-либо сказать. Черт! Ну зачем он вообще полез? Это было похоже на кратковременное помешательство. Если Валия сейчас рассмеется, то... Так, спокойно, она взрослая женщина и понимает, что иногда и у мужчин бывают проколы. Нужно просто реабилитироваться. Показать, что ты можешь лучше.

Мозг начал лихорадочно искать подходящие воспоминания, но, как назло, в голову не приходила ни одна сцена из фильмов «18+», и вместо возбуждения Алан чувствовал нарастающую панику и стыд. Дерьмо! Герой-любовник! Да с твоим опытом семейной жизни не сумеешь удовлетворить женщину...

«Ну, опыт у меня был по другую сторону баррикады», — робко попробовал возразить внутренний голос, но Алан его проигнорировал.

Валия молчала, и он понял, что опозорился на все оставшуюся жизнь.

— Простите, кирена, — выдавил из себя, поднимаясь.

— За что? — чуть удивленно поинтересовалась женщина, быстро поправляя юбку и садясь.

Этот жест Алана добил. Выглядит, как будто он зажал в углу

крестьянку, и она, терпеливо переждав барские ласки, сейчас уже прикидывает, какой скотине первой корм давать.

Герцог быстро натянул штаны (черт с ними, в комнате помоемся) и все же ответил:

— Вы не получили удовольствия от... ну, от всего этого.

— Вы не правы, кир Алан, — чуть заметно улыбнулась Валя. — Мне было хорошо с вами. Вы очень нежный. А удовольствие? Самое большое удовольствие для женщины — это быть рядом с сильным и умным мужчиной.

— Но вы даже не шевелились, словно выполняли повинность! — сорвалось с обидой с губ, прежде чем Алан понял, что ляпнул.

Вот идиот!

— А я должна была шевелиться? — женщина, пряча взгляд, покрылась румянцем и сжала юбку. — Вы говорите... неприличное, кир Алан, — шепотом закончила она.

— Валя, — укоризненно проговорил Алан, начиная догадываться, — а вы хоть когда-нибудь получали удовольствие от занятия любовью? Ну, — он на мгновение запнулся, не зная, как это звучит в этом мире. — Оргазм?

— Что вы такое говорите, сир, — Валя смутилась еще больше и опустила голову. — Я бы хотела лечь, если вы не против.

А это был намек. И очень откровенный.

Алан обнял женщину и поцеловал в губы. Очень старательно поцеловал. Словно от этого поцелуя зависела вся его дальнейшая жизнь.

— Валя, я могу лучше, — шепнул он на ухо. — Спокойной ночи.

И ушел. Хотя внутренний голос и орал, что нужно остаться, обнять, приласкать, доказать... Но Алан понимал, что он слишком устал, чтобы что-то еще доказывать. И так все слишком плохо!

Глава 9

А эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала,

И крылья эту свадьбу вдаль несли,

Широкой этой свадьбе было места мало,

И неба было мало, и земли.

«Записки герцога на полях заметок о строительстве часовни»

— Хозяин, хозяин...

— Убью!

— Вставайте. Пожалуйста.

— Лео, сгинь!

— Учитель хочет вас видеть. Иверт велел разбудить.

— Да чтоб вас...

Алан с трудом разлепил веки. В глаза словно песка насыпали, спать хотелось так сильно, что он малодушно пожелал умереть.

— Пожалуйста, — Леонардо чуть не плакал. — Если я вас не разбужу, мне придется проходить покойницкую полосу вместе с Бертом.

Дежавю. Когда —то это уже было в их жизни.

— Что за новости? — Алан, кряхтя, сел, потер глаза и наконец смог рассмотреть стоящего у кровати парня. — С каких пор Иверт тебе приказывает?

— Он Берта отправил бегать за стеной, потому что тот не смог вас разбудить.

— Он меня будил? — Алан поежился. В спальне было холодно. А он зачем-то разделся. — Дай одеться и воду принеси.

— Воду Берт принес, а разбудить вас не смог. Вы в него поленом кинули, руку зашибли.

Леонардо подал теплые штаны и верхнюю рубашу из толстого сукна. Алан покачал головой. Он не помнил, чтобы разговаривал со слугой, а уж что бросал в него поленом...

— Откуда здесь полено?

— Так вы на полу у камина заснули, а потом только в кровать перебрались.

— Ясно.

Алан щедро побрызгал в лицо ледяной водой. Сколько он проспал? Час, не больше. Ему нужно выспаться, просто нормально выспаться...

«На том свете отоспишься», — съехидничал внутренний голос, но как-то без энтузиазма. Видно, вспомнил, как они на этом свете оказались.

— Когда этот сумасшедший период закончится, мы с тобой возьмем Оську, зафрахтуем «Шустрика» и поплывем на рыбалку. Хочу на море.

— Я помню, как Оська поймал рыбу на железную тарелку, — хихикнул художник, подавая Алану плащ. — Я тоже хочу на море. И чтобы было тепло... и вы рядом.

Алан потрепал его по плечу и вышел из комнаты. Эх, отдых на

море. Без женщин. Без проблем. Тихий, спокойный, уютный...

Он широко зевнул. Мечты.

В коридоре его встретил красный и обиженный Берт.

— Кир Алан, — издали начал он. — Не гневайтесь! Я больше никогда вас будить не буду! У него на ресницах застыли льдинки. Плакал, что ли?

— Берт, я тебя сильно ушиб? — Алан заподозрил неладное. — Покажи руку.

Рука распухла и слегка посинела, но перелома, судя по всему, не было. Да уж, силища у герцога есть, а сдержанности нет.

— Прости, — покаялся Алан. — Я даже не помню, когда тебя ударил.

— Да вы как анчута были! — эмоциональным шепотом сообщил слуга. — С кем-то разговаривали, ругались не по-нашенски, а потом, когда я вас разбудить попробовал, швырнули в меня поленом.

— Что-нибудь сказал?

Берт оглянулся на воинов сопровождения и, склонившись к уху напряженного Алана, на ломаном русском прошептал:

— Вадий, уйди, христом-богом прошу. А ведь не помнит, что снилось.

— Сходи, пусть друид руку посмотрит, а потом возвращайся. Сегодня у меня встреча с посольством Мирии, нужно одеться прилично. Подбери что-нибудь подходящее. Иверт где?

— На стене с бароном Семухом. Ждут генерала и Рэя.

Алан приказал подавать завтрак, на мгновение остановился у входа в комнату Учителя и, глубоко вздохнув, решительно толкнул дверь.

— Доброе утро.

— Со мной связался отец Жириш. Чего конкретно вы хотите, кир Алан?

Отец Крамер не ответил на приветствие, не встал из-за стола при появлении герцога, только поднял голову от рукописи, которую читал. Алан молча сел в кресло, вытянул ноги и, досчитав до пятидесяти, ответил:

— Значит, вы все же умеете входить во сны друг друга.

— Отец Жириш умеет, — не стал отнекиваться старик. — Самое сложное — не забыть, что тебе снилось.

— Я так понимаю, что для этого следует находиться не во сне, а в

пограничном состоянии. Почти в беспамятстве, — подумав, заключил Алан. — Ко мне сегодня приходил Вадий, но я этого не помню, потому что спал как мертвый.

— Возможно, вы правы. — Отец Крамер поднялся из-за стола и прошел к камину, подложил полено, протянул к огню морщинистые ладони. — Поразительно слушать ваши рассуждения о сноходцах. Вы так молоды, а знаете так много...

— Пользы мне это не приносит, только проблемы, — вздохнул Алан. — Итак, я хочу гарантированной помощи вашей организации.

— Вы ее получите.

— Защиты для моей семьи, пока меня не будет.

— Отец Пауль приведет в крепость отряд послушников последнего года обучения.

— Хм... не стоит. Я не настолько доверяю вам, чтобы пустить в крепость отряд противника. Достаточно будет одного отца Пауля и двух его телохранителей.

— Вам недостаточно меня в заложниках? — безрадостно пошутил Учитель.

— Отец Крамер, я предпочту перестраховаться... э... перебдеть... э... в общем, я хочу быть уверен, что моя женщина и дети будут в безопасности.

— Кир Алан, прекратите вести себя как курица! — строго произнес старый ксен. — Мы же сказали, что полностью на вашей стороне. Не стоит в нас сомневаться.

Виктория на мгновение почувствовала стыд. Что-то она действительно ведет себя, как еврейская мамочка. Но ей было сложно привыкнуть, что в этом мире обещания имеют вес.

— А как насчет знаний?

— Мы не отказываемся от своих слов, вас ждет обучение. И вашего старшего сына. Ведь ему вы планируете передать трон?

— Я еще не решил.

— В столицу с вами пойдет отряд наших мальчиков. Но поддержку народа вам придется обеспечить себе самому. Мы не вмешиваемся в дела государства открыто.

— Договорились.

— Вы также получите материальную поддержку. Но не более того. Остальное вам придется решать самостоятельно. И еще, кир Алан, —

отец Крамер сел за стол, — мы не будем выступать против нынешней власти. Это не наша война.

Вот старые жуки! Мы постоим в сторонке и понаблюдаем. А затем решим, кого поддержать. Но и этого было много для опального герцога.

— А Длань?

— Длань служит Храму.

— Хотите сказать, что вы его не контролируете?

— Нет.

Отец Крамер посмотрел в глаза Алана. Открытый и чуть усталый взгляд. Спокойный. Вот зараза! Если это так, придется забыть об Алвисе.

— Тогда он умрет.

— Мы ведь пошли вам на уступки. Дали гарантии. Почему бы вам не отпустить мальчика?

— Потому что он один опаснее вас всех.

— Он слишком вас уважает, чтобы вредить серьезно. Вы ведь понимаете, что если бы юный Искореняющий хотел, вы бы уже были мертвы? Он просто провоцировал вас, чтобы вы наконец раскрылись. Нужно сказать, он добился своего. Теперь мы точно знаем, что вы и есть Разрушитель из пророчества.

— Я не верю в пророчества.

Алан потер виски. Чертов старик прав! Поступок Алвиса заставил его раскрыться, выдать свою связь с Вадием, знания о прошлом планеты. И еще...

— Алвис хочет, чтобы я создал новую религию. Что ж, на роль мученика он вполне подойдет. Я жду отца Пауля. Когда он прибудет, мы продолжим разговор.

— Он будет через четыре дня.

— Кораблем?

— Да.

— Хорошего дня, отец Крамер.

Алан поклонился и, не дождавшись ответа, покинул комнату. Камень с души не упал, наоборот, казалось, что к нему добавилось еще пару тонн.

В коридоре его ждал Турен.

— Отец, посольство Мирии прибудет через две рыски. Мэтью с Маей ждут тебя в кабинете.

— Пойдешь со мной. Тур, ты хочешь наследовать после меня?

— А у меня есть выбор? — парень поднял глаза на герцога.

— Выбор есть всегда.

— Король-калека... над нами будет потешаться весь континент.

— Нет, если они будут тебя бояться. А значит, нам нужно стать настолько сильными, чтобы никто не смел даже рот открыть в твою сторону.

— Я постараюсь.

— Ты пойдешь со мной к монахам.

Турен вопросительно приподнял светлые брови.

— Туда, где учатся будущие искореняющие.

— Угу. Отец, — парень на мгновение запнулся, — мне сказали, что ты провел ночь у кирены Валии. Ночь? Да полрыски, не больше!

— И?

Алан сжал рукоять кинжала. Глупость. Он совершил глупость. И здравый смысл не остановил! Но будем честными хотя бы с собой, он просто играет роль, старается приспособиться, но нет страсти, огня и чувств. Ничего этого нет...

— Зачем? — глядя на стену, спросил Турен. — Ты ведь не планируешь на ней жениться.

— А черт его знает! — в сердцах воскликнул Алан. — Не знаю! Сам уже жалею, — тише добавил он, мучительно соображая, что на самом деле обо всем этом думает Турен.

— Зира будет довольна, — хихикнул парень и потер нос. — Она об этом мечтает.

— Все зло от женщин! — мрачно заверил его Алан, первым входя в столовую и морально готовясь встретиться с холодным отчужденным взглядом Валии.

Но никто не обратил внимания на их появление. Все присутствующие за завтраком внимательно слушали брата Чеха, даже Райка со Светикой примостились на узкой лавке у двери.

— ...и тогда отдал бог-Отец своего человеческого сына, чтобы смертью своей мученической он смог искупить все наши грехи... Кир Алан, доброе утро! А я тут решил рассказать вашим женам и детям об откровении, что посетило меня несколько дней назад.

— Я тоже с радостью послушаю, но позже. Райка, подавай завтрак.

Алан прошел к своему месту, поцеловал Зиру и, на секунду

замешкавшись, поцеловал в щеку и Валию. Та напряглась, но спустя мгновение чуть заметно улыбнулась, будто тоже не знала, чего ожидать после сегодняшней ночи.

— Кирены, выглядите прекрасно.

Валия сегодня надела новое платье насыщенного темно-зеленого цвета, расшитое тонким белым орнаментом. Оно делало ее строже, но удивительно шло к ее светлым волосам. Зира же, наоборот, была в скромном сером платье свободного кроя, поверх которого накинула меховую безрукавку. Густые каштановые волосы она собрала в жгут и уложила сзади в толстый пучок. Алан вспомнил, как расплетал тугие косы, перебирая волнистые пряди, как струились длинные шелковистые волосы по обнаженным плечам и спине, как выгибалось под его руками стройное тело, как горела кожа под ласками. Ох, схватить бы ее в охапку да унести в спальню и нежить долго поцелуями... Станный выверт сознания, Зира его не отталкивала, а даже, наоборот, а вот от всех остальных женщин хотелось держаться как можно дальше. Неужели потому, что он когда-то раскрылся перед ней? Или, быть может, оттого, что она так похожа на Иверта?

Алан улыбнулся Зире, но сказать ничего не успел.

— Кир Алан, — брат Чех задумчиво кивнул своим мыслям. — На какое число вы желаете назначить свадьбу?

— Когда построим первую церковь во имя Спасителя, — не придумал ничего лучшего Алан.

Он не сразу сообразил, о какой свадьбе идет речь, а когда понял, то бросил быстрый взгляд на Валию. Но та сидела, уткнувшись в тарелку, и по ее лицу ничего невозможно было прочесть.

Нет, это ни в какие ворота не лезет! Алана так и подмывало спросить у Взывающего: каждый мужчина, который целует в щеку женщину, обязан на ней жениться?

Дар и Турен заговорщицки переглянулись, но от комментариев воздержались.

— Я думаю, к вашему дню рождения мы управимся. Место я уже выбрал, хочу после завтрака вам его показать,

— как ни в чем не бывало ответил брат Чех. — Правильный выбор, сир. Я рад за вас. За вас обоих, — добавил он многозначительно.

Валия чуть заметно покраснела, но промолчала, зато Эвелин с восторгом переводила взгляд с одного на другого.

— А когда моя свадьба?

Черт бы вас побрал, женщины! И что ей ответить? Что ее жених назначен герцогом на роль жертвы во имя новой религии?

— Обсудим, — буркнул Алан, про себя посылая всех женщин туда, куда они так рвутся.

Зира положила ладонь на его руку и ободряюще сжала. Святая женщина! Святая! Ни одного вопроса, ни слова, просто жест поддержки. А ведь большего и не надо. Алан поднес ее руку к губам и нежно поцеловал. И никого не было для него в этот момент ближе и дороже.

«Господи, дай мне счастья, — взмолился он про себя. — Простого человеческого счастья. Позволь увидеть, как будут расти мои дети, научи меня любить».

В глубине сознания вздохнула Виктория, а перед глазами всплыло лицо обаятельного мерзавца Вадия. Красивое лицо, надо сказать. Так и хотелось найти физическое воплощение бога и хорошенько припечатать интригана железным утюгом.

— А где Оська?

Алан только сейчас заметил, что шута за столом нет. Обычно

вездесущий карлик не пропускал совместные завтраки, даже если его не звали.

— А он костер жжет, — беззаботно ответил Дарен.

— Где?

— В коридоре, который салаги Иверта охраняют. А можно я не буду есть творог?

— Нельзя.

Дарен надулся, но возражать отцу не посмел.

Алан быстро поел, бездумно жуя и не слушая, о чем разговаривают домочадцы. Те, пару раз обратившись к герцогу и не получив ответы, оставили его в покое. Голова была забита кучей мыслей одновременно. Алан просчитывал варианты встречи с мирийцами, разговор с Генри Раманом, думал, правильно ли он поступит, предложив Мае возглавить местную полицию? Но о чем бы он ни думал, мысли постоянно возвращались к Оське. Что еще задумал шут? Поэтому, поев, Алан направился к «жутенькому местечку».

Пока шел, сердце болезненно сжималось от чувства вины и сожаления, но Алан, тряхнув головой, скомандовал себе:

— Не будь тряпкой! Ты Алан, а не Виктория! Это война, и ты обязан победить! Чем ближе он подходил к месту заточения Длани, тем сильнее пахло дымом.

— Оська, твою мать! Что здесь происходит?

— А что Оська? Оська камешки нагревает, чтобы Рука раньше времени чихать не начал!

Шут подбросил два бревнышка в длинную жаровню, стоящую вдоль свежей каменной стены, и бросился наутек.

— Алан-барабанар еще Оське спасибо скажет!

Алан приложил руку к камням. Теплые. Черт его знает, дают ли они тепло, но... Алан воровато оглянулся. Охрана стояла у входа в коридорчик и смотрела в противоположную сторону. Герцог быстро наклонился, подхватил с пола еще одно бревно и сунул его в огонь, а затем быстро направился к выходу.

— Сир, гнать Оську? — тихо спросил сопровождающий его Пип.

— Пусть делает, что хочет. Главное, чтобы он всех тут дымом не удушил, — буркнул Алан, в душе испытывая благодарность к мелкому пакостнику.

— Здесь хороший сквозняк, — хмыкнул Пип.

Мэтью Гарднер встретил его поклоном, Мая же, не обращая внимания на укоризненный взгляд отца, подставила щеку под поцелуй.

— Доброе утро, кир Алан.

— Мэтью, — герцог достал с полки стопку бумаг, — я систематизировал все свои знания по сыскному делу и записал их. Некоторые понятия тебе неизвестны, но я постарался пояснить, что означает то или иное слово. Но если будет сложно, ты спрашивай. Итак, хочу поставить Маю во главе новой сыскной службы. Назовем ее полиция. К ней будет прикреплен корпус жандармерии — национальной гвардии. — Алан посмотрел на замолчавшую Маю. — Что? Хватит порхать с ветки на ветку! Мне жаль, что ты свой талант разбазариваешь по чужим постелям, — жестко добавил он. — Если не хочешь или чувствуешь, что не справишься, можешь уйти, я не обижусь. Но коль останешься, буду спрашивать со всей строгостью и промахов не прощу. Ты меня поняла, Мая?

— Сир, она женщина, — тоном, которым обычно разговаривают с душевнобольными, произнес кир Мэтью. — Никто не будет подчиняться бабе.

— Отец, я могу притвориться мужчиной!

Судя по загоревшимся глазам и решительно сжатым кулачкам, Мая вызов приняла и не собиралась отступать.

— Насколько я помню, когда Мая попала ко мне, она весьма искусно притворялась парнем. Не думаю, что правильно афишировать ее истинную сущность. Ее назначение останется в тайне. Даже от Иверта. Мая, ты меня поняла? Я сам ему скажу.

— Погоди, сир. — Мая подняла руку. — Полиция — это как стражники?

— Это слово пришло из одного мертвого языка и означает оно «город». Полиция — городская стража, призванная поддерживать порядок на улицах. Полицейские борются с преступностью. Поимка воров, убийц, насильников... В первую очередь — это сыск. Твоим людям придется разыскивать преступников, следить за порядком в герцогстве и работать с жандармами. Жандармерия тоже станет подчиняться тебе, но их функции... э... служба будет немного другой. Они должны будут обеспечивать безопасность. В их ведении охрана королевской семьи, посольств, специальных грузов, конвой, помощь полицейским в охране правопорядка в порту и в городе, и, главное, они

будут следить за политической обстановкой. Раскрытие заговоров. Патруль. Об этом тоже написано в бумагах.

— Я прочту, — серьезная, как никогда, Мая бросила на отца быстрый взгляд. — Ты мне поможешь?

— Только первое время, — ответил за Мэтью герцог. — У меня на твоего отца другие планы.

— Кир Алан, — усмехнулся теневой король герцогства. — Я уже давно общаюсь с вами, но все равно иногда не понимаю и половины того, что вы говорите. Слова вроде знакомые, а смысл ускользает.

— Извини, Мэт, — развел руками Алан. — Я слишком быстро живу... Нашли убийцу детей?

— Нет пока, — на лицо барона набежала тень.

— Мая, это твое первое задание. Привлекай людей, сама проводи отбор, создавай собственную команду. Бери кого хочешь, главное, чтобы он был умен и честен. О званиях, форме и содержании поговорим отдельно, когда ты ознакомишься с записями и поймешь, как будет работать твоя служба. И найди мне этого маньяка! Убийцу детей, — пояснил Алан, заметив непонимание на лицах собеседников. — Я лично его вздерну на площади! Живым возьми!

Мая кивнула и, отобрав у отца записи, углубилась в чтение.

— Где вы планируете разместить полицию?

Мэтью подошел к висящей на стене карте герцогства.

— А вот этим займешься ты, — обрадовал его герцог. — Мая станет первой, ей будет сложнее всех, но очень надеюсь, что она справится.

Мэтью Гарнер ничего на это не ответил, только скептически скривил губы.

Ну да, сложно, да еще и женщина во главе, но пора ломать стереотипы. Мая умна, хитра и наблюдательна, у нее связи в криминальном мире и кое-какой авторитет. Справится! Надо же с чего-то начинать разрушать устои. Так почему бы не с этого?

Через полрыски в дверь постучали, и в кабинет вошел Берт. Ушибленная рука висела на перевязи, и всем своим скорбным видом слуга показывал, что ему больно, но это не мешает служить герцогу. Вот хитрый жук! Но пора его наградить, а то как-то Алан совершенно упустил этот момент. Незаменимый Берт заслуживал не только порки, но и ласкового слова.

— Берт, можешь устроить себе завтра выходной день. Сходи в город, выпей, потискай баб. Мэтью, выдай ему из казны золотой.

В крепости был казначей, но все крупные сделки проходили через Мэтью Гарнера, и пока это Викторину устраивало. Денег было немного, но они были, часть, правда, уходила на фронтир на стройку, но и то, что собирал Мэтью, вполне перекрывало затраты на содержание крепости и порта. Мэтью усмехнулся и кивнул, дав понять, что услышал. Берт же низко поклонился, безуспешно пряча довольную хитринку в глазах, и чинно произнес:

— Кир Алан, посольство в пределах видимости, и Ураган велел передать, что генерал в рыске от города. Я приготовил одежду.

— Отлично! Мэтью, ты со мной! Я жутко боюсь этого посольства, — признался Алан, чем вверг Мэтью Гарнера в шок.

Он недоверчиво посмотрел на герцога, решив что тот его обманывает.

— Вы не шутите?

— Поверь, у меня зубы стучат от страха. Что им говорить, о чем врать, что обещать?

— Сир, — Мэтью чуть заметно улыбнулся. — Главное, надувать щеки, кивать и ничего не подписывать.

— Вот и будешь хватать меня за руки!

— Они привезли портреты принцесс, — подняла голову от рукописей Мая. — Мой друг сказал, что тебя попробуют женить на одной из дочерей наследников.

— Мирия стоит на пороге гражданской войны, сейчас на трон претендуют трое сыновей нынешнего короля. Остальных можно не брать в расчет. Из этих троих я бы поддержал старшего сына: кроме того, что у него законные притязания на трон, он еще и неплохой политик. Осторожный, хитрый, расчетливый. Думаю, Наместник тоже поддержит его.

— Как его имя?

Они перебрались в спальню, и Берт помогал Алану одеться в «приличный» костюм. Спасибо погибшему герцогу Вас'Хантеру, есть в чем встретить гостей.

— Как и вашего деда, его зовут Ксан. Ксан по прозвищу Тихий.

— У Мирии сильный флот?

Алан вспомнил белоснежный парусник на темной воде и свой

восторг при виде изящного корабля.

— Три больших торговых судна и несколько легких суденышек, похожих на вашего Шустрика.

— Кому принадлежат большие корабли?

Гарнер понимающе улыбнулся, отчего в уголках глаз собрались морщинки, делая его похожим на доброго дядюшку, которым он никогда не был.

— Два больших корабля – королевской семье, один – торговому дому вашего друга Левиса, если вы не знали, он подданный мирийской короны.

— Как думаешь, если мы решим помочь претенденту на трон войском, следует ли потребовать взамен один из кораблей?

— Я бы попробовал. — Гарнер взял из рук Берта деревянную коробочку и протянул Алану. — Ваша корона, сир.

Тонкий серебряный ободок. Алан надевал его только раз, когда брат Чех короновал его. «Ну прям принц из сказки, – хмыкнул он про себя, рассматривая в мутном зеркале отражение. – Круги под глазами, усталый вид, легкая щетина. А ведь утром брился!»

— Друг Мати намекнул, что с посольством тайно путешествует один из наследников, но кто именно, он выяснить не смог.

— У нас есть портреты правящей династии Мирии?

— Прежнему герцогу это было неинтересно, а его советник знал всех в лицо.

— Ты знаешь Ксана?

— Видел один раз. Но ему тогда было семь лет.

Они вышли из комнаты и направились в зал приема, как торжественно называлось самое большое помещение крепости.

— Кто, кроме меня, по этикету должен встречать гостей?

— Ваш советник, духовник, старший наследник, супруга и ваш двор, — перечислил Гарнер.

— Советник при мне, за супругой отправим, наследник предупрежден, двора у меня нет... Берт! — Алан оглянулся на слугу и опять почувствовал укол совести. — Сбегай к брату Чеху, а после навести отца Крамера, выясни, знает ли он в лицо королевскую семью Мирии, если знает, тащи его в тронный зал. Эй, не лыбься! — Алан представил, как Берт за руку бегом волочит старика по коридору. — Вежливо пригласи! И пошли кого-нибудь за мастером Семоном! Он

знает этикет и все эти... — Алан помахал рукой в воздухе, — заморочки. Затем скажи Иверту, чтобы сразу же сообщил, когда появится генерал. И предупреди женщин, чтобы тоже прибыли. Пип, найди капитана Семуха, пусть выставляет охрану.

Ветеран стукнул кулаком по груди и побежал за Бертом. Распоряжения герцога выполнялись молниеносно, и это радовало.

— Мне просто необходимы адъютант и пара вестовых, ну или мальчиков на побегушках... Следует поторопить прибытие в крепость Ольта, — пробормотал Алан себе под нос.

— Где ваши телохранители? — тихо спросил Мэтью.

— Под арестом.

— А Длань?

— Почти мертв.

— Что за игру вы затеяли, кир Алан? — Гарнер смотрел очень внимательно и, как показалось Алану, настороженно. — Вы ведь понимаете, что против выживших из ума стариков вам не выстоять.

Они вошли в большой пустой зал, и охрана герцога тут же встала у двери.

— А ты их не очень любишь, — хмыкнул Алан, давая себе мысленный подзатыльник, что до сих пор не расспросил Мэтью о его прошлом.

— У меня нет причин испытывать к ним любовь. — Мэтью заглянул под свисающую до самого пола золотистую скатерть, закрывающую круглый столик, на котором стояла ваза с сухоцветами. — Странно, я был уверен, что Оська не пропустит такого события.

Алан окинул внимательным взглядом зал. Прошел вдоль стен, отодвинул шторы, даже заглянул за трон, но Оськи не нашел. Это было действительно странно.

— Прячется, паршивец. Ты нашел мне управляющего?

— Да. Представлю после аудиенции.

— Мэтью, — Алан понизил голос. — Порох. Взрывной порошок, которым пользуются Учителя. Мне нужен рецепт.

— Думаете, я не пробовал?

Мэтью подошел к замерзшему окну. В помещении было холодно, одинокий камин не давал достаточно тепла, и Алан уже начинал мерзнуть.

— Три трупа, сотня потраченных золотых, и взамен всего один

мешочек этого вещества. Мои химики попытались его воспроизвести, но пока безуспешно.

— У тебя есть химическая лаборатория? — загорелись глаза Алана.
— Почему ты молчал?

— Ну, назвать это лабораторией сложно, — хмыкнул теневой король. — У меня есть раб, который знает эту науку, и еще один наемный служащий.

— Отлично! Я знаю формулу, но не знаю, откуда брать вещества. И, черт побери, я не знаю, как они называются в этой стране! — Алан скис.

— Кто вы, кир Алан? — не впервой задал вопрос барон Гарнер.

— Что ты знаешь о ходаках? — Алан внимательно смотрел в глаза своего советника.

— Легенды, сказки, страшилки на ночь, — одними губами улыбнулся Мэтью.

— Одна из страшилок стоит перед тобой.

Гарнер молчал лишь секунду, и по его холодному оценивающему взгляду Алан так и не смог понять, что тот думает.

— Анчута, значит.

— Анчута. Уйдешь?

— Что вы, кир Алан! Теперь уж точно не уйду, — теневик улыбнулся. — Я это подозревал с самого начала. И я еще помню легенду о Разрушителе, которой нас пугали во время обучения в горах.

— Ну вот и познакомились, — криво усмехнулся Алан. Знал бы ты, скользкий друг, кто скрывается в недрах души Алана Валлида. — Думаю, не стоит предупреждать тебя, что об этом следует молчать.

— Не стоит, — совершенно серьезно ответил Мэтью. — Я не враг и с радостью спляшу на обломках Храма.

— Чем вам так не нравится эта вера? — который раз удивился Алан, находящий верование в двух братьев идеальным сочетанием добра и зла.

— К вере это не имеет никакого отношения. — Мэтью осенил себя знаком Ирия. — Мне не нравится, что храмовники правят страной. Мне не нравится, что Храм имеет абсолютную власть и собственную армию. Мне не нравится, что закон прогибается под Наместника и его приспешников. И мне не нравится, что горстка стариков решает, как будет развиваться и жить целый континент.

— Хм... — только и смог ответить на это герцог. — У тебя намного больше общего с Дланью, чем ты можешь себе представить.

— Я знаю. Когда-то мы были дружны и много рассуждали на эту тему. Но он готов идти до конца даже ценой собственной жизни, а я — нет.

В зал вошли мастер Семон и сыновья герцога. Оба юноши в парадных мундирах и при легких церемониальных мечах, оба строгие и немного напряженные. Турен задумчив и сосредоточен, а непривычно серьезный Дарен явно взволнован.

— Отец.

Турен слегка поклонился, а непосредственный Дарен подбежал за порцией объятий.

— Мастер Семон, — герцог уважительно склонил голову перед наставником Дарена. — Требуется ваша помощь. Я совершенно не знаю, как встречать посольства дружественных стран.

— Сочту за честь помочь. Во-первых, в этом зале вы только примете посольство и обменяетесь подарками, сами переговоры следует вести в кабинете, где не будет лишних людей.

— Подарки? — Вот же зараза! И что им дарить? — Мэтью?

— И что Алан-балан делал бы, если бы у него не было верного шута? — раздался задорный голос, и Оська выбрался из-под трона. — Оpozорился бы! — сам себе ответил он и протянул Алану кожаные ножны. — Я тут порылся в сокровищнице...

— Оська, как ты туда попал? — Алан строго посмотрел на безмятежного шута. — Даже у меня нет ключей от подвала.

— А я там прятался от салаг Иверта. — Синие глаза карлика сияли искренностью. — Барон Семух мне серебрушку проспорил!

— Я не знаю таких замков, которые не смог бы открыть ваш шут, — покачал головой Мэтью. — Придется ставить охрану.

— Обязательно, — кивнул герцог.

— Ну вот я там нашел этот красивый ножичек, он валялся среди мехов. Одинокый, никому не нужный, несчастный. Я его спас! — гордо закончил Оська.

Алан достал из ножен кинжал. Чуть изогнутое лезвие, похожее на коготь птицы, тонкая гравировка у самой рукояти, украшенной драгоценными камнями и золотой чеканкой. Произведение искусства, но не более того. Идеально для подарка и бесполезно для боя.

— Спасибо, Оська, — серьезно сказал он. — Как ты оказался под троном? Я ведь проверял, тебя там не было.

— А я только что пришел, — бесхитростно сообщил проказник и нырнул за занавесу. — Я буду твоей тайной охраной, Бешеный Кузнечик, — раздалось от окна, и шут затаился.

— Он намного умнее, чем показывает, — тихо пробормотал Мэтью.

— Даже не сомневаюсь.

нервно прошел по помещению, прикидывая в уме приветственную речь и мечтая оказаться где-нибудь подальше. На мгновение ему показалось, что в темном углу за троном мелькнула крылатая тень. Он моргнул и энергично потер щеки. Не хватало еще начать видеть галлюцинации наяву, мало им ночных встреч...

— Муж наш!

В зал вошли Зира и Валя, и Алан вновь подивился, насколько они разные. Лед и пламя, холод и жара, черное и белое... Эх, слепить бы их вместе и создать одну женщину! Была бы идеальная подруга для герцога. Наверное...

Он улыбнулся и обнял Зиру, поцеловал ее в щеку, погладил животик и, не удержавшись, прикусил мочку уха, шепнув:

— Я сегодня приду.

Затем повернулся к Валии, чувствуя, как внутри нарастает напряжение. И черт его знает, как себя с нею вести? Вроде бы она не против отношений, но... лед между ними так и не растаял, а после попытки близости стал еще крепче. Алан считал, что это его вина, но пересилить себя не мог. Валя его не привлекала. Слишком холодная, слишком чуждая, слишком... Все было слишком. А становиться для нее психологом ему совершенно не хотелось.

— Добрый день, кирена, — поклонился он ей. — Как ваше самочувствие? Валя улыбнулась.

— Все хорошо, кир Алан.

— Вы знакомы с членами королевской семьи Мирии, кирена?

Алан провел женщин к «трону» и помог сесть на принесенные для них стулья.

— Только с его величеством Конрадом. Но, говорят, он сейчас болен и не встает с постели.

В зал неторопливо вошел отец Крамер в сопровождении

смущенного Берта. Слуга издали всем поклонился и выскочил за дверь, словно ему кипятком на хвост плеснули.

— Отец Крамер, чем вы так смутили Берта? — Алан искренне улыбнулся.

— Абсолютно невоспитанный молодой человек, — недовольно высказался Учитель. — Абсолютно! О чем вы думаете, кир Алан? Вы ведь знаете, какая судьба предназначена этому юноше, и совершенно не заботитесь о его воспитании! Это недостойно правителя и бр...

— Я понял! — бесцеремонно перебил его Алан, не позволяя выдать маленький секрет Берта. — Прошу вас присутствовать при встрече посольства и при последующих переговорах... — многозначительно произнес он.

Отец Крамер кивнул и с улыбкой направился к Семону. Алан услышал, как мастер с восторгом начал рассказывать о каких-то заметках на полях, обнаруженных им в старинной книге.

Последним пришел брат Чех, и наконец капитан Семух распахнул двери, приглашая в зал посольство дружественной Мирии.

Алан с интересом следил, как в помещение чинно входят двенадцать человек в долгополых одеждах, традиционных для этой страны. Было очень непривычно видеть черноволосые головы в таком количестве. Он быстро пробежал взглядом по гостям, пытаясь понять, кто из них может быть наследником трона?

—... вождь Алан Бешеный Кузнечик, его наследники и его жены...

Э... Алан задумался и пропустил момент представления герцога посольству. Он бросил быстрый взгляд на Мэтью, но тот сделал вид, что не заметил. Жены? Этого только не хватало! Да он холост даже по законам горцев! Ибо не привел Зиру к могилам предков и не попросил у них благословения, а до тех пор их союз считается временным. Нет, Алана это вполне устраивало, но рождение ребенка накладывало ответственность, и он планировал завершить ритуал и признать Зиру законной женой по обычаям ее племени. Да и старейшинам это понравится. Все же в первую очередь Бешеный Кузнечик — вождь свободных игушей.

Политика вместо чувств, шепнул в голове тихий голос. А у нас есть варианты?

— Посол дружественной Мирии, граф Чавдар Цонев с сопровождением! — глубоким басом произнес один из гостей.

Вперед вышел грузный седовласый мужчина с правильными чертами лица и благородной осанкой. Он опирался на резную трость и при ходьбе слегка прихрамывал на левую ногу.

— Подарок его величества Конрада нашему другу и союзнику герцогу Вас'Хантеру.

Вот как? Уже друг и союзник? Так и хотелось усмехнуться в лицо послу, но вместо этого Алан принял из рук невысокого щуплого парня меч в дорогих ножнах, поцокал с восторгом, рассматривая узкий и легкий клинок, и передал его Турену. А Мэтью с длинной прочувствованной речью вручил послу кинжал. Затем были переданы и приняты верительные грамоты, брат Чех провел взывание к Ирию с просьбой очистить умы и сердца для честного и плодотворного общения, и наконец официальная часть подошла к концу.

— Прошу посла и его ближайших советников пройти следом за маркизом Туреном Аланом Ли, — объявил Мэтью и, дождавшись, пока граф Цонев в сопровождении пяти человек выйдет из зала, продолжил, обращаясь к остальным членам делегации: — Для обсуждения торговых дел его светлость выделил зеленую гостиную, вас туда проведут после небольшого торжественного завтрака в компании хозяек крепости и графа Дарена Алан Валлида.

Алан бросил ободряющий взгляд на чуть испуганного Дара и, дождавшись отца Крамера, направился к потайной двери, чтобы первым попасть в кабинет, где рассчитывал продолжить переговоры.

— Сир, — остановил его голос брата Чеха. — Прошу уделить мне немного времени по окончании переговоров.

— С удовольствием, — кивнул герцог и, подхватив отца Крамера под руку, нырнул в низкую дверцу, скрываемую тяжелой бархатной шторой. — Осторожно, здесь ступенька, — предупредил он старика, бережно поддерживая его под руку. — Узнали кого-нибудь?

— Ксан Тихий — тот мальчик, что вручил тебе меч. Он изменился за последние годы, но глаза остались такими же. Будь с ним осторожен. Он хитер, изворотлив и может быть жестким. — Старик споткнулся, и Алан сильнее сжал его предплечье. — Я слышал, ты хочешь получить от него корабль?

— Откуда вы это узнали? Кроме Мэтью и... Берт? Вот сукин сын!

Они вышли в кабинет Мара Маргана, тот, что находился при библиотеке, и Алан отпустил Учителя, с негодованием глядя в

улыбающееся старческое лицо.

— Я лично выпорю это трепло!

— Нужно просто уметь задавать вопросы, мальчик мой. Просто уметь задавать правильные вопросы. А образованием бастарда займись! Негоже ему быть таким лоботрясом.

— Эх, отец Крамер, вы не представляете, насколько Берт умеет притворяться бездельником. На самом деле, он не так уж и глуп.

— Я не говорю, что он глуп, я говорю, что он невоспитан! — со старческим упрямством повторил ксен и сел за стол. — Ваш старший сын – большая умница, он все приготовил. Надеюсь, именно ему вы передадите власть.

— До власти еще дожить надо, — буркнул Алан себе под нос и встал у стола, приветствуя гостей.

Когда все расселись за большим столом (Ксан изображал секретаря графа и расположился справа от него с ворохом бумаг), Алан громко объявил:

— Ну что же, кыры, я готов выслушать ваши предложения. Судя по лицу Мэтью, он опять ляпнул что-то не то...

— Вождь Алан Бешеный Кузнечик не любит условности и не всегда им следует, — с легкой улыбкой завуалированно извинился Мэтью. — Герцог Вас'Хантер предлагает начать сразу с главного.

— Граф, уполномочены ли вы принимать решения? — Алан откинулся на спинку стула, внимательно следя за Чавдаром Цоневым — главой посольства.

— Прежде чем ответить на ваш вопрос, сир... — медленно, взвешивая каждое слово, ответил граф. — Позвольте задать и вам вопрос? — Алан кивнул. — Я вижу по правую руку от вас кира Мэтью, по левую – вашего приемного сына, но еще я вижу ушедшего много лет назад в отставку Наместника Храма. В каком качестве присутствует здесь Учитель?

— В качестве моего духовника, — не моргнув глазом Алан.

— А брат Чех?

— Брат Чех – духовник моей семьи. Это все, что вас волнует?

— Нет, сир, но остальные вопросы я задам позже. — Граф дипломатично улыбнулся. — В вашем окружении много странного и непривычного, сир. Мы слышали, что новый герцог Белой крепости не придерживается правил и этикета, но до последнего момента не верили

всем слухам.

— Например? — живо поинтересовался Алан.

Нет, ну любопытно же, что о нем болтают за границей.

— Что у вас гарем, — позволил себе легкую улыбку посол.

Алан обратил внимание, что Ксан передернул плечами, будто ему было неприятно это слышать.

— Ну, гарем не самая большая моя странность, граф. Итак, приступим.

Алан внимательно слушал посла. Картина вырисовывалась интересная. В настоящее время за трон боролись два брата: старший Ксан и Ирван, который был на год младше него, но рожден от второй жены. Мать Ксана умерла родами. Старый король, перед тем как его хватил удар, успел поссориться с Ксаном и при свидетелях заявить, что лишит его права наследования и отдаст трон следующему сыну, а сразу же после ссоры его хватил удар. Судя по описаниям, банальный обширный инсульт, что было равноценно смерти в этом мире. Конрада разбил паралич, он лишился речи и доживал последние дни.

А братья рассорились окончательно, младший обвинил старшего в болезни отца и нашел поддержку среди других детей и знати. Ксан занимал при короле должность военного советника, если говорить просто. Гарнизон и стража подчинялись ему, и первое, что он попытался сделать, это арестовать брата. Но Ирвана предупредили, и он скрылся за стенами укрепленного замка, где и ждал сторонников.

Если верить словам графа, он раздавал обещания направо и налево, делил земли и казну, сорил деньгами и потихоньку собирал вокруг себя баронские дружины.

Регулярной армии в Мирии не было, как и в большинстве местных стран (Алан сделал пометку: создать регулярную армию и на первых порах ввести всеобщую воинскую повинность). Были крепостные гарнизоны и личные войска. Дворцовая дружина пока оставалась на стороне Ксана, но этого было недостаточно, чтобы выбить Ирвана из его замка и при этом не упустить королевский дворец.

Через полчаса общая картина стала понятна, и Алан заподозрил, что Ксан будет просить у него войско, которого в герцогстве не было... но знать об этом послу не обязательно.

— И что вы хотите от меня? Конкретно? — сложив руки на груди, спросил Алан, когда граф замолчал. При этом смотрел он на

«секретаря». — Я сам на пороге войны, и лишнего войска у меня нет, да и причины, по которой я смогу вам помочь на законных основаниях, тоже не вижу.

Учитель рядом тяжело вздохнул, Мэтью улыбнулся, а Турен, не сдержавшись, хихикнул.

— Знаю, — буркнул Алан. — Дипломат из меня никудышный, но раз решили, чтобы я был на переговорах, то терпите.

— Кир Алан, вам обязательно нужно создать дипломатическую службу, — мягко произнес отец Крамер. — И я думаю, что мы сможем вам помочь...

— Выделите преподавателей для академии? — оживился Алан.

— Давайте обсудим это позже, — многозначительно произнес Мэтью.

В дверь постучали, и в нее просунулась довольная физиономия Иверта.

— Вождь, генерал прибыл!

— Отлично! — Алан встал. — Пригласи маркиза Рамана сюда и вели, чтобы подали чай и легкие закуски. И сам тоже приходи! — крикнул он в закрывающуюся дверь.

— Итак, пока нет моих силовиков, я хочу получить ответ на свой вопрос, ваше высочество.

— Как вы меня узнали? — Ксан нахмурился.

— Молодой человек, это нетактичный вопрос, — укоризненно покачал головой отец Крамер и тут же лукаво спросил: — Или вы тоже не любите официальные переговоры?

— Я просто пока не владею должным умением и навыками, но я учусь и полностью доверяю графу Цоневу, — честно признался Ксан. — Поэтому и дальше переговоры будет вести граф.

— Кир Алан, мы хотели предложить вам союз, скрепленный браком. Его высочество Ксан готов взять в жены вашу дочь или вашу воспитанницу. Тогда на правах тестя вы сможете оказать военную помощь законному королю Мирии.

— А если его высочество женится на вдове герцога Ли Вас'Хантера, то, кроме поддержки кира Алана, он получит и поддержку Ратии. Потому что кирена Валия – племянница здравствующего короля, — с неизменной улыбкой предложил отец Крамер.

— У Эвелин Вас'Хантер тоже родственные связи с королевским

двором Ратии, — с такой же улыбкой парировал граф.

— Дочь кира Алана слишком юна для брака, а кирена Эвелин была обещана другому, — задумчиво произнес Мэтью, бросая на Алана вопросительный взгляд.

— Мертвецу жена ни к чему, — холодно ответил Алан, а про себя подумал, что Алвис ему еще спасибо скажет, если выживет, конечно.

— Из кирены Валии получится идеальная королева. — Отец Крамер не собирался отступить. — Она умна, красива и хорошо воспитана. Достойная партия. Эвелин же... Молода, эмоциональна, не особо умна, зато хитра и изворотлива. Умом не блещет, но любит интриговать в свою пользу. Лет через десять она доставит вам массу неприятностей, если, конечно...

— Если, конечно, не полюбит мужа и не станет его опорой и соратником, — закончил Алан, в котором проснулась раздраженная Виктория.

Устроили тут аукцион!

Турен напряженно смотрел на Алана, и тот понял, что сейчас все зависит от его решения. Кого из женщин отдать в угоду политике?

«А стоит ли отдавать?» — шепнула Виктория. Для нее все это звучало дико и неприятно, свадебный торг ничем не отличался от продажи невольников. Женщины, даже королевских кровей, имели столько же прав, сколько рабы. И это злило неимоверно.

— Кир Алан, есть еще вариант. — Граф тонко улыбнулся. — Мы слышали, вы присматриваете супругу для старшего сына, имеем честь предложить вам ее высочество Карол, ей уже пятнадцать лет. Вам или его светлости Турену Алан Ли Вас'Хантеру.

— Тур, ты как? Жениться хочешь?

— Я бы сначала посмотрел на портрет, — без улыбки ответил парень. — И дождался, когда родит Зира.

— Ах да, конечно, конечно, — многозначительно покивал Алан, с усмешкой наблюдая за собеседниками. — Кире, скажу откровенно, мне не нравится этот торг, потому что решение о военной помощи еще не принято, и обсуждать его мы будем только после того, как ваши предложения и планы услышит мой главнокомандующий. Если маркиз Генри Раман посчитает, что для Игушетики выгоден на троне Ксан Тихий, мы вам поможем при условии, что плата за помощь нас устроит. — Это был очень жирный намек, и Виктория надеялась, что его

услышали. — А если его высочество захочет взять в жены маркизу Эвелин, мы возражать не станем, но при условии, что она даст свое согласие. На этом тему женитьбы предлагаю закрыть и до прибытия генерала обсудить другие вопросы.

Последние фразы прозвучали достаточно властно и немного грубо, но Виктория едва справилась с нахлынувшей злостью, поэтому решила не церемониться. Она заметила, как облегченно вздохнул Турен. Ну да, конечно, у него только начало налаживаться с матерью, а тут... Черт бы побрал эту политику!

Диалог продолжился, но Алан уже почти не слушал, что говорит граф и что ему отвечает Мэтью. В голове крутилось много мыслей, и все они были далеки от политики. Что делать с Валией? Куда девать Зиру, когда он уйдет в храмовый монастырь? Кого брать с собой? Как поступить с Алвисом и чего ожидать от приезда отца Пауля? И успеет ли он до того, как Алвис протянет ноги в своем склепе?

— Итак, что вы можете нам предложить за военную помощь? — раздался голос Мэтью.

— А что вы желаете? — тихо спросил Ксан, глядя на Алана.

— Корабли.

Судя по тому, как закатил глаза Мэтью, Алан опять поспешил с заявлением. Да ну их в... сад! Виктория вспомнила Петра Первого и ощутила себя его реинкарнацией. Если верить истории, великий реформатор тоже не любил лишних слов.

На мгновение в кабинете стало очень тихо, только слышно было чуть сипловатое дыхание Учителя и шелест бумаг под рукой Ксана.

— Предлагаю сделать перерыв и обсудить все варианты с советниками, — подал голос Учитель. В дверь постучали, и она открылась.

— Сир, чай и закуски, — Хват окинул присутствующих внимательным взглядом. — Генерал здесь.

— Пусть войдет, и проводи наших гостей в малый кабинет, прикажи подать туда чай. Думаю, графу и его сопровождающим есть что обсудить. Встретимся через полрыски.

Граф согласно кивнул.

Алан был счастлив сделать перерыв, потому что, на его взгляд, переговоры зашли в тупик. Не нравились Виктории все эти недомолвки, хитрости и прочее. Насколько было бы проще, если бы все

высказывались прямо и без демагогии. Да уж, дипломатия не ее стезя. Никогда не умела юлить и притворяться, а теперь и учиться поздно. Прав Учитель, следует создавать собственную дипломатическую службу или переманить на свою сторону ту, что есть сейчас у Наместника. Должна же она у него быть? И сама себе ответила, что скоро узнает. Зима заканчивается, а вместе с нею заканчивается и передышка, отпущенная непокорному Алану.

Глава 10

*А еще друг мой,
островитяне держат в хлевах диковинного зверя.
Морда, как у коровы, а тело, как у козы.
Молоко от него жирное, но с запахом.
Зато обладает оно лечебными свойствами
Местные знахари дают его старикам и детям.
А бабам своим не дают ни в коем разе,
потому что от него у баб случаются пляски до утра,
да непотребства всякие.*

Сказания «Об Океании»

— Генерал! Как я рад тебя видеть! Нет-нет, не вздумай преклонять колени! — Алан обнял маркиза Генри Рамана за плечи, всматриваясь в усталое лицо. — Седины добавилось, но взгляд все такой же.

Генерал улыбнулся, и Виктория поняла, что ему приятна такая встреча. Да и она была рада видеть этого строгого военного. Рядом стоял уставший, но довольный Рэй в тулупе и валенках. Алан ему кивнул, внимательно окинул крупную фигуру взглядом.

— Рэй, что у тебя с щекой? Отморозил?

Правая щека здоровяка была красной до синевы.

— Да поскользнулся уже в воротах! — эмоционально воскликнул Рэй, при этом смущенно косясь на генерала. — Да как пьяный варвар мордой об лед и тюкнулся!

— Скажи Ивертовым салагам, чтобы углем с солью дорожки просыпали. Не хватало, чтобы мои капитаны с разбитыми мордами ходили. — Алан вздохнул и повернулся к маркизу. — Переодевайтесь. И сразу же на переговоры. У нас в гостях посольство Мирии, и я хочу выторговать у них корабли.

— Кир Алан, — Мэтью Гарнер подал ему чашку с горячим чаем. — Позвольте я введу генерала в курс дела.

Алан, конечно, позволил и только молча завидовал умению Мэтью говорить коротко, по делу и при этом очень объемно.

— Мальчик, будь добр, карту.

Генри Раман не любил дипломатию, как и Алан, поэтому к делу подошел с прямолинейностью вояки. Турен расстелил на столе карту, и все над ней склонились.

— Мирия, — ткнул пальцем в синее прибрежное государство генерал. — Граничит с герцогством, вольными баронствами и Ратией, которая отгораживает ее от Галендаса. Находится в очень стратегически выгодном месте, имеет три крупных порта, но не развитый пока военный флот. Всего три больших корабля. Но теперь, если Игушетия выйдет в море, а следом за ней и Галендас, то Ксану Тихому есть смысл наращивать свое присутствие на воде. А нам это невыгодно. Жаль, что мы сейчас не можем вторгнуться в страну... Они ослаблены гражданской войной, и, если объединиться с Ратией, мы могли бы порвать Мирию на две части, тем более кир Алан тоже имеет права на их трон. Как думаешь, капитан? — он очертил ногтем часть территорий.

— Не сейчас, когда мы на пороге собственной войны, — Рэй почесал бороду. — Защищать сложно будет. Не удержим, если Ратия полезет.

— Ратия будет у нас в клещах. Мы ее раздавим, как букашку. — Генри Раман тяжело вздохнул. — Да, пустой разговор. Сил пока маловато.

— А поэтому прикиньте, сможем ли мы помочь Ксану и что за это потребуем, — Мэтью внимательно посмотрел на Алана. — И решите, кого из женщин отдадим.

— Маркизу, — буркнул Алан. — И это не обсуждается.

Ну не мог он отдать Валию! Не мог! Не потому что был влюблен, а потому что это было неправильно.

Отдав еще пару распоряжений, Алан решил, что теперь справятся и без них с Учителем, и, пригласив отца Крамера следовать за собой, покинул кабинет.

— Значит, вы все же решили жениться на кирене Валии? — Учитель тяжело вздохнул. — Не лучшая партия.

— Почему?

— Потому что предав одного герцога Вас'Хантера, она может предать и второго.

— Я что-то такое и подозревал, — кивнул Алан. — Отчуждение с сыном, чувство вины, недоверие к окружающим. Она думает, что я все знаю, и старается держаться как можно дальше. Вы уверены?

— Мне жаль, но именно кирена Валия показала подземный ход в крепость. Длань говорил с покойным герцогом, тот сам ему рассказал.

Алан замедлил шаг, чтобы приноровиться к походке старика. Новость о Валии ничего не всколыхнула в его душе, Виктория была на стороне женщины, представляя, какая жизнь могла быть у Валии, отданной замуж ради политического союза. Если она так поступила, значит, у нее были на то причины, и осуждать ее за глаза герцог не собирался. Он ведь не знает, как ей жилось с мужем, каким он был для нее супругом? То, что любви между ними не было, Виктория уже поняла, и вряд ли Валия была счастлива в этой крепости.

— Она защищала сына. Герцог пообещал ей, что не тронет ребенка, и не сдержал обещания, — предположил Алан вслух.

Виктория, скорее всего, тоже бы предала ради собственных детей, к счастью, ей никогда не приходилось делать такой страшный выбор.

— Возможно, — отец Крамер остановился у двери своей комнаты. — Мы бы предпочли, чтобы вы женились на дочери Наместника и таким образом привлекли его на свою сторону.

— У Наместника есть дочь?

— Две. Старшей как раз исполнилось шестнадцать лет.

— Я подумаю, — Алан по-военному четко кивнул и открыл перед Учителем дверь. — Обсудим эти и другие перспективы позже.

Двое воинов встали у захлопнувшейся двери, а Алан медленно пошел в сторону покоев Зиры.

Ага, как же! Женюсь я на пигалице! Да что мне с нею делать? Сказки на ночь читать? Да еще и при таком папочке. Нет уж, господа истинные правители этого мира, обойдемся без нимфеток в моей постели!

В глубине сознания захохотала Виктория, и Алан вдруг почувствовал невыносимое желание... съесть пельменей. С маслом, сметанкой, присыпанных сверху перцем... да под водочку. Рот наполнился слюной, в желудке жалобно квакнул пустой чай. Алан оглянулся на застывших за спиной ветеранов.

— Пип, я иду на кухню, а ты найди Берта и пришли ко мне.

Воин кивнул и побежал исполнять приказ, а Алан, предвкушая что-

то невообразимо приятное, направился во владения Райки. С настроением творилось нечто странное: бабочки в животе, предчувствие праздника и дурацкое состояние легкости. Просто абсолютно нетипичные для этого тела ощущения!

Через три часа его нашел Рэй, злющий, как тау в период гона.

— Кир Алан! Да что же вы творите! Там послы уже договоренности готовы подписать, а вас найти нигде не могут. Хорошо, что я Пипа встретил... А чем это у вас так вкусно пахнет? И что вы все здесь делаете? Да что же это такое? А как послы прознают, что ваша светлость на кухне, как простолюдин! Кир Алан, да вы же целый герцог, а ведете себя как... как..! А вы, кирена Валяя! Уж вы-то... Ладно, Зира, дитя гор, но вы-то, вы!

Рэй безнадежно махнул рукой, понимая, что ничего не докажет своему шальному воспитаннику.

Ответом ему был дружный хохот. Дарен тут же подвинул стул, Хват плеснул в кубок вина из кувшина, а Райка, утирая слезы, поставила перед капитаном большую тарелку, полную маленьких круглых пельменей, политых ароматным маслом и присыпанных перцем.

— Что это?

Рэй с наслаждением принялся к горячему парку и, насадив на вилку первый пельмень, отправил его в рот. Прожевал, удивленно склонил голову вправо, прислушиваясь к ощущениям. Все, затаив дыхание, ждали вердикт. Рэй молча наколол второй пельмень и потянулся за сметаной.

— Сами придумали или где подсмотрели?

— Это все папа! — гордо сообщил Дарен и ловко стянул из тарелки Рэя пельмешек. — Пельмени называется. Скажи, вкусно? Мы все их лепили. И даже кирена Валяя! А папа с Хватом мясо мелко-мелко резали!

— Кир Алан сказал, что ими наедаешься, когда на первом сидишь, а последний в горле стоит, — со смехом сообщил Хват и откинулся на стуле. — Лепить их, я тебе скажу, тоже весело. Особенно под хорошее вино да в хорошей компании.

Он подмигнул Светике.

— Ты, между прочим, на службе, — недовольно высказал капитан Хвату.

— Так я служу! Охраняю кира Алана.

Дарен звонко расхохотался, а следом за ним стали смеяться и остальные.

— Так, брат Чех, — Алан нехотя поднялся. — Сегодня после вечерней службы свадьбы и справим. Чувствую, что потом будет не до этого.

Смех стих. Рэй согласно кивнул, а Светика схватилась за щеки.

— Ой, матулечка! У меня платье еще не готово! Вы же говорили, что после вашего дня рождения.

— Обстоятельства изменились. Боюсь, что скоро нам с Рэем придется покинуть крепость, — Алан грустно улыбнулся Зире. — Но к родам я вернусь. Постараюсь вернуться...

— А платье я тебе дам. — Эвелин окинула Светику внимательным взглядом. — Мы с тобой одного роста, думаю, подойдет.

— Брат Чех, проводите меня, и ты, Эвелин, тоже, — Алан посмотрел на девушку и подал ей руку, которую она осторожно приняла. Они дошли до двери, и герцог тихо сказал: — Его высочество принц Ксан Тихий просил твоей руки, и я намерен дать положительный ответ. Но если ты не хочешь стать королевой...

— Ой...

«Что простолюдинка, что маркиза, — усмехнулся про себя Алан. — Ойкают совершенно одинаково».

— Я согласна! А он красивый?

— Вполне.

— А как же Длань? — шепотом спросила девушка.

— Не заслужил. А теперь ступай к остальным и пока молчи. Можешь только кирене Валии сказать. Ясно?

Девушка только и смогла, что кивнуть. Порка явно пошла ей на пользу, она стала сдержаннее и послушнее, что радовало Алана несказанно! Давно нужно было выпороть!

— Брат Чех, — Алан подхватил ксена под руку и потащил по коридору. — Вы нашли человека, о котором мы говорили?

— Да. У меня есть помощник, человек увлекающийся, нервный, глубоко верующий, истинный фанатик. Я ему рассказал о вашей религии, о Церкви и о том, что бог Отец отправил в наш мир своего сына... Попросил систематизировать ваши записи и создать первую книгу Жития Сына Божьего, записанную с ваших слов. Просто как ответвление от нашего Храма. Так сказать, не в противовес, а в

дополнение к Песне Жития.

— Отлично! Все решится в ближайшие дни.

— Вы не боитесь гнева Вадия? — тихо спросил брат Чех.

— Он сам меня подтолкнул к этому действию. Да и не станем мы ломать устои, просто дадим людям выбор. Никакого насилия! Не просто так ведь мне были видения?

— На опасный путь встаете, кир Алан. И я с вами...

Кто-то должен принести в этот мир истинную веру, — философски произнес Алан и, отпустив ксена, повернулся к Рэю.

— До чего договорились?

— Один корабль перегонят к нам. Как только наш отряд вступит на земли Мирии. Два заложат на верфях сразу после коронации Ксана.

— Генерал мне нужен в столице. Воинов придется вести тебе, Рэй. Больше никому доверить это я не могу. Вы уже прикинули, кто пойдет?

— Иверт предлагает пригласить на веселье горцев. Давно они хорошую добычу в селенья не приносили.

— Обсудим.

Сейчас, после сытного обеда и выпитого вина, хотелось прилечь и хоть полчаса подремать, а не читать документы, не выслушивать лживые обещания, раздавая в ответ такие же. Голова была чугунной, и как никогда ощущалось желание послать все к черту и запереться в спальне на пару суток.

Герцог тяжело вздохнул, принялся к холодному воздуху, пахнущему дымом печей, скривился и решил, что стоит проветриться, прежде чем садиться подписывать документы.

Алан вышел на улицу. Холодный морозный воздух тут же забрался под шерстяную куту, охладил лицо и спину, зацепил в носу. Мороз был градусов под двадцать, но сухо и безветренно. Солнце опустилось за крепостную стену, но еще не упало за море, окрашивая мир вокруг бледно-розовыми отблесками. Красиво. А за воротами вообще первозданная зимняя красота. Нетронутый снег, белые вершины гор, деревья в серебрящихся шапках... и тишина. Такая полная, что в ушах звенит. Сегодня даже тау не выли, часовые не перекидывались похабными шуточками, не ржали лошади, не звенели ведрами слуги. Мороз загнал людей в теплые помещения, выбегали лишь по нужде, да и тогда старались быстро справиться и вернуться под защиту стен. Во дворе никого не было. Благодать!

Алан прошел к воротам по присыпанной углем тропинке, кивнул вытянувшемуся в струнку воину в длинном тулупе и уже собрался повернуть назад, как нога заскользила, герцог затанцевал на льду, замахал руками и все же не удержался, грохнулся на спину под возглас спешащего к нему с шубой в руках Рэя. Затылок с громким звуком встретился с покрытым льдом булыжником, сознание выключило свет, а дух вышибло из тела.

— Ну наконец-то! А то я уже хотел просить Оську долбануть тебя чем-нибудь по голове.

Вадий, присев на корточки, смотрел на Алана с сочувствием и плохо скрываемым ехидством. Босой, в широких белых шароварах и расстегнутой на груди рубашке, он был настолько неуместен посреди зимы, что Алан сразу понял — не галлюцинация.

— И зачем я тебе, дух зла и порока?

— Не дерзи богу, — усмехнулся Вадий и сразу стал серьезным. — Отец Пауль будет здесь через три дня, он согласен на твои условия. Постарайся успеть сделать задуманное.

— А что я задумал?

Алан лежал на холодном снегу, и ему было настолько хорошо, что хотелось так лежать долго-долго, слушать почти родной голос Вадия и...

— Создать секту нового бога. И учти, Алвис уже температурит.

— Быстро он сдался.

— Он серьезно ранен в бедро, столкнулся с волками в горах. Думаю, в этом причина, что Иверту все же удалось его повязать. Теперь рана воспалилась и дает жар. Знаешь, я не сторонник таких радикальных мер, хотя и понимаю, что выбора у тебя нет.

— Выбор есть всегда, — тихо ответил Алан, старательно скрывая гнетущее чувство сожаления. — Откуда ты все это знаешь?

— Я могу сниться не только тебе. Женись на Валии.

— В честь чего это? — искренне возмутился Алан.

— Она будет твоим прикрытием, займет место жены, и больше никто не станет на него претендовать. И с нею ты можешь быть совершенно спокоен насчет наследника, вдова не станет требовать от тебя регулярного исполнения супружеского долга.

— Почему?

Слова Вадия задели самолюбие, но пробудили интерес, насколько

его догадки совпадают с истиной?

— Ирий рассказал бы тебе больше, это он снился ей, но, насколько я понял, Валии хватило мужа и плена, чтобы понять: физическая близость — это тяжелая повинность, не способная доставлять удовольствие.

Алан кинул. Виктория тоже это понимала, последствия насилия просто так не проходят. Ей было жалко Валию, но жалость — это не любовь.

— Что-то твой светлый брат меня покинул.

Алан вспомнил сияющего, словно лампочка, Ирия и даже немного обиделся, что на него махнули рукой. Вадий смутился лишь на мгновение, но Алан это заметил и уже хотел пошутить на эту тему, но не успел.

— Ей не до тебя. Ксю вот-вот станет матерью.

— Матерью? Эй... Ирий — женщина?

— А ты не догадывался? — Вадий разочарованно покачал головой. — Значит, этот спор я проиграл.

— Вы всем здесь снится? — Алан почувствовал холод и понял, что сознание возвращается.

— Мы же боги, — грустно усмехнулся Вадий. — Жаль, мало кто способен помнить свои сны и понимать, что это все настоящее. И прошу, Вика... — Галлюцинация скривила губы. — Тренируйся!

— Да пошел ты...

— Кир Алан! Кир Алан! Я убью этого Оську!

— Рэй, не ори, помоги лучше встать. Шут тут при чем?

— Этот гаденыш полил водой проход перед калиткой.

— Заставь его вычистить дорожку до камня.

— Языком лизать будет!

Рэй легко поставил Алана на ноги и тут же укутал в шубу, тихонько грозя Оське всеми известными карами вплоть до оскпления. Алан прислушивался, запоминая особо извращенные обороты.

— Ждут вас бумаги подписать, — под конец злобной тирады заявил капитан и, распихивая набежавших воинов, повел Алана к двери, бережно поддерживая под руку.

— Да отпусти ты, — буркнул герцог, испытывая и благодарность, и злость. — Не ребенок и не немощный, сам дойду.

Рэй руку отпустил, но взгляды вокруг бросал такие, что на их пути

не оказалось ни одного человека. Видно, никому не хотелось давать грозному капитану повод пустить в ход кулаки.

На подписании договоров Алан был фигурой важной, но не главной. Он даже вникать не стал, лишь вопросительно посмотрел на Мэтью и, дождавшись от него кивка, размашисто подписал все экземпляры.

— Наш отряд поведет Рэй, в его состав войдут отряды игушей. Генерал Генри, обсудите этот вопрос с капитаном.

— Как прикажете, сир. — Судя по лицу генерала, он устал, но держался с идеально прямой спиной. — Я уверен, что вы поступаете правильно, в лице его величества Ксана вы получите верного союзника.

— Вы очень решительный...— подал голос глава посольства, граф Чавдар Цонев. Алан вопросительно посмотрел на Турена, это слово он не знал.

— Руководитель, хозяин, голова, — перевел ему сын.

— Лидер, — понимающе кивнул Алан и повернулся к Ксану. — Я не хочу половину неба, меня устроит все или ничего. Приглашаю тебя задержаться в крепости и познакомиться с маркизой Эвелин.

— Рэй, что ты здесь делаешь? — спросил Алан у капитана, когда посольство отбыло в город в сопровождении отряда воинов под командованием Иверта. В крепости остался лишь Ксан с личной охраной. — У тебя свадьба через несколько рысок! Бери Хвата и марш готовиться.

— Отец, можно с Рэем? — подал голос Турен.

— Брата возьми.

— Обязательно. — Тур на мгновение замешкался, а потом спросил на русском языке: — А ты женишься на моей матери?

Герцог услышал в голосе сына напряжение и надежду, хотя Турен и пытался говорить безразлично. Алан вспомнил совет Вадия, намеки брата Чеха, разговор с Учителем, печальные глаза Валии... Дерьмо, похоже, ему не отвертеться от этого брака. Весьма полезного брака, с какой стороны ни посмотри, но такого нежеланного, что выть хочется.

— Женюсь.

Ну вот он и произнес это вслух. Черт бы побрал эту гребаную политику!

Тур радостно кивнул и, схватив Рэя за руку, потащил к выходу, что-то втолковывая на ходу и жестикулируя свободной рукой под

ошарашенным взглядом Ксана, который остался с герцогом и теперь молча сидел в углу. Мириец явно чувствовал себя если не удивленным, то непонимающим точно.

— Рэй вырастил меня, и дети относятся к нему как к дедушке, — посчитал Алан нужным дать объяснение.

— Меня не это поражает, сир. У меня несколько братьев, и с детства отец сталкивал нас между собой, он говорил, что у будущего короля не может быть братьев, что только тот, кто сможет справиться с любым делом в одиночку, достоин короны. Тот, кто сильнее, хитрее, жестче.

— У меня другое представление о семье, — холодно ответил Алан.

— Вы даже не представляете, насколько другое, — со вздохом произнес Мэтью Гарнер.

— Всем отдыхать, встретимся на ужине в честь свадьбы Рэя.

— Но, кир Алан, надо обсудить... — начал маркиз Раман, но Алан поднял руку, и генерал замолчал.

— Завтра! Мэтью, ты же подыскал управляющего?

— Да, сир.

— Представь его мне.

Управляющий оказался молодым белобрысым мужчиной с внимательным взглядом и руками пианиста. Алану он понравился. Сдержанный, немногословный, внимательный к деталям. «Сработаемся,» — решил герцог, отдавая распоряжения сделать полную ревизию и составить подробный план крепости, для чего привлечь Оську. А еще спросить у кирены Зиры, что ей надо, и все предоставить, не скупясь.

Время несло со скоростью пули. Это она недавно жаловалась на скуку? Боги, как же хочется поскучать, дня три хотя бы!

Через две рыски в дверь кабинета постучал брат Чех. Его сопровождал худой сероглазый ксен в темно-серой хламиде, подпоясанной обычной веревкой. Идеально ровная спина, цепкий, но какой-то нездоровый взгляд.

— Кир Алан, хочу познакомить вас с братом Ли, он ведет у нас летописи деяний богов-покровителей. Ксен поклонился.

— Брат Чех, ты же знаешь, что я не позволю всяким самозванцам, называющим себя сынами божьими, подорвать устои Храма, — пафосно изрек Алан. — Я считаю, что это козни Вадия, чтобы

проверить, насколько сильны мы в своей вере. И, хотя я поклоняюсь Единому богу, Отцу Небесному, я приказал замуровать самозванца заживо, чтобы не вносить смуту.

— Но, кир Алан, вам ведь являлся Отец Небесный? — с едва сдерживаемым любопытством спросил брат Ли.

— Да они ко мне все являются, — совершенно искренне ответил ему Алан. — Но одно дело, когда бог-покровитель говорит, что отдаст сына своего человеческого на смерть во искупление всех наших прегрешений, а другое, когда приходит человек и заявляет, что он и есть сын божий! Вот ты бы в это поверил, брат Чех? А когда я приказал ему явить чудо и подтвердить сказанные слова, он заявил, что на пятые сутки после смерти вознесется в чертоги отца своего, а мне следует быть добрее и терпимее.

— Поэтому вы и приказали замуровать его, чтобы проверить? — брат Чех с прищуром смотрел на герцога.

— Кто я такой, чтобы мешать безумцу? — развел руками подлец герцог. — И я приставил постоянную охрану к месту последнего приюта сумасшедшего, чтобы никто не посмел выкрасть труп. Думаю, когда разберут кладку, мы увидим обычного покойника.

— А вот тут мы бы с братом Ли с вами поспорим...

Алан чувствовал себя чокнутым Понтием Пилатом с тремя классами образования, потому что религия никогда не была коньком Виктории, а скорее даже наоборот. Если бы не умнейший брат Чех, моментально понявший, какую выгоду это сулит ему лично, и не взявший все в свои руки, Виктория, наверное, никогда бы не рискнула заниматься этой ерундой. Впрочем, по их с Чехом прикидкам, процесс займет не один год, но слухи распустить нужно уже сейчас. Виктория понимала, что ей не по силам ввести новую религию, поэтому хотела создать секту. Сильную секту. Свидетели Иеговы тоже когда-то начинались с нескольких статей в журнале. А дальше... дальше как кривая вынесет и русский авось. Она не планировала разрушить Храм, она собиралась его ослабить и лишить власти. В несколько этапов. Первый — предложить людям альтернативу, второй — обвинить Храм в предательстве и саботаже, тем самым проредив его ряды и проведя внутреннюю реформу, третий — ввести его в состав государства как отдельную службу по типу министерства просвещения. Но об этом она пока не думала. Рано еще.

тем временем продолжалась, говорили в основном ксены, Алан лишь поддакивал и вставлял грозные обещания, отыгрывая недалекого герцога и совершенно не веря в эту дурацкую затею. Религиозный диспут затянулся на риск, и прервать его смог лишь Берт, который заявил, что все готово к свадебному обряду, ждут лишь брата Чеха да герцога. А кире Алану следует переодеться и надеть корону.

Ксены торопливо удалились, выпросив у Алана разрешение навестить место заточения «сына божьего» и присутствовать при вскрытии «могилы».

Итак, на все осталось трое суток. И первую часть плана придется осуществить сегодня.

Свадебный обряд решили проводить в зале приемов, который украсили еловыми ветками и красными гроздьями подмороженной рябины. Пахло хвоей, ароматизированными свечами и маслами, которые заменяли здесь духи. А еще человеческим потом, кожей, оружием и псиной...

Людей было много, все же не каждый день в крепости бывают свадьбы. Даже свободные от работы рабы собрались у входа, среди них Алан заметил и своих служанок, а заметив, кивнул им, чем вызвал перешептывания и кокетливые взгляды других девушек. Когда стоящий у двери Пип громко объявил приход герцога, наступила тишина, все повернулись в сторону Алана и низко поклонились, даже его высочество Ксан. Герцог натянуто улыбнулся и помахал рукой. Алан так и не привык ко всем этим почестям, каждый раз чувствуя себя крайне неуютно среди толпы.

Воины выстроились вдоль стен, барон Семух с мечом у пояса и довольной улыбкой на губах стоял на возвышении рядом с нервничающим Рэем. Капитан причесал бороду, собрал отросшие волосы в куцый льняной хвостик и оделся в нарядную расшитую рубаху. Хват в черной парадной форме, той, что когда-то шили для приема в Крови, выглядел его полной противоположностью. Коротко стриженные волосы, выбрит и доволен, как обожравшийся кот.

Эвелин, смущенная и раскрасневшаяся, стояла рядом с Ксаном, и будущий король Мирии что-то тихо ей рассказывал. «Ну и слава богу, – перекрестился про себя Алан. – Похоже, эти двое договорятся, сняв с плеч герцога непомерную ношу».

Мая помахала герцогу рукой, они с Мэтью стояли у окна, к ним

Алан и направился, доброжелательно здороваясь с гостями.

— Кир Алан!

Глаза Май сияли, да и сама она выглядела просто великолепно в сиреневом шерстяном платье и меховой накидке. Настоящая аристократка, а не девчонка с улицы. Алан с удовольствием смотрел на девушку, любуясь и про себя слегка завидуя Иверту. Повезло горцу, что тут и говорить, хотя, конечно, жить с Маей – это как пилить бомбу, на которой сидишь: никогда не знаешь, что тебя ожидает через день.

— Я его нашла! — Мая широко улыбнулась. — Я нашла... как ты обычно говоришь? Маньяка? Ту гадину, который убивал детей!

— Точно его? — Алан прищурился, внимательно глядя Мае в глаза. Красивая она все же, встретить Виктория ее на Земле, точно бы решила, что девушка – француженка.

Мая моментально стала серьезной.

— Он. Мы взяли его, когда он девочку резал. Жаль, опоздали. — Она сжала кулаки. — Ты ведь простишь меня, Алан? Не сдержала своих парней, порезали суку до смерти.

— Мати! — укоризненно покачал головой Мэтью. — Где твои манеры?

Алан махнул рукой, у них с Маей сложились вполне неформальные отношения, да и сложно выкатать человеку с которым ты провел незабываемую ночь, от воспоминаний о которой губы сами расползались в улыбке и начинал чесаться шрам от гвоздя.

— Не ругайся, на людях она соблюдает этикет, а наедине можно и расслабиться.

— Вы ее испортите, — недовольно буркнул Мэтью.

— Значит, ты согласна возглавить полицейскую службу?

— Не она, а мой воспитанник Мэт, — без улыбки сообщил Гарднер. — И под моим присмотром.

— Доклад должен быть у меня на столе к утру, — коротко бросил Алан, заметив, что к ним направляется брат Чех.

— Кир Алан, займите свое место, и начнем, — издали начал ксен. — Станьте рядом с женихами, коль вы решили все свадьбы провести одновременно, — с упреком закончил он и, развернувшись, направился к возвышению.

Вот тут бы Алану и задуматься, насторожиться, ведь что-то в речи ксена ему не понравилось, и что-то явно было упущено. Но подумать

времени не осталось. Заиграла музыка, и брат Ли запел высоким хорошо поставленным голосом.

Дверь распахнулась, и Алан про себя взвыл, поняв, в чем был подвох. По проходу шел счастливый Турен, причесанный и умытый, в черной парадной форме с церемониальным мечом на боку, он вел под руку Валию. Следом шли Иверт и Зира. Горянка сияла мягкой улыбкой и была так красива в своей природной яркой красе, что у Алана потяжелело в животе. Белокурая Валия в бледно-голубом терялась на ее фоне. Зима и лето.

Боги! За что мне это наказание?

Иверт провел Зиру к стоящим сбоку креслам, помог сесть и укутал большим пуховым платком, который до этого висел у него на плече. Валия встала рядом с Аланом, он нашел её холодной, чуть подрагивающую руку и сжал в ладони.

— Надеюсь, вы не возражаете?

— Нет, — улыбнулась женщина.

— Не нервничаем, все идет по плану, — шепнул сам себе Алан и услышал, как прыснула в кулачок Зира.

Кто бы ему дал валерьянки. Литра три... Хотя бокал коньяка тоже сошел бы. Ну, сын, ну, удружил! Нет, он планировал жениться на Валии, но не сегодня же! А потом... когда-нибудь... лет через десять...

Брат Чех скосил на герцога взгляд и, видно, решил не рисковать, поэтому вопрос: «Согласны ли вы?..» — так и не прозвучал, вместо него ксен затянул Песнь Любви, из которой Алан с ужасом понял, что его только что женили.

«Ты войдешь в анналы истории, как первый король-многоженец», — хихикнула Виктория. Хорошо хоть в анналы, а не в анал...

Брат Чех осенил всех знаками Ирия и наконец произнес:

— Теперь можете обменяться кольцами.

Что? И кто же вспомнил про эту традицию, введенную Аланом для своей бывшей жены? Он вопросительно посмотрел на Турена и тот хитро улыбнулся. Вот... молодец! Настоящий мужчина растет! Гордость за мальчишек чуть-чуть приглушила огорчение от навязанного брака.

Через спины гостей выскочил Оська с коробочкой в руках и с кривляньями протянул ее Турену, тот торжественно ее раскрыл, и Алан увидел три кольца. Не обручальные, (видно, Тур не успел заказать у

ювелира тонкие ободки, но ничего, это можно будет исправить), а обычные, но красивые кольца. Одно из них было серебряное, и Алан, спустившись с помоста, надел его на пальчик улыбающейся Зире, второе с голубым топазом украсило безымянный палец Валии, третье — железное кольцо с головой волка — Алан нацепил на средний палец правой руки, все равно потом снимет, кольца он не любил. После чего герцог предложил новоиспеченной супруге руку и провел ее к креслу под свист Оськи, аплодисменты и довольные выкрики воинов гарнизона. Не свадьба, а балаган, никакой торжественности! Судя по лицу Ксана, он думал точно так же. Ну и черт с ним! Герцог Вас' Хантер — человек эксцентричный и странный, ему простительно.

Едва они сели, как вновь запел Ли, и в дверь вошел гордый и смущенный Дарен с двумя красавицами по сторонам. Светика, в розовом пышном платье, с распущенными косами, пунцовая и испуганная, смотрела в пол, лишь изредка бросая на герцога смущенные взгляды. Алан показал ей большой палец, и девушка покраснела еще больше, зато Хват приосанился, гордо поглядывая по сторонам.

А вот Райку было не узнать. Собранные в объемное сооружение на затылке волосы, длинное строгое синее платье, расшитое маками, и легкий румянец на скулах сделали ее чрезвычайно красивой и абсолютно незнакомой. «А ведь ей не больше сорока лет», — подумала Виктория. Красивая, молодая женщина. Дай бог и им с Рэем еще перепадет счастья.

Алан оглянулся, ища взглядом Оську, тот, как и следовало ожидать, обнаружился на помосте за спинами женихов. Шут раздувал щеки и важно выпячивал грудь, передразнивая Хвата. Заметив, что Алан его зовет, карлик сделал испуганное лицо, но прискакал на одной ножке, громко звеня колокольчиками, украшающими его курточку.

— Сбегай в хранилище и принеси две пары серег. Быстренько.

— А ключик? — скосил глаза верный шут и показал язык Леонардо.

Художник сидел на стуле у стены и быстрыми штрихами что-то рисовал, держа альбом на коленях.

— Своим откроешь.

— Все ты знаешь, Алан Бешеный Кузнечик, погубивший свою молодость, скучно с тобой.

И Оська убежал, но не в дверь, а шмыгнул под стоящий на

возвышении трон. Вот гаденыш, воспользовался лазом, который вел в небольшую псарню, где когда-то содержались тау для охраны мероприятий, на которые не пускали воинов. Очень удобно, кстати, следует возобновить эту практику. Люк под тронотом открывался нажатием ноги на его край, и в любой момент в зал могли ворваться с десяток злобных тварей, чтобы быстро восстановить статус кво.

Во время праздничного ужина Алан улыбался, шутил, говорил комплименты и всячески выражал радость, никто не заподозрил бы, что герцог напряжен и думает сейчас совершенно о другом. А ведь это его первая и последняя свадьба в этом мире, стоило бы насладиться праздником, расслабиться, посидеть среди друзей, выпить вина... Может быть Зира права и он действительно спешит жить, потому что чувствует что времени у него в этом мире не так и много?

— Оська, — подозвал он шута, когда ужин наконец закончился, и все стали расходиться по спальням. — Все готово?

— У Оськи, как у горца — все готово для войны и для блуда! — гордо сообщил шут и убежал. Алан проводил Зиру до ее покоев, поцеловал в губы и шепнул:

— Простишь ли ты меня?

— Я буду ждать тебя, муж мой. — Зира улыбнулась и положила ладошку ему на грудь. — Я знаю, что твое сердце принадлежит мне.

— Я люблю тебя, Ласка, — благодарно прошептал Алан.

— И я люблю тебя.

Валия стояла в стороне, кутаясь в меховой палантин, и смотрела в пол. Когда Зира скрылась за дверью, она взяла Алана под руку таким естественным жестом, что у герцога мелькнула мысль, не забыл ли он пару лет своей жизни, в которой уже был женат на этой женщине?

— Кир Алан, эта свадьба ведь ничего не изменит в наших отношениях?

— А как бы хотелось вам?

— Я хочу, чтобы Турен был счастлив.

— А для этого должен быть доволен я? Поэтому вы и не перечите ни в чем? — с легким раздражением ответил Алан.

Эта женщина его совершенно не знает! Ну почему она вызывает у него только сожаление? Ведь и красива, и воспитана, и умна, а... не привлекает. Нет в ней жизни, только арктический холод и пустота.

— Я ни к чему не буду вас принуждать, кирена. Хотя, признаюсь

честно, мои представления о семье, о настоящей семье, весьма разнятся с вашими, и мне искренне жаль, что вы заперлись в ледяной домик и не желаете из него выходить.

Они остановились у двери в покои Валии, Алан распахнул перед женой дверь, давая понять, что не намерен переступить порог. Валия на секунду замешкалась, но промолчала.

— Приятной ночи, герцогиня.

щелкнул каблуками, кивнул и ретировался.

Злой, раздраженный, с огромным желанием что-нибудь разбить. Дурацкая свадьба! Зачем ему рядом женщина, с которой даже поговорить нормально невозможно? Да лучше бы он на Эвелин женился!

Следующий за ним Пип тихонько кашлянул.

— Что? — резко развернулся к нему Алан.

Пип кивнул назад, и Алан увидел догоняющую их Валию.

— Возьмите плащ, в коридоре сквозняк, а на вас только тонкая рубаха.

Валия протянула герцогу плотный плащ, какие носили все воины гарнизона. Он пах дымом и плохо выделанной кожей, но Алан безропотно укутал плечи. Интересно, где она его взяла?

— Благодарю, кирена, вы тоже не гуляйте по коридорам раздетой.

Валия кивнула и поспешила назад. Черт поймет, что происходит! Алан тихонько завыл, и впервые за последнее время пожалел, что он чувствует сейчас себя больше Аланом, а не Викторией.

— Пип, проводи. Дальше я сам.

В коридоре с «жутеньким местечком» горели факелы. Отморозок Иверта, несший охрану в месте заточения Алвиса, сидел у стены с дурацкой улыбкой на лице, по подбородку текли слюни. В коридоре пахло сладким дымом.

— Через рыску его отпустит, — совершенно серьезно произнес вынырнувший из-за угла Оська и медленно проплыл мимо воина, помахивая белой простыней, в которую он был укутан, как в саван. — Я посланник Отца Небесного, и я здесь, чтобы забрать сына своего в сказочные дали, — кривляясь, пропел шут.

— Думаешь, он что-то вспомнит? — недоверчиво спросил Алан, со скептицизмом наблюдая за этим спектаклем.

— Я ему напомню, — хихикнул Оська. — А ты не хочешь выпить

моей волшебной настойки?

– Хватит, что я нюхаю твою волшебную травку.

Оська захихикал и заявил, что у него есть еще травки для улучшения мужской силы и в свете последних событий, он может уступить сбор молодожену всего-то за красивенький перстенок из сокровищницы.

Алан не ответил, а сбросил на землю плащ и присоединился к потному Иверту, разбирающему кладку темницы Алвиса. Вдвоем дело пошло быстрее, и спустя полрыски они наконец сдвинули в сторону железный щит. В нос ударил запах испражнений, пота и гнили. Алвис сидел у стены, поджав к груди колени, и, казалось, был без сознания.

Оська первым проскользнул в пещеру.

– Живой? – спросил Алан.

– Дышит, но очень горячий. – Шут пощупал лоб Длани и поцокал языком. – Сейчас я сниму с него железное украшение. Ну и воняет от него премерзко.

– Это поправимо. Заканчивайте здесь.

Алан шагнул вперед, склонился, старательно дыша в сторону, и, подхватив бесчувственное тело, перекинул его через плечо, Иверт накинул сверху плащ, пряча Искореняющего, и Валлид быстро зашагал в сторону пустующих покоев бывшего герцога.

В спальне было натоплено и стояла большая лохань с водой. Алан сгрузил Длань на стол, получилось не очень аккуратно, и голова Алвиса довольно сильно стукнула о столешницу.

– Прости, – покаянно произнес герцог, совершенно не чувствуя ни грамма угрызений совести.

– Алан, ты сволочь, – разомкнул губы Искореняющий. – Почему даже здесь, у реки Забвения, я вижу твою поганую рожу?

– Потому что ты еще жив, – оскалился Алан и достал из-за голенища кинжал. – Пока жив.

– Прирежь меня, ибо сил нет терпеть эту вонь.

– Ты гниешь, – Алан разрезал обе пары штанов и тихо вздохнул. – Что-то мне это напоминает. Его собственную рану, когда Виктория впервые очнулась в теле Алана Валлида.

– Очень плохо?

– Какого ... ты не сказал, что ранен?

– Это что-то изменило бы?

– Мы бы обработали рану, прежде чем предать тебя мученической смерти, – усмехнулся Алан, споро разрезая рубашку и куртку.

Возиться с одеждой герцог не собирался, все равно все пойдет в камин. Через пять минут он опустил шипящего и матерящегося Алвиса в корыто с теплой водой и взял в руки мочалку.

– Я сам, – попробовал протестовать Длань, но Алан лишь скептически приподнял бровь. – Пригласил бы рабыню.

– Ты умер, Алвис, и воскреснуть я тебе позволю лишь единожды, смирись с этим. Если захочешь ожить, тебе придется сменить имидж.

– Что?

– Внешность, а теперь расслабься и получай удовольствие, когда еще тебе будет прислуживать сам король?

Но вместо того, чтобы получать удовольствие, Алвис опять потерял сознание. Алан только вздохнул. Как лечить Длань без антибиотика, он не представлял. И ведь не обратишься к друиду. Хотя почему нет? Ведь можно войти в сон Снежки и расспросить. Эта идея увлекла Алана и помогла абстрагироваться от того, чем он занимался.

Когда он распластал обнаженного Алвиса на столе и привязал ему руки и ноги к ножкам, ксен очнулся, дернулся, обвел мутным взглядом помещение, явно соображая, где находится, и, увидев склонившегося над ним Алана, застонал.

– Опять ты!

– Алвис, это не бред. – Алан легонько похлопал его по пылающим щекам. – Я хочу вскрыть рану, прочистить ее и зашить, обезболивающего у меня нет, поэтому хлебни из этой бутылки, а потом можешь орать сколько влезет. Здесь тебя никто не услышит. – Он приподнял голову и поднес к губам Алвиса глиняную фляжку с самагоном. – Пей, не сомневайся. И не дергайся, я тебя привязал.

Ксен хотел что-то сказать, но вместо этого жадно хлебнул несколько раз, пока понял, что это не вода. Закашлялся, захрипел, из враз осоловевших глаз брызнули слезы. Алан щедро плеснул на рану первача (сам гнал), прокалил над свечой кинжал и осторожно вскрыл рану. Алвис даже не вздрогнул, только скривился, когда запах достиг его носа. Выдержке ксена можно было позавидовать. Алан убрал гной, обрезал омертвевшую и гниющую плоть, и вновь промыл рану. Вот тут Алвис не выдержал и вскрикнул.

– Рассказать тебе новости? – чтобы отвлечься самому, спросил

Алан, делая первый стежок. – Я все же женился на кирене Валии, отец Пауль пошел на уступки, Эвелин выходит замуж за Ксана Тихого, будущего короля Мирии, а еще... – Он выпрямился, покряхтел и начал бинтовать ногу. – У нас появился сын божий и мессия, и его именем скоро будут молиться в Церквях новой веры. Если, конечно, эта авантюра не выльется в очередной фарс, – по-русски добавил он и бросил быстрый взгляд на ксена.

Алвис выглядел плохо. Бледный, но с красными пятнами на щеках, покрытый испариной и с мутным взглядом.

«Только бы выжил», – кольнуло в сердце, но Алан отогнал дурные мысли.

– Кир Алан, – Длань болезненно улыбнулся и прерывисто прошептал: – Моя сумка... там мазь и... травы, если... можно... просить... вас... об одолжении.

– Алвис, – герцог склонился над бледным Искореняющим. – Не смей умирать, у меня на тебя огромные планы.

– К-какие?

Ксен облизнул искусанные губы.

– Выживешь – узнаешь.

Алан отвязал его и, подхватив на руки, перенес на кровать, уложил, поднес кубок с водой, Алвис пил жадно, обливаясь и не замечая этого.

– Все, все, хватит пока. Я скоро вернусь, попробуй заснуть. Уже на выходе его догнал чуть слышный шепот:

– Не знаю, какую цель вы преследуете, сир, но спасибо.

– Рано благодаришь, мой верный враг.

Алан вернулся спустя полчаса, все это время он старательно не думал об Алвисе, потому что думать о нем было мучительно больно, настолько плохо выглядел ксен. Входя в комнату, Алан перекрестился и оставил чувство вины за дверью. Это уже было с ним, когда ранили Неженку. Те же ощущения. Его вина, только его. Но в этот раз бремя вины было во стократ сильнее, потому что он сам обрек Длань на эти мучения. Ради чего? Разве корона стоит этого?

– Ты горишь, – прошептал он по-русски, положив ладонь на лоб ксена. – Черт бы побрал это средневековье! Алвис, очнись! Не смей добавлять мне грехов, я и так уже гнусь под их тяжестью.

– Не орите и скажите Вадию, что я пока не готов уйти с ним, какие бы прекрасные перспективы он ни описывал.

– Он здесь?

– Стоит в углу.

– Как выглядит?

Алвис говорил, не открывая глаз.

– Босой, белая рубашка, черные штаны, крылья...

– Спроси у него, что мне сделать, чтобы у тебя спал жар?

– Заварите травы из белого мешочка и молитесь светлому Ирию, чтобы не было поздно.

– Скажи, что если ты умрешь, он может забыть о нашем договоре!

– Кир Алан, – Алвис наконец открыл глаза. Абсолютно безумные. – Он сказал, что любит вас.

– Ну, в этом я не сомневаюсь, – хмыкнул Алан и вдруг понял, что скучает по этому засранцу. По их разговорам, ироничным и беззлобным подтруниваниям, по умным и печальным глазам. Стоп! Скучает не Алан, скучает Виктория! Черт, как опять все сложно!

– Я выживу. – Алвис следил, как герцог высыпает в большую глиняную кружку травы, как ставит на треногу маленькую медную чашу. – Выживу, чтобы узнать, что вас связывает с Вадием.

– Моя жизнь, Длань. Всего лишь моя жизнь. Алвис вновь провалился в забытье.

«Оботри его, балбес», – раздался в голове голос, похожий на женский.

Точно! Видно, от нервов и недосыпания Алан забыл о самом простом способе сбивания температуры. Он сорвал с Длани одеяло и, смочив полотенце в разведенном самогоне, начал обтирать тело.

«А виноградная лоза стала более ветвистой, похоже, мой враг не терял времени даром», – подумала мужская часть сознания.

«И он даже сейчас выглядит чертовски сексуально», – добавила женская.

– Это не смешно, – буркнул Алан, старательно отгоняя от себя мысли о сексуальности Алвиса.

«Черт! Я же уже решил эту проблему!»

В ответ раздался тихий смех. Дерьмо! Похоже, от усталости у него опять сбой, и вновь начало вылезать женское подсознание. Организм дал слабину, и вот она, шизофрения во всей красе. Нужно выспаться!

– Алвис, ты себе не представляешь, как тебе повезло, что я все же не решилась на эксперименты, – очень тихо шепнула Виктория,

отжимая полотенце и осторожно проводя им по груди ксена.

Вот зараза, мысли дурные лезут в голову, а уж желания какие...

По телу прокатилась горячая волна, и Алан быстро представил себе Валию, сразу стало легче. Эта женщина определенно возбуждала его меньше, чем беспомощный Алвис. Нет, ну что за русская натура жалеть сырых и убогих!

Стоп! Закипела вода, и Алан залил пахнущие летом травы, размешал, поставил настаиваться, продолжая обтирать горячее тело Длани и думая о куче вещей одновременно. Вот что-то в недавнем разговоре с Дланью его кольнуло, что-то проскользнуло мимо понимания... Что?

И тут до Алана дошло: Вадий сказал, что любит... В каком смысле? Как верного адепта или... И все последние встречи он упорно называл Алана Викторией, хотя раньше все было с точностью наоборот.

Дверь тихонько приоткрылась, и в покои прошмыгнул серьезный Оська, вместе с ним появился запах дыма и свежего хлеба.

– Ступай спать, Алан-балан, я тут присмотрю.

– Помоги мне его посадить. – Алан подхватил Длань подмышки. – Дай ему пить. Только осторожно! Оно может быть горячим!

Плутоватый Оська с самым серьезным видом подул на кружку, а затем поднес ее к губам Длани.

– За маму, за папу, за нашего герцога, за Вадия, за Ирия и за меня!

Длань молча выпил напиток. Это простое действие отняло у него последние силы.

– Идите, сир, идите. Вас новобрачная заждалась, – Оська хитро усмехнулся. – Я смажу ранку Длани и прослежу, чтобы он не сбежал.

– Спасибо.

Алан действительно чувствовал себя разбитым корытом, но все равно он дождался, пока лоб Длани покрылся испариной и температура стала спадать, только после этого ушел.

У двери Валии стоял один из салаг Иверта, он дремал, упершись в стену. Алан на цыпочках пробрался мимо и только хотел толкнуть дверь, как почувствовал острие кинжала у правого бока. Увидев, кто стоит перед ним, часовой громко вздохнул и убрал оружие, вытянулся в струнку и, прижав кулак к груди, торопливо доложил:

– Кирена спит!

– Все в порядке?

– Так точно, ваша светлость!

– Отлично, бди!

В первой комнате догорал камин, было тепло и сумеречно. Алан сел на диван, вытянул ноги, прикрыл глаза. Подремать немного. До рассвета осталось не больше двух часов, просто подремать, а затем выйти из комнаты жены и направиться на завтрак, и пусть только скажут, что он не ночевал у новобрачной!

– Ты себя не бережешь.

– Угу. И тебе привет, дух зла и обмана.

– Ой, Вика, ну зачем так пафосно? – Вадий улыбнулся. – Тебя ждут в столице, думаю, обучение у ксенов придется пропустить.

– Странно, что ты стал звать меня Викторией. Ты точно Вадий, а не Ирий? – забросил Алан пробный шар и поднялся.

В этот раз все оказалось намного проще. Тело ощущалось как физическое, даже боль в спине никуда не делась, и накопленная за день усталость не ушла, а просто притупилась.

Вадий стал вдруг очень серьезным.

– Алан – днем, а здесь, в твоём сне, я хочу, чтобы со мной была Виктория.

Сердце сделало кульбит и захлебнулось громким стуком. Виктория поднесла к лицу руку. Тонкое девичье запястье. Да чтоб тебя!

– Зачем? – зло спросила она. – Зачем ты рвешь мне разум? Я только привыкла к этому телу, только начала ощущать себя Аланом, как ты одним небрежным пассом отшвырнул меня назад! Очередные эксперименты? Неужели мало того, что вы сделали со мной? С моей семьей, с моим...

Вадий вдруг оказался рядом, прижал к себе, его глаза были так близко, что Виктория видела в них отражение огня. Как так может быть? Господи, не дай сойти с ума окончательно!

– А может быть, я влюбился? – шепнул Вадий. – Может быть, я каждую ночь встречаю с надеждой, что увижу тебя? Может быть, это я сошел с ума? Я как шестнадцатилетний мальчишка рыскаю по миру в поисках тела, чтобы вернуть тебя. К дьяволу этот эксперимент, к дьяволу этот мир, к дьяволу всех!

«Сердце, успокойся! – кричал разум. – Нельзя вот так безоговорочно верить этому проходимцу! Нельзя!» Но как хочется...

Руки сами легли на мужские плечи, а губы подались навстречу.

Вадий целовал ее жарко, жадно, с болезненной страстью, торопливо, будто боялся, что она проснется, ускользнет, исчезнет. И Виктория отвечала так же нетерпеливо. И лишь одна мысль мелькала на самом краю сознания: «А может быть... может быть, я смогу еще полюбить?»

В сторону полетело платье. На ней было платье? Да, что-то ярко-желтое и невесомое. Долой! Долой рубашку и штаны на завязках. Какое счастье, что Вадий не носит белье. Гладкое тело с татуировкой орла над сердцем, твердый пресс под руками, темная ареола сосков, по которым так хочется провести языком...

Они избавлялись от ненужной одежды, боясь разорвать поцелуй. Им обоим казалось, что стоит отодвинуться друг от друга, как сон закончится, и все исчезнет, и больше не будет такого шанса, что утром они оба, возможно, пожалеют о сделанном, но сейчас они наслаждались этим безумием. Сладким, неистовым, запретным безумием...

Вадий прижал Викторию к стене, она забросила ногу ему на спину... Все произошло торопливо, на одном стоне, на одном вздохе, на одном стуке сердца.

– Я люблю тебя, – шептал он ей, покрывая поцелуями лицо, шею, плечи. – Это наваждение. Но я люблю тебя. Сильную, гордую, независимую, упрямую и никогда не сдающуюся. Люблю, в каком бы теле ты ни была. Прости меня, Вика, прости...

Раздался звон утреннего колокола, и Алан распахнул глаза. Сердце колотилось как сумасшедшее, дыхание сбилось, в паху разливался отголосок удовольствия, а в штанах было липко и неприятно.

– Твою мать, Вадий! Твою гребаную мать! Сука! – застонал герцог, понимая, что все, что было до этого, не проблемы по сравнению с тем, что ждет его впереди. – За что?

Глава 11

*Шизофрения – это психическое заболевание,
Для которого характерно искажение мышления (в виде бреда)
И восприятия (в виде галлюцинаций).*

Заметка на полях сборника «Сказания Океании»

Оська поправил Алвису подушку, подоткнул одеяло и улегся рядом, подперев щеку кулаком.

– Алан-балан тебя любит чуть-чуть, – совершенно серьезно сообщил он Длани. – А Вадий ревнует. – Шут захихикал. – Но ты спи, спи, нечего тебе это знать. Маленький ты еще вставать между богами и

их любимыми.

Алвис позволил себе тихий стон. Он слышал голос и даже понимал, что тот говорит, но не мог разобраться, где бред, вызванный горячкой, а где настоящее, поэтому пропустил слова шута мимо ушей, только воды попросил да вновь провалился в сон-забытье, в котором вокруг него были каменные стены, леденящий холод и чувство вины. Не смог, не довел дело до конца, не распознал лик темного бога, спрятанный за светлыми деяниями.

Второй раз он проснулся от боли, ощущение, будто в рану тыкают раскаленным шилом, вызвало желание прибить Оську на месте, а потом попинать труп ногами.

– Рука, ты только не плачь, я немножко поковыряюсь, почищу и повязку сменю, – бубнил Оська, продолжая поливать рану вонючей жидкостью из фляги. – Это спирт, – ответил он на беззвучный вопрос Искореняющего. – Наш Кузнечик сам его сделал, говорит, что это лучшая де-зин-фек-ция. Ты вот знаешь такое слово? А я знаю! Это значит, что после этой водички воспаления не будет. А теперь помажем мазюкой, положим чистую тряпочку и замотаем... А за то, что ты не плакал, я тебе леденец дам!

Он быстро справился и наконец появился в поле зрения Алвиса с круглым шариком на деревянной палочке.

– На! Это чупа-чупс! Правда, смешное слово? Это я у герцога украл.

Шут задорно рассмеялся, будто это было очень забавно. И не успел Алвис слова сказать, как ему всунули в рот леденец, а на лоб прилепнули мокрую тряпку, при этом лицо у шута было сосредоточенным, а взгляд – коварным.

– Соси, не сомневайся! Там не просто мед, а травки всякие от жара и для сна. Сладко? Да? Сладко?

– Угу, – промычал Алвис, рассасывая леденец.

Еще никогда он не чувствовал себя таким беспомощным и разбитым. Даже когда попал в плен к разбойникам и провисел на крюке три дня, раненый и избитый, даже когда наставник отправил его на две десятидневки в горы с одним ножом и баклажкой воды, а он умудрился в первый же день свалиться в овраг и сломать ногу, даже тогда у него были силы хотя бы материться и планировать свое спасение.

– А потом я тебя покормлю. Тетка Райка под командованием

герцога специальный бульон сварила, а наш умный Алан сказал, что его надо много пить вместо лекарства, потому что в нем есть пе-ни-циллин... О как! Так что окрой ротик, мессия, а я тебе сказку расскажу, как один злобный Рука стал сыном Божиим и спасителем человеков!

Алвис пил горячий пресный бульон маленькими глотками и чувствовал, как засыпает под монотонный бубнеж шута.

– В общем, помер ты и вознесся на небеса в чертоги Отца Небесного, а Вадия низвергли в пучину, а Ирий стал Духом святым, это чтобы и горцам нравилось, и нам, островитянам, кто духам предков поклоняется. Наш Алан- балабалан дальновидный! – захихикал шут и сменил на лбу Длани тряпку. – Скоро придет наш испуганный мальчик и будет малевать твой портрет, и мы все станем тебе молиться. Вот мне интересно, брат Чех...– Оська отобрал у Алвиса чашку и соскочил с кровати.– А нам будет от нового бога помощь и милость, ну коль мы его друзья и верные няньки?

Алвис с трудом повернул голову и увидел брата Чеха. Взывающий развешивал плащ у камина на стульях и выглядел уставшим и сосредоточенным. Неприятной тяжестью кольнуло сердце, что здесь делает брат Взывающий? Друзьями они никогда не были, врагами тоже... Неужели все так плохо, и Ксен пришел принять у коллеги последнюю исповедь? Ну нет, Алвис еще не все сделал, рано ему уходить за реку Забвения, бывали у Длани времена и похуже, выкарабкаемся, как говорит герцог.

– Оставь нас, шут, – не приказал, но попросил брат Чех, с прищуром глядя на Длань.

– Ага, Оська сбегает, проверит, как там его женщина поживает, утешит ее быстренько и вернется через рыску!

Шут весело подпрыгнул и исчез за тяжелой парчовой шторой, закрывающей вход, хлопнула дверь, раздался скрежет ключа в замочной скважине, и наступила тишина. Только слышались треск дров в камине да собственное тяжелое дыхание.

– Как ты себя чувствуешь? – Взывающий поставил стул напротив кровати и сел так, чтобы видеть Алвиса. – Способен меня выслушать?

Алвис кивнул.

– Что ж, так как ты играешь во всем этом одну из ключевых ролей, будет справедливо посвятить тебя в планы герцога Вас'Хантера.

– А он об этом знает?

– Конечно, кир Алан сам попросил меня, – тут брат Чех слегка улыбнулся.

– Почему ты, почему он сам не...

Алвис вновь закашлялся. Неужели герцог боится его? Или не хочет лишний раз доверять? Или не доверяет себе...

Чех протянул ему чашку с теплой водой.

– Когда он начинает рассказывать об этом, он начинает бессовестно ржать.

– Ржать?

Алвису показалось, что он ослышался, так неуместно звучало это слово в устах Взывающего.

– Именно ржать.

Брат Чех откинулся на спинку стула и посмотрел на Длань со снисходительностью победителя, и это тоже неприятно кольнуло сердце, не привык Алвис к таким взглядам.

– И что это за планы? – не стал разочаровывать он собеседника.

– Ни много ни мало, а привести еще одного бога. Алвиса Спасителя.

В этот раз железное самообладание Длани дало трещину, он долго неверяще смотрел на ксена, а затем откинулся на подушку и хрипло рассмеялся. Смех отдавал болью в грудь и живот, но он не мог остановиться, не мог сказать ни слова, даже когда понял, что в глазах темнеет, а к голове приливает кровь, – не смог. Его спас брат Чех, который, недолго думая, плеснул Алвису в лицо холодной водой, тем самым прекратив истерику.

Когда через рыску вернулся Оська, брат Чех уже ушел, Длань дремал, рядом с ним на кровати аккуратной стопкой лежали исписанные мелким четким почерком листы. Оська взял верхний, пробежал по нему глазами, тихонько хихикнул и, прихватив деревянный поднос и угольный карандаш, устроился в кресле у камина, забравшись в него с ногами. Он так увлекся чтением, что поднял голову, лишь когда бесшумно отодвинулась потайная дверь и в комнату зашел Алан в сопровождении Леонардо.

– Оська, что это? – Хмурый герцог поднял лист и поднес к свету. Поля пестрели заметками и рогатыми рожицами. – Шут...– с угрозой начал Алан, но затем вчитался, хмыкнул и посмотрел на гордого Оську с уважением. – Знаешь, а ты, пожалуй, прав, так будет намного лучше.

– Конечно, я прав, – Оська уже сполз с кресла и теперь энергично приседал. – Знаешь, сколько легенд я переписал, когда был учеником шамана?

– Ты был учеником шамана? – удивился Алан. – Когда все это закончится и мы отправимся в море на рыбалку...

– Я буду развлекать вас историями из моей жизни, да, Алан-балан? – хитро прищурился шут. – Мы, как старушки, расскажем друг другу наши маленькие секретки, – тоненько захихикал он и, показав Алану язык, нырнул в лаз для тау. – Рука тоже ржал, когда братец Чех ему сказки рассказывал! – раздался его голос откуда-то из-под земли. – А потом плакал!

–Трепло,– прошептал Алвис, щурясь на свет. – Кир Алан, у вас ничего не выйдет.

– Алвис...– Алан сел на кровать и приложил ладонь ко лбу Искореняющего. – Температура не выше тридцати восьми. Плохо, – пробормотал он по-русски. – Леонардо, погрей бульон.

Художник поставил на треногу медный чайник, зажег под ним свечи и осторожно налил из кувшина густую жидкость. Алвис следил за ним сквозь опущенные ресницы, аромат бульона заставил желудок жалобно заныть, а рот - наполниться слюной.

– Потерпи, сейчас покормим, – заметил герцог его жадный взгляд. – Принести тебе ведро? Алвис отрицательно качнул головой.

– Не могу вас понять, сир,– тихо произнес он. – Вы едва не убили меня, а теперь боретесь за мою жизнь.

– Не хочу ссориться с богами,– улыбнулся одними губами герцог.

– Что вас гнетет?

– Так заметно? – Алан запустил пятерню в волосы и энергично подергал отросшие пряди. – Женщины.

– Не справляетесь? – попытался пошутить Алвис, но наткнулся на такой злой взгляд, что предпочел не развивать эту тему.

Раб перелил бульон в чашку и вопросительно посмотрел на герцога.

– Сможешь чашку удержать?– совершенно серьезно поинтересовался Алан у Длани, внимательно следя за его взглядом.

– Смогу,– упрямо тряхнул головой Алвис и протянул дрожащие руки.

Герцог с сочувствием смотрел, как он двумя руками обхватывает

глиняную чашку и осторожно подносит ее к губам.

– Не спеши.

«Да чтоб вы провалились к реке Забвения, ваша светлость, вместе с вашей заботой и снисходительностью!»

– Завтра попробуем накормить тебя кашей.

Пока Алвис маленькими глотками пил бульон, растягивая удовольствие и оттягивая разговор, он наблюдал за молчаливым герцогом. Что-то с Аланом было не так. Всегда ироничный и спокойный, сейчас он явно злился и был растерян. Неужели действительно из-за женщин? Но Алвис был уверен, что еще не родилась та женщина, которая смогла бы завоевать сердце этого загадочного мужчины. Интересно, очень интересно, кто или что смогло выбить герцога из привычного состояния и можно ли это как-то использовать в собственных целях? Хотя о чем он думает? Сейчас используют его самого, и как именно – можно лишь догадываться.

– Что скажешь?– спросил герцог, когда раб забрал чашку и протер тело Алвиса влажным полотенцем так бережно и осторожно, словно тот был хрупкой статуэткой. – Думаешь, у нас может получиться?

Прежде чем ответить, Длань тщательно помолился Вадию и даже освятил себя его знаком, шутить с покровителем не хотелось совершенно.

– Может получиться, если вы разыграете все правильно, – осторожно ответил он. – Но не быстро.

– Сам знаю, что не быстро. Но у меня нет времени, – как-то затравленно ответил Алан. – Понимаешь, нет времени!

– Вы собрались нас покинуть?

Во взгляде герцога промелькнуло отчаяние, и Длань многое отдал бы, чтобы узнать, о чем он сейчас думает.

– Что вас волнует, сир? Неужели это действительно из-за женщины? Тогда я желаю с ней познакомиться, – попытался он спровоцировать герцога. – Иметь такую женщину в союзниках многого стоит.

Алан криво усмехнулся. А затем вдруг резко припечатал ладони у лица Алвиса, нависая над ним, почти вдавливая в кровать. Длань напрягся, ему показалось, что Алан сейчас его или поцелует, или задушит, но нет, герцог просто склонился к его уху и зло зашептал:

– Ты сейчас беспомощный, слабый и полностью зависишь от моей

воли. Что ты сделаешь, если я воспользуюсь твоей слабостью? Если я прямо сейчас при Леонардо изнасилую тебя? Возьму без твоего желания, против твоей воли? Просто потому что могу, потому что сильнее. И сделаю это так, что твое тело сдастся и получит от насилия удовольствие, но при этом разум будет орать и биться от унижения.

– Я... Мне бы не хотелось этого, – только и смог выдавить из себя Алвис, не зная, как реагировать на слова герцога.

– И мне не хотелось, но твой проклятый бог не оставил мне выбора! – гаркнул Алан и наконец отодвинулся.

За его спиной всхлипнул раб, герцог на мгновение прикрыл глаза, а когда открыл их, Алвис уже ничего не мог прочесть в его взгляде, кроме усталости и печали.

– Алвис, я хочу, чтобы ты дал мне клятву.

– Вы ведь понимаете, сир, что мои клятвы нерушимы, поэтому я ими не разбрасываюсь.

– У тебя тоже нет выбора, – криво усмехнулся герцог, и Алвис понял, что выбора у него действительно нет. Что здесь и сейчас решается, каким будет этот мир через год, десять лет, сто лет... И что от его согласия или отказа уже ничего не зависит.

– Я дам эту клятву, сир.

Он всматривался в знакомые темные глаза в попытках найти ответ на свои вопросы, понять и предугадать хоть что-нибудь, но видел лишь тьму и бездну.

– Поклянись, что как бы ни сложилось дальше, ты до самой смерти не оставишь моих детей. Я буду спокоен, зная, что у Турена и Дарена есть такой союзник. Я не хочу, чтобы ты их оберегал, хватит и без тебя телохранителей, но я хочу, чтобы ты был рядом в трудную минуту.

За их спинами, уже не таясь, всхлипывал Леонардо, но эти двое смотрели в глаза друг другу, и каждый пытался рассмотреть за бесстрастным взором собеседника истину. Алвис первым отвел взгляд.

– Вы слишком быстро живете, сир, – тихо сказал он.

– Зира говорит точно так же, – хмыкнул Алан. – Леонардо, перестань рыдать, я еще жив. И, клянусь собственным разумом, я не буду марионеткой в его руках, – прошипел он. – Итак, клятва?

Длань закрыл глаза, собирая волю и силу, а когда открыл их, герцог уже стоял рядом с кроватью, между его пальцев мелькал тонкий стилет. Быстро, опасно, завораживающе.

– Силой Длани и честью Искореняющего клянусь стать тенью детей Алана Бешеного Кузнечика. Клянусь быть рядом и... защитить. Если это потребуется.

Алан склонил голову к плечу, словно к чему-то прислушиваясь, а затем кивнул.

– Спасибо. Отдыхай. Леонардо за тобой присмотрит.

С этими словами он стремительно вышел из комнаты, даже не посмотрев в сторону Длани.

– И что это было, Вадий Всемогущий?– прошептал Алвис, без сил опуская веки.

– Он с утра сам не свой, – так же всхлипывая, шепотом ответил ему раб..– Словно смерть свою увидел.

– Нет, твой хозяин не из тех, кто испугается смерти, – не открывая глаза, ответил Длань.– Здесь что-то другое.

– Я в библиотеку, передай Мэтью Гарнеру, чтобы заканчивал с посольством без меня. Генерал и Рэй пусть начинают планировать поход в Мирию. Отчитаются вечером. Меня не беспокоить! – гаркнул герцог, и Берт, подпрыгнув от неожиданности, бегом бросился выполнять указания. – А вы свободны!

Охрана не стала спорить и безропотно осталась за дверьми библиотеки. А зря, Алану до дрожи в сжатых кулаках хотелось дать кому-нибудь в морду, коль морда одной черноглазой сволочи недосягаема.

Утром, когда отголоски страсти отошли на задний план, Виктория с ужасом осознала, что она не может противиться желаниям Вадия. И не хочет! Она вновь и вновь прокручивала в голове ночные события, пытаясь понять, какие чувства это всколыхнуло в ее душе, выискивая причины резкой страсти Вадия, анализируя его слова, не веря, а потом понимая, что темный бог этого мира был искренен, но зачем? Какие цели он преследует?

А она? Что испытывала она? Страсть. Только страсть и ничего более? Да она вообще никогда не рассматривала Вадия как мужчину, о каких чувствах можно говорить? Влюбиться в духа? В образ? В сон? Боже, она же не пятнадцатилетняя девочка, чтобы вот так глупо поверить в сказку? Нет! Вадий что-то задумал и просто нагло использует ее в своих целях. Да! Но, черт побери, если так будет

продолжаться, она ... Что?

«Получишь регулярный секс. Признай, это было классно!» – влез уже забытый внутренний голос.

– Классно? – зашипела Виктория по-русски, перепугав рабыню, которая принесла герцогу завтрак.

«Тебе же было хорошо».

– Он изнасиловал меня в мозг, не оставил выбора! А может быть, даже повлиял на мой разум, внушив возбуждение и страсть... Черт! Если это так, то...

«То это полный писец, Вика. Но уверен, если бы ты не хотела, ничего бы не получилось».

– Предающее тело, – зло и горько пошутил герцог и взмахом руки отправил перепуганную рабыню вон.

«Ты бы лучше подумала о его фразе, что он ищет по мирам для тебя тело, а это означает, что, когда найдет, прощай, Игушетия, прощай, этот мир, прощайте, дети».

Эта мысль, словно удар под дых, вышибла из легких воздух, сжала сердце костлявой рукой, растоптала все надежды, планы, мечты.

– Нет, – прошептала Виктория, слепым взглядом уставившись на огонь камина. – Нет. Это... это... слишком жестоко даже для него.

А что она о нем знает, кроме того, что этот интриган рассказывал о себе сам? Ничего! Даже не знает, из какого он мира. Чем занимается, кроме как устраивает судьбы своей бывшей родины, как живет? Если Ирий – женщина, и у нее вот-вот родится ребенок, значит, они живут нормальной, полноценной жизнью, так почему они сами не вселились в тело Алана Валлида и не встряхнули этот гребаный мир? Почему ...

В стену полетела чашка, разлетелась на осколки, оставив после себя мокрое пятно.

– Су-ука! Манипулятор чертов! Урод!

Так, спокойно, дыши, просто дыши. Это еще не конец, мы еще поборемся. Не станет же он из-за минутной страсти бросать дело всей своей жизни? Да и зачем ему женщина, которая будет его ненавидеть? Нет, Вадий до сих пор идиотом не казался, а значит, у него план, и прежде, чем психовать и рвать нервы, следует спокойно с ним поговорить, если любит, значит, будет ждать. Ждать, пока она закончит здесь свои дела, пока поймет, нужна ли ей другая жизнь, нужен ли ей сам Вадий. Да, поговорить. Просто поговорить.

«И набить морду».

– Чтобы набить ему морду, мне нужно прийти в сон в мужском теле, а пока...

Вот! Все их последние встречи проходили по правилам темного, он диктовал условия, он выбирал для Виктории тело, он смущал ее словами и действиями, да даже декорации выбирал он! Но раз это умеет Вадий, значит, сможет и она?

– Знания, мне срочно нужны знания, – прошептала Виктория, глядя в окно. – Берт! Скажи отцу Крамеру, что я жду его в библиотеке.

Пока ждала Учителя, истоптала ковер. Разум понимал, что произошедшее ночью - это просто срыв. То, что когда-то должно было произойти, но сердце при этом заходило в нелепой ненужной надежде.

– А если он не лжет? Если действительно любит? – шептали прикушенные до крови губы. – А я? Что я испытываю?

Виктория глубоко вздохнула и села за стол.

– Да, он мне интересен. Всегда был интересен. Он умен, ироничен, не лишен благородства. Я им восхищаюсь. Но любовь? Вот так вдруг, резко, оттого что он признался в своих чувствах? Нет! Я слишком разумна для этого.

Вспомнились их последние встречи. Ей следовало задуматься, уже когда он решил рассказать о Ходоках, и потом, когда Вадий дал ей женское тело, пусть это было образно, пусть во сне, но тело она ощущала как свое родное. И это был второй звонок. Взгляды, жесты, прикосновения... Да он и не скрывал симпатии, просто она ее не видела, не думала, что это возможно. Не хотела никаких надежд. Она только начала привыкать быть мужчиной.

– Чертов Вадий, одним своим необдуманном поступком ты отбросил все мои достижения обратно за черту. Я опять ощущаю себя растерянной девчонкой!

Когда пришел отец Крамер, Виктория уже смогла взять себя в руки, твердо решив, что принимать решения она будет обдуманно и только после того, как поговорит с Вадием. В конце концов, он ведь не собирается убивать Алана вот прямо сейчас? Это было бы глупо. Тем более что Алан и сам прекрасно может самоубиться в ближайшее время.

Отец Крамер выглядел задумчиво. Он кивнул на приветствие Алана и сел в предложенное кресло.

– Расскажите мне о вашем боге, кир Алан, – неожиданно попросил он. – Вы ведь хотите дать людям... как вы это называете? Альтернативу?

– Вы правильно подметили, отец Крамер, именно альтернативу - и ничего более. Я не планирую уничтожать Храм, а просто хочу спокойно обращаться к своему покровителю.

И почему после этих слов перед глазами возникло черноглазое ухмыляющееся лицо?

– Разве не коварный Вадий ваш покровитель? – Старик следил за Аланом цепким внимательным взглядом. – Я вижу у вас за спиной черные крылья, а это знак особого расположения Темного бога.

– Да нет, нас связывают другие отношения, – ехидно парировал Алан. – Более... личные. Хотя, не скрою, именно его стараниями я здесь.

– Вы перестали скрывать, – кивнул своим мыслям старый ксен. – Что же, доверие должно быть обоюдным. Я вас слушаю.

«Как все перекрутил, - восхитилась про себя Виктория. - Обоюдное доверие, но вы нам все расскажите, а мы решим, насколько стоит открыться. Однако что-то ей подсказывало, что время недомолвок кончилось и все зашло слишком далеко, чтобы отступить и скрывать.

– Итак, вы хотите создать новую веру?

– О нет! – тут же отмахнулся Алан от сомнительной чести. – Всего лишь секту... Церковь. Небольшое ответвление от основной религии. Вы знаете, что Отец Небесный отправил к людям своего сына, который принял мученическую смерть во имя искупления грехов наших... Знания об этом я нашел в древних рукописях...

«Брат Чех славно потрудился, - поняла Виктория, когда изложила внимательно слушающему Учителю основы будущей веры. - Он прекрасно адаптировал христианство под местные реалии, смягчил некоторые моменты, привнес немного философии буддизма и верований Океании».

– Не вижу ничего, что бы противоречило Храму, – задумчиво произнес отец Крамер, когда Алан замолчал. – Вам удалось мягко возвысить одного бога, отодвинув других. У вас есть изложение концепции в письменном виде? – Алан кивнул. – Кто вам помогал?

– Брат Чех весьма заинтересовался моими рассказами и помог систематизировать знания.

– Забавно. Вы не противоречите Храму и Песням Жития, вы просто ненавязчиво вводите еще одного бога. Доброго, терпимого, для которого все равны... Я бы хотел ознакомиться более полно с вашими планами. Могу ли я побеседовать с братом Чехом?

Алан склонил голову. А что делать? Пока Учителя - это та сила, которая ему не по зубам. Да и всегда лучше иметь сильного союзника, чем сильного врага.

– Вы ведь понимаете, что для народа все будет более... сказочно. Отец Крамер открыто улыбнулся.

– Да, я в курсе проделок вашего шута.

– Как?

Как он мог все узнать, если сидел взаперти?

– Оська мне сам все рассказал. Я рад, что он жив, – сделал ударение на «он», тихо произнес Учитель.

– Я его убью, – хмуро сообщил Алан. Они оба поняли, о ком речь.

– Не думаю, что вы это сделаете, кир Алан, – мягко улыбнулся отец Крамер. – Просто есть вещи, которые не под силу даже таким деятельным личностям, как вы, поэтому Храм не видит угрозы для веры. Но мы будем наблюдать. Многобожие не так уж и плохо... иногда.

– Да, всегда можно спровоцировать конфликт и отвлечь народ от чего-то более глобального, – глядя в глаза Учителю, ответил Алан.

Отец Крамер чуть склонил голову набок. Политика. Даже в религии сплошная политика.

– Ладно, я не испытываю паритета перед богами, но вы? Их верные служители? Почему? – вырвался вопрос.

– Потому что мы знаем правду, – жестко ответил Учитель. – Мы знаем сущности наших богов. Точнее, мы предполагаем, кто они на самом деле.

– Мы?

– Избранные.

– И много вас?

– Семь человек.

Ага, видно, это и есть то обоюдное доверие, которого добился Алан, рассказав о своих планах.

– Наместник?

– Мы думаем, что догадывается. Нынешний Наместник умен и хитер. Прекрасные качества для правителя, вам следовало бы у него этому поучиться, – в голосе отца Крамера появилась брюзгливость. – Не все верховные чины Храма становятся Учителями, кир Алан. Мы тоже умеем хранить секреты. Кто будет обучать служителей вашего культа? – резко сменил он тему.

– Вы, – невинно улыбнулся Алан. – Точнее, их будут учить в вашей школе. А, еще! Я хочу открыть женский монастырь и при нем школу для девочек...

И тут же пришла неожиданная мысль, что это будет отличное

занятие для Валии. Ведь именно венценосные супруги всегда занимались благотворительностью и курировали подобные заведения. Да, Валия сможет понять тех, кто прошел через унижения и страх.

– Зачем? – внимательно взглядываясь в глаза герцогу, задал Учитель закономерный вопрос.

– Чтобы было куда ссылать провинившихся аристократок, – оскалился Алан. – Тех, кого убить нельзя, но очень хочется. Путь отмаливают у Отца Небесного свои жизни.

– Женские монастыри, – покатал отец Крамер на губах новое слово, – Это похоже на тюрьму?

– Нет, это похоже на вашу Обитель, только для женщин и с более мягкими правилами. Их покровительницей всегда выступала и будет выступать мать Божия. Вы ведь понимаете, что сын земной, принесенный в жертву, не мог родиться в колоске пшеницы.

– Бог снизошел до смертной, и она от него понесла? – скептически сощурился Учитель.

– Нет, конечно! Святая дева была беспорочна! Это было духовное зачатие.

– Вот как... – Отец Крамер кивнул. – Да, я верю вам.

«А я себе – нет», - подумала Виктория.

Но мысль прославить в веках женщину-мать занозой сидела в мозгу. Да, обязательно нужно, чтобы почитали не только Таранию-воительницу, но и богиню-мать. Интересно, как звали матушку Алвиса? Ведь она была? Не от духа святого же он родился на самом деле.

– Я изложу устав монастыря на бумаге и попрошу вас подкорректировать спорные моменты, все же я не богослов, и все, что делаю, идет от сердца и духа. – Алан прижал ладонь к груди. – Я на самом деле хочу немного...

Он замолчал.

Просто спокойной жизни, дождаться рождения малыша, увидеть, как вырастут дети, узнать, как дела у старших сыновей... А большего и не надо.

– А теперь, отец Крамер, – решительно отбрасывая со лба отросшие волосы, деловито произнес Алан. – Проведем первый обещанный мне урок анатомии. – Он водрузил на стол старый учебник. – Меня интересуют вот эти органы, их предназначение и использование.

– Кто же так говорит о строении человеческого тела? – вздохнул

отец Крамер и подвинулся ближе. – Что же, пробел в вашем образовании стоит заполнить, молодой человек. Итак...

Обед Алан пропустил, так они увлеклись с отцом Крамером, поэтому решил, никого не напрягая, прогуляться до кухни. Заодно и полученные знания в голове уложить.

– Кир Алан! – Берт пристроился рядом. – Генерал устроил смотр гарнизону, Иверт и его отморозки в горы ушли, Оська в подземелье прячется, сказал, что вы его убить грозили.

«Вот гаденьш! – с восторгом подумала Виктория. – Подслушивал!»

– Кир Мэтью подготовил договора с мирийцами, которые вам надо подписать. Просил через рыску аудин... адуев... встречи, короче.

– Аудиенции, Берт. Повтори.

– Аудиенции, кир Алан. Никак это слово не запомню, – пожаловался простодушно Берт. – Мастер Семон загрузил меня так, что голова скоро лопнет.

– Это хорошо, – рассеянно кивнул Алан. – Я подозреваю, что твой отец – конт Валлид, а если это подтвердится, то не вечно тебе быть просто слугой.

– А кем? – округлил глаза Берт.

– А доверенным слугой! – Алан усмехнулся. – Ты не удивлен?

– Чупка на это намекала, да и я не слепой, видел, как ваш батюшка к Нани относился. Чай, не дурак. – Он взъерошил густые волосы. – Да таких, как я, сыновей конта по фронтиру с десятков бегают. Батюшка ваш от права первой ночи никогда не отказывался. Охочий до ласк мужчина был. Сильный. – с уважением добавил он.

– Значит, стать виконтом ты не желаешь? – иронично поинтересовался Алан, когда они подошли к дверям просторной кухни.

– Упаси Вадий! – искренне воскликнул Берт и осенил себя знаком темного. – Чем я перед вами так провинился? Живу себе мирно, вам служу, никуда не лезу, ни за кого не отвечаю, а стану виконтом - это же сколько сразу проблем? А? Да и кого вы на мое место поставите, кир Алан? – хитро прищурился он. – Я же вас с рождения знаю, лучше меня никого не найдете, Ирием клянусь! А хотите, Отцом Небесным поклянусь?

Берт тщательно перекрестился.

Прощельга! Алан хохотнул и толкнул дверь во владения Райки.

Огромная замковая кухня была поделена на две неровные части деревянной перегородкой. Райка царствовала в меньшей. Она стояла у плиты и сосредоточенно помешивала что-то в большом, отскобленном до блеска котелке. Рядом на столе в мисках горкой возвышались нарезанные овощи, лежала разделанная рыба, а под белым холстом угадывался пышный каравай. Две женщины в косынках и серых передниках поверх платьев взбивали масло в деревянной маслобойке, еще две нарезали на мелкие кусочки мясо и тихо переговаривались, увидев герцога, они дружно ойкнули и, вскочив, низко поклонились, при этом одна стрельнула на Берта серыми глазами и залилась румянцем.

Алан втянул воздух, пропитанный всевозможными ароматами, и улыбнулся. Хорошо-то как, уютно. По-домашнему.

– Райка, покормишь бедного герцога? – громко спросил он, неслышно подходя к кухарке сзади. Райка вздрогнула и чуть не уронила в котелок ложку.

– Кир Алан! Смерти моей желаете? – Она схватилась за грудь. – Нельзя же так пугать!

– О чем задумалась?

Алан сел за маленький, выскобленный добела стол в углу.

Вокруг царил идеальный порядок. Котелки, миски и кастрюли высокомерно сверкали отполированными боками, медные чайники вторили мягким сиянием, отражая горящий в плите огонь. Над ними на вбитых в стену крюках висели разномастные половники и всевозможные деревянные ложки. Банки с сушеными травами, коробочки, мешочки, заполненные чем-то очень необходимым, ларь с солью, в углу примостился бочонок с медом.

В кухню вошел мальчишка в валенках и тулупе, он притащил колотые поленца.

– Тетка Райка, куда сваливать-то? – звонко спросил, косясь на герцога любопытными глазами.

– У печи сложи да еще неси, этого мало.

– Ага, как прикажете!

Кухарка поставила на стол глубокую миску с наваристой мясной похлебкой, на отдельной тарелочке положила ломоть еще теплого хлеба, подвинула к герцогу крынку со сметаной.

– Кушайте, кир Алан, а то одни глаза на лице остались.

– Берт, сходи за кузнецом! – Алана осенила идея, и он решил реализовать ее немедленно, пока не забыл. – Ну, рассказывай.

– Так о чем, кир Алан? – Райка вздохнула и поправила косынку. – Переживаю я за вас.

– Есть повод?

Горячая густая похлебка приятно обожгла гортань, скатилась в желудок, взрываясь маленькой пряной бомбой. Хорошо!

– Тяжело жить без любви, кир Алан, – тихонько вздохнула кухарка, глядя с материнской заботой. – А с нею еще тяжелее. Войны я боюсь. За вас, за Рэя, за мальчишек наших. – Она на мгновение замолчала, а потом тихо высказала то, за что явно больше всего болела душа: – Что с Даром будет, коль вы сгинете?

– Не сгину, Райка. Пока дети не вырастут, не сгину, – сказал Алан твердо. И никакие Вадии не посмеют помешать сделать это.

– Жену вам бы хорошую, кир Алан, – тихонько прошептала Райка и испуганно замолчала, понимая, что лезет не в свое дело.

– Еще одну? – хмуро пошутил Алан.

Злости на Райку не было, они с Нанни всегда относились к Алану по-родственному, и с первого дня, как Виктория очнулась в теле бастарда, она чувствовала заботу и поддержку, не всегда явную, но всегда искреннюю. Эх, Нанни, Нанни, как же тебя не хватает.

Райка подперла рукой щеку, с любовью глядя, как Алан ест, и все же высказалась:

– Зира - девка, конечно, хорошая, да только простая она для вас, все мысли на кончике языка. Не глупая, но и молчать не умеет, что втемяшили девке в голову с детства, то она и несет, не хочет замечать, что здесь не деревня, да и отношения среди людей другие.

– Молодая она, еще научится интриговать и хитрить, – хмыкнул Алан. – Вот родит, подростит ребеночка, да и поумнеет, если не захочет на фронтир вернуться.

– Ну тут да, быстро учителя найдутся, – недовольно поджала губы Райка. – Вы бы приставили к ней кого в компаньонки, как у благородных принято, а то, кроме рабынь да амазонок, никого рядом и нет, а горянки все как одна чуть что за ножи хватаются. Необразованное племя.

– Валию попрошу, – кивнул Алан, понимая, что Райка права.

Что делать с Зирой после того, как родится ребенок, герцог не

представлял, не вписывалась она в его мир, не видел он ее рядом с собой. Пока не видел.

– К делу ее приставить надобно, кир Алан, – прочла Райка все по его задумчивому лицу.

– Пусть родит, – отрезал Алан. – А что про Валию скажешь?

– Хорошая королева будет, – уклончиво ответила кухарка. – Только нож в спину всадит и не задумается, нет в ней ничего, кроме холода и расчета. Ни сердца, ни духа. Выгорела она. Пустая, как снежная вершина.

– Не любишь ты ее. – Алан отодвинул тарелку, покрутил задумчиво в руках краюху. Отец Крамер почти то же сказал. – Значит, буду следить за своей спиной.

Кухарка вздохнула, но ничего больше не сказала, лишь посмотрела неодобрительно да стала убирать со стола.

Кузнец статью не уступал Рэю, даже борода топорщилась так же воинственно, широкую грудь обтягивала серая рубаха, еще на нем были черные штаны, сапоги, подбитые железными пластинами, и кожаный фартук с обгоревшими по краям дырами. Кланяться он начал еще от двери, комкая в огромных ручищах меховую шапку.

– Вот, кир Алан, привел! – звонко сообщил Берт, протискиваясь следом. – Еще у Леонарда листов взял да карандаш принес, вы же точно заказ сделать захотите. – Он положил перед Аланом стопку серых листов и короткий угольный карандаш. – Так ведь?

Глаза Берта сверкали в предвкушении.

– Правильно сделал, – кивнул Алан, отмечая про себя, что Берт стал самостоятельно принимать решения, предугадывая желания герцога. Может, и правда из него выйдет толк? – Как звать тебя, кузнец?

– Дык Зарий я, – еще раз поклонился кузнец, останавливаясь в паре метров и косясь на Райку.

– Ур-род он, а не Зарий, – припечатала Райка. – Сколько прошу приварить к сковороде ручку, все никак!

– Почему? – Алан перевел взгляд на кузнеца.

– Дык, это самое... – Кузнец опустил голову. – Я подмастерью сказал, а он, значицца, получит у меня!

– Да на его подмастерье и так вся тонкая работа держится! – возмутилась кухарка. – Кир Алан, помощник у этого балбеса не дурак, да и руки растут откуда надо, вы бы его к нам на фронтир отправили,

очень брат Турид сетовал, что не хватает умелых кузнецов для деликатной работы.

– Ясно. Берт, приведи подмастерье.

Повисла гнетущая тишина, Алан держал паузу, нервируя кузнеца все больше и больше, Райка гремела кастрюлями, за перегородкой визгливо ругалась женщина.

– В морду тебе этим караваем, отродье Вадея! Безрукая дуреха, погубить целую булку! Скормить тебе, неумеха, плесневелый хлеб, чтобы неповадно было!

В ответ раздался тихий плач.

Плесень на хлебе... Что-то вертелось в голове, связанное с плесенью... Что-то важное...

– Не вой теперь, выкинь эту зелень, пока никто не видел!

– Стоп! – гаркнул герцог, и все голоса испуганно стихли. – Райка, принеси заплесневелый хлеб. За перегородкой горестно взвыли и, судя по звуку, упали в обморок.

Губы сами растянулись в предвкушающей кровожадной улыбке. Алан вспомнил. Пенициллин. Первый шаг к лекарству. А у него есть прекрасный подопытный кролик. Или правильнее будет называть Алвиса крысой? Хитрый, умный, целеустремленный. И полностью в его власти...

– Отлично!

Плесень оказалась в точности как надо, плотная, характерного зеленого цвета, мечта юного химика-фармацевта, а именно таким юным воодушевленным экспериментатором Алан себя сейчас и ощущал.

Вернулся Берт с белобрысым худым парнем с любопытными светло-серыми глазами и смачным синяком на полщеки.

– Девчонке, что хлеб загубила, от меня платок передай праздничный, – бросил Алан Берту, аккуратно складывая будущее экспериментальное лекарство в миску. – И скажи, чтобы еще два таких караваев вырастила, только пусть поломают на большие куски, чтобы плесени побольше было.

Берт кивнул, но спрашивать ничего не стал, сделав вид, что совершенно не удивлен странной просьбой герцога. Действительно умнеет.

– Итак, кузнец, подмастерью своему преград не чинить, в работе помогать, коль попросит, если сделает, что прикажу, тебе честь как

наставнику выйдет. Если не сможете, то хреновые вы мастера.

Виктория про себя хихикнула, уж очень ей собственная речь напомнила киношного Петра Первого.

– Будем делать прибор для рубки мяса, потому что люблю я пельмени, – подмигнул он присевшей рядом на краешек скамьи Райке. – И котлетки...

Какая хозяйка, выросшая в СССР, не помнит устройства мясорубки? Виктория помнила прекрасно, а в лице помощника кузнеца, парня с русским именем Фрол, нашла благодарного слушателя, он действительно схватывал все на лету, при этом, забывшись, спорил с герцогом, с азартом что-то дорисовывая и поправляя.

– А вот это что?

Более основательный и недоверчивый кузнец с сомнением рассматривал винт.

– А это винт. – Алан встал. – Резьба вот здесь и вот здесь, гайка надевается на винт... Что?

– Ну дык, – испуганно потупился кузнец. – Не пойму я, значаца. Пришлось объяснять на пальцах и на рисунке. Флор понял первым.

– Это же... – прошептал он, глядя на герцога, как на живое воплощение Вадия. – Это же... Да если мы поймем, как это сделать, то ...

– Никак не сделать, – категорически заявил кузнец. – Даже золотых дел мастер не сможет.

– А если болванку, а на ней по-горячему прорисовать...

– Ну дык на винт, может, и выйдет, а на болт как?

«Ну, хоть название запомнили», – улыбнулась Виктория, направляясь на выход.

– А если пресс...

– Блажь это все, – склонился кузнец над рисунком. – А вот тут можно закрепить хомутом. Держать будет, и разборное, значаца, выйдет...

– Так! – Райка уперла руки в бока. – Марш в кузню, нашли место для разговоров. Господин наш уже ушел, и вам здесь делать нечего!

– Кир Алан, вас посольство ждет, – тихонько напомнил Берт, прижимая к груди миску с ценной плесенью. – Я вам одежду парадную приготовил.

– Где Эвелин?

– У ее светлости супруги вашей.

Алан чуть заметно скривился, но промолчал.

– Зира?

– С Леонардо гуляют вдоль стены, их амазонки и Пип сопровождают.

– Дети?

– Турен с генералом и Рэем о чем-то с бароном Семухом совещаются, а Дарен... – Он на мгновение запнулся. – Кир Дарен с наставником. Он сегодня провинился, так мастер Семон заставил его учить закон о торговых гильдиях наизусть.

– Что он сделал?

Видно, допек ученик мягкого и покладистого наставника, коль тот пошел на такие радикальные меры.

– Он... А пусть вам мастер сам расскажет, а? – Берт явно не хотел наушничать, чем еще больше разжег любопытство. – Оську так и не нашли, схоронился где-то, – быстро перевел он разговор.

Договора подписали быстро, Алан не глядя подмахнул бумаги, выслушал заверения в дружбе и приглашение на коронацию Ксана Первого. Сразу после коронации состоится свадьба, а пока невеста отбудет с посольством и в сопровождении отряда воинов на встречу с женихом.

Все делали вид, что Алан не в курсе, кто именно играет роль секретаря главы посольства, а Алан улыбался Ксану точно так, как и остальным. Политика, чтоб ее...

В течение всего времени, пока шел обмен любезностями, Виктория ловила себя на мыслях о Вадии. И это раздражало. Зачем она о нем думает? Прокручивает в уме последние встречи, пытаюсь найти зацепки, намеки, подсказки... Что хочет выяснить? Какую правду узнать?

Хотелось запереться в кабинете, взять бумагу и изложить мысли, так было проще думать и оценивать ситуацию.

– Да чтоб тебя подняло и стукнуло! – по-русски воскликнул герцог, вызвав недоумение в глазах собеседников.

– Сир пожелал нам всем удачи, – беззастенчиво перевел Мэтью и улыбнулся. – А сейчас приглашаю ознакомиться со списком приданого, которое дает за своей воспитанницей его светлость герцог Вас`Хантер.

Алан рассеянно слушал Мэтью, ощущая, как в душе поднимается неясная тревога. Что-то надвигалось, и Алан не мог предугадать,

обрадует его или огорчит предстоящее событие...

А потом герцога нашли Рэй и генерал Генри Роман. Они встретили Алана в коридоре, когда он шел к Алвису, пришлось свернуть в кабинет, где их ждал серьезный Турен.

– Отряд готов к походу, сир, – с плохо скрываемым недовольством сообщил Рэй. – Горцы подтянуться никак не успеют.

– Внезапность – наш козырь. – Генерал пожевал губами. – Внезапность и скорость. Очень удачно вы отдаете замуж маркизу, ни у кого не возникнет подозрения, что ее сопровождает отряд воинов, возглавляемый вашим доверенным лицом. Рэй с десятком воинов сядут на корабль открыто, остальные притворятся рабами и грузчиками. На закате корабль отчалит, а мы с вами, сир, уйдем через пять дней, как раз прибудем в столицу к началу Дней восхваления.

– Это большой храмовый праздник, – пояснил Рэй, видя непонимание в глазах воспитанника. – Неужто и это не вспомнили?

Алан медленно качнул головой. Плохо, когда не знаешь, да еще забудешь.

– Наместник уйдет на трехдневное зывание, а мы за это время соберем верных вам людей.

– И я успею подтянуться. – Рэй поскреб отросшую бороду. – Быстренько сходим туда-сюда, посадим на трон нужного нам человека да назад.

– Обсудим детали. – Алан подошел к столу, на котором Турен уже расстелил карту материка. – И, Берт, найди Оську!

Оська, вопреки словам Берта, не прятался, он сидел в маленькой комнатухе без окон, где хранились дрова, и, прижавшись ухом к дырочке в стене, нагло подслушивал очень интересный разговор между Валией и взволнованной Эвелин...

– А наша ледышка - большая притворщица, – улыбнулся сам себе шут. – Какое интересное действие вырисовывается, и как поступить бедному шуту? Рассказать Алану -балану или посмотреть, что из всего этого получится?

Он потер нос, скривил губы, словно в раздумье, и опять прильнул ухом к стене.

Желтое пламя нежно обнимало чурки, заигрывало с ними, то вспыхивало ярко, то откатывалось на тлеющие угли, чтобы через мгновение вновь осторожно лизнуть, попробовать на жаркий язык,

воспламенить.

Возле камина было жарко, но стоило отойти вглубь комнаты, как Эвелин начинала мерзнуть, не помогала даже меховая тужурка, накинутая поверх шерстяного платья. Девушка сидела за столом, сложив руки в замок, и рассеянно слушала герцогиню Вас'Хантер.

– Эви! – Валя требовательно пристукнула по столешнице ладонью. – Ты же понимаешь, если поведешь себя неверно, всю жизнь будешь ширмой для мужа, который начнет таскать любовниц в свою постель сразу же после свадьбы.

– У тебя так было?

Эвелин замерла, предвкушая ответ. Все, что касалось этой стороны супружеских отношений, вызывало у нее неправильное, стыдное и оттого еще более сильное любопытство.

– Я не знала, откуда дети берутся, нянюшка всегда повторяла, что придет время и эту тайну мне откроет муж, – бесстрастно ответила Валя. – Он и открыл. В первую же ночь после свадьбы.

– Но герцог был намного тебя старше. – Эвелин поежилась то ли от холода, то ли от охватившего ее брезгливого ужаса. – И он был крупным мужчиной. Тебе, наверное, было больно...

– Он постарался консуммировать брак насколько мог безболезненно. – Валя смотрела на огонь, и Эвелин никак не удавалось встретить ее взгляд. – А потом он ушел, пожелав мне спокойной ночи и выразив надежду, что я рожу наследника как можно скорее. На следующий день я узнала от служанки, что герцог провел ночь у любовницы. Он приходил ко мне два раза в неделю, но никогда не оставался на ночь. К счастью, я быстро забеременела и больше никогда не видела мужа в своей спальне.

– Это ужасно! – эмоционально воскликнула Эвелин. – Я так не хочу! Я хочу, чтобы у меня было как у Зиры и герцога. Она сама его соблазнила, ты знаешь? – Глаза девушки загорелись от возбуждения, она эмоционально поправила прядь волос и, не в силах сидеть на месте, вскочила на ноги. – Пришла к нему в комнату и соблазнила! Горянок учат быть женами с детства, а мы тут носимся со своей честью как дуры! Почему мужчинам можно, а нам нельзя? Вон, Турен уже давно завел себе любовницу, и ему никто ни слова не сказал, а он младше меня!

– Потому что ты аристократка, будущая мать следующего короля,

твоя честь должна быть безукоризненна, чтобы ни у кого не возникло даже тени сомнения в чистоте крови наследника.

– Ага, скажи это кире Алану! Бастарду короля, между прочим!

– Его мать была из древнего и сильного рода, Эвелин. Сядь! – жестко приказала Валя. – Ты отдашь честь мужу и никогда не будешь ему отказывать ни в каких желаниях, даже если они покажутся тебе грязными и неподобающими! Иначе сама не заметишь, как править будет очередная фаворитка короля, а ты окажешься в какой-нибудь глуши, всеми забытая. Ты меня поняла, Эви? Ты ведь не хочешь, чтобы все узнали твою постыдную тайну? Особенно твой жених.

Голос Валии приобрел жесткость и властность, Эвелин вжала голову в плечи и затравленно помотала головой, глядя на тетушку испуганными глазами.

– Я написала письмо дяде, передашь его послу Ратии во время свадьбы. Здесь изложены мои мысли о дальнейшей судьбе Галендаса. Ты ведь понимаешь, если мой муж возьмет трон, то наследовать должен только Турен. Еще несколько лет, и он вполне сможет взять на себя это бремя.

– А если Зира родит сына, и герцог сделает наследником его? Все же ребенок горянки – это его кровь, да и он ее любит.

– Она никто. Герцог держит ее рядом с собой только ради ребенка. Между ними нет связи, они даже не спят вместе. Если не будет ребенка, то исчезнет и женщина.

– Ты не посмеешь! – испуганно прошептала Эвелин, с ужасом глядя на тетушку.

– Что именно не посмею? – приподняла брови Валя.

– Убить ребенка кире Алана. Если он узнает, он тебя заживо закопает!

– Эвелин, ты глупа. – Валя пристально посмотрела на племянницу. – Разве я сказала, что желаю смерти ребенку?

– Но... как тогда?

– Положимся на волю и помощь Вадия. – Валя осенила себя кругом темного бога. – Твоя задача – приучить мужа считаться с мнением Ратии, моя – удержать трон для Турена.

– И как мне это сделать? Эвелин сложила руки на груди.

Ей не хотелось думать о политике, хотелось обсуждать наряды, балы, кавалеров... А король Ратии пусть сам решает свои проблемы, ей

до них дела нет! Это тетушка ищет выгоды, а она, Эвелин, слишком молода, чтобы думать о будущем. Она о нем потом подумает.

– Каждая женщина играет свою роль, сыграй роль жены и любовницы, служанки и королевы, и Ксан сам принесет тебе все, что ты пожелаешь.

– А если нет?

– Тогда будь глупой и наивной дурочкой, щедрой в постели. Он перестанет считать тебя угрозой...

– А вы с дядей будете давать мне советы? – скептически поинтересовалась Эвелин.

За окном опять шел снег – мелкий, колючий, злой. Прощальная усмешка зимы. Время холодов заканчивалось, и в воздухе уже пахло оттепелью, скоро дороги превратятся в грязь, каменные стены покроются влагой, станет сыро и мерзко, запахнет замерзшая на зиму выгребная яма, у жителей крепости начнутся простуды...

Эвелин хватало ума, чтобы понять, кто попытается через нее дергать за ниточки молодого правителя. И ей это не нравилось, потому что в Ксана она влюбилась, вот так просто, моментально, с первой встречи. Влюбилась в жениха, в придуманные ею сказочные отношения, потому что хотела этого, потому что ждала замужества как избавления. От сырых холодных стен крепости, от постоянного пристального внимания тетушки, от деспотичного герцога, который ни во что ее не ставил, от серой скучной жизни. Эвелин хотела другой жизни: блистать на балах, кружить головы кавалерам, менять наряды и драгоценности, ловить на себе восхищенные взгляды...

Быть может, даже организовать светский салон, как рассказывал кир Алан. Да, это она сумеет, она будет покровительствовать молодым поэтам и художникам, обязательно прикажет организовать театр...

– Ты меня слышишь, Эва? – вырвал ее из грез холодный голос тетушки. – Вот письмо. Спрячь его надежно. Девушка развернула сложенный лист.

– Это же не буквы, – разочарованно протянула она.

– Конечно, это не буквы, это шифр.

– Ты никогда не теряла память, тетушка. – Эвелин спрятала письмо за корсаж. – Мне всегда было интересно. – В голосе девушки слышался яд. – Когда Турен пропал, ты пролила хоть одну слезинку по своему сыну?

– Слезы — роскошь, которую я себе позволить не могу. – Валя поднялась, показывая, что разговор закончен. – Но теперь, когда Турен Ли вернулся, ничто не помешает мне возвысить его, мой сын слишком много страдал, он заслужил награду.

– А куда ты денешь своего мужа? – скривила губки Эвелин. – Неужели ты не испытываешь к нему ни капли благодарности и сострадания?

– Испытываю. – Женщина посмотрела на диван и слегка передернула плечами, словно вспомнила что-то крайне неприятное. – Благодарность. Уважение. Даже немного симпатии.

– Но?..

– Ступай, Эвелин, тебе пора собираться. Помни о том, что я тебе сказала. Или ты станешь незаменимой для своего мужа, или тебя вышвырнут, как испорченный фрукт. Хочешь править, научись притворяться. Стань такой, какой он хочет тебя видеть. Или... избавься от него после рождения наследника.

– Что вы такое говорите, тетушка? – Эвелин сжала кулаки. – Я люблю Ксана!

– Просто помни, что такой вариант тоже возможен, – спокойно ответила Валя. – Ступай.

Оська отодвинулся от стены, залепил дырочку кусочком глины и задумчиво поковырял в ухе. Нужно вытащить письмо, пока оно не уплыло в Мирию. Ах, какая игра затевается! А еще нужно все же поговорить с герцогом, но потом... после того, как он расскажет Эвелин одну занимательную историю. Дурочка она, конечно, но славная дурочка.

Глава 12

*Из недоверия рождается Истина, Из презрения – Сила,
А из праведной жизни – Жизнь вечная.*

*Желания формируют поступки,
Поступки олицетворяют мысли,
Мысли создают человека.*

Не дела наши, а помыслы предстанут на суде божием.

Новая Песнь Жития

Через несколько часов Алан поймал себя на осознании, что тупо пялится в карту, по которой генерал Генри Роман и Ксан передвигают игральные камешки, и ничего не соображает. Кто на кого нападет, кто

куда ударит, какие силы контролируют подступы к крепости, кого из вельмож можно подкупить, а кого стоит прирезать втихую... Мужчины с азартом играли в солдатиков, а Виктория едва не зевала. Хотелось, чтобы этот бесконечный день быстрее закончился, хотелось вымыться, упасть в кровать и хоть на несколько часов забыться сном, желательно без сновидений и выяснения отношений с Вадием. Хотя выяснить хотелось очень сильно.

Наконец разговор закончился, Ксан ушел первым, затем, немного повздыхав, Рэй отправился прощаться с женой, а генерал пожелал лично проверить амуницию каждого из воинов отряда, поэтому, коротко поклонившись Алану и отказавшись от обеда, направился в компании барона Семуха в казармы.

– Вот же вьедливый старый черт, – пробормотал Алан, откидываясь на спинку кресла и потирая глаза.

Следовало навестить Алвиса и проверить теорию с пенициллином, но было так лень. Пойти попрощаться с Эвелин? Тоже не хотелось, девчонка вызывала лишь легкую неприязнь, и ее скорейшее отплытие было только на руку. Посольство покинуло стены крепости раньше, оставив несколько воинов в распоряжении Ксана, сопровождать невесту на корабль будут люди герцога.

Ксан нашел герцога, когда тот, поборов усталость и апатию, шел к Алвису, неся под мышкой закутанную в тряпку миску с плесневелым хлебом. Алан пытался вспомнить, как именно следовало использовать плесень, то, что ее можно пить с водой, память Виктории услужливо вытаскивала на поверхность, правда, заодно она вспомнила и последствия этого питья, поэтому вариант «напоить Длань и посмотреть на результат» был отмечен как антисанитарный и негигиеничный. Даже для злодея, которым чувствовал себя герцог, поить лежащего больного слабительным было как-то слишком.

– Кир Алан! – Ксан выглядел запыхавшимся. – Прошу уделить мне некоторое время. Это очень важно.

«Неужели решил бросить Эвелин?» - неприятно кольнуло под лопаткой дурное предчувствие. Алан оглянулся и увидел, как прячется за изгибом коридора огненно-рыжая голова.

– Кто бы мог сомневаться, что без шута здесь не обошлось, – пробормотал он по-русски и оглянулся.

Они были в коридоре, который вел к казармам, здесь располагались

комнаты привилегированных воинов, и где-то здесь жил барон Семух. Алан толкнул одну из дверей и вошел внутрь. Похоже, именно в этой комнате никто давно не жил. Холодно, сыро, голый топчан, стул да деревянный стол. Маленькое окошко, затянутое тряпкой. На подоконнике заледеневший снег. Герцог сунул в руки сопровождающему воину свой ценный груз и кивком головы пригласил Ксана внутрь. Возвращаться ради разговора он не собирался.

Будущий король Мирии не стал спорить, зашел следом и прикрыл за собой дверь.

– Хочу вам кое-что показать и очень надеюсь, что никогда не пожалею об этом. – Молодой мужчина достал из-за обшлага сложенный лист бумаги и протянул его Алану. – Не хотелось мне быть тем, кто принесет дурную весть, но в знак нашей дружбы...

Удивительно, как у герцога не дрогнула рука, когда он брал бумагу, потому что сердце рвануло куда-то в желудок и там принялось с остервенением биться о ребра.

Ксан оперся о столешницу и сложил руки на груди.

– Мой шифровальщик отбыл с посольством, но из того, что я понял, это письмо к королю Ратии с предложением о свержении вашей власти. У вас в семье предатель, кир Алан.

– Это не секрет для меня. – Алан вздохнул с облегчением, бегло просматривая набор закорючек. – Надеюсь, это копия? – Ксан кивнул. – Отлично. И как это попало к вам в руки?

– Знаете, я думал, что женюсь на юной восторженной глупышке, но маркиза меня удивила. Она предпочла честь бесчестию, а верность мужу - верности родне. Я стал надеяться, что из нее вырастет достойная мать моим детям.

– Главное, научи ее всему... неприличному... и нужному, – хмыкнул Алан, пряча письмо. – Итак, позволь угадать, письмо написала Валия и передала через Эвелин, а Эвелин вдруг решила проявить дальновидность. Не похоже на нее.

Ксан чуть заметно улыбнулся.

– Я задался тем же вопросом, не может ли это быть тонкой игрой? Быть может, кирены решили таким образом усыпить мою бдительность? – Алан согласно кивнул, он бы сделал именно так. – Поэтому прежде, чем идти к вам, я провел собственное небольшое расследование. После встречи с киреной Валией моя невеста общалась

лишь с вашим шутком.

– О... – Алан понимающе усмехнулся. Похоже, стоит поговорить с Оськой перед тем, как навестить Эвелин. – Благодарю за доверие.

Он направился к выходу.

– Как вы поступите с супругой? – тихо спросил Ксан.

– Никак, – пожал плечами Алан, старательно сохраняя бесстрастное лицо. – Пока никак. Понаблюдаю. А вам спасибо, я рад, что на трон дружественного государства сядет благоразумный и думающий правитель. – Ну вот, пусть теперь Мэтью попробует сказать, что Алан не умеет быть дипломатом. – Надеюсь, в дальнейшем между нами сложатся хорошие деловые отношения, несмотря на интриги наших женщин. Желаю вам легкой победы, сир.

Они пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

– Сучка!

Сопровождающий Алана Пип резко отшатнулся, но сделал вид, что не заметил вспышки ярости господина, оно так спокойнее, а то, не ровен час, и в морду можно схлопотать.

– Возвращаемся, – бросил Алан.

Злости не было, был рациональный холодный расчет и легкое недоумение. Что ей не хватает? Ну не любви же, в самом деле! Валяя для этого слишком умна, слишком расчетлива, слишком настороженна. Что тогда? Власть? Так она станет королевой одного из сильнейших государств континента, а может быть и мира. Знает же, что править ей все равно никто не позволит, женщины не наследуют трон. Тогда почему? Конечно, он еще спросит у нее об этом, спросит, когда будет знать и понимать хоть немного больше. А пока нужно принять решение, и вряд ли оно тебе понравится, госпожа Ледышка.

Отца Крамера все еще охраняли, и, хотя после согласия Учителей помочь, правильнее было отпустить всех из-под стражи, Алан решил, что не будет спешить. Увидев решительно шагающего раздраженного герцога, страж вытянулся в струнку, преданно пялясь господину в грудь, Алан стукнул по двери кулаком и, не дожидаясь приглашения, вошел.

Отец Крамер работал. Услышав шаги, он поднял голову на незваного гостя. Расслабленный и немножко уставший, но взгляд ясный и доброжелательный.

– Чем обязан? – улыбнулся он одними губами.

– Мне нужно прочесть письмо. Уверен, что у вас есть все шифры королевских домов этого мира. Учитель тонко улыбнулся.

– Присаживайтесь. Как я понимаю, вы не хотите предать огласке содержание этого письма, поэтому пришли ко мне, а не к генералу Генри.

Если быть честным, то о генерале Алан просто не подумал, а если бы и подумал, то все равно пришел бы сюда, потому что генералу хватило бы решительности избавить своего кумира от жены-интриганки каким-нибудь радикальным методом, не совместимым с жизнью. Поэтому он ничего не сказал, молча наблюдая, как отец Крамер достает из маленького деревянного сундучка приспособления: странные линейки, вместо делений на которых были прорезаны всевозможные отверстия, увеличительное стекло, перья, бумагу и свитки, исписанные мелкими значками.

– Шифр примитивный, от любопытных, поэтому вскроем мы его быстро. Завтра прибывает отец Пауль, – между делом сообщил старик и тут же, не дав Алану никак отреагировать, недовольно пробормотал: – Что же вы так неаккуратно с бумагами обходитесь, кир Алан, нельзя же быть таким неряхой! Смяли, скомкали, чернила смазались. Весьма недостойное отношение к документам! Весьма, молодой человек! А теперь не мешайте мне.

Алан про себя чертыхнулся, но послушно сел на диван и уставился в стену. Что обижаться? Будь ты главой тайного правительства или простым сторожем овощебазы, но стоит перейти определенный возрастной рубеж, как хочется побухтеть да поучить жизни бестолковую молодежь. Он наблюдал, как Учитель, водя линейкой по шифровке, записывает буквы на чистый лист бумаги, иногда сверяясь со своими записями.

Когда он закончил, весь текст уместился в три абзаца. Отец Крамер еще раз внимательно его перечитал и подвинул бумагу к Алану, а сам откинулся на спинку стула, сцепив ладони на животе.

– А ведь я вас предупреждал, – с легким недовольством напомнил он.

Алан быстро пробежал глазами по посланию, автоматически отметив, что у отца Крамера идеальный почерк, ровный, без наклона, округлый, с завитушками. Что там говорит по этому поводу графология? Независимое острое мышление, стремление к духовному,

не любит лжи и хвастовства, предпочитает ограниченный круг общения. Лидер.

– Я помню о вашем предупреждении, Учитель.

Алан поднес письмо к свече и, дождавшись, когда оно загорится, отнес в потухший камин.

– Вам не в чем обвинить кирену Валию, – пожевал губами бывший наместник. – Предложения об усилении влияния на Мирию вполне логичны и довольно-таки продуманы. Как и ее рассуждения, что следует предпринять, если вы не сможете сесть на трон и погибнете... Либо попадете в плен, что равносильно гибели.

Спине стало холодно. Валия предполагала такое развитие событий и просила дядю защитить Турена Ли как главного претендента на трон Галендаса. Ни о Дарене, ни о ребенке Зиры она не упоминала.

– Но не это меня волнует, юноша, – продолжал отец Крамер. – В самой большой опасности находится горянка, именно она носит под сердцем вашего ребенка. Ребенка, признанного горцами, ребенка, которому, возможно, ты захочешь передать власть в обход старших детей. Турен не твоя кровь, – продолжил он жестко. – Дарен слишком слаб и нежен, и он сын селянки, но Зира твоя жена в глазах всего фронта .

– Зараза! – искренне воскликнул Алан. – Думаете, она зайдет так далеко? Отец Крамер понял, о ком речь.

– Она уже выбрала один раз, когда спасла сына, предав мужа. Берегите Зиру, кир Алан, потому что ее ребенок стоит между Туреном Ли и троном, он единственное препятствие.

– А меня вы в расчет не берете?

– Только не действуйте сгоряча, кир Алан. Вам следует все обдумать, а не рубить головы.

Отец Крамер, прищурившись, смотрел на собеседника, но Алан научился держать лицо, поэтому надеялся, что прочесть его мысли ксену не удалось.

– Благодарю вас.

Алан искренне поклонился.

– Весьма любопытно, как вы разрешите эту ситуацию.

Еще бы! Конечно, любопытно. Загнать крысу в угол и посмотреть, как она будет выкручиваться.

Алан медленно и очень нежно прикрыл дверь, потому что хотелось

стукнуть ею со всей отпущенной этому телу дури.

Ох, как же гадко на душе. Плевать на Валию и ее заговоры, но как об этом рассказать Турену? А рассказать придется, чтобы не потерять то доверие, которое они собрали по крупицам, выпестовали и бережно растят в своих душах.

– Что же, поговорим с женщинами.

Как же не вовремя! Хотя о чем это она, разве может быть предательство вовремя? Виктория внутренне содрогнулась, попыталась представить себя на месте Валии и не смогла. Ставить амбиции выше собственной жизни, выше жизни своего сына... это ей было не понять. Даже в теле Алана она зубами держалась за жизнь, по сантиметру вгрызаясь в землю нового мира, впихивая себя настоящую в чужие реалии. Она собирала вокруг себя любимых людей, дорожила каждым из них, почти с физической болью отпускала от себя и, как ребенок, радовалась новым встречам. Разве не в этом счастье? Как можно жить по-другому? Это не укладывалось ни в голову, ни в душе. Хотелось заорать на всю крепость – это неправильно!

Для Виктории всегда семья стояла на первом месте. Нет, конечно, не в ущерб личным интересам, но и выбирать никогда не приходилось. Да и здесь она старалась сплотить своих детей, внушить им, что держаться нужно вместе, из сжатого кулака всегда сложнее что-то забрать, чем из раскрытой ладони.

– Кир Алан, – тихонько позвал Пип, и Виктория поняла, что стоит в коридоре и пялится в грязную каменную стену. – Холодно здесь, а вы плащ опять где-то забыли.

Алан растерянно оглянулся. Ну да, где-то забыл... Наверное, у отца Крамера.

– Нашли Оську?

– Ищут, сир. Я вот думаю, – почесал кривой нос ветеран. – А не приказать ли ему колокольчик носить? Как на коров вешают...

Алан представил Оську с большим колоколом на груди и усмехнулся. Может, приставить Оську к государственной службе? Поручить ему возглавить внутреннюю разведку? Тогда шут будет обязан отчитываться о своих делах. А что, неплохая идея... А то пока Оська действует непонятно из каких убеждений и ради каких целей. Умный, хитрый, изворотливый паршивец!

Откуда-то выбежала Кусь и уткнулась мокрым носом в опущенную

ладонь, герцог потрепал суку за ушами, ощущая ее радость, которую тау с удовольствием демонстрировала, колотя толстым хвостом по ногам любимого хозяина.

– Кусь, ищи Оську, – присев перед верной подругой на корточки, приказал Алан. – Найди мне этого засранца и притащи в зубах. Оська. Ищи.

Кусь немного еще покрутилась рядом, а затем убежала, опустив нос к каменному полу.

– Думаете, она что-то понимает? – Пип был расположен поговорить и, видя, что герцог не возражает, пустился в пространные рассуждения. – Ее на охрану натаскивали, не на поиск. Вот загрызть шута, это она сможет, а найти... Нюх у тау, конечно, сильный, да голова устроена на убийство. Вот охотничьи, так те приучены дичь подстреленную валить, но не жрать. А Кусь на людях тренировали... Зажрать - это она завсегда, а вот придушить да приволочь... Не, не сможет! Вы бы приказали киру Турену Снега-то егерям отдать, чтобы натаскали его на охрану, а то вырастет бестолковка.

– Кто? – отвлекся Алан от своих нерадостных мыслей. – Турен?

– Что вы, кир Алан! – Пип осенил себя кругом светлого бога. – Как можно? Да о маркизе только хорошее все говорят. Уж он у вас точно не бестолковка, хотя и прошел по дорогам Вадия, да дух сохранил светлым. Смышленный парень, смелый. Если баба никакая не испортит, хорошая вам в старости подмога будет, – бесхитростно закончил он.

Казалось бы, простые слова простого воина, а на сердце стало теплее, и губы сами растянулись в улыбке.

– Спасибо, Пип. Проведаем Эвелин и отправимся к Рэю, – принял решение Алан. – А пока я буду разговаривать с маркизой, прикажи найти Берта.

– Сделаю, ваша светлость, – улыбнулся в усы воин.

– Чего зубы скалишь?

– Да что его искать, известно, где наш герой обитает. Девку вчера новую в горничные вашей супруге взяли, так он вокруг нее вертится.

– Валии?

– Не, кирене Зире. – И добавил, увидев непонимание на лице герцога: – Ну дык, вы же вождь, вам можно и две жены, чай, не просто герцог какой-то. Наши – те, что с вами из Крови пришли, горянку больше уважают, никому обидеть не позволим, своя она, понятная.

Понятная – ключевое слово. И горцам с их вековыми устоями, и простому люду горянка рядом с верховным вождем – пример лояльности и демократии, хотя и слов в этом мире таких нет, но понятия-то никуда не делись. Зира обеспечит поддержку части населения новому королю, но оттолкнет вторую часть, ту, что кичится устоями и стабильностью. Вот для них Валя – идеальная ширма. Как бы еще эту ширму задвинуть в угол, так, чтобы не мешала, но в интерьер вписывалась...

– А кирена Валя? – поинтересовался Алан, направляясь к покоям Эвелин.

– Королева должна быть, как красивое украшение, – сверкать и молчать, – философски заметил Пип. – Простите меня, кир Алан, скажу, что люди в городе говорят. Если голову рубить после этого не прикажете, – тут же хитро прищурился он, отчего вокруг глаз собрались тонкие морщинки.

Помнит их совместное приключение в горах, когда Алан стал вождем и обзавелся обидным прозвищем Бешеный Кузнечик. Помнит и считает себя в привилегированном положении, грань не переходит, но позволяет себе чуть больше, чем другие воины. Алан улыбнулся и кивнул.

– Рубить не буду, но если узнаю, что сплетни распространяешь, прикажу язык отрезать, – спокойно ответил он, восстанавливая статус-кво.

– Я вам присягу давал, – хмуро произнес Пип, вытягиваясь в струнку и расправляя плечи. – А не сплетникам городским.

– Я верю тебе, Пип, поэтому и разговариваю сейчас. – Алан остановился и вперил пронзительный взгляд в бесцветные глаза воина. – Что болтают?

– Что кирена, как Белая крепость, переходит к победителю, – не глядя в глаза герцогу и понизив голос до хриплого шепота, ответил ветеран. – Что она послана Вадием в наказание Вас'Хантерам, что погубила двух герцогов и третьего погубит. Ну и прочее всякое, сами понимаете, бабы, они как трещотки, абы языками молоть, вот и считают, сколько мужиков в постели кирены перебивало, но то такое...

Он махнул рукой и на всякий случай сделал шаг назад. Герцог хоть и позволил говорить, но может и в зубы дать за свою женщину, если что не понравится.

Однако Алан не стал сердиться, только зыркнул хмуро, и старый воин пожалел, что разговор этот глупый затеял, не его это ума дело, что между благородными происходит, его дело - герцога в бою охранять, но вот дернул же Вадий коварный за язык, только расстроил хорошего мужика...

Для герцога эти слова не были новостью, Мая рассказывала то же самое, людям рты не заткнуть, да и смысла нет: как ни крути, а все правда.

К маркизе Алан зашел без предупреждения, просто толкнул дверь и прошел внутрь в жарко натопленную комнату.

Эвелина, одетая в темное теплое платье, сапожки и тужурку, стояла над большим открытым сундуком, в который две служанки укладывали сложенную одежду. Увидев Алана, она сжалась и затравленно оглянулась, словно хотела сбежать, да некуда было прятаться, пришлось присесть в поклоне и тихо поздороваться.

– Оставьте нас.

Служанки, низко склонившись, попятились к выходу. Герцог проводил их тяжелым взглядом и только, когда закрылась дверь, заговорил:

– Я зашел попрощаться и сказать, что очень удивлен твоим поступком. Доверие многого стоит. Ксан кажется мне неплохим человеком, постарайся его и в дальнейшем не разочаровывать. У тебя должно быть мнение, но этим мнением следует делиться только с мужем. Никому не верь. На новом месте многие захотят тобой манипулировать. Но самое главное, не останавливайся, развивайся, учись, иди вперед, чтобы быть интересной мужу, чтобы стоять рядом с ним как королева, а не как красивая кукла, которую не жалко заменить. Ты ведь понимаешь, о чем я говорю, Эвелин?

– Да, ваша светлость, – опустила глаза девушка. – Мне Оська рассказал, это он посоветовал признаться во всем жениху.

– Шут тебя шантажировал? – нахмурился герцог.

– Он рассказал сказку, в которой невеста обманула будущего мужа и в итоге осталась одна в нищей рыбацкой деревне, никому не нужная. А еще он сказал, что не только головой можно думать, но и сердцем. Только не часто, – застенчиво улыбнулась маркиза. – Если часто думать сердцем, можно не заметить, как станешь совсем глупой. А я и так не очень умная, – шепотом закончила она.

– Эвелин, – улыбнулся герцог и протянул девушке обе руки. – Я очень надеюсь, что ты еще поумнеешь. Пообещай мне, что ты станешь думать, прежде что-то делать.

– А можно я буду вам писать? Я научусь! – Непосредственная Эвелин кинулась в объятия опекуна и разрыдалась. – Я так завидую Турену, у него есть отец и брат.

«Про мать она не вспомнила», - отметил про себя Алан.

– Пиши и помни, что как твой опекун я набью морду любому, кто тебя обидит. Все, не реви.

Алан гладил по спине плачущую девушку и понимал, что больше на нее не злится. Нет, не забыл, не простил, но злости нет, есть только сожаление, что этого ребенка никогда не любили. Кто знает, быть может, пройдет время, и они смогут разговаривать как равные.

– Простите меня, кир Алан. Я знаю, что доставила вам много огорчений, и не смею претендовать на ваше уважение.

– Эвелин, а как случилось, что кирена Валя использовала тебя? – без особого интереса спросил Алан.

– Она знает мою постыдную тайну.

Эвелин залилась румянцем и закрыла пылающие щеки ладонями.

– Вот как... Настолько постыдную, что ты согласилась на предательство?

– Не спрашивайте, прошу вас. Это... это гадко! Я... я...

– Эвелин, – мягко произнес мужчина. – У меня самого куча постыдных тайн, но никто не смеет меня ими шантажировать. Хочешь, расскажу одну?

Маркиза чуть раздвинула пальцы, глядя на герцога с недоверчивым любопытством.

– Расскажите?

– Конечно, раз мы делимся постыдными тайнами, то я начну первым.

Алану было и смешно, и грустно, но узнать правду оказалось необходимо, а давить на запуганную девушку не хотелось. Подростки во всех мирах одинаковые, так что попробуем не единожды испробованный метод. С младшим сыном, помнится, прекрасно сработало.

Виктория почувствовала, как от воспоминаний на душе стало теплее.

– Очень долго я был влюблен в одного горца, – с легкой ностальгией вспомнила она. – Страдал, облизывался, сомневался... Переборол потом, конечно, но...

Герцог развел руками.

– Ой! – шепотом воскликнула Эвелин. – Правда?

– Ну, мы же обмениваемся тайнами, – подмигнул ей герцог. – Постыдными.

Очень веселило Викторию это слово, пахло оно чем-то пуританским и нелепым, немного древним, из старой-старой жизни, еще когда была жива прабабка, воспитанная при женском монастыре и всю жизнь хранящая верность убитому в первую гражданскую мужу. Маленькая Вика ее жутко боялась, сухонькая сморщенная старушка с вечно нахмуренным лбом, суровым голосом и резкими словами казалась ей воплощением страшной бабы Яги из сказок.

– А я... – шепотом начала Эвелин. – Мы... Мальчишка раб у нас на конюшне был, и мы с ним... показывали друг другу... ну... это самое...

Она залилась румянцем до самой макушки, даже шея покраснела.

– Он мне разрешил потрогать, и я ему тоже позволила. Тетушка нас поймала.

– Сколько лет тебе было?

– Восемь. Если об этом узнает жених, он решит, что я распущенная. Эвелин с отчаянием смотрела на герцога, в огромных глазах стояли слезы.

– Эвелин, это такая глупость, – вздохнул герцог. – Да все нормальные дети через это проходят! Думаешь, Ксан не заглядывал под юбки девочкам? Дети узнают мир, знакомятся со своим естеством, и это точно не то, из-за чего тебе стоит переживать.

Господи! Алан думал, там как минимум убийство, или беременность, или растрата чужих денег... Но шантажировать ребенка вот этим!

Герцог покачал головой.

– Дурдом на выезде. Эвелин, а ты голого мужчину видела?

– Один раз, – кивнула девушка. – Зашла к отцу, а он... в общем, видела. Ну, хоть в обморок не упадет в первую брачную ночь, и то хорошо.

– И знаешь, как это происходит? Эвелин кивнула.

– Мне Зира все-все рассказала, она такая смелая, спокойно говорит

об этом, – поделилась впечатлением Эвелин. – Это так странно. Тетушка другая.

– Да, она другая, – кивнул своим мыслям Алан, в голове постепенно вырисовывался план. Теперь он точно знал, как поступить с Валией и как разрулить ситуацию к своей выгоде.

– У тебя все будет хорошо, Эвелин. – Он еще раз обнял девушку и легко коснулся губами лба. – Живи так, чтобы ни у кого не было шанса тебя шантажировать. Но если что, помни, со мной ты всегда можешь поделиться постыдными тайнами.

Эвелин хихикнула и на мгновение прижалась к герцогу всем телом. Молодым, горячим и уже весьма соблазнительным.

– Спасибо. Я запомню.

Алан стремительно вышел из комнаты, прощаться Виктория не любила и не умела никогда.

– Кир Алан! – Берт накинул ему на плечи меховой плащ. – Отряд готов выходить. Рэй ждет.

– Отлично! – Алан забрал у Пипа многотрадальный сверток с плесневелым хлебом и сунул его в руки Берту. – Отнеси Волдеморту и жди меня там.

Берт кивнул. Волдемортом Алвиса звал только герцог, остальные посвященные в авантюру не могли выговорить сложное для них имя, зато отлично понимали, о ком речь.

– Оська! – заметив тень в нише напротив, гаркнул герцог. – Вылезь! И чтоб от меня ни на шаг! Сбежишь, выгоню из крепости к чертовой матери!

– Чьей матери? – из ниши выглянуло две головы, Кусь и Оськи. – И чего ты такой психованный? Я, может быть, Кусь привел, а то она заблудилась, плакала в подвале, искала дорогу домой.

– Рядом, я сказал! Как пришитый!

Эхо разнесло рык по всему замку, даже огонь факела дрогнул, а Берт бегом припустил по коридору, спеша унести ноги от разгневанного хозяина. Оська не стал искушать судьбу, высоко поднимая короткие ножки, он с постной физиономией промаршировал к Алану за спину и застыл там, копируя позу Пипа. Кусь махнула хвостом, оценивающе осмотрела компанию и встала рядом с герцогом, всем своим видом демонстрируя любовь и преданность.

– Проведем Рэя и поговорим, – уже на ходу пригрозил герцог шуту.

– Давно пора, – тихонько буркнул ему в спину Оська и запыхтел.

«Много что давно пора сделать», – думал Алан, шагая к выходу. Слишком он расслабился, и многие забыли, что герцог никогда не любил быть марионеткой. Пора напомнить.

Прощание вышло скомканным и быстрым. Последние слова напутствия, крепкое рукопожатие под пристальным взглядом Генри Романа.

– Помни, я жду тебя в столице.

Ждать, пока Эвелин погрузится в карету, герцог не стал. Много чести. Что хотел сказать, он сказал, роль заботливого опекуна и верного соратника отыграл на отлично, придет время, напомнит о себе. А пока – скатертью дорога.

Взгляд выхватил из толпы провожающих Райку. Полные боли и тревоги глаза, сжатые в замок руки, прикушенная губа. Она стояла в распахнутом кожухе, без платка, с выбившимися из косы прядями и смотрела в спину мужу с такой звериной тоской во взгляде, что Виктория не выдержала, повернула к ней. В уме тут же всплыли кадры хроник последней большой войны... Женщины и уходящие на фронт эшелоны. Ох, Рэй, ты только вернись, потому что приносить Райке весть о твоей смерти выше моих сил. Рэй оглянулся, и Райка тут же ободряюще улыбнулась, чтобы никто не заметил предательских слез, взмахнула рукой, очерчивая осторожный знак Ирия.

– Все будет хорошо. – Алан приобнял за плечи любимую кухарку. – Но станет плохо, если ты простынешь и заболеешь. Марш в тепло, – строгим голосом скомандовал он. – Мне и без тебя забот хватает. Ужинать буду у Зиры. Парням скажи, чтобы меня не ждали.

Райка смущенно улыбнулась и, быстро смахнув слезы, исчезла за дверью для слуг. Алан глубоко втянул холодный воздух, ощущая в легком морозе запах оттепели.

– Еще десятница – и холода спадут, снег начнёт таять, дороги развезет, и тогда перейти перевал станет очень проблематично, – раздался сзади голос генерала.

– Да, я помню, – не оглядываясь, кивнул Алан. – Завтра прибывает учитель Пауль, а мы отбываем на фронт.

– Но, сир, было решение уйти через пять дней.

Алан медленно повернулся, после того как ворота закрылись, на душе поселился слон и топтался по ней всеми четырьмя лапами. Герцог

посмотрел генералу в глаза.

– Если с посольством ушел предатель, то самое время изменить планы. Генерал пожевал губами, несколько секунд подумал и согласно кивнул.

– Вы правы, сир. Я займусь подготовкой.

– В строжайшей секретности, – напомнил Алан.

– Не сомневайтесь, сир.

– Я хочу побыть один.

Алан поднял руку, прерывая возможный разговор. Не сейчас. Сейчас не было ни сил, ни желания. На душе дурным предчувствием скребли кошки, до сердечных спазмов не хотелось отправлять Рэя в Мирию. Хотелось броситься вслед, вернуть, послать ко всем демонам и чертям политику! Не все ли равно Виктории, кто будет править соседним государством? Разве не смогла бы она договориться с другим братом? Смогла бы. Просто Ксан поступил умно и пришел первым, а Виктория ухватилась за возможность получить корабль и сплавить Эвелин. Все не раз просчитано, обговорено и предусмотрено, так отчего так муторно? Оттого, что страшно. Страшно потерять Рэя. Алан так привык к его постоянной опеке, к мудрому и надежному взгляду, к безграничному доверию, что только от мысли, что Рэй может погибнуть, хотелось бежать следом, вцепиться в плечи и не отпускать.

– Рэй, ты мой отец. Настоящий отец. Попробуй только не вернуться, старый хрыч, – прошептали по-русски губы.

Герцог подошел к лестнице, ведущей на стену, легко взбежал наверх по обледеневшим ступеням, чудом не слетел вниз, когда на самом верху соскользнула нога, но успел ухватиться за каменный выступ, обжигая пальцы о ледяной нарост. Пип остался внизу, не рискуя нарушить прямой приказ, но герцог услышал, как он тихонько ругнулся Вадием, когда нога Алана заскользила вниз. Улыбнулся. Не дождетесь, рано ему еще уходить к реке Забвения, да и на встречу с Вадием рановато, как ни крути. Пусть ждет. И тут же Виктория отогнала мысли о черноглазом духе, как отгоняла их последние сутки. Не сейчас! Не думать! Иначе свихнется окончательно.

Герцог подошел к защитному парапету, уже столько времени в этом мире, а до сих пор не знает, как это называется, и замер, следя, как медленно удаляются в сторону города кавалькада всадников и большая черная карета с гербами Вас Хантеров. Внизу в пелене легкой измороси

угадывался растянувшийся вдоль берега городок. Казалось, что это не покрытые шапками снега крыши, а морозный рисунок на толстом стекле.

Герцогу редко удавалось выбираться в город и еще реже просто побродить по улочкам, зайти в лавки, поесть ребрышек в заведении Карима, устроив переполох среди постояльцев. Всего два раза и выбрался. Нужно было сводить Зиру на экскурсию, но то дела, то снегопад, то просто забывает о ее существовании. Как-то неправильно идет их жизнь – порознь. Короткие встречи, редкие нежные вечера, разговоры ни о чем, когда говорит женщина, а ты просто слушаешь, не вникая, молча развалившись на шкурах у огня, в очередной раз дивясь, что внутри этой хрупкой девушки твой ребенок.

Белая дорога, за спиной заснеженные горы, где-то в них морозят задницы Иверт с компанией, а впереди холодное Ледяное море. Что там, за кромкой серого мрачного тумана? Взгляд опять устремился за горизонт, следом полетели мысли: когда будет корабль, Алан обязательно попробует это выяснить. Не так много осталось до времени, когда Турен сумеет заменить отца на троне, и герцог наконец сможет путешествовать... Эх, мечты, мечты...

Трон.

Зачем он тебе, Виктория Викторовна Вавилова? Себе можешь не врать. Пришло время признать, что ты честолюбивая азартная сволочь и тебе интересен сам процесс – достигнуть вершины, уместиться на ней и гордо сказать: «Да, я сделала это! Я смогла!» А потом задуматься, что делать дальше? Так устроены люди, они стремятся к вершине, зачастую не учитывая, что власть – это колоссальная ответственность, власть – это одиночество, власть – это предательство ради каких-то высших целей, власть – это быть проклятым либо воспетым, диктатором или героем, третьего не дано. Быть героем у Алана не получится, а становиться диктатором не хотелось.

– И зачем я покинул фронтир? – пробормотал он тихонько, до рези в глазах вглядываясь вдаль.

Остался бы в Крови, строил Викторград, на ближайшие лет двадцать точно бы хватило работы. Свой собственный маленький мир на фронтире – мечта, но вместо этой мечты он зачем-то идет отвоевать трон, который ему не нужен. Для защиты Турена и Дара хватило бы сильного герцогства, объединенного с Игушетией. На их стороне

Учителя, ресурсы горцев и знания инопланетного «подселенца», лет через десять с ними бы пришлось считаться всем. Так зачем тебе трон Галендаса, Виктория?

Что значит «зачем»? В этом мире тебя либо боятся, либо используют, а она не хочет, чтобы ее использовали. Никогда не прогибалась под судьбу и сейчас не станет.

Рядом прошмыгнула тень, Алан, не оглядываясь, спросил:

– Оська, кто ты?

– Это Оська должен задать такой вопрос Алану-балабану, а не герцог, который только притворяется герцогом.

– Шут возник рядышком. – Я просто хочу то же, что и ты, чужак.

– А что хочу я?

– Ты хочешь разрушить этот мир! – На подвижной физиономии шута появилось глумливое выражение. – Нельзя нарушать пророчества, Кузнечик, особенно когда его произносит Ирий.

– А, так это Ирий накаркал! – улыбнулся герцог. – Как я сразу не догадался, что такое пафосное заявление может сделать только он. Спор между этими двумя зашел слишком далеко.

– Ты не понимаешь, – Оська подпрыгнул, чтобы заглянуть в бойницу, но не достал. – Им скучно, но они не могут просто уйти, потому что у них болит за их бывший домик. Вот и придумывают для себя развлечения, выбирают себе фигурки и играют с ними, кто кого победит. Они хотят вернуть знания в этот мир. А мы с тобой выбраны их фигурками, – гордо закончил он, выпятил грудь и надул щеки.

– Нельзя все вернуть в одночасье, Оська, – Алан подхватил шута под мышки и посадил на стену, теперь их лица были почти на одном уровне. – Ты ведь понимаешь это?

– Конечно, я же не дурак. – Шут больше не дурачился. Смотрел серьезно и немного устало. – Но можно столкнуть с горы камень, и если пихнуть его как следует, он будет катиться вниз, увлекая за собой другие камни, и вот уже несется лавина, остановить которую невозможно. Ты столкнул камень, герцог, осталось лишь направить его в нужную сторону.

– Развитие идет по спирали, шут. Циклично. Все повторяется. Этот мир не избежит потрясений. Открытие пороха приведет к изобретению огнестрельного оружия, я сам хочу установить пару пушек в гавани Викторграда, потом придет время парового двигателя, электричества,

двигателя внутреннего сгорания, атомной бомбы, и опять всё начнётся сначала. Через пять тысяч лет все повторится. На планету упадет метеорит, проснется супергигантский вулкан, люди забудут богов, мораль станет чем-то неважным и ненужным, на первое место выйдут алчность и физическое удовольствие, беспринципность и стяжательство. И планета отряхнется, избавляясь от людей, как от паразитов.

– Грустные вещи ты рассказываешь, Бешеный Кузнечик, – Оська поерзал. – Но мы живем здесь и сейчас, а не через тысячи лет. Или ты жил в будущем?

– Жил, Оська, – грустно улыбнулся Алан. – У меня там осталась семья.

– Ого! – Глаза шута расширились. – А у меня никого не было. Я слишком красивый и умный, чтобы принадлежать одной женщине. А как ты умер, Алан?

– Сердце остановилось.

– А я наткнулся на гнездо диких пчел и умер от их жал. – Шут почесал нос. – А очнулся на корабле в этом тельце и долго не мог понять, как меня забросило на корабль работорговцев, когда я пошел за медом в лес возле своей хижины?

– Из какого мира ты, Оська?

– Точно не из твоего. – Шут похлопал себя по коленкам. – В моем мире не говорят на языке, которому ты учишь Турена. Правда, я не везде успел побывать, хотя прожил очень долго.

– Сколько?

– Восемьдесят семь полных оборотов. А ты?

– Поменьше, – улыбнулся Алан. – И кем ты был?

– Шаманом! Разве не заметно? – Оська хитро улыбнулся. – И моя новая жизнь – награда от богов, которым я верно служил. А кем был ты, Неизвестный Алан?

– Воином.

– Я так и думал. – Оська притворно вздохнул. – Мозгов у тебя маловато, а силища есть. Про Валию уже знаешь?

– Алан кивнул. – Это я рассказал глупенькой Эве одну страшную сказку, а потом еще намекнул, что ее ждет подобная участь, потому что я сейчас пойду к герцогу и все ему расскажу. Правда, хитрый ход?

– Рассказал бы?

– Неа! – Шут спрыгнул на пол. – Зачем? Так веселее. Что будешь делать с ледышкой?

– Угадай, – вернул Алан шуту веселый оскал. – Так будет веселее.

– Ну, мы же в одну сторону камень толкаем, да, герцог? – Оська уже отбежал к лестнице. – В одну?

– В одну, Оська, но с разных сторон, поэтому не попади под него, когда покатится особенно быстро.

– Я шустрый, сбегу!

И Оська поскакал по ступеням вниз, совершенно не боясь свалиться.

– Ну, вот и познакомились, шут, – светло улыбнулся Алан, по-прежнему глядя вдаль. На душе было легко и спокойно. – Мы еще повоюем, не так ли?

Алан упрямо называл хозяйские покои в крепости апартаментами, и его окружение смирилось с очередным новым словом и даже подхватило, немного переиначив на местный лад.

– Сир, вы в апартаменты? – Пип пристроился за плечом. – Как там наши ксенята?

Несколько дней назад герцог приказал перевести парней в смежные покои с Алвисом, чтобы посещать раненого, не вызывая подозрения. Держали их до сих пор порознь, обоих охраняли ветераны генерала, и оба изнывали от безделья.

– Спят целыми днями, – ухмыльнулся Алан. – Жалуются, что скоро станут толстыми и неповоротливыми, ты же знаешь тетку Райку, она их закармливает.

– Эх, такая женщина! – поцокал языком Пип и замолчал.

Алвис встретил герцога с нескрываемой радостью, он даже не стал прятать облегчения во взгляде.

– Кир Алан, – произнес со знакомой усмешкой, – вы все же решили меня отравить?

Взгляд Алана скользнул по столу, по миске с плесневелым хлебом, куче окровавленных тряпок, и в желудке заворочался ком беспокойства.

– Длань, у тебя рана открылась?

– Опять надо чистить, – косясь на ксена, тихо сообщил Берт.

Он залил небольшой медный чайник кипятком, в воздухе поплыл тонкий аромат трав, смешиваясь с запахом потного тела и гнили.

– Помоги мне переложить его на стол. – Алан стянул с плеч плащ.

Следом на кресло полетела теплая рубаха и кожаный жилет. – И приготовь чистую миску с холодной кипяченой водой.

Берт быстро накрыл длинный массивный стол простыней, и они вдвоем переложили обнаженного мужчину, распластав его по столешнице бледной жалкой звездой.

– Худющий-то какой, – пробормотал с сочувствием Берт. – Может, мне за супчиком лечебным к тетке Райке сбегать?

– Подготовь чистые тряпки и сбегай, кроме бульона, возьми цыплят отварных да овощей с хлебом. И скажи Зире, что я скоро приду.

Предупреждать горянку никакой необходимости не было, она всегда ждала герцога, но Алану хотелось остаться с Дланью наедине подольше, вертелась в голове вопросы, задать которые было просто жизненно необходимо.

– Выдержишь или привязать?

– Выдержу, – упрямо дернул головой искореняющий и вцепился обеими руками в столешницу.

Под его пристальным взглядом герцог очень аккуратно собрал плесень в чистую миску и залил водой, чтобы получить неприятную на вид кашу.

– Это антибиотик, примитивный, конечно, но другого нет, будем пользоваться тем, что доступно. Через два дня ты должен передвигаться самостоятельно, иначе мне придется перерезать тебе горло. – Алан намочил тряпку в воде и начал протирать тело раненого. – Синяки практически сошли, ссадины подзажили, а вот рана мне не нравится. Может, ногу ампутировать? – задумчиво спросил он сам себя. – Теоретически я знаю, как это делается. Повернись набок.

«Как покойника обмываю», - подумала про себя Виктория и сама же испугалась этой мысли, не хватало еще накаркать. Алвис, даже раненый и обессиленный, вызывал уважение и опасение, но не более того. Сейчас, в своей худобе и бледности, с впалыми щеками, припухшими красными веками и пятнами на скулах, он не казался Виктории роковым красавчиком, но и жалким не выглядел. Юный мальчишка, беззащитный и трогательный в своей беспомощности. Красивое тело, которому не хватает немного массы, четкие очертания мускулов, идеально развитые мышцы... Везде.

– Вижу, что ты не собираешься умирать, – хмыкнул герцог, окидывая раненого оценивающим взглядом. И не удержался от

ехидства: – Такие трогательные косточки, теперь я понимаю желание моей кухарки всех откармливать. Глядя на тебя, невозможно удержаться. Хочется тискать и кормить.

И расхохотался, увидев ошалелый испуганный взгляд грозного Длани.

– Боже, Алвис, какой ты еще ребенок! – вырвалось непроизвольно.

Это по сравнению с Викторией он ребенок, а герцогу почти ровесник по возрасту, но намного старше по опыту.

– Кир Алан... – Длань на мгновение прикрыл глаза, когда раны коснулся острый нож. – У вас сегодня хорошее настроение, давно не видел вас таким веселым. Что-то произошло?

– Дай подумать. – Алан как заправский медбрат очистил рану от гноя, промыл самогоном и начал зашивать короткой кривой иглой, иногда косясь на Длань, чтобы заметить, если тот начнет терять сознание, но Алвис переносил боль стоически. – Моя жена интригует против меня, договариваясь за моей спиной с Ратией, мой шут находится под покровительством Ирия, с которым у нас весьма натянутые отношения, ко мне завтра прибудет один из опаснейших людей континента, а я еще не решил, что делать с его сыном, мой ребенок в опасности, на строительство часовни не хватает белого камня, у меня дурное предчувствие, и я волнуюсь за Рэя. Я никому не доверяю, даже сам себе, потому что не могу договориться со своей шизофренией, а еще Вадий признался мне в любви... Ничего необычного, Длань. Все как всегда. – Герцог отрезал нить и отложил в сторону иголку. – Видишь, как я с тобой откровенен?

– Что такое ши-зоф-ре-ния?

– Безумие, – широко улыбнулся герцог.

– Вы не выглядите безумным. – Алвис все же тихонько застонал. – Еще одно слово вызывает во мне сильнейший интерес, сир. Антибиотик?

– А вот это тебе понравится, очень надеюсь. Это такая замечательная вещь! Прорыв в медицине! Тебе выпала честь первым испытать новый препарат! – пафосно изрек герцог, поднося к носу Алвиса неприятно пахнущую жижу. – Насколько я помню из школьного курса биологии, это еще можно и пить, но, кроме лечебного эффекта, оно обладает и сильнейшим слабительным, а в условиях средневековья это будет неразумно, – бормотал он по-русски, щедро намазывая рану

экспериментальным составом. – Зато если снимет воспаление – это будет прогресс.

– Кир Алан, откуда вы это знаете?

– Оттуда.

– Не скажете?

– Не время.

– Я помню, что вы сказали, когда мы познакомились, что только другу доверите свои тайны. Неужели мы до сих пор не друзья?

– Не обольщайся, ты мой верный враг, Алвис.

Герцог помог Длани сесть и спустить ноги на пол, затем, подхватив за талию, удержал тело на весу, пока тот делал три шага до кровати.

– Я прочел заметки о новой вере. – Алвис с облегчением откинулся на подушку. – У меня есть ряд замечаний.

– Выскажи их брату Чеху.

– Хорошо, – покладисто кивнул ксен. – Знаете, что меня в вас искренне восторгает? Это умение собирать вокруг себя нужных людей и заставлять их делать то, что хочется вам, да так, что они уверены, будто сами проявили инициативу. Как у вас так получается? Даже я это делаю, хотя уверен, что осуществляю собственные планы.

– Это все моя взращенная и взлелеянная лень и природное обаяние, – рассмеялся Алан. – Зачем самому напрягаться, когда можно поручить заботу более достойному?

– Так непривычно видеть вас смеющимся. – Алвис тоже улыбнулся, хотя в его улыбке было больше болезненного оскала, чем радости. – Это даже пугает... Вы редко смеетесь, сир. Мне кажется, я впервые слышу ваш смех, – задумчиво добавил он, рассматривая Алана как нечто необычное и забавное.

Алан накрыл Длань одеялом, подтянул к кровати стул и уселся, закинув ногу за ногу.

– Хочу посоветоваться, Алвис. – Больше он не улыбался. – Как мне избежать короны и как посадить на трон Турена, чтобы не вызвать гражданскую войну и недовольство аристократов?

– Исключено! – Длань не думал ни секунды. – Я первым буду против такого решения. На трон должна вернуться кровь истинных королей, никого другого старшие рода не примут. Даже если вам удастся провернуть эту авантюру, Турен Ли не удержит власть.

– Хреново, – кивнул Алан, что-то такое он и ожидал услышать, но

до последнего момента верил в гений Длани. Жаль, не сложилось. – Тогда расскажи мне о самых влиятельных людях королевства, их сильные и слабые стороны, политические коалиции, на которые они делятся. Все, что знаешь.

– Вам лучше тогда записать. – Алвис прикрыл глаза. – Возьмите бумагу и дайте мне попить.

Через два часа Алан покинул измотанного разговором искореняющего и, насвистывая похоронный марш, направился к Зире. Ночь длинная, и всю ее он планировал посвятить выяснению отношений с женщинами. Точки нужно поставить сегодня, чтобы больше не возвращаться к проблеме. Завтра прибудет отец Пауль, и будет не до личной жизни.

– Берт, приведи лекаря и сам приходи. Ты ведь уже окучил новую служанку Зиры? Что скажешь?

– Горячая штучка, – похабно ухмыльнулся белобрысый красавчик, но тут же осекся под недовольным взглядом герцога. – Но какая-то она странная, кир Алан. Замуж не хочет, – начал он загибать пальцы. – Все бабы замуж хотят, а эта даже не намекнула. Читать умеет, правда, не признается, но амазонки говорили, что она листок с ведомостями рассматривала. Чай, не картинки там глядела. Ну и в постели очень уж опытная, хотя уверяет, что я у нее первый. Да я что, не отличу бабу от девки, что ли? Кровь- то бросить и по-другому можно.

– И чего сразу не рассказал? – хмуро спросил герцог.

– Так дней всего два прошло, думал, понаблюдаю еще, потом скажу.

– Ничего ты не думал, просто обрадовался новой дырке, – припечатал Алан. – Выбрал бы ты себе девку да женился.

– Не, – затряс головой Берт. – Я на горожаночке жениться хочу, надоели бабы деревенские.

Алан только головой покачал, не веря, что найдется девка, которая сможет этого непутевого гуляку на себе женить.

Берт убежал за лекарем, Пип распахнул перед Аланом двери в покои Зиры, а сам остался на страже.

– Вождь пришел! – заорали над ухом, и герцог схватился за сердце.

– Хочешь, чтобы я стал заикой? – строго спросил он у смеющейся амазонки, но девушка только громче расхохоталась.

В коридор выглянула еще одна горянка.

– Мой вождь, – широко улыбнулась, показывая белоснежные зубы.
– Раздевайся.

С плеч уже снимали плащ, под зад подтолкнули стул, и не успел Алан слова сказать, как с его ног стащили сапоги и теплые вязаные носки, протерли влажным полотенцем и надели меховые полусапожки, которые он специально хранил у Зире. Незнакомая девушка в платье горничной принесла таз с водой, через плечо у нее было перекинута полотенце.

– Ваша светлость, извольте руки ополоснуть, – потупив взгляд, тихо произнесла она. Ага, вот и засланка.

– Кто такая?

– Паулина я, меня к кирене Зире управляющий приставил.

– И как, нравится здесь?

Алан пристально рассматривал девушку.

Хотя какая там девушка... лет тридцать, не меньше, просто грим очень профессионально сделан, морщинки в уголках глаз почти не заметны, ресницы подкрашены, темно-русые волосы спрятаны под чепчиком, если не присматриваться, то и не понять, свое это или искусно наведенное. И руки... Что-то не то с руками... Однажды ее младший заливал каток и проходил полчаса в мокрых рукавицах, а мороз в тот день был под тридцать градусов. Вот точно так обветрилась и воспалилась кожа на руках Паулины, покрывшись маленькими «цыпками». Похоже, девица специально старалась придать слишком ухоженным рукам работающий вид.

– Очень нравится, и кирена такая замечательная! – пылко воскликнула служанка, не глядя на Алана.

– Вот и хорошо, придешь ко мне сегодня ночью, – бросил Алан, направляясь в гостиную. – Ну, здравствуй, Ласка,

– нежно улыбнулся он выходящей навстречу Зире.

Ах Зира, Зира, покладистая, милая, желанная. Красивая даже в нелепом широком платье и теплой тужурке. Откуда в тебе столько силы и нежности? Откуда в твоём столь юном возрасте мудрость целого поколения? Всегда спокойная, сдержанная, отзывчивая. Только с тобой измученная душа приобретает целостность, только ты можешь излечить ее и дать издерганному сердцу долгожданный покой и тихое уютное семейное счастье.

Разве не о такой женщине мечтает мужчина? Разве хоть кому-то не

хочется вернуться в дом, где тебя просто любят и ждут, не потому, что ты вождь и король, а за то, что ты есть, любят со всеми твоими недостатками и тараканами и, зная твою тайну, все равно принимают таким, какой ты есть. И каждый жест, каждый взгляд демонстрируют эту тихую любовь, ничего не требуя в ответ, просто прося быть иногда рядом. Просто держать за руку, как сейчас, с тревогой заглядывая в темные глаза.

–Моя Ласка, как же я сожалею, что не могу отдать тебе сердце полностью и безоговорочно, – прошептал по- русски Алан, прижимаясь губами ко лбу своей женщины, вдыхая ее аромат, смешанный с запахом трав, которые Зира носила на груди в холщовом мешочке.

тебя еще будет время, мой вождь. – Теплая рука легла на его покрытый щетиной подбородок, Зира лукаво улыбнулась. – Райка приготовила твои любимые котлеты.

Она ухватила ошарашенного герцога за руку и повела в смежную комнату, где у камина прямо на расстеленных шкурах был накрыт низкий деревянный столик, вокруг него на разбросанных по полу подушках сидели свободные от вахты амазонки, улыбались и тихо пересмеивались.

–Вождь, ты такой грозный, – со смехом сказала одна из девушек и подвинула Зире большую подушку. – Даже страшно на тебя смотреть.

–Нечего смотреть на моего мужа, его следует кормить, развлекать и ублажать, – строго произнесла Зира, и девушки расхохотались.

–Ублажать он служанку к себе позвал, – бесхитростно сообщила одна из амазонок. – Эй, Бешеный Кузнечик, зачем тебе старая равнинница, когда есть такие красивые мы? – Она выпятила грудь и подмигнула смеющемуся Алану. – Их женщины не умеют радовать мужчин, не умеют делать себя привлекательными, они даже волосы с тела не удаляют!

–Наглые, – потянулась Зира к мясу. – Думают, что мне живот помешает яташ в руку взять. Ай, зря думают!

Амазонки шутливо заойкали и закрылись подушками. Алан притянул к себе хохочущую Зиру и громко поцеловал в нос.

–Ты же знаешь, кроме тебя, мне никто не нужен.

–Знаю, муж мой, – мягко улыбнулась Зира и быстренько сунула в рот Алану кусочек мяса. – Ты опять не обедал? Кушай, мой вождь, не слушай девиц, это они не со зла, а для развлечения своего. Скучно, вот и

придумывают себе игры.

Алан понимал и совершенно не сердился, он точно знал, что если позовет хоть одну из этих гордых и смелых женщин в свою спальню, потеряет их уважение навсегда. Потому что нельзя изменять женщине, которая носит твоего ребенка, дети у горцев рождались нечасто, и каждый ребенок считался даром предков, обидеть его мать значило обидеть родовой дух, кто знает, быть может, именно он вселится в тело новорожденного? Поэтому и детей они не делили на своих и чужих, одинаково любя и собственное чадо, и рожденное от случайного гостя.

Алан ел мясо, запивая кислым слабым вином, и ни о чем не думал. Гладил прильнувшую к нему Зиру по круглому животу, радостно замирая, когда удавалось поймать движение малыша. Кто-то из девушек запел, остальные по очереди подхватили, вплетая в песню, как в венок, сильные звонкие голоса. Появился маленький бубен, и гибкая высокая амазонка, имя которой Алан так и не узнал, сбросив меховые полусапожки, пошла по кругу, подняв над головой руки и притопывая по шкурам босыми пятками.

– Это танец плодородия. – Зира прижалась сильнее, и Алан обхватил ее за плечи. – Его танцуют, когда хотят привлечь солнце и тепло.

– Нам не помешает, – улыбнулся герцог и добавил по-русски: – Скоро сойдет снег, и я уйду.

– Я знаю, вождь мой, – вздохнула Зира. – Если бы я могла, пошла бы с тобой.

– Зира, – склонился Алан к розовому ушку. – Ты меня понимаешь?

– Да, – ответила по-русски девушка и застенчиво улыбнулась. – Говорить очень плохо, но понимать уже есть.

– Зира?..

Тысячи мыслей пролетели в голове, одна другой нелепей. Пока Алан лихорадочно соображал, Зира рассмеялась счастливо и перебралась к нему на колени, обняла за шею, уткнулась носом в ключицу.

– Еще дома я попросила Турена написать мне буквы и как они читаются, отец учил меня грамоте, поэтому было несложно. Я их выучила, а когда приехала сюда, мы с Туром каждый день занимаемся по две рыски.

– Это когда его все ищут и думают, что он у любовницы? Зира

захихикала, и ее горячее дыхание обожгло Алану шею.

– У него нет сейчас женщины, и я этому рада, потому что любовь тела без любви духа делает мужчину слабым.

– Но зачем?

– Потому что я люблю тебя, муж мой. Потому что я вижу, что для тебя это важно. Потому что ты учишь этому языку наших детей, а я хочу их понимать. Разве я неправильно поступаю?

– Этот очень неожиданно. – Алан поцеловал каштановую макушку. – И Турен ничего не сказал.

– Я просила его. А еще, муж мой, хочу умолять тебя о прощении, – быстро зашептала она. – Я глупая горянка, которая выросла в большой дружной семье, я честно хотела поделить детей с твоей женщиной, я думала, что для нее все дети равны. Но я ошиблась, Алан. Она ненавидит нашего ребенка, она думает, что если это будет мальчик, он станет вождем. Она совсем не знает тебя и нашего старшего сына. Если бы она понимала, как ты его любишь, сумасшедшие мысли не жили бы в ее голове. – Зира всхлипнула и прижала руки к животу. – Я... я очень виновата перед тобой. Это я захотела, чтобы ты на ней женился. Я глупая девчонка!

И она разрыдалась.

– Перестань, Ласка! – Алан шало улыбался, потому что на душе орали мартовские коты и пели соловьи. Зира раскрылась совершенно с неожиданной стороны, и это было удивительно. Как он просмотрел в ней острый ум и тихую решительность? Почему не поговорил раньше? – Это все гормоны. Родишь и пройдет. Скажи мне лучше, любовь моя, как ты догадалась?

– Мы много разговаривали, Валяя рассказывала о дворцах и королях, о приемах, где она бывала, о балах. И она никогда не говорила о детях, даже когда я спрашивала о маленьком Турене, она не говорила, это ведь удивительно, правда? А однажды я увидела, как она смотрит на кроватку... Будто злые ураганы смотрят на скалу, возникшую на их пути, она маленькая, но глубоко ушла в землю, такую не свернуть, ураганы злятся, но поделатъ ничего не могут. Я попросила Оську сжечь кроватку и стала больше слушать, но меньше говорить. Мне не в чем обвинить твою младшую жену, Алан, но мое сердце рвется на части, потому что она ненавидит наших детей. Всех. Даже своего сына.

– Может быть, ты ошибаешься, и она его любит?

– Нет! – Зира решительно покачала головой. – Нет, вождь мой, если бы любила, не желала бы ему остаться одиноким.

– Ах, Ласка, иногда в желании достигнуть власти люди совершают очень неприглядные поступки. Валия любит Турена, просто ее любовь другая, ее не научили любить и доверять, отдавать себя и брать взамен, она не понимает, что сила не в троне, а в людях, которые этот трон окружают. Но не стоит бояться, Валия не сможет тебе навредить. Я об этом позабочусь.

– Ты ее любишь?

– Нет, – не раздумывая, ответил герцог. – Нет, душа моя, но я бы хотел видеть ее на нашей стороне. Ради Турена.

– Тебе не нужно обо мне волноваться, муж мой, я под присмотром, та новая служанка, которую ты хочешь взять в свою постель, охраняет меня.

Видно, глаза у герцога были настолько выразительными, что Зира, которая пять минут назад рыдала на плече мужа, расхохоталась.

– Прости, Бешеный Кузнечик, это все из-за ребенка, я веду себя как капризная глупышка, то плачу, то смеюсь. Прости. Паулину ко мне приставила Мая. Когда я стала бояться за жизнь нашего малыша, я попросила ее о помощи, Паулина следит за тем, что я ем, что ношу, кто ко мне приходит. Она все проверяет. И учит меня, как себя вести, как правильно есть, разговаривать. Я сейчас не тренируюсь, не убираю в доме, не занимаюсь хозяйством, только учусь. Наши девочки - хорошие воины, но они не умеют распознавать хитрости равнинников, а Паулина умеет.

– Почему я об этом не знал? – прорычал Алан, чувствуя себя полным идиотом. Он решил, что разоблачил очередной заговор, а это не убийца, а телохранитель!

– Не злись, у тебя так много забот, мне не хотелось, чтобы ты волновался о нас. Я жена вождя и дочь вождя, я умею постоять за себя. Не будь я в тягости...

– Набила бы морду вредителю, – улыбнулся Алан, по-новому взглянув на Зиру. – Я совсем не знаю тебя, девочка, – покачал он головой. – Но, клянусь Вадием, такая ты мне нравишься еще больше. Боги, Зира, да ты полна сюрпризов!

Он смотрел в знакомые черты и видел совсем другого человека. Уверенного, гордого, готового к компромиссам и открытого для новых

знаний. Зира – тихая, милая, незаметная... Женщина со стальным стержнем и большим сердцем.

– Ласка... – Он уткнулся в макушку, обнял Зиру двумя руками. – Ласка...

– Не оставляй меня в этом месте, когда уйдешь, – шепнула она и лизнула мужчину в шею, от этого по телу прокатилась волна предвкушения.

– Я отвезу тебя к отцу, там ты будешь в безопасности, и мне станет спокойнее.

– А Валя? Ты оставишь ей Дарена?

– Нет, я не готов рисковать сыном, Дарен останется с Туреном, а кирена Валя отбудет со мной в столицу. Врага нужно держать как можно ближе.

– Ты мудр, мой вождь.

Зира не видела, как улыбнулся Алан. Валию ждали сюрпризы, и не факт, что они ей понравятся.

Эту ночь Алан провел с Зирой и ушел от нее только ранним утром, когда на стене запел горн, возвещающая о смене ночного караула. Крепость еще спала, только поварахи на кухне гремели кастрюлями да разжигали потухшие за ночь плиты, чтобы поставить варить утреннюю кашу из серой, похожей на перловку, крупы.

Алан в накинутом на нижнюю рубаху плаще скользил по коридору и тихо отдавал распоряжения идущему рядом воину, который сменил на посту Пипа:

– Отправить гонца за Мэтью, и вели передать, чтобы привез Маю. Скажи Оське, что жду его у Лиса. Иверт появился?

– Ночью вернулся.

– После завтрака ко мне. Да скажи барону Семуху, чтобы отправил в порт пару воинов, встретить «Шустрик» и доставить в крепость гостей.

Воин убежал выполнять распоряжение, а Алан, кивнув охране, толкнул дверь в комнату Лиса, через которую, используя потайной ход, прошел в бывшие апартаменты герцога.

Алвис спал, но, стоило герцогу войти в спальню, открыл глаза.

– Как ты себя чувствуешь? – Алан приложил ладонь ко лбу искореняющего. – Слава богу, температура спала.

– Чувствую себя ребенком, и это унижительно. – Голос Длани

звучал после сна хрипловато. – Что случилось, кир Алан?

– Женщины.

Алан поворочал кочергой в тлеющих углях камина, подбросил пару кусков сухой коры, подул и только, когда разгорелось неровное пламя, подложил несколько поленьев. Огонь задумчиво притих, рассуждая, нравится ли ему это подношение, но потом лизнул лениво сухой бок полена и, распробовав, весело перекинулся на новое угощение.

– Ты замечал, что пламя похоже на некоторых людей? – глядя на огонь, тихо произнес Алан. – Осторожничает, но если чует слабость, может сжечь дотла.

– Все мы носители стихий, – философски заметил Длань. – Расскажите?

– Скучно?

Алан швырнул плащ на кресло, а сам с размаху плюхнулся на кровать рядом с Алвисом, подпихнул под плечи огромную пуховую подушку – признак богатства – и, заложив руки за голову, уставился в потолок.

– Вы себе не представляете, – вздохнул Длань. – Я тихо ненавижу эту комнату, эти стены, эту кровать, вас и вашего шута. Когда умирал в каменном мешке, было веселее, там хоть можно было общаться с богами и придумывать месть.

– А сейчас? – Алан повернул к нему заинтересованное лицо. – Не общаешься?

– Нет, – коротко ответил искореняющий. То ли не хотел говорить на эту тему, то ли разочаровался, поди пойми по бесстрастному лицу. – Разнообразите мое скучное существование какой-нибудь загадкой? Что там с вашими женщинами?

– Алвис, женщины – зло, посланное нам Вадием, чтобы усложнять жизнь.

Длань секунду молчал, а затем рассмеялся, Алан тоже улыбнулся, подумав, что сам не так давно отрастил яйца и перешел на другую сторону, а как за это время изменились приоритеты. Постепенно на первое место выходит политика и государство, а семья и дети уходят на второе, и это неизбежно, ибо невозможно одновременно служить двум богам. Нет, он так и останется хорошим отцом и другом своим детям, но... Опять это пресловутое

«но»... И чертов выбор.

– Ненавижу Вадия, – пробормотал Алан. – Вчера у меня был день открытий, все началось с Эвелин... – Алан, не таясь, рассказал Алвису все, ему нужно было это проговорить вслух, чтобы понять, почувствовать нестыковки, уловить фальшь. – ...И теперь вопрос, кто из них лжет и зачем?

– Горянка лжет или заблуждается, – через минуту ответил Алвис. – Кирена Валия с момента замужества играла на стороне Ратии. Ратии был невыгоден на троне герцогства слишком умный и независимый Ли Вас'Хантер, и она предала его, затем Ратия пожелала получить часть территорий Галендаса, но открыто воевать была не готова, у нас довольно сильная позиция Наместника, и армия на его стороне. Тогда они решили расколоть страну на части и под шумок оттяпать кусок территорий, и Валия внушила герцогу, что он может претендовать на трон Галендаса. Теперь же у нее появился шанс возвысить сына до короля, при этом править будет не он. Турена женят на правильно воспитанной ратийской принцессе... Кирену Валию тоже правильно в свое время воспитали, очень умело играя на честолюбии и природной холодности. Они бы и Эвелин испортили. Но, к счастью, герцог испортил ее раньше отсутствием любого воспитания. Кстати, вы в курсе, что Храм считает, что Эвелин - дочь Валии, а не ее сестры Берики?

– Но это не так? – уточнил герцог.

– Так. Мне удалось разыскать повитуху, и она подтвердила, что сестры родили почти одновременно, но дочь кирены Берики не выжила, а Валия на тот момент не была замужем и весьма успешно скрывала свою беременность, возможно, девушки планировали выдать детей за двойню...

– погоди! – Алан в уме произвел небольшие подсчеты. – Этого не может быть. По возрасту не сходится.

– Тоже посчитали? – чуть улыбнулся искореняющий. – Валия вышла замуж за Ли не в четырнадцать, как все считают, а в девятнадцать и сразу понесла Туреном. На самом деле герцог познакомился с ней за пять лет до свадьбы и тогда же соблазнил. Хотя он уверял, что соблазнила его девчонка. Сам герцог на тот момент был вполне счастливо женат, но детей у него не было. Бездетная жена – повод для развода, вам ли не знать?

О да, Алану это было известно, сам таким образом избавился от

первой жены, чтобы моментально вляпаться в такое же...

– Но в итоге ребенка объявили мертвым?

– Ну что вы, кир Алан! Никакого ребенка не было. – Алвис тонко улыбнулся. – Это просто некоторые отставные наместники слишком любопытны и попросили меня кое-что уточнить.

– Чтобы иметь повод для шантажа, – понимающе кивнул герцог. – Только кого шантажировали, Ли или Валию? Алвис загадочно улыбнулся.

– Ладно, мне это не особо интересно. Хотя Валию характеризует с еще одной стороны... Стерва она все же! – с восторгом констатировал герцог. – Расчетливая хладнокровная стерва.

А еще несчастная женщина, вся жизнь которой регламентирована и подчинена чужим решениям.

– Умная и хитрая, – кивнул Алвис, соглашаясь. – Прекрасные качества для королевы, не находите?

– Если эта королева не играет против меня.

– Все в ваших руках. С киреной Валией все было ясно изначально, разве вас не предупреждали?

Отец Крамер пытался меня отговорить от женитьбы на Валии, – не стал отказываться Алан. Но я редко слушаю умных советов, ты же знаешь. Тем более Валия меня привлекает. Есть в ней что-то... – Алан неопределенно покрутил в воздухе кистью. – Этакое! Притягательное для меня.

– Холодна, сдержанна, расчетлива.

Загадка, – добавил герцог. Ты меня понимаешь. Валия это вызов, и я его принимаю.

– Что вы намерены предпринять?

– С Валией? – Алан вернул Длани улыбку. – Она вносит в мою жизнь толику опасности и заставляет держать мозги в тонусе. Устроить ей несчастный случай я всегда успею.

– Вы стали жестоки.

Алан проигнорировал это замечание. Жестоко подложить четырнадцатилетнюю девчонку под взрослого мужика, жестоко оставить ее один на один с проблемами, жестоко выдать замуж за нелюбимого...

– Зира... Вот кто меня удивил. Удивил настолько, что я в полном раздрае.

– Простите?

– В растерянности, – отмахнулся Алан. – Чем она могла шантажировать Турена, что он начал учить ее? И при этом не сказал мне ни слова?

– А вы не допускаете мысли, что Зира не притворяется? Что она такая и есть? Горянки, если выбирают мужчину, никогда его не предадут, они даже на смерть идут следом за мужем.

– Хм... – Алан задумался. – Я настолько привык никому не верить, что ищу двойное дно в любом поступке. Я люблю Зиру, как бы это ни выглядело со стороны, – признался он, повернув к Алвису голову. – Спокойной умиротворенной любовью... Как любят детей или родителей. – Он чуть заметно улыбнулся. – Она вытянула меня из глубокой задницы, и я ей за это благодарен. Но... есть несколько «но».

– Вы ищете двойное дно в ее поступках, я же вижу всего лишь желание женщины защитить своего ребенка и при этом не докучать мужу. Горянки не похожи на наших кирен, они свободны в своем выборе и могут отстоять эту свободу с яташем в руках. Если я женюсь, то на одной из ваших амазонок, сир, – пошутил Алвис. – Коль мою невесту вы отдали в уплату за корабли.

– Спасибо еще скажешь, – прокряхтел Алан, поднимаясь. – Давай посмотрим рану, сменим повязку, и я пойду.

– Я бы начал с вопросов Турену и Мае, если вам так хочется дойти до истины.

– Именно этим я и планирую заняться. – Алан осторожно снял повязку и радостно воскликнул: – Ты смотри, работает, гноя нет! Алвис, ты понимаешь, что это значит? – Он поднял на Длань сияющий взгляд. – Это прорыв в медицине! Я должен рассказать об этом отцу Крамеру. Ты же не станешь возражать, если я его приведу?

– Боги, – искренне рассмеялся Алвис. – Сир, вы непостижимы! Как мы жили без вас все эти годы?

так хорошо на душе? Ведь проблем не стало меньше, а наоборот, они растут в геометрической прогрессии, но после разговора с Дланью стало легко и все понятно. Это всего лишь игра в поддавки. Кто бы ни стоял за спинами его женщин, он недооценивает противника. Пешка уже на пути к короне, и остановить ее невозможно, потому что минуту назад герцог Вас'Хантер принял решение, о котором точно никогда не пожалеет.

– Скучно жили, Длань. Скучно!

Турен и Мая ждали его в кабинете, они с азартом играли в камешки, а на диване, скрутившись калачиком, беззвучно спал Иверт. Виктория заметила густую щетину, ссадину на лбу, синяки под глазами и лоснящиеся от мази острые скулы. «Вот неугомонный парень, - подумала с нежностью. - Отморозит же себе не только щеки, но и все остальное». Иверт во сне причмокнул, но не проснулся.

– Хорошо, что вы оба здесь, – после обмена приветствиями произнес Алан, садясь в кресло. – Сразу перейду к делу, – отрывисто и резко начал он. – Два вопроса. Предательство или разгильдяйство? Сегодня я узнал, что мой секретарь и мое доверенное лицо обучает секретному шифру женщину. Причем за моей спиной. Одновременно с этим мне сообщают, что начальник моей полиции, опять же у меня за спиной, приставляет к моей жене телохранителя. Я жду объяснений, и они должны меня удовлетворить, – закончил он жестко.

В кабинете повисла звенящая и очень напряженная тишина. Турен выглядел злым и расстроенным, Мая - задумчивой. Она выпрямилась в кресле, сложив руки на коленях, и прикусила нижнюю губу. Судя по лихорадочному блеску глаз, девушка не ожидала настолько прямого вопроса, но и испуганной она не выглядела. Зато Тур старательно избегал взгляда отца, и от этого сердце Виктории начало ныть.

– Сир, – осторожно подбирая слова, начала Мая. – Я не хотела спешить с выводами и докладывать вам, пока сама не буду уверена. Но Паулина там не столько для охраны, сколько для разведки. Понимаете, мне кажется, что кто-то очень умело разжигает между вашими женщинами вражду. Кто-то внушает Зире, что Валя хочет смерти вашему ребенку. Я стала это замечать в те дни, когда в крепость прибыло посольство из Мирии. Мы с Зирой часто болтали, но в последнее время она начала нервничать, якобы видеть неприятные взгляды кирены на свой живот и говорить, что герцогиня желает смерти ей и ребенку, даже стала есть только то, что лично приносила Райка...

– Но Валя действительно желает устранить меня и моего ребенка, чтобы посадить на трон Турена, – холодно произнес герцог, наблюдая за старшим сыном, и только Вадий знал, как тяжело ему далась эта холодность.

Турен побледнел, со страхом глядя на Алана, он открыл рот, но ничего не сказал, по его виску покатилась капля пота, парень смахнул ее

дрожащей рукой и, опустив голову, уставился в пол.

– Я не верю, что Валия желает смерти наследнику, – качнула головой Мая. – Она просто считает, что ... – Девушка бросила быстрый взгляд на Турена. – В общем, она считает, что близость между мужчиной и женщиной

– это нечто постыдное. А беременность не повод хвастаться. Особенно... потому что Зира не законная жена, ну и еще быть второй женой для кирены унижительно, и поэтому она намекала отцу, что... Ну и... В общем, кир Алан, я думаю так, – скомкала она ответ и еще раз бросила на Турена сочувствующий взгляд.

На щеках маркиза выступили красные пятна, он с силой сжал пальцы и вздрогнул, когда Алан обратился к нему:

– Турен, я получил донос, что кирена Валия работает на разведку Ратии и готовит государственный переворот, и у меня только один вопрос, ты был в курсе планов матери?

– Ты нас казнишь? – Тур вскинул голову и прямо посмотрел в глаза герцогу. – Я клянусь, что не знал о ее планах, а если бы узнал, то попытался бы отговорить.

– Но мне бы не сообщил, – с сожалением констатировал Алан.

Сердце уже не ныло, оно болело, в душе расплзалась горькая пустота, хотелось орать, хотелось прижать сына к груди, сказать, что... Что говорить?

– Сказал бы, – глухо ответил Турен. – Но если бы сам не справился. А Зиру я стал учить, потому что... Если мы оба погибнем, никто не сможет прочитать мои записи, и тогда Дарен и малыш никогда не узнают, каким был их отец. Можешь наказать меня за это, но я не считаю, что был неправ. Я верю Зире, она моя настоящая мать, – бросил он с вызовом и встал, выпрямившись во весь рост. – Если ты считаешь, что я недостоин быть твоим сыном, я пойму, но я не предатель.

Алан откинулся назад, запустил обе пятерни в волосы и с силой дернул пряди на затылке. Боги, какое облегчение. Он поверил Турену сразу, безоговорочно, без капли сомнений.

– Турен Алан Ли, – четко произнося слова и при этом сдерживая улыбку, начал герцог. – Правильно ли я понял, ты считаешь меня диктатором и самодуром, который запретит матери своих детей учиться?

– Нет! – не задумываясь, выпалил Турен. – Ты не такой!

– Тогда почему ты создал из заурядного события тайну?

– Я не знаю. – Турен задумался. – Может быть, боялся, что ты не поймешь и решишь, что Зира недостойна?

– Ты у меня спрашиваешь? – приподнял брови Алан. – Отправляйся к себе и напиши эссе на тему, почему я поступил так, а не иначе. На русском языке, – добавил он.

– Ты меня прощаешь?

Плечи Турена напряглись, и сам он застыл в ожидании, как никогда напоминая Алану их первую встречу. Такой же внимательный взгляд, полный скрытой надежды.

– Я не сердился, просто не люблю тайны и не хочу, чтобы доверие между нами исчезло. Без него очень сложно строить партнерские отношения, Турен.

– Спасибо, отец.

Тур искренне улыбнулся и, поклонившись, вышел. Отец...

Алан почувствовал тепло на месте растекающейся за грудиной тупой боли.

– Очень надеюсь, что это не инфаркт. – Он растер грудь и повернулся к притихшей Мае. – Рассказывай.

– Пока нечего. – Мая вскочила и заметалась по комнате, размахивая руками и сбивая стулья. – Зачем вы на ней женились? Конечно, сама кирена не станет пачкать руки, но знаю я таких, как она. Просто, когда понадобится помощь, она пройдет мимо, выждет за углом и потом использует к своей выгоде или добьет. Она бедной Эвелин жизни не давала! Думаете, кирена не знала, что та наняла убийцу? Знала! И, как паучиха, выжидала, чем закончится. Она просила отца уговорить вас отправить Зиру на фронт, мол, там ей будет безопаснее! Но отец сказал, что в дела герцога и его женщин не вмешивается.

– Молодец Мэтью, – ухмыльнулся Алан. – Сядь! – Ему надоело следить за импульсивной Маей. – Что тебя так взволновало?

Девушка села на стул, покосилась на безмятежно дрыхнущего Иверта и громко зашептала:

– Знаешь, почему я предпочитаю образ парня? Потому что быть женщиной страшно и унижительно. Тебя продают, как породистого щенка тау. Подкладывают под нужных людей, заставляют рожать, а потом вышвыривают из своей жизни. Насилие – это постоянный спутник девушки. Думаешь, у горцев все так сладко, как нам кажется?

Девочка должна выбрать пожилого мужчину, чтобы он лишил ее невинности и обучил премудростям любви. Но ведь не все они благородные, ведь и ур-род может попасться, а если она влюблена в ровесника? Представляешь, как ей противны ласки старика? Ты ведь понимаешь? – Она опять вскочила. – Я представляю, как жила Валия. И понимаю, отчего она стремится стать королевой-матерью. На этой высоте ее никто не достанет. Никто не сможет ее принудить. Она просто хочет свободы.

– Мая!

Алан ухватил девушку за руку и привлек к себе.

– Нет, нет, – правильно поняла его порыв Мая. – Отец никогда ничего мне не запрещал и не заставлял. У меня больше прав, чем у герцогини, но все равно ... Меня тоже насиловали.

– Думаю, насильник долго не прожил, – хмыкнул герцог, отпуская девичью ладонь.

– Мэтью устроил ему показательную казнь. С тех пор меня остерегаются трогать, – криво усмехнулась Мая. – Но мне пришлось много для этого работать и многим перерезать глотки. Я не цветочек, Алан.

– Да уж, назвать тебя цветочком у меня язык не повернется. И так, Валия – продукт своего времени и воспитания, жертва насилия и обстоятельств, загнанный в угол зверек, который боится кому-либо доверять и который просто не умеет жить, а умеет только нападать первым.

Мая кивнула, глядя на Алана с удивлением и восхищением.

– Мая, тебе не нужно ее защищать, я прекрасно понимаю, почему она такая и что ею движет. Мне ее жалко, и я ею восхищаюсь. Потому что она не сломалась, она выжила и сохранила рассудок и цели. Хотя придушить мне ее все равно хочется. Но почему ты уверена, что не она угроза Зире?

– Потому что у нее был шанс и не один залезть к тебе в постель, влюбить в себя и крутить тобой, как она крутила обоими герцогами Вас'Хантерами. Но вместо этого она от тебя, наоборот, шарахается, как...

– Черт от ладана, – закончил с улыбкой Алан и тут же смутился, вспомнив их единственный с Валией интим.

– Вот! – пылко воскликнула Мая и тут же понизила голос,

покосившись на Иверта. – Проще ведь быть королевой при тебе, чем стать матерью короля. Нет, здесь что-то нечисто! Я уверена, она просто играет роль послушной марионетки Ратии. Может быть, король ее шантажирует? – задумчиво спросила она у Алана. – Но чем?

– Думаю, я догадываюсь...

– В общем, кто-то разжигает ссору между Зирой и Валией. И я найду эту тварь!

– Ищи, – покладисто согласился Алан. – Мая, прошу, изложи все на бумаге. И без эмоций, – с улыбкой попросил он. – Ты слишком эмоционально себя ведешь, а это очень плохая черта при твоей профессии.

– Я поняла. Можно идти?

– Иди.

– Зира в опасности? – бодрым голосом спросил Иверт, когда за Маей закрылась дверь.

– Мы все в опасности, друг мой, – не оглядываясь, ответил ему Алан.

– Спорим, ты не растопишь Ледышку?

– Думаешь? – Алан все же повернулся к Иверту лицом и подумал недолго. Это был вызов, и принять его выглядело очень соблазнительно. Только вот зачем оно Виктории? – Мне кажется, я бы сумел.

– Спорим? – блеснул глазами горец.

– Нет.

Он попробует без спора наладить нормальные отношения с матерью своего сына. Ради Турена.

– Как прошли твои учения?

В дверь постучали, и в щели появилось глумливое Оськино лицо.

– Алан-балан, кораблик в порт идет, скоро в нашем уютном домике станет шумно и драчливо.

Он захихикал и скрылся за шторой, зато вместо шута в комнату прошмыгнула Кусь и сразу же полезла лизаться.

– Спокойное время закончилось, – улыбнулся Алан.

– Ты считал, что до этого было спокойно? – в притворном ужасе воскликнул Иверт. – Кузнечик, тебя обманули!

Что он чувствовал? Ненормальное возбуждение, абсолютно иррациональный и нелепый азарт, адреналиновый мандраж. Давно забытое ощущение охотника, когда, затаившись, часами выжидаешь

удобный момент для единственного выстрела, когда постепенно нервное возбуждение сходит на нет, и появляется уверенность в безусловном успехе.

– Бешеный Алан, что происходит?

Голос Иверта выдернул на поверхность, заставляя вспомнить, что они в кабинете, что возле двери мнетя рабыня с подносом, на котором курится паром чайник и две чашки, что сегодня важный день, и следует готовиться к встрече с опасным и непредсказуемым противником, что времени остается все меньше и меньше, а он, вместо того чтобы провести совещание с генералом и советниками, занимается глупостями.

Хотя нет, какие же это глупости? Это его семья, его дети и, что бы они там себе ни думали, его женщины. Это было и смешно, и страшно – устраивать войну с женщинами. Боже, кто бы мог подумать, что Виктории придется принимать настолько неоднозначные решения? И смех и грех... А ведь что-то незаметно изменилось, и уже не пугают мысли о полноценной семье, не вызывают сомнения собственные действия, и все чаще она думает о себе как о мужчине.

Что не мешает помнить и о Вадии...

– Ну и какого черта тебя вспоминать? – пробормотала она под нос, глядя на Иверта и думая совершенно о другом мужчине, черноволосом и черноглазом, с вечной полуулыбкой на губах и с ироничным блеском глаз. Интриган, сволочь и редкостный гад, по чьей вине она оказалась в этом теле, по чьей вине она все еще жива... Он дал второй шанс изношенному сердцу, показал новый мир, заставил вспомнить, как это – жить на краю, жить азартно и непредсказуемо, вернул молодость и любопытство, эмоции и желания, любовь... – Нам нужно поговорить, чертов искуситель, потому что мне кажется, я скучаю.

– Эй, Бешеный Алан! – Напряженный голос Иверта раздался над ухом, и герцог вздрогнул. – Не делай так больше.

– Как?

– Ты будто ушел из этого тела. Пустота - и только губы шепчут заклинания. Говорят, так могут шаманы маленького народца.

– Маленький народец – это соплеменники Оськи? – с интересом спросил Алан, взмахом руки показывая рабыне, чтобы ставила поднос на стол. – И скажи моим женам, что я приглашаю их на завтрак, пусть накроют в малой столовой.

Рабыня низко поклонилась и убежала исполнять приказ.

– Алан, что происходит? – Иверт больше не улыбался, он с интересом понюхал чай и только после этого налил себе в чашку темную ароматную жидкость с ягодным запахом. – Ты слишком счастливый.

– Это так заметно? – улыбнулся Алан, присоединяясь к Иверту. – Я сам не знаю, отчего так радуется желание Валии меня прикончить и открытие, что твоя сестра оказалась не забитой деревенской девчонкой, а умной, хитрой и опытной интриганкой.

– Ласка? – Иверт весело ощерился. – Странный ты, Бешеный Алан, Зира - дочь вождя, и вождя не какого-то там занюханного маленького племени, а одного из сильнейших племен фронта. Вождь – это как король. Мы все обучены грамоте, говорим на трех языках, разбираемся в политике и мироустройстве, разве ты не знаешь, что отец искал для нас учителей, следя, чтобы они были лучше, чем у некоторых благородных? Э, Алан, твои глаза сейчас убегут с лица и пойдут бродить по комнате. Ты что, никогда не спрашивал Ласку о ее жизни? Или думал, что дети вождей только и умеют любить и махать яташами? Мой младший брат Иборг учится у друидов врачеванию, я сам три сезона обучался в племени Быка воинскому делу, а у него воинов натаскивает один из бывших искореняющих, поверь мне, я знаю, что такое тактика и стратегия, кто и когда выигрывал битвы и сражения и как ему это удавалось. Ласку же как любую дочь вождя учили управлять большим хозяйством и ладить с людьми.

– Но зачем? – глупо спросил Алан.

– Как ты говоришь? Мой отец - очень амбициозный вождь и мечтал когда-нибудь завоевать все племена и стать королем. Но... – Иверт скорчил глумливую рожу. – Ты ему испортил все планы, сделав не королем, а дедушкой принца.

Глядя на ошарашенное лицо Алана, он бессовестно заржал.

– Почему я ощущаю себя полным идиотом? – задал герцог риторический вопрос.

«Потому что делаешь выводы по очевидным фактам, не углубляясь в саму проблему, – ответил внутренний голос с женскими интонациями. – Решил, что ты в земном средневековье и здесь все соответствует историческим романам. Увидел внешнюю сторону и успокоился».

– Но Зира такая нежная, спокойная, покладистая! – вырвалось само

собой.

– Конечно, – гордо сообщил Иверт. – Она же женщина! А женщина не должна показывать свой ум, только красоту и тело, она должна быть в тени своего мужчины, иначе в семье не будет лада. Вот зачем ты сделал Маю главой полиции? Лучше бы сделал ей ребенка, – проворчал горец и направился к выходу. – Теперь она вместо поцелуев дарит мне рассказы о всяких нехороших людях и спать приходит не ко мне, а в кабинет. Э, где справедливость?

– Иверт! – Герцог тихонько рассмеялся. – Если бы я не рассказал тебе о задании для Май, она бы просто исчезла из твоей жизни, потому что побоялась бы проболтаться.

– Э, нет, Алан. – Иверт широко улыбнулся и выпятил грудь. – От таких красавчиков, как я, женщины не исчезают. Это мы можем пресытиться и бросить, но нас никогда не бросают! Ни одна кобылка от племенного жеребца не откажется, если у нее есть глаза и уши!

– Точно жеребец, – покачал головой герцог, выходя следом за своим советником. – Женись на Мае и успокойся.

– Тебя укусила бешеная тау? – испуганно округлил глаза Иверт. – Ты представляешь меня главой клана с женами и детьми?

– Нет, – честно ответил Алан.

– Вот! – Иверт зевнул и поднял вверх палец с аккуратно обрезанным ногтем. – И я не представляю. Я слишком молод и красив, чтобы принадлежать одной женщине. Да и Мая еще маленькая, пусть подрастет и научится уважать своего мужчину, – закончил он философски. – Я - спать, но буду готов через две рыски, расскажу, как мы шалого ведьмеда взяли.

И он, слегка покачиваясь и громко зевая, скрылся в коридоре.

Алан посмотрел горцу вслед, а затем повернулся к сопровождающему его ветерану.

– Скажи Турену, чтобы привел ко мне в кабинет ксений и отца Крамера. Сразу после завтрака я с ними встречусь. И пусть ксениям вернут оружие.

Воин коротко кивнул, прижав кулак к груди, проводил герцога до двери в столовую и поспешил выполнять поручение.

– Ну, здравствуйте, жены мои, – с усмешкой поздоровался Алан, на мгновение задержавшись у входа. – Светика, благодарю, дальше мы справимся сами.

Зардевшаяся служанка быстро поставила на стол поднос с нарезанным хлебом и проскользнула мимо него к выходу, бросив быстрый взгляд в сторону большого резного буфета, где Райка хранила посуду и скатерти.

– И Оську забери, – громко посоветовал Алан.

Дверца нижнего отдела распахнулась, и из нее выкатился колобок, укутанный в белоснежные полотенца, он шустро прополз мимо герцога и прошмыгнул за дверь.

– Вот говнюк! – с восхищением покачал головой Алан. – Шут, найди Турена и приходи с ним.

– Есть, сир! – звонко донеслось из коридора, и послышался топот коротких ножек. Алан прикрыл двери и повернулся к напряженно застывшим женщинам.

– Почему такие грустные лица? Неужели не рады видеть меня, кирены?

– Всегда рада, муж мой, – застенчиво улыбнулась Зира и положила ладонь на живот.

Она собрала волосы в простые косы и покрыла голову шелковым платком, зеленый цвет которого гармонировал с ее глазами. Простое свободное платье, теплая тужурка делали ее уютной и очень домашней.

Валя в отличие от горянки была одета более тщательно. На ней было темное платье с вышивкой, поверх него еще одно без рукавов, Алан так и не выяснил, как оно называется в этом мире, и широкий пояс в цветах Вас'Хантеров и Валлид, а плечи укутывал меховой палантин. Светлые волосы волнами обрамляли бледное лицо. Хороша! Необыкновенно хороша.

В полной тишине герцог прошел к месту во главе стола и сел.

– Итак, мои любимые женщины, – начал он с легкой улыбкой на губах. – Сегодня ночью я узнал много интересного о каждой из вас.

Валя метнула на Зиру быстрый взгляд, но горянка смотрела на Алана и не заметила этого.

– Зира, какими языками ты владеешь?

– Тем, на котором разговариваешь ты, муж мой, языком южных племен Ратии и наречием, на котором говорят такие люди, как Оська. Но его знаю не очень хорошо, потому что островитяне очень редкие гости на наших землях. Боюсь, что я уже забыла все, кроме сказаний, муж мой. Ну... – Она на мгновение запнулась. – И еще один язык я

изучаю сейчас.

О, стоило задать этот вопрос, чтобы увидеть выражение лица гордой герцогини! Как бы она ни старалась скрыть удивление, это ей не удалось. Да Алан сам опешил! Интересно, какие языки учил Иверт? И сколько их вообще в этом мире?

– Валя, а ты? Ну, кроме тайнописи ратийского королевского двора?

Рука Валии дрогнула, и наколотый на двузубую вилку кусочек жареного бекона упал в тарелку.

– Я не обучена другим языкам, кроме родного. – Она опустила взгляд и попробовала увести разговор в сторону.

– Удивительно, зачем дочь горца учила язык Океании?

– Может быть, ее отец планировал захватить острова? – невинно поинтересовался Алан, безмятежно намазывая на горбушку масло.

Зира звонко рассмеялась.

– О нет, муж мой! – Она вытерла выступившие на глазах слезы. – Просто у нас в то время жил один пират, а у него была книга сказаний с картинками, и, чтобы я его не мучила с просьбами почитать, он показал мне буквы и занимался со мной все то время, что выздоравливал. Забыла сказать, его покусала рыба. Большая. Отгрызла руку по локоть. Но он смог доплыть до берега и купить помощь моего отца. – Она еще раз хихикнула. – Так получилось, Кузнечик. Время холодов, ему было скучно, а мне интересно.

– Разговариваешь с Оськой? – живо поинтересовался Алан.

– Он меня не понимает, – развела руками Зира. – Говорит, что на их острове так не разговаривают. А быть может, просто не смог выучить язык, если попал в тело Оськи вдали от дома реципиента.

– Вот, Валя, – повернулся Алан к герцогине. – А ты хочешь убить такую умную женщину! Валя сглотнула и медленно положила руки на стол.

– Или ты хочешь убить только меня? – Алан протянул ей намазанный маслом хлеб, который она взяла бессознательным жестом.

– Кто вам рассказал эту глупость?

– Я прочел письмо, которое ты отправила с дочерью дяде.

Вот дерьмо! Алан ожидал всего, даже удара ножом и был к этому готов, но, когда Валя рухнула без чувств на ковер, растерялся. Зато не растерялась Зира, она схватила кувшин для омовения и щедро плеснула

в лицо женщине ледяной водой, а затем, опустившись на колени, хорошенько похлопала по щекам.

– Давно хотела это сделать, – подняла она на Алана взгляд. – Дрянь!

– Не суди и не судима будешь, – помогая ей встать, произнес Алан.
– Все очень сложно.

– Можно мне воды? – тихим голосом попросила Валия.

Алан усадил Зиру и, легко подняв Валию, перенес ее на диван. Потом подал чашку с водой.

– Вы обе отбудете со мной на фронтир, – дождавшись, пока женщины немного успокоятся, сообщил герцог. – Предупреждаю, я никому не позволю интриговать за моей спиной, как не позволю встать между мной и моими детьми. Это понятно, кирены? – Обе женщины синхронно кивнули. – Я знаю о вас все, каждое ваше движение, каждый шаг, каждую мысль. Я знаю, что хочет от меня отец Зиры и король Ратии, знаю, что ждет Храм и Наместник. Но я не тот человек, которого можно предавать, кирены. Вы или со мной, или против меня. Третьего варианта нет. Я предупреждаю только один раз, и сегодня вы получили это предупреждение. Я не люблю, когда мною пытаются манипулировать, Ласка. – Он поцеловал Зиру в висок. – И уж тем более я не люблю, когда меня пытаются предать. – Он поднес к губам ледяную руку Валии. – Вы обе отбываете со мной на фронтир, и там я решу, что с вами делать дальше. А теперь приятного аппетита, жены мои.

С этими словами герцог вышел, оставив женщин наедине.

Глава 13

*И вышли они из сада искушений,
И построили дом на берегу моря,
И стал мужчина ловить рыбу,
а женщина ждала его на берегу,
Но не было у них любви,
И поэтому не рождалось у них детей.
И тогда женщина взмолилась Отцу Небесному,
И услышал он ее,
и послал им голубя с веткой любви в клюве...
«Сказание о любви и боге»*

Поднялся шторм, и Кэп увел «Шустрик» в море, не рискуя швартоваться в такую погоду. Никого не хотелось видеть, поэтому день Алан коротал в одиночестве, борясь со сном и рассуждая, все ли сделал правильно и верное ли решение принял? На душе скребли кошки и ворочалось чувство вины. Наверное, стоило объяснить Зире, что он ни в

чем ее не обвиняет, просто... Что?

– Просто бесит, что она ничего о себе не рассказывала.

«А ты спрашивал? – тут же отозвался противный внутренний голос.
– Ты же с ней не общаешься! Пару раз в гости сходил, и все! Сам дурак!»

– Начинается! – Алан прошел вдоль стены, остановился у портрета Вадия, словно именно с этим богом вел диалог. – Она придумала опасность, чтобы привлечь к себе мое внимание и выставить Валию в неприглядном свете.

Разговаривать с собой вслух оказалось проще и понятнее.

«Идиот! Тупой мужлан! А если это правда?»

– Нет. Валия не рискнет. Слишком умна для этого.

«Хоть кто-то умен в этом дурдоме».

В дверь постучали, и после грозного: «Войдите!» - в кабинет проскользнула Паулина, а следом за ней заглянул Иверт.

– Занят, мой вождь? – спросил горец, ощупывая девушку взглядом. Паулина низко присела, выпрямилась и замерла, сложив руки на животе.

– Заходи, – кивнул другу Алан. – И дверь прикрой плотнее. Итак, что ты хочешь рассказать?

– Добрый день, ваша светлость, Май велел рассказать, если я обнаружу что-то подозрительное. Май? По-видимому, это альтер-эго Май.

– Говори.

– К кирене Валии и к кирене Зире часто ходит замковый ксен, каждый раз после его визита обе женщины начинают смотреть друг на друга с напряжением и злостью. А сегодня я подслушала, как он утешал плачущую Зиру. – Паулина подняла на Алана взгляд. – Вы можете мне не верить, но после его слов ваша жена легла отдыхать с яташем под кроватью и охраной в комнате. Он не говорит прямо, но постоянно уговаривает кирену беречь себя, осторожничать, не доверять никому и просить вас не покидать ее до родов, потому что только вы сможете защитить ее, иначе она может потерять ребенка. Здесь много недоброжелателей. Он... как бы это сказать, нагнетает? А беременные женщины, они очень слабые. Вы меня понимаете? – Она смотрела требовательно и немного виновато. – Я убийца, а не шпион, мне сложно вести беседы, но я женщина, и чувствую, что этот ксен специально

ссорит ваших жен.

– Э, глупо это все, – отозвался Иверт. – Зачем ему ссорить женщин?

– А что мы о нем вообще знаем?

– Он пришлый, появился здесь чуть раньше нас. Его брат Чех привел. Ночевать уходит в город, в крепости остается только в праздники или непогоду. – Иверт сладко зевнул. – Взывающий. Больше ничего не знаю. Говорят, что у него есть жена и сын.

– А еще от него пахнет, – задумчиво сообщила женщина. – ...

– Глупым туманом? – неуверенно перевел Алан.

– Этой травой лечат кобыл. – Иверт взлохматил волосы. – Хочешь сказать, что ксен разводит лошадей?

– Если пить отвар этой травы, то роды наступают раньше срока. Ею гулящие девки вытравливают нежелательный плод. А если пить отвар постоянно, то беременность не наступит, – хмуро произнесла Паулина. – Еду и питье Зиры я сейчас проверяю, но я не друида, а запах можно замаскировать!

Неприятно екнуло сердце, и стало страшно. За ребенка страшно... Алан его уже любил всем сердцем, и от мысли о возможной потере спазмами свело желудок, а пальцы сами сжались в кулаки. Мужское и женское начало сплелись в единый оголенный нерв, два голоса в голове слились в один, и это был утробный рык зверя, а не мысли нормального человека.

Стоп, возьми себя в руки!

– Как может рассуждать враг? – Алан прикусил губу, бездумно глядя на притихшую Паулину. – Между мной и женами нет особых чувств. Зира имеет на меня влияние только потому, что носит моего ребенка, а я своих детей не бросаю. Исчезни ребенок, исчезнет из моей жизни и женщина. Этот ребенок мешает всем... Валии, Турену, Дару, Наместнику...

– И врагам отца, он усилился союзом с тобой, – хмуро добавил Иверт. – Если ты выгонишь Ласку, его авторитет упадет.

– Вы видите проблему с одной стороны. – Паулина посмотрела на Иверта. – Но если цель не в этом? Если цель - задержать герцога в крепости? Ведь если что-то случится с Зирой или ребенком, если будет угроза здоровью, если она просто заболит, то вы останетесь рядом. У вас репутация любящего отца и верного мужа. Те, кто планировал этот заговор, хорошо вас изучили.

– Ты права.

Алан с интересом посмотрел на молодую женщину, уже прикидывая, куда ее можно пристроить после того, как все закончится. Не разбрасываться же такими кадрами, в самом деле!

– А о том, что ты собираешься через несколько дней покинуть крепость, знают все. – Иверт тоже с интересом рассматривал Паулину. – Давно на нас не охотились, а, Кузнечик? – радостно оскалился он. – Я возьму ур-рода?

– Проследи, с кем он встречается, куда ходит, кому пишет. Нам нужно выяснить, на кого он работает. Паулина, спасибо. – Девушка удивленно посмотрела на герцога. Не привыкла к благодарностям? – Скажи Зире, что до отплытия на фронтир она будет жить со мной, пусть приходит вечером. Я действительно боюсь потерять ребенка.

Алан отвернулся к окну, чтобы не выдать взглядом эмоции, которые бушевали в душе. Злость. Страх. Вина. Но преобладало желание согласиться с Ивертом, притащить ксена, а затем спуститься в пыточную и спросить у брата Взывающего, на кого он работает? И эти эмоции не принадлежали цивилизованной Виктории, это первобытное, звериное, дикое желание поднялось из глубин забытого прошлого, выталкивая пришлый разум, управлять телом рвался погибший Алан Валлид... Или отголоски его памяти.

– Вон! – просипел герцог короткое слово, потому что на длинное сил не было. Он боялся сорваться.

Иверт все понял правильно, он ухватил Паулину под руку и быстро покинул кабинет, чтобы с облегчением услышать, как разлетается на осколки ударившая в дверь бутылка с дорогим мирийским вином.

– Никого не пускай и сам не заходи, – после нескольких секунд тишины шепнул Иверт дежурившему у двери воину, а потом со вздохом похлопал стража по плечу. – Зол наш вождь. Довели его женщины.

– Это они умеют, – глубокомысленно согласился с ним ветеран, провожая взглядом ладную фигурку Паулины.

В глазах мелькали мушки, голову словно стальным обручем сдавило, и Виктория испугалась, начала дышать медленно и глубоко, проговаривая вслух:

– Вдох... Выдох... Пять, четыре, три, два, один...

В висках стучали молотки, на глаза накатила красная пелена. Что за хрень? Неужели insult? Нет, нет! Этого быть не может, тело молодое

и здоровое, да у него даже голова не болит. Это что-то другое... Нужно успокоиться и сесть. Алан плюхнулся на диван, откинул голову назад и прикрыл глаза. Просто посидеть несколько минут, успокаивая расшалившийся организм...

– Вика-Вика, девочка моя, ну почему ты так загоняешься?

Вадий стоял у стены, в его глазах было столько тревоги, что захотелось глупо улыбнуться, ощущая, как по телу разливается тепло, и много чего еще захотелось, но вместо этого Виктория поднесла к глазам руку. Девичью.

– Опять? – спросила с тоской. – За что ты меня ненавидишь?

От этого вопроса мужчина замер, не дойдя до нее шага. Его губы искривились в подобии улыбки, а в глазах промелькнула боль.

– Я себя ненавижу, но не тебя, – сказал он тихо.

– Убьешь меня, и я тебе этого никогда не прощу.

Виктория встала и подошла к темному окну, отстраненно рассматривая свое отражение. Светлые короткие волосы, слегка вьющиеся и даже на вид непослушные, тонкий нос, высокие скулы, пухлые губы. Не красавица, но очень миленькая девушка лет двадцати – двадцати трех. Невысокая, стройная и отчего-то одетая в зеленый больничный одноразовый балахон.

– Что за вид? И почему такая одежда?

– Это...

Вадий встал за спиной, осторожно положил руки на плечи девушки, и в мутном стекле отразились уже два силуэта. Виктория откинулась назад, опуская голову ему на грудь. Хотелось довериться, поверить, хотелось побыть нежной и ранимой, слабой и зависимой. Недолго, чуть-чуть, но отдать Вадию управление, позволить решать за себя, позволить ...

– Ты так не думаешь, малышка. – Он поцеловал ее в макушку, глядя в отражение глаз. – Ты никому не позволяешь решать за тебя. Мы ошиблись, выбирая настолько независимую личность.

– Какая я тебе малышка, – смущенно пробурчала она и улыбнулась. – Мне пятьдесят один год, между прочим.

Ну... – Вадий блеснул глазами. – Мне в совокупности прожитых жизней почти семьсот, так что для меня ты еще долго будешь малышкой.

Семьсот? Виктория повернулась, но не стала отодвигаться, когда

оказалась в кольце рук, всмотрелась в лицо. Покачала головой и нехотя отдвинулась, Вадий не стал удерживать, только улыбнулся понимающе.

– Так что это за облик?

– Тебе не нравится?

И что-то в его голосе заставило Викторию насторожиться.

– Почему в больничной одежде? – поинтересовалась она еще раз, дергая халат и ощущая, как по спине повеяло холодом через разрез сзади. Ох, да на ней нет никакой одежды, кроме этого легкого бумажного балахона! Щеки залило жаром. – Вадий, отвечай! Это тело... ты его приготовил для меня? – закончила шепотом, ощущая дурное предчувствие где-то в районе солнечного сплетения.

Мужчина отошел к стене, коснулся ее кончиками пальцев, и каменная кладка исчезла, открывая вид на хмурое холодное море.

– Ты мне доверяешь?

Вадий протянул руку ладонью вверх, и Виктория увидела на запястье знакомую татуировку... Рогатая голова – то ли черт, то ли козел. Почему-то с козлом ассоциировалось лучше.

– Нет, – ответила она и коснулась пальцами мужской ладони.

– Ты не представляешь, как меня это огорчает. Они шагнули вперед, мир стал меняться...

И вот эти двое уже стоят на высоком скалистом берегу, на тонком выступе голой обледеневшей скалы, а внизу беснуется штормовое море. Сделай шаг - и полетишь в темную рокочущую воду. Злые холодные волны пенятся, шипят, с грохотом пытаются сдвинуть скалы, россыпь искрящихся в зимнем солнце брызг долетает до босых ступней, и очень хочется отшатнуться, спрятаться за широкую спину...

Но вместо этого Виктория подставила лицо холодным порывам ветра. Это было больно, но не давало шанса расслабиться. Редкие солнечные блики отражались в поднимающихся волнах, переливаясь мрачными оттенками серого, и постепенно утихала боль в голове, и становилось спокойнее.

– Ты сама как стихия, – обнял ее со спины Вадий. – Непредсказуемая, сильная, неистовая. Трудно ожидать от ветра послушания, не так ли, Вика?

– Что ты задумал? – Виктория понимала, что мужчина не ждет ответов.

– Я хочу тебя вернуть, – просто ответил он и, почувствовав, как

дрогнули плечи девушки, быстро добавил: – Не сейчас. Когда-нибудь.

– Так странно, я не ощущаю холода, но чувствую твои прикосновения. – Голос Виктории был тихим и задумчивым. – Зачем, Вадий? Почему вы сами не вселились в тело Валлида и не изменили этот мир?

– Все не так просто. – Вадий опустил голову ей на макушку. – Мы не можем вернуться в этот мир, а чтобы перенести чужое сознание, нужно двое. Один следит за приборами, второй контролирует процесс.

– Сознание? – Виктории показалось, что она ослышалась. – Сознание, не душу?

– А что есть душа?

Действительно, что? Нечто неуловимое, неопознанное, неизведанное, как русский характер...

– Это тонкая материя, энергоинформационная оболочка, результат связи сознания с физическими процессами, совокупность самосознания, памяти, характера, воспитания, – пробормотал Вадий в макушку. – Много еще чего скрывается за коротким и емким словом «душа». Но нам не нужна душа без разума, без памяти и навыков, поэтому мы переносили в новое тело все в комплексе. Знаешь, я не ангел, даже наоборот... И у нас с Ксю получилось не сразу. Но получилось же! – Виктория почувствовала, что он улыбается, зарывшись носом в ее волосы. – И получится еще раз. Ты не представляешь, как я хочу обнять тебя наяву, а не во сне. Никогда не думал, что это случится. Я всегда был одиночкой. Все мои жизни. Работа, наука, развитие. А оказывается, я так много пропустил... Не знаю, какого бога мне благодарить за то, что встретил тебя, за то, что ты оказалась...

«О, Отец Небесный! – расхохоталась про себя Виктория. – Нашел наивную дурочку!»

– ...непокорной, дерзкой, смелой. А еще доброй, щедрой, самодостаточной личностью. Самой лучшей. Хотя и вредной, конечно.

Сердце застучало чуть громче, Виктория улыбнулась и без злости спросила:

– Ты бог обмана и лжи, манипулятор хренов, коварный соблазнитель и гнусный лгун, почему я должна тебе верить?

Вадий молча повернул ее к себе, поймал взгляд.

– Вика, ты прожила хорошую жизнь, щедро отдавая сердце, любовь и нежность. Но все это было в другой жизни. В той, где тебя уже нет.

Отпусти прошлое.

Да, нужно отпустить и жить дальше. Отпустить...

– Да легко! Вот сейчас проснусь и сразу же отпущу!

– Ты мне не веришь. – Это прозвучало достаточно горько, чтобы она засомневалась, но не более того. – Ладно, у меня будет время доказать, что я серьезен. Спрашивай.

– Итак! – На душе стало легко и беззаботно. В конце концов, Вадий за это время стал частью ее жизни, она испытывает к нему искреннюю симпатию и, что врать, огромный интерес, а еще это ее сон, и она здесь устанавливает правила, да и вопросов накопилось. – Что это за тело? И какие козни ты строишь, бог зла и порока?

– Узнаю мою Вику, – улыбнулся Вадий и сразу посерьезнел. – Не буду лгать, знаю, что ты не простишь. Эту девушку зовут Айрин. Айрин Ванеско - сирота, ей двадцать один год. Наркоманка со стажем. Именно наркотики привели ее к нынешнему состоянию. Она в коме полгода, и я уверен, душа в тело не вернется. Разрушена ее душа... Есть такое понятие – смерть души, так вот и прежний Алан, и Айрин больше не существуют. Мироздание не всех прощает, Вика.

– И ты хочешь поместить мою душу и мой разум в тело наркоманки?

– Я научу тебя излечивать физическую оболочку. Да и наука в мире, куда я тебя приглашаю, ушла далеко вперед.

– В мире? Ты не на Земле?

– Нет, – Вадий улыбнулся. – Тебе понравится новый мир. Я уверен.

– погоди! – Виктория сжала виски. Новый мир. Вот так просто? – Слишком много информации. Мне нужно переварить. И понять, захочу ли я?

– Захочешь, – коварно улыбнулся Вадий, и девушка, в теле которой во сне оказалась Вика, стукнула его кулачком в грудь, настолько самоуверенной стала его физиономия. – Я буду приходить каждую ночь, и все твои ночи будут принадлежать мне. Я буду учить тебя и соблазнять, я не позволю ни на час забыть о себе, и ты сдашься.

Виктория рассмеялась. Наглец! Самоуверенный наглец! Но как же приятно вот так легко, не задумываясь, пикироваться с умным мужчиной, не веря в его доброту, но и подлости уже не ждать. Когда он успел занять такое место в ее душе? Когда успел просочиться в мысли и сердце? Нет, нет, это просто временное помутнение, это пройдет.

Проснется, и все сразу же пройдет! Не может же она влюбиться? Ей пятьдесят один год, в этом возрасте не влюбляются в семисотлетних манипуляторов и интриганов!

– Мне нужно вырастить детей, – вместо протеста произнесла она и, не удержавшись, провела ладонью по его небритой щеке. – Разобраться с женами, – фыркнула со смехом. – Завоевать трон и разрушить устои. Ты согласен ждать?

– Хоть вечность. – Вадий перехватил ее ладонь, прижал к щеке. – Но что-то мне говорит, что ты справишься лет за двадцать.

– Двадцать лет ты будешь держать тело Айрин в коме?

Виктория грустно улыбнулась, давя в себе хлипкий зачаток надежды.

– В моем мире пройдет всего три года, Виктория. – Он обхватил ее лицо ладонями. – Дай мне шанс.

Как же это сложно: вновь довериться кому-то, поверить, начать жить с оглядкой. Зачем? А с другой стороны, что ей мешает и этот план воплотить в жизнь? Потом... когда здесь ей станет скучно. Интересно, как это - проживать несколько жизней в разных мирах? Дух авантюризма, словно зомби, восстал из глубин сознания.

– Давай попробуем, – вопреки всем мыслям ответили губы. Вадий искренне и с явным облегчением вздохнул.

– Нам пора возвращаться, я чувствую, что сейчас зазвонит будильник, у меня там утро, между прочим. – Он улыбнулся. – Дни принадлежат Алану, безраздельно и безоговорочно, но ночи наши, Вика. Только наши. Запомни это.

– Признайся, – весело спросила Виктория, ни веря ему ни на йоту. – Ты пишешь диссертацию на тему: «Влияние тела на разум»?

Судя по вытянутому лицу Вадия, она почти угадала. Вадий попытался что-то сказать, но мир вокруг начал стремительно меняться, сквозь море Виктория увидела знакомые стены, себя на диване...

– Я приду ночью, ты только не передумай!

Но Виктория Вавилова не привыкла отступать и менять принятые решения. И пусть Вадий об этом еще не знал, но, исчезая из его сна, она уже планировала, какие вопросы задаст в их следующую встречу. Он еще не раз пожалеет, что предложил ей вернуться...

Алан смотрел в стену и улыбался. Все оказалось настолько просто, что даже не верилось. Вот так легко и непринужденно Вадий в

очередной раз изменил их с Викторией сознание. Возможно, он этого не желал, возможно, ошибся в расчетах и получит не тот результат, который ждет. Алан даже спрашивать не собирался. Все это потом, позже, у них впереди если не вечность, то десятилетия, и Виктория успеет разобраться в играх темного бога или, как сам он себя называет, прогрессивного ученого.

А Алану это неинтересно, у него другие цели: выжить и надеть Корону Королей, а потом разбираться, зачем трон нужен Алану и зачем Виктория нужна Вадию. Главное, что сейчас герцог отчетливо видел путь. Для себя. Для Алана Валлида, герцога Вас'Хантера, правителя, мужа и отца. Ведь как ни крути, а в одном Вадий прав, пора отпустить прошлое и принять настоящее. Почему бы и нет?

Ведь это действительно уникальная возможность прожить совершенно новую, чужую, не похожую на прежнюю, жизнь, причем прожить ее, обладая памятью и навыками цивилизованного человека, помня о прошлом опыте, чувствах, привязанностях, и на этом фундаменте построить новое, неповторимое, только свое.

Как же это оказалось просто! Понять и принять.

– Теперь я точно не уйду. Даже если эти интриганы затеяли новый спор на мою, теперь уже женскую, сущность, им придется предложить что-то действительно важное, кроме тела молодой наркоманки и призрачной любви Вадия.

Алан поднялся, потянулся, ощущая каждой мышцей силу молодого тела, переполненного энергией и желанием действовать. Распахнул залитую вином дверь и приказал:

– Ксенья ко мне, и вели седлать лошадей, я собираюсь посетить Мэтью Гарнера.

Лис и Ворон пришли спустя четверть рыски, оба потные, краснощекие и настороженные, встали у двери, бросая на герцога одинаково напряженные взгляды. Неужели больше не доверяют? От этого стало немного грустно.

– Тренировались?

Алан окинул парней внимательным взглядом.

– Тело за эти дни совсем задеревенело, – пожаловался Лис. – Завтра будет каждая мышца болеть. Ворон сместился чуть в сторону, внимательно следя за руками Алана. Все же не доверяют. А жаль...

– Пока вас не было, произошло много событий. В крепости

предатель, и я подозреваю ксена.

Алан следил за реакцией парней, поэтому заметил быстрый взгляд Лиса и едва заметный кивок Ворона.

– Кир Алан... – осторожно начал Лис. – Иверт сказал, что прибыл отец Пауль... – Алан промолчал, с интересом ожидая продолжения. – И как вы намерены поступить?

– С нами? – добавил Ворон и пояснил: – Мы получили приказ сопровождать вас до Белой крепости и содействовать смене династии, мы выполнили приказ Учителя, сохранили вам жизнь, а дальше...

– Хочешь сказать, что вы планируете вернуться в горы и продолжить обучение?

Алан вцепился взглядом в застывшее лицо Ворона. Как же ему сейчас хотелось уметь читать мысли, но, увы... пришлось идти на ощупь.

Парни молчали, и герцог их в чем-то понимал, хотя очень хотелось увидеть реакцию, а не безучастные маски хладнокровных убийц.

– Я хотел выкупить вас у Храма, – сказал он честно. – Вы стали частью моей семьи, и мне не хотелось бы отдавать вас в загребущие ручки отца Пауля. Но, конечно, против вашей воли я идти не собираюсь.

– И что мы будем делать, если Храм нас отпустит? Лис всегда был более контактным и гибким.

– Я собираюсь реорганизовать Храм, но вы продолжите обучение, как и планировали, пройдете столько, сколько посчитаете нужным, но служить будете мне. У меня на вас большие планы, парни. Вам решать.

– Мы согласны, – коротко кивнул Ворон, и Алан понял, что ксенята давно уже все обсудили между собой. – Насчет брата Сиригия... Он выполняет распоряжение Наместника и должен задержать вас в крепости до десятого дня желтого карлика.

Первый весенний месяц.

– Когда собирались мне об этом рассказать?

– Не собирались, – серьезно глядя в лицо, ответил Ворон. – Это не угрожало вашей жизни, а потом вы нас заперли, и вопрос исчез сам собой, до этого момента мы не были уверены, что останемся живы.

Он и сам не был уверен...

Методы у брата Взывающего, конечно, не очень эффективные, но они могли бы сработать, если бы Зира не начала бить тревогу. Опять

повезло. Повезло, что Мая прислушалась к истерикам беременной горянки, повезло, что Оська вставил Эвелин на место мозги... Да ты, Алан, вообще везунчик и любимец богов!

– А что произойдет до этого числа?

– Свадьба нынешнего слабоумного правителя Галендаса с младшей принцессой Ратии, что узаконит его на троне, – скривился Лис.

– И даст Ратии повод вмешиваться в дела Галендаса. Что-то такое я и подозревал. – Алан кивнул. – Одевайтесь, мы меняем планы. Жду вас внизу через рыску. Нам нужно кое-кого вывести из крепости так, чтобы этого никто не заметил.

– Мы поняли. – Ворон кивнул и вдруг улыбнулся. Широко и очень по-мальчишески. – Оська рассказал о Спасителе. Алвисе Спасителе, сыне божьем, которого Отец Небесный отдал в жертву за прегрешения людские.

– Оська - трепло, – вернул улыбку герцог. – Но Алвиса надо перевезти в дом Мэтью.

– Длань будет зол, – пробормотал Лис, и парни тихонько рассмеялись. – Они друг друга терпеть не могут.

– Знаю, – довольно улыбнулся герцог и добавил непонятное для ксенят: – В этом и кайф.

Кто бы сомневался, что Оська даже похищение Алвиса превратит в балаган!

Алан, сидя в седле, со смехом наблюдал, как Иверт, в шубе, наброшенной на кольчугу, с надменной мордой и букетом каких-то зеленых листьев в руке, пинком отправляет Оську в сугроб, а шут при этом орет на весь двор:

– Горец едет свататься к прекрасной кирене, а бедного шута в крепости оставить собрался. Где справедливость? Люди-и! Он ей в подарок целый сундук тканей тащит, а у бедного шута даже на платочек носовой нет лоскуточка! Где справедливость? Герцог, тут твоего шута обижают! А это я, между прочим, их с Маей влюбил! Требую справедливости!

– И какой же справедливости ты от меня требуешь, шут? – громко спросил Алан и подмигнул Иверту, который пытался аккуратно примостить в седельную сумку «букет».

– Без меня нельзя ехать! И ксена надо взять для солидности! Или

двух! Мы же не какие-то нищие ур-роды, мы люди благородные!

Оська слепил снежок и запустил его в Иверта.

Не избалованные развлечениями воины и снующие по двору слуги с удовольствием включились в спектакль, давая советы и по-доброму подтрунивая над рыдающим шутком. А когда ксенята вытащили длинный ящик, больше похожий на гроб, чем на сундук, и он при погрузке на телегу раскрылся, демонстрируя сложенные отрезы, пересыпанные сушеной полынью, все стали откровенно подшучивать над завывающим на все голоса Оськой:

– У, какое богатство, и все проплывает мимо бедного шута!

– Так, может, невеста сжалится да подарит тебе от нижней юбки лоскуточек!

– Да что там от юбки, за такого жениха от панталон кружево оторвет!

– Оська у нас видный парень, как бы Иверту дорогу не перешел да не отбил невесту! На этих словах шут выбрался из сугроба и, подбоченясь, гордо проорал:

– А что? Вот поеду с горцем и сам Маю сосватаю! Эй, ваша герцогская пресветлость, дозволишь стать твоей правой рукой, надеждой и опорой в деле укрепления союза между противным горцем и бабой?

– Боюсь, Оська, если ты будешь сватом, Иверту придется еще долго ходить в холостых, – рассмеялся Алан и медленно поехал к воротам, а следом за ним погрохотала телега с дарами.

– Да пусть едет, дурак нам пригодится. – Иверт вскочил на коня, протянул руку и, схватив шута за ворот кожушка, посадил перед собой.

– Будет на ком злость согнать, если невеста откажет.

– Удачи, ваша светлость! Удачи, горец!

В крепости не было особых развлечений, кроме сплетен, а Иверт с Маей, не таясь, бурно выясняли отношения и так же бурно мирились, поэтому за их романом не следил только ленивый. Вот и сейчас напутствовали жениха от души, хотя кое-кто и кривил губы, пророча горцу ходить рогатым, но большинство все же горланили искренние пожелания.

Алан дождался Иверта, и они медленно поехали рядом, неторопливо миновали ворота и в сопровождении телохранителей направились в сторону городка, разговаривая на ходу и посмеиваясь над

шутками неугомонного Оськи.

Устроив Алвиса со всеми удобствами в гостевой спальне Мэтью Гарнера и оставив с ним Оську вместо няньки, Алан в сопровождении Иверта спустился в кабинет, где его уже ждали.

– Сир! – Генерал Генри Роман протянул Алану записку. – Брат Чех просил передать.

«Сегодня ночью».

Что же, сегодня весь этот фарс и спектакль одного актера закончится, и Алан забудет о нем, как об очередной глупости, пришедшей в голову от зимней скуки и по скудоумию, а не от великого ума. Сейчас идея брата Чеха выдать Алвиса за Спасителя уже не казалась Алану хорошей, его ум, воспитанный в атеизме двадцатого века, не мог серьезно воспринимать реальность происходящего, ему не верилось, что кто-то может купиться на этот трюк.

– Ты просто недооцениваешь силу слухов, отсутствие реальной информации и общий уровень развития общества, – пробормотал он по-русски и повернулся к маркизу Генри Роману. – Генерал, события складываются так, что я отбуду на фронт завтра и оттуда сразу же без остановки уйду в столицу. – Алан вздохнул. Опять все приходится менять на ходу, а ведь как хочется вдумчиво и неторопливо планировать операцию, опираясь на данные разведки и шпионов, но... Не с нашим счастьем! – Сегодня я узнал одну любопытную новость. – Он рассказал о планах Наместника и тоскливо вздохнул: – Сидя в Белой крепости, я все новости узнаю последним, а это недопустимо, проще будет ориентироваться на местности.

– Я сегодня жду сообщения от информатора по поводу дел в столицах трех государств. Кстати, на фронтире беспокойно, у горцев что-то затевается. – Мэтью, до сих пор тихо сидевший за столом, поднял голову от бумаг. – Без верховного вождя обстановка на Совете начинает накаляться. Да и зима заканчивается.

– После зимы племена обычно начинают воевать, это у горцев в крови. Как бы не вспыхнуло все в Игушетии, – хмуро закончил маркиз Роман. – Но если мои сведения верны, то со стороны Галендаса к нам идет три королевских полка. Наместник все же решил действовать, не дожидаясь, пока на берегу моря встанет неприступный город и появится порт.

– Уверен, он как раз мечтает получить и город, и порт в свои

владения, – хмыкнул Мэтью. – Но пока там сидят Учителя, не рискует выступать открыто, поэтому, скорее всего, полки идут на фронт с целью покарать заговорщиков.

– Даже не сомневаюсь, что это названо причиной, – кивнул Алан, а про себя подумал, что происходящее играет ему на руку, и это идеальный шанс удовлетворить кровожадность горцев, столкнув их с «завоевателями», ведь главное – правильно преподнести ситуацию. – Нам нужно придумать, как в будущем контролировать горцев. Может, создать из них регулярные воинские отряды?

– Но служить они будут на континенте, например, в охране короля, – тут же дополнил генерал. – Нельзя оставлять мобильного и непредсказуемого врага за спиной, даже если это союзники. Горцы никогда не жили мирно, война их сильная сторона, следует ее использовать в наших интересах.

– А также нужно чаще устраивать смешанные браки, – с усмешкой в глазах предложил Мэтью. – Думаю, многие последуют примеру кира Алана, будущего Айро Третьего, и захотят взять в жены горянок.

– И обеспечат нам движение свободных феминисток, – буркнул Алан себе под нос, но, к счастью, его никто не понял. – Что же, если мои советники подадут остальным пример и возьмут в жены горянок, я буду рад, – вернул он Мэтью усмешку. Гарнер ничего не ответил, лишь задумался на мгновение. – Впрочем, мы здесь сегодня не просто гости, мы сваты и приехали просить у тебя руки Май для нашего друга и соратника Иверта Бешеного Урагана.

– Через пять полных оборотов, – быстро ответил Мэтью и отвел взгляд.

Иверт тихонько хмыкнул, но не стал спорить или настаивать. Насколько понял из разговоров Алан, брак в его планы тоже не входил, но и отдавать Маю кому-либо он не собирался. Пока горец не мог решить, насколько он желает получить в жены эту взбалмошную и такую непостоянную девчонку, а значит, и торопиться не видел смысла.

– Значит, через пять лет? – Алан улыбнулся. – Ты подготовил единый список мер и весов?

– Да. – Гарнер был рад сменить тему. – Все сделал. Образцы линеек, межевых столбов, знаков и весов лежат в лаборатории.

Отличная новость! Алан озаботился едиными стандартами еще в начале зимы, и вот, наконец, все готово, чтобы предложить их на

рассмотрение Учителям, а через них – храмовникам, и волевым решением ввести в Игушетии, а потом и в Галендасе, потихоньку распространяя на всей территории Ойкумены.

– Кир Мэтью? – В кабинет заглянула домоправительница Гарнера и по совместительству его любовница Сати. – Толстый прислал мальчишку, «Шустрик» швартуется. Карета готова.

Алан переглянулся с маркизом Генри Романом, и тот понимающе кивнул.

– Я начну погрузку воинов, как только Кэп отчитается перед вами. Завтра в обед вы покинете прибрежные воды герцогства, а мой отряд уйдет на перевал через тоннель горцев.

– Готовьтесь, – кивнул Алан, поднимаясь. – А мы с тобой, Мэтью, встретим отца Пауля.

Мэтью скривился, но голос его звучал как всегда доброжелательно и ровно, Алану иногда хотелось вывести советника из себя, заставить раскрыться, показать свое истинное лицо и слабости, но до сих пор этого не удавалось. Мэтью Гарнер так и оставался для Алана темной лошадкой.

– Не люблю храмовников, а отца Пауля искренне ненавижу, хотя и признаю, что он выдающаяся личность. – Мэтью открыл перед Аланом дверь. – Поэтому с радостью буду вас сопровождать, сир.

Отец Пауль прибыл не один, его сопровождала звезда молодых ксенов, и все они были старше телохранителей герцога, а значит – опытнее и опаснее. Увидев их, Лис и Ворон подобрались и стали ближе к Алану, что не осталось незамеченным Мэтью.

– Ожидаете нападения? – тихо спросил он и расстегнул шубу, Алан знал, что на поясе у бывшего ксена висит длинный тонкий нож. – Не думаю, что ваш хозяин так опрометчив.

– У нас нет хозяина, – процедил сквозь зубы Ворон.

Герцог только вздохнул, эти трое так и не нашли общий язык, их отношения можно было характеризовать как сдержанный нейтралитет, готовый в любой момент взорваться колкими фразами и злыми словами.

– Парни, расслабьтесь, сегодня меня убивать не будут. Алан увидел спешащего к ним Кэпа и искренне улыбнулся.

– Кир Алан! – издали начал капитан «Шустрика». – Рад видеть вас в добром здравии, гарпун мне в бочину! Я привез ксенов, письма и мальчика из Рогана. – Кэп понизил голос, оглядываясь на отца Пауля,

который разговаривал с портовым мастером. – Гихард Гривастый Волк на словах передал, что вам надо появиться на совете племен, иначе будет кровь.

– Спасибо, Кэп! – Алан похлопал моряка по плечу. – Завтра в обед назад пойдем. Так надо.

– Надо, значит надо, – вздохнул Кэп и растянул обветренные губы в щербатой ухмылке. – Ночь у нас есть, чтобы девок пощупать, а большего морскому люду и не нужно, пробой мне в печень.

– Ночь твоя, но с утра готовься принимать гостей. Со мной будут две кирены и раненый.

– Понял, чай, не крыса сухопутная. Все сделаем. Кир Мэтью, товар-то посмотрите?

Мэтью Гарнер кивнул, и они направились к сходням. Проходя мимо отца Пауля, Гарнер холодно кивнул, но ни слова не сказал, хотя Алан и заметил задумчивый взгляд, которым проводил его бывший Длань.

– Хозяин!

Алан резко повернулся, давно его никто так не называл, и увидел бегущего к ним паренька в коротком стеганом бушлате и таких же теплых штанах. Мальчишка на бегу стащил шапку и за несколько шагов до герцога перешел на степенный шаг. Остановился за метр и низко поклонился.

– Ольт?

– Так точно, – по-военному четко ответил паренек, нахлобучивая шапку на коротко стриженую голову. – Прибыл по вашему приказанию, чтобы заступить на службу.

Сзади хмыкнул Лис, но Алан совершенно серьезно протянул руку и пожал холодную ладонь смущенного Ольта.

– Хорошо, что ты прибыл, – ответил с улыбкой, но строго. – Кир Дарен будет рад, теперь ему есть, с кем фехтовать.

– Капитан Найк передал вам письмо. – Ольт вытащил из-за пазухи запечатанный конверт и почтительно протянул Алану. – Просил, чтобы читали одни. Разрешите идти? Кэп велел почту выгрузить, я за нее в ответе, – с гордостью добавил он.

– Ты изменился, Ольт, приятно, что не ошибся в тебе, не разочаруй Дарена, и твоя жизнь изменится к лучшему.

Глаза Ольта сияли, но сам он старался держаться с достоинством,

очень напоминая жестами и манерой приподнимать брови Найка. Сразу видно, кто стал кумиром шептунского мальчишки. Алану очень хотелось обнять Ольта, прижать к себе, расцеловать, но он сдержался, понимая, что проявлять излишнюю сентиментальность не время и не место.

– Я рад видеть тебя, мальчик, – все же широко улыбнулся он.

Ольт облегченно вздохнул, в озорных глазах мелькнула радость, он еще раз поклонился и побежал на корабль, а к Алану подошел отец Пауль в сопровождении худого пожилого человека со светлой бородкой клинышком и выцветшими, блеклыми и какими-то нездоровыми глазами.

– Добрый вечер, Учитель, – склонил голову в приветствии герцог. – Карета ждет. Лис, проводи охрану отца Пауля в крепость и проследи, чтобы их разместили с удобствами.

– Здравствуйте, кир Алан. – Отец Пауль осенил Алана знаком Вадия. – Мальчики, следуйте за братом послушником, – не поворачивая головы, мягко приказал он сопровождающим его ксенам. – Кир Алан, это Мех, он друид и лекарь.

– Не доверяете моим познаниям в медицине? – пошутил герцог, жестом приглашая гостей следовать к карете.

– Ну что вы, только на них и уповаю!

Когда Ворон захлопнул дверь кареты, и она мягко тронулась, отец Пауль устало улыбнулся.

– Знаете, что я сейчас хочу больше всего?

– Горячую ванну, горячий ужин и мягкую постель, – предположил Алан.

– Знакомые желания? – побряхтел Учитель. – Стар я уже для таких путешествий.

– Мне жаль, что вам пришлось покинуть привычный дом и пуститься в путь, – соврал Алан, внимательно изучая лицо собеседника.

Вопреки своим словам, старик выглядел бодро и свежо, и взгляд его, чуть ироничный и добрый, никак не вязался с произнесенными словами.

– Вы так меня рассматриваете, словно не узнаете. Отец Пауль чуть заметно улыбнулся.

– Я просто соскучился, – озвучил Алан то, что понял только в этот момент, чем вызвал в глазах собеседника неподдельное удивление. – Мне не хватало наших бесед, ваших мудрых советов и хитрых интриг.

Ваше присутствие держало меня в тонусе, не давало расслабиться, гнало вперед. Теперь же... Зима, скука, жены...

Отец Пауль пристально всмотрелся в лицо безмятежно улыбающегося герцога, а потом рассмеялся. Искренне и очень заразительно.

– Знаете, мальчик мой, – отсмеявшись, заявил он. – Я рад, что мы в свое время решили сохранить вам жизнь. Без вас, определенно, стало бы скучнее.

– Это вы еще не видели моих планов по завоеванию мира, – светски улыбнулся Алан.

– А они есть? – тут же живо поинтересовался старик и подался вперед, чтобы рассмотреть выражение лица герцога, который сидел в тени.

– О да, мечтаю, знаете ли, стать темным властелином Земли.

– Почему темным? – Отец Пауль потер переносицу. – Это связано с вашей новой верой? Или с цветом ваших волос?

Алану очень хотелось ответить какой-нибудь земной шуткой, но он сдержался и просто улыбнулся.

– О делах поговорим после ужина.

– Вижу, мы едем не в крепость?

«Интересно, как далеко распространяется твое доверие, старый интриган? – думал Алан, откинувшись на мягкий подголовник и пряча лицо в густой тени. – Судя по тому, что ты спокойно отправил в крепость своих телохранителей, а сам едешь неизвестно куда и не особо по этому поводу волнуешься, я или заслужил доверие, или чего-то не знаю».

– Мы едем в гости к моему советнику.

– О, хорошо, что напомнили, мне показалось знакомым лицо Мэтью Гарнера, это ведь был он?

«Можно подумать, вы не навели справки о моем окружении», – проскользнула очередная мысль, но вслух Алан сказал другое:

– Он ваш бывший ученик и бывший друг Алвиса.

– И вы оставили Длань в его руках? – впервые в голове отца Пауля послышалась хоть какая-то эмоция. Сдаёт старик. Или настолько любит сына?

– Мы перевезли его только сегодня. Не стоит волноваться, с ним Оська. Он не позволит навредить моему верному врагу.

Больше они не разговаривали, отец Пауль думал о чем-то своем, герцог же, прикрыв глаза, рассуждал о предстоящем разговоре, прокручивая в голове возможные варианты и все больше ощущая странную иррациональную тревогу. Вроде бы все предусмотрел, но что же может пойти не так?

– Прошу следовать за мной.

Ворон открыл дверь кареты и помог отцу Паулю спуститься на расчищенную от снега дорожку.

Учитель осмотрелся, подмечая высокий сплошной забор, закрытые щитами окна жилого дома, массивные железные ворота, немногочисленную, но вооруженную арбалетами охрану, довольно кивнул своим мыслям и, не задерживаясь, направился за послушником в сторону приветливо открытых дверей. Алан и молчаливый лекарь пошли следом.

– Алан-балан с грозным дядькой приехал! – встретил их высокий звонкий голос. – Сати, ну дай теперь пирога! Я уже руки помыл!

– Ваш шут все так же невыносим, – покачал головой отец Пауль, но при этом добро и по-отечески улыбнулся. Зато он умен и изворотлив, – ответил ему Алан.

– Следует как можно скорее отправить лекаря к раненому, – деликатно намекнул отец Пауль, когда они вошли в коридор.

Друид бросил на Учителя быстрый нервный взгляд, и Алану на какой-то миг показалось, будто Мех что-то скажет, но лекарь промолчал, лишь перехватил удобнее деревянный сундучок, который не выпускал из рук все время, пока они добирались до дома Гарнера.

Герцог понимающе кивнул, он бы тоже в первую очередь поспешил проведать сына, отец Пауль и без того вел себя крайне сдержанно, что вызывало восхищение и желание подражать. Алану еще долго учиться так держать лицо. Что Виктория, что конт Алан Валлид никогда не умели настолько хорошо прятать эмоции.

– Сати, прикажи накрывать стол, а мы пока навестим вашего гостя. – Алан посмотрел на домработницу Мэтью и, заметив ее недовольный взгляд, уточнил: – Я понятно выразился?

С этой женщиной у них были довольно сложные отношения, они встречались редко, но каждый раз Алан чувствовал тщательно скрываемую неприязнь, да и сам не испытывал симпатии к этой сдержанной дамочке с взглядом потенциального убийцы.

– Я вас поняла, ваша светлость, – подчеркнуто холодно поклонилась Сати. – Шут, проводи.

– Это ты мне, женщина? – высунул из-за шторы любопытный нос Оська. Он закрутился в тяжелый бархат, обернув его вокруг себя наподобие тоги и, гордо отставив ножку, уточнил: – Ты просишь или приказываешь?

Сати бросила на шута уничижительный взгляд и исчезла за скрытой в деревянной панели дверцей.

– Следуйте за мной, кыры! – торжественно провозгласил шут и тут же заговорщицки подмигнул лекарю. – Сати-мати до сих пор не простила мне взятые в честном бою яблочки, и чего она такая жадная, не знаешь? А ты! – Оська молниеносно развернулся и ткнул пальцем в Ворона. – Покарауль здесь, а то мне что-то боязно.

Ворон бесстрастно кивнул и занял место у двери, спрятанной за шторой. Алан заметил задумчивый взгляд, которым одарил послушника Учитель, но расшифровать, о чем подумал и какие выводы сделал старик, ему не удалось.

Дом Мэтью Гарнера представлял собой лабиринт. Множество узких коридорчиков, заканчивающихся тупиками или небольшими комнатами без окон, ступени, ведущие вверх, вниз и просто в никуда, раздвижные стены и фальшивые двери. Пару раз, будучи у Мэтью в гостях, герцог пытался исследовать дом, но каждый раз попадал или в тупик, или в ловушку. Как признался ему Гарнер, он и сам не всегда помнил, куда ведут некоторые коридоры, особенно в подземной части дома.

Алан пропустил вперед отца Пауля и молчаливого лекаря и пристроился следом, рассуждая о предстоящем ночном randevu. Последнее шоу этого сезона! Исчезновение из закрытой клетки! Только у нас и только сегодня скованный и связанный узник растворился в воздухе! Сам Гарри Гудини нервно курит в облаках!

Интересно, Оська уже продал билеты на ночное вскрытие могилы?

Алвиса разместили очень скромно: небольшая комната с закрытым деревянными ставнями окном, в которой едва поместились узкая кровать, маленький столик и единственный стул. Герцог понадеялся, что это не месть Мэтью, а забота о безопасности раненого, хотя, зная теневого правителя герцогства, можно было предположить как раз первое.

Длань выглядел намного лучше, чем утром, он дремал, но открыл глаза, стоило Алану со спутниками зайти в комнату. Окинул их внимательным взглядом и вздохнул с видимым облегчением.

– Я не надеялся... – пробормотал иронично, встретившись взглядом с отцом Паулем.

Теперь, видя их рядом, Алан уверился окончательно, что не ошибся, отец и сын были похожи, удивительно, как он раньше не догадался?

Герцог остановился в дверях, наблюдая за встречей и сожалея, что не видит лицо отца Пауля, было бы интересно проследить за взглядами. Слова же звучали самые обычные: приветствия, вопросы о здоровье, даже о погоде за окном и скором празднике.

– Тебя осмотрит наш лекарь, – тоном, не допускающим возражения, произнес Учитель.

– Кир Алан испытывает на мне новое лечение, весьма эффективное, кстати, думаю, в настоящий момент моему здоровью не угрожает смерть от ран.

– Вот как, это очень интересно.

Учитель оглянулся на улыбающегося герцога, тот ответил ему невинным взглядом. Алан следил за друидом, ища в его действиях хоть какое-то сходство со Снежкой, да и интересно было посмотреть на работу третьего представителя этого таинственного Ордена, чтобы сравнить и, быть может, чему-то научиться. В жизни все пригодится.

– Друид, ты давно практикуешь?

– Давно, – буркнул Мех и осторожно водрузил сундучок на стол. – Здесь слишком тесно для нас всех.

И ни грамма интереса к новым методам лечения, о которых упомянул Алвис. Снежка уже закидала бы хвастуна вопросами и сомнениями, да и знакомый Алану друид из борделя вел себя свободно и раскрепощенно. Он бы давно пинками выгнал всех из комнаты и приступил к лечению, не упустив шанс прочесть лекцию и высмеять сомнительные потуги Алана в медицине.

– Мне казалось, что все друиды похожи друг на друга, – доброжелательно произнес Алан, внимательно следя, как медленно открывается крышка сундучка. Он даже подался вперед чтобы увидеть содержимое: множество отсеков, заполненных бутылочками и мешочками, и никакой бомбы или острого кинжала, даже

разочаровывает. По комнате поплыл аромат сушеных трав, заглушая запах пота и болезни. – Я знаком с двумя друидами, и оба они очень разговорчивые, ты же, похоже, дал обет молчания.

А еще ни один из знакомых Алану друидов не терпел бы пустую болтовню, а давно бы выставил соглядатаев за двери.

– Взываю к покровителю, чтобы подарил удачу и силу, – не глядя на Алана, тихо ответил мужчина. Вот как... Друид-ксен? Это что-то новенькое и странное.

– Если лекарь решит, что требуется особое лечение, я заберу тебя в храм. Отец Пауль смотрел на Длань, и герцог не видел выражения его лица.

– Не думаю, – подал голос Алан. – Друид, приступай, а мы подождем заключения в кабинете. Алвис, присоединишься к нам на ужине?

– Я бы не возражал.

– Отлично, Оська останется, чтобы потом провести друида в его комнату и привести Ворона, он поможет тебе одеться.

– Я тут в уголочке посижу, – серьезно кивнул шут и, заложив руки за спину, сделал шаг к стене. – Я буду как тень шамана, тих и незаметен.

– Очень странный друид...

Когда они вышли за дверь, Алан решил все же озвучить свои сомнения.

– Мех служит храму уже не один год и ни разу не давал повода усомниться в своей преданности. Что именно показалось вам странным, кир Алан?

Алан прошел знакомым коридором и вскоре уверенно толкнул дверь в кабинет Гарнера, жестом приглашая отца Пауля войти первым.

– Все. Но больше всего мне не нравится его бегающий взгляд и полное отсутствие интереса. Как вам удалось заставить друида служить классовому врагу?

– У нас есть свои методы, поверьте мне, лекарь не станет вредить Длани, потому что знает, возмездие затронет не только его жизнь. А еще мы хорошо платим. – Отец Пауль с интересом осмотрелся. – Какой забавный кабинет.

– Да, когда-то меня в нем чуть не пристрелили, – немного нервно улыбнулся Алан. – Это было неприятно.

Учитель подошел к книжному шкафу, безошибочно выбрав тот, где стояли настоящие книги, провел пальцами по корешкам, вытащил один из томов.

– «О торговых гильдиях»... – прочел он название. – Мэтью Гарнер... Это ведь не настоящее его имя?

– Без понятия. – Алан чувствовал нарастающее беспокойство, словно вот-вот должно было случиться что-то не очень приятное. Пресловутая женская интуиция?

– Мне кажется знакомым его лицо.

– Он учился с Алвисом.

– Да, как я мог забыть? – Учитель поставил книгу на место и повернулся к напряженному Алану. – Что вас гнетет?

– Я не доверяю вашему друиду.

И вам тоже. Да дьявол с ним, пусть он будет выглядеть параноиком и идиотом, но зато совесть будет чиста, а извиниться за недоверие можно и позже! Перед друидом извиниться, не перед старым интриганом.

– Ждите здесь.

Алан, больше ничего не говоря, выскочил из кабинета. А если он ошибся, и это не друид, если это распоряжение Учителя избавиться от слишком самостоятельной Длани? Ведь идеальный момент! И удивительно спокойный Пауль, слишком спокойный... Или все же показалось?

– Ворон! – заорал он во всю силу легких, получилось очень громко. – К Длани!

Чертовы коридоры, чертовы двери, которые уже невозможно открыть! Это он считает себя параноиком? Да Гарнер вообще больной!

Рванул очередную дверь, и ручка осталась в кулаке. Да чтоб вас! Совсем рядом раздался вопль Оськи. Удар ногой - и проклятая дверь слетела с петель, оказывается, она открывалась в другую сторону. Отшвырнуть ненужную ручку и выхватить из-за голенища клинок, ногой толкая последнюю дверь, из-за которой раздавались вопли шута!

– Сюда, сюда, на помощь! – верещал Оська.

Герцог, не думая, по самую рукоятку всадил засапожный нож в шею почти лежащего на Алвисе друида и лишь потом понял, что лекарь уже мертв.

– Снимите его с меня, – прохрипел Алвис, и Алан рывком спихнул

тяжелое тело на пол.

– Я в него тоже попал! – тут же похвастал выползший из-под кровати Оська. – Видишь, Вороненок? Вон мой ножичек из глазика торчит!

– Хороший бросок, – флегматично похвалил от двери Ворон. Он протиснулся в комнату и присел над телом. – Но ты тоже опоздал, шею ему свернули раньше.

– Я сразу понял, что лечить меня никто не собирается. – Алвис со стоном сел. – Дождался, пока он склонится надо мной. Кир Алан, как вы догадались?

хмуро принял из рук Ворона вытертый от крови нож и засунул его на место, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Это был его первый труп. Нет, он убивал и раньше, но всегда с расстояния, никогда еще вот так просто, ощущая легкое сопротивление плоти, с осознанием, что это живой человек и, что возможно, он ошибается... И пусть на тот момент перед ним уже был труп, ощущения оказались весьма неприятными, это было совсем не то же самое, что удачный выстрел из лука. И от понимания этого внутри поднялась горькая волна.

Вот ты и сделал еще один шаг к бездне.

– Гореть тебе в аду, – прошептал Алан, сплевывая на пол вязкую горькую слюну. Вряд ли Вадий верил в ад, но стало немного легче.

– Думаешь, Учителя решили от тебя избавиться?

Алан смотрел, как Ворон и Оська вытаскивают из комнаты труп, оставляя на полу тонкую красную дорожку. Крови было мало, но ему казалось, что он пропитался ее запахом.

– Если это правда, то жить мне осталось очень недолго, – совершенно серьезно ответил Алвис.

– Это мы еще посмотрим.

спрятался за уже знакомой и родной яростью, вытесняя ею горечь и сожаление. – Алвис, ты мой личный враг, и только я могу тебя убить! – пошутил он невесело. – Всем остальным придется встать в очередь.

– Я здесь ни при чем, – раздался усталый голос отца Пауля. – Но вы умудрились три раза убить человека, который смог бы ответить на этот вопрос. От тебя, мальчик мой, я этого не ожидал.

– Ну, прости. – Алвис при помощи герцога спустил ноги на пол. – Я сейчас не в том состоянии, чтобы анализировать.

– Что весьма прискорбно. – Отец Пауль тяжело вздохнул. – Шут,

проводи меня в столовую, я слишком стар для всего этого.

– Оська покажет, где можно покушать! – Оська радостно подпрыгивал в коридоре. – Рука, тебе надо помыть руки, а то ты их только что испачкал!

Алан лишь глаза к потолку закатил, но покорно подставил плечо, чтобы Алвис мог на него опереться, с другой стороны встал Ворон, и они потащили Длань в моечную.

– Горячая вода... я уже умер? – пошутил Искореняющий, когда увидел каменную ванну, полную теплой воды. – Неплохо живет наш друг Мэтью.

– Да уж, получше, чем я, – буркнул Алан. – Ты уверен, что тебе можно мочить рану?

– Я сдохну, если не вымоюсь.

– Ворон, оставь нас, – приказал Алан, когда Длань с тихим блаженным стоном опустился в ванну. – Ты ему веришь?

Алвис сразу понял, о ком спрашивает герцог, и на мгновение задумался, плавно вода в воде худыми руками.

– Всегда. Но верить и доверять не одно и то же.

– Значит, не доверяешь. Что же, тогда немного изменим планы...

Глава 14

В целях лучшего применения оружия и использования технических средств на кораблях создаются боевые части и службы:

боевые части: штурманская, стрелково-абордажная, связи

службы: медицинская, снабжения.

«Устав военно-морского флота империи Галендас»

Шустрик в очередной раз зачерпнул носом воду и вновь поднялся над тяжелой зыбью, которая раскачивала корабль, не давая ни на мгновение отпустить страховочный канат. Порывистый ветер усиливался, и за его ревом были едва слышны обещания Кэпа скормить кракену неповоротливых моряков, а заодно выбросить за борт лезущего не в свое дело шута.

Здесь, в небольшой бухте, куда капитан привел корабль в надежде переждать шторм, было относительное затишье, но в открытом море творилось что-то невообразимое. Многометровые седые волны вызывали у Алана первородный страх, с которым невозможно было бороться, лишь смириться и молиться морским духам, горизонт из-за густых мутных брызг совсем не был виден, только ветер свистит в

снастях. Никакой романтики!

Экипаж, расписанный по вахтам, занимался своей обычной работой, а вот непривычным к качке пассажирам приходилось плохо.

– Держитесь, сир! – проорал Кэп. – Сейчас тряхнет!

Алан крепче вцепился в намотанный на руку канат. Чтоб он еще раз отправился в дорогу на стыке зимы и весны? Да ни за что! Лучше неделю в седле трястись и мерзнуть на снегу, чем это!

Налетел первый шквал, за ним ещё и ещё. Встреча со штормом стала неизбежной.

Алан был уверен, что знает, что такое «качка», как же он ошибался! Оказывается, это не легкое «вверх-вниз». Это когда через палубу перекачиваются тонны воды, это дикая тряска, мощные удары волн по корпусу, причем одновременно и со всех сторон, это когда трещат фальшборты, а толстые крученые канаты рвет, как тонкую бечеву. «Шустрик» накренился на левый борт, и Алан громко выматерился, а спустя двадцать секунд его едва не смыло в воду, когда корабль лег с таким уже креном на правый борт.

– Шли бы вы вниз! – крикнул Кэп. – Еще рыску будет мотать! Но шторм уходит, повезло, гарпун мне в печень!

Пошел бы, да не уверен, что доберется. Лучше уж здесь, мокрому, замерзшему, зато на просторе. Замкнутые пространства без окон действовали на Бешеного Кузнечика удручающе.

– Хорошо, что Ласка осталась в крепости, – проорал над ухом Иверт.

– Надеюсь, мы не ошиблись, поступив так, – пробормотал Алан, прячась от холодных брызг за согнутой рукой. Помогло не очень, но хоть в глаза не попало.

– Светлеет, скоро закончится! Уходим вниз, Кузнечик! Э, ты меня слышишь? – Иверт ухватил Алана за плечи и потащил по скользкой палубе. Сопrotивляться было бесполезно, да и сил особо не было. – Тебе нужно переодеться, если сляжешь еще и ты, будет беда! – сипло орал Иверт в ухо.

Да, ему болеть ни в коем случае нельзя, хватит того, что почти весь отряд лежит пластом, Алвис опять начал температурить, а Валя не расстается с ведром, на ногах оставались лишь они с Ивертом да неунывающий Оська.

В трюме, приспособленном под каюту, воняло, и Алана тут же

затошнило. Держась за стены, он добрался до своего места, отгороженного от остальных простыней. В гамаке лежала бледная Валия, увидев герцога, она только крепче сжала губы и отвернулась.

– Шторм заканчивается, через день будем на месте, – сказала ей Алан и, проявляя чудеса акробатики, начал стягивать с плеч мокрый плащ.

А как все замечательно начиналось!

Брат Чех не преминул осудить новую веру на очередном взывании, Мэтью Гарнер со смехом рассказал коллегам-гильдийцам о сумасшедшем, который посмел заявить герцогу, что он сын божий, и этого хватило, чтобы по герцогству поползли слухи один другого удивительнее. Например, что владетель теперь молится Отцу Небесному и строит Церковь, на крышу которой пойдет настоящее золото! Это чтобы бог с небес заметил. А охранять эту золотую Церковь будут Искореняющие, и пускать в нее станут только людей честных и с чистыми помыслами. И что в стране горцев открывают школу, где учить будут новой вере.

А еще в Белую крепость прибыли Учителя, как один, на рогатых лошадях, которые зовутся единороги, а сами старцы страшны и черны, в полнолуние они откроют темницу с безумцем и покарают герцога, если обнаружат труп, потому что нельзя казнить несчастного без разрешения Храма, вдруг он не солгал? А если труп не найдут, то... А вот тут мнения очень расходились, кто говорил, что Алан вызвал гнев Ирия и его повесят, кто, наоборот, шептался, что он сын Вадия и сам повесит назойливых гостей, но все сходились в одном – будет весело!

Поэтому посмотреть на труп замурованного заживо собралась толпа народа. Алану до сих пор было мучительно стыдно за тот фарс, что они устроили, и он надеялся только на одно – его дети никогда не узнают правды. Хотя самое смешное, что к его затее отец Пауль отнесся с одобрением, он даже дал пару весьма умных советов, чем укрепил веру Алана, что Учителя ведут собственную игру, и пока неясно, что это сулит лично ему, опальному бастарду последнего короля. Но вспоминать об этом спектакле Алану не хотелось, хотя прошло все чинно, спокойно и торжественно... И, если верить донесениям Май, народ проникся и поверил, а все остальное сделает молва. Или не сделает...

Думать об этом было неприятно, хотелось спрятать лицо в ладони и

тихонько повить. Все же он не особо верил в успех этой затеи, но сделал все, что мог, дальше пусть работают специально обученные люди – брат Чех с компанией единомышленников. Уж секту они организовать смогут, а потом будет видно...

Мысли сумбурно ударили о черепную коробку вместе с ударами волн о борт, собрать их, чтобы проанализировать ситуацию, никак не получалось, оставалось лишь вспоминать. Алан с трудом натянул сухую рубаху и плюхнулся в гамак. Господи, когда же закончится эта качка?

– Валия, как ты?

– Ох, Алан, прошу, замолчите, – простонала женщина.

– Ничего, скоро у нас будет большой корабль и нормальная каюта, достойная королевы, – ободрил ее Алан, даже не пытаясь скрыть сарказм.

Валии о предстоящем путешествии он сообщил за рыску до отплытия, не оставив женщине ни одного шанса для возражений и интриг. Впрочем, она и не пыталась. А еще с ними в путешествие отправилась Паулина, по официальной версии Иверт нанял ее в охрану кирены, по неофициальной она должна была следить за Валией. Алан больше не собирался оставлять женушку без присмотра, особенно сейчас, когда на кону стояла жизнь его детей.

А вот Зиру пришлось оставить на попечение сыновей, такова была цена свободы Ворона и Лиса.

– Вы ведь понимаете, кир Алан, я не хочу рисковать. Вы забрали Длань и герцогиню, с нами останутся ваши сыновья и вторая супруга. Это просто обмен заложниками, ничего больше. Пока мой сын в безопасности, вашим родным ничего не грозит, – сидя в кресле у камина, сообщил ему отец Пауль.

Признавая родство с Алвисом, он показывал степень доверия Алану или... просто был уверен, что герцог не успеет об этом никому рассказать.

– Мальчики переходят под вашу руку, но если они захотят закончить обучение, а они захотят, – сказал он с нажимом, глядя в темные глаза герцога. – Мы с удовольствием примем их. Наши с вами договоренности тоже остаются в силе, если вы сможете выжить, то мы, как и обещали, займемся и вашим образованием. Кстати! Ваши разработки, связанные с плесенью, весьма занимательны. Весьма! Я попрошу вас до отъезда изложить свои мысли по этому поводу на

бумаге. И про мя-со-руб-ку тоже.

И как эти старики все успевают? В крепость они прибыли поздно вечером, всю ночь разыгрывали спектакль, а потом Алан проводил совещание, оставлял последние распоряжения, писал письма... С гостями встретились утром, но к тому времени отец Пауль уже был в курсе всех событий.

– Кто будет обедать? – раздался счастливый голос Оськи, и тут же в стену что-то глухо ударилось, похоже, кто-то из ветеранов запустил в шута мечом. – Ну и ходите голодные! А штормик кончился, вот мы сейчас с Кэпом пообедаем и пойдем дальше! Крысы вы сухопутные! Фу, вонючки!

Звонкий голос шута отдавал в висках острой болью, а мысли о еде вызывали приступ тошноты. Здесь внизу было сыро, зябко и душно, а еще темно... Низкий потолок давил, и Алан старательно дышал через рот, прикрыв глаза и накрывшись меховым плащом.

– Алан, – повернула к нему голову Валя. – Когда-то вы обещали мне подарок. Вот как, что-то он об этом не помнит.

– Я прошу, придушите вашего шута!

– Не думаю, что это поможет, – вздохнул Алан. – Он будет досаждать нам в виде призрака. Валя застонала и накрылась с головой.

– Когда вам плохо, кирена, вы становитесь очень человечной и милой.

– Идите к Вадию, ваша светлость! А это идея... Стоит попробовать.

Уйти в полусон-полуявь оказалось не так просто, как думала Виктория. Качка, грохот, скрежет и стоны не способствовали расслаблению, но постепенно сознание начало меркнуть, уходя за грань реальности.

– Главное – помнить, что это сон и что я могу им управлять. Итак... – тихонько шепнули обветренные и растрескавшиеся губы.

– Я думал, не дождусь. У меня, между прочим, день, и очень сложно пропустить звонок.

Вадий проявился прямо на стене, оглянулся, рассматривая свои руки, и искренне улыбнулся Алану. Он был как всегда бос, одет в широкие белые штаны и неуместную на фоне грязного трюма белоснежную футболку, обтягивающую поджарый торс.

– Э, нет, мы ведь с тобой договорились, – покачал он головой. – В мои сны ты приходишь Викторией.

– Так научи! – весело предложила Виктория. – Знаешь, видно, у меня что-то в голове перемкнуло, но сейчас я ощущаю себя стопроцентной женщиной. Женщиной, а не наивной двадцатилетней девочкой, – увидев довольный блеск в глазах Вадия, иронично уточнила она.

– С наивными девочками скучно.

Темный бог откровенно наслаждался разговором. Он протянул руку и предложил Алану на нее опереться.

– Это будет выглядеть пошлово, – хмыкнула Виктория, которая в этом теле была на полголовы выше. – Итак, как мне преобразовать эту нереальность?

– Силой мысли, конечно, – беззаботно посоветовал Вадий и оперся на стену, скрестив на груди руки. – Опусть ладонь чуть ниже сердца, чувствуешь тонкую вибрацию?

Виктория прислушалась, под ребрами что-то подрагивало, отдаваясь по всему телу эхом сердечного ритма.

– Сконцентрируйся, ощути, как наливается теплом орган, а затем представь, что между вейко и мозгом проходит нерв, и отправь по нему импульс, одновременно четко и ясно нарисуй картинку, которую ты хочешь увидеть.

– Между вейко?

– Вейко, веко, третий глаз, вестибуляр... у этого органа несколько названий, но мне нравится первое.

Виктория четко и старательно сделала то, что велел самозванный учитель, и с четвертой попытки окружающий мир начал меняться, исчез корабль, небо, море, рука приобрела женские очертания, а в душе разлилась эйфория.

– У меня получилось?

– Да, – кивнул Вадий, рассматривая Викторию с нескрываемым интересом. – Ты... ты похожа на себя. На ту, которая ушла в этот мир.

– Хочешь сказать, что я выгляжу, как пятидесятилетняя женщина, и тебя это огорчает? – весело поинтересовалась Виктория и оглянулась.

Они находились в лаборатории или... в больничной палате.

– Где мы?

– Ты вошла в мой сон, а не я в твой. – Вадий выглядел немного обескуражено. – Это странно... Или я тебе подыгрываю, сам того не осознавая, или Алан Валлид – самородок с мощными задатками ходока.

Как жаль, что я не могу исследовать твое тело! Даже если бы я был настоящим богом, мне не удалось бы перетащить оборудование на Землю.

– И что теперь?

– Будем работать с тем, что есть, и надеяться, что гены Валлида передадутся его детям и нам удастся возродить исследования.

Виктория прошла по кабинету и подошла к стеклянной дверце шкафа, в которой отразилась одетая в джинсы и рубашку немолодая стройная женщина с короткой стрижкой и грустной улыбкой. Видеть собственное отражение, ощущать знакомое до маленькой родинки тело оказалось невыносимо больно и печально. Виктории на миг показалось, что она самозванец, занявший чужое место. Нет, все же Вадий прав, с прошлым нужно прощаться окончательно и безжалостно. Хватит цепляться за то, чего уже нет, следует выстраивать новую жизнь, новые отношения, новую судьбу. Женщиной или мужчиной... Какая разница, если ей даны обе возможности? А ведь это на самом деле здорово, прожить одновременно две жизни. Но только на своих условиях!

– Так где мы?

Вадий оглянулся, прошел по кабинету и приглашающим жестом распахнул двери в соседнее помещение.

– Больница?

– Исследовательский центр при министерстве обороны.

– Кто бы сомневался, что военные подгребут под себя ваши знания, – фыркнула Виктория и подошла к окну, но ничего не увидела, только белый плотный туман.

– Я могу показать тебе только то место, в котором сейчас нахожусь сам, а вот ты сейчас, как ведущая этого эпизода, можешь показать любое знакомое тебе место. Это очень зыбкая часть науки и больше держится на воспоминаниях, а не на реальной картинке.

– Что-то типа воспоминаний под гипнозом?

– Да, это хорошее сравнение.

– Расскажешь, чем вы здесь занимаетесь?

Квадратный светлый кабинет походил на гибрид операционной и палаты интенсивной терапии. Большую его часть занимал огромный яйцеобразный прибор, от которого во все стороны шли толстые провода и трубки, присоединенные к более мелким, но не менее непонятным приборам, часть проводов уходила в стерильно белые стены, часть

черными змеями стелилась по полу.

– Мы не боги, Виктория, – улыбнулся Вадий, проводя кончиками пальцев по глянцевой поверхности «яйца». – Мы просто немного не такие, как люди этого мира, но с утратой наших тел некоторые вещи стали и нам недоступны.

– Например?

– Например, легко перемещаться из тела в тело. Знаю! – Он поднял руку, увидев, что Виктория хочет съязвить. – Ваши шаманы могут это делать и без вейко, мы тоже можем, но это довольно сложно и не очень эффективно. Зато мы смогли восстановить по памяти один замечательный прибор... Но это отдельная история, расскажу как-нибудь. При его помощи смогли перенести твое сознание в тело Валлида.

– Сознание...

– Угу. Предвидя твой вопрос, отвечаю, себя переселить так далеко мы не можем. Нужно, чтобы один был у аппарата, а второй послужил маячком-симбионтом в теле, куда надо принять новый разум. Но если к нам присоединится еще несколько человек, то перспективы вырисовываются весьма обнадеживающие и не менее пугающие.

Он улыбнулся.

Вадий рассказывал, все больше увлекаясь, и в какой-то момент Виктория поняла, что ей это тоже интересно, хотя и не очень понятно... Он говорил с таким азартом, что невозможно было не заразиться энтузиазмом и не включиться в беседу. И вот они уже склонились над планшетом, касаясь друг друга плечами, и с воодушевлением начали рассматривать схемы, фотографии, строгие медицинские заметки...

– ... ты же понимаешь, что мы потратили на это не один год и даже не десять, но у нас в итоге получилось. Ты была третьим успешным экспериментом.

– А сколько было безуспешных?

– Много, но это не столь важно, – отмахнулся Вадий. – Главное, что у нас получилось.

– А еще вам интересен сам процесс, вряд ли у вас так уж болит душа об оставленном мире, но чувствовать себя богами и вершителями судеб - это так вдохновляюще.

Мужчина замолчал, глядя в стену. Темные глаза, внимательные и ироничные, горделивый и немного надменный профиль, черные

ВОЛОСЫ...

– Кем ты был в своем мире? До того, как уйти?

– Ты ведь не о профессии сейчас? – Кривая усмешка на губах и совершенно серьезный взгляд. – У нас чтити традиции и соблюдали строгую иерархию. В мое время миром правили касты, и моя семья принадлежала к высшей.

– А внешность? Как ты выглядишь?

Ей действительно это было интересно.

Виктория протянула руку и провела подушечками пальцев по высоким скулам, от виска и вниз к подбородку. Вадий прикрыл глаза и рвано вздохнул.

– Ты видишь мой последний образ, это тело я покинул много веков назад, сейчас я выгляжу по-другому.

– Когда-нибудь мне захочется это узнать. Он перехватил ее ладонь и прижал к щеке. – Когда-нибудь...

– Алан! Алан! Да чтоб вас! Очнитесь, несносный вы мальчишка!

– Валяя, сколько вам лет? И не нужно лупить меня по щекам, я уже проснулся.

– Вы не реагировали ни на что! Я думала вы умерли, – Женщина пошатнулась и уцепилась за качающийся гамак, когда «Шустрик» со скрипом накренился, и тут же зажала рот ладонью. – У меня огромное желание прыгнуть за борт! – Она упала животом на гамак и затихла. – Если вы хотели мне отомстить, то вам это удалось сполна.

– Ну что вы, Валяя! – улыбнулся Алан. – Я еще и не начинал.

– Я вас ненавижу!

– Я это как-нибудь переживу.

Герцог накрылся с головой и на этот раз заснул без сновидений.

Через сутки «Шустрик» бросил якорь в прибрежных водах Игушети, и еще через два часа пошатывающиеся и изнуренные тяжелым переходом люди ступили на твердую землю. Последними из лодок выбирались женщины, Алан протянул герцогине руку, помогая переступить через высокий борт, а Иверт, не утруждая себя изысканными манерами, просто подхватил пискнувшую Паулину на плечо и, легко прыгая по камням, перенес ее на берег.

– Эй, Ураган, ты про меня забыл! – заорал шут, размахивая руками и подпрыгивая так, что лодка раскачивалась, грозя перевернуться. – У меня ножки коротенькие! Я тоже хочу на ручки!

– Цепляйся!

Ворон присел перед шутком, и тот быстро вскарабкался послушнику на спину, уцепившись за него всеми четырьмя конечностями и при этом так довольно улыбаясь, словно выиграл миллион.

– Добро пожаловать в Виктоград, ваша светлость, – ехидно произнес Алан, наблюдая, как к ним спешит конный отряд. – Надеюсь, вы полюбите этот город, как люблю его я.

– Город? – Валя окинула взглядом пустой берег. – Но я не вижу никакого города.

– Если будете умницей, то увидите через пару лет.

– Хотите сказать, что я проживу эту пару лет? Валя отработанным жестом взяла мужа под руку.

– Вы будете хорошо смотреться на троне по правую руку от меня, – склонился к ней Алан. – В голубом платье под цвет ваших холодных глаз.

– Обычно королева сидит по левую руку от мужа. Валя глубоко вдохнула пахнувший солью воздух.

– Мы изменим правила. Одна женщина для сердца, вторая – для власти. Вы ведь предпочтете власть, не так ли, моя дорогая?

– Вам виднее, муж мой, – со всем доступным ей сарказмом парировала кирена.

К ним подскакали всадники в цветах Осколка, от кавалькады отделился высокий воин в расстегнутом кожаном.

– Мой вождь! – Серый соскочил с лошади и бросился к Алану, обветренное лицо сияло, а в глазах горела неподдельная радость. – Наконец-то! Кир Алан, как мы вас ждали!

Искренняя радость в глазах наместника растопила зачерствевшее сердце теплом. Алан почувствовал, что вернулся домой.

– Дом, милый дом... – Он повернулся к Серому и крепко его обнял. И плевать на ошарашенные лица окружающих! – Ну, не томи, рассказывай!

– В Осколке вас ждут Сарх Гривастый Волк и храмовники, все в сборе. Завтра собирается совет старейшин, надо это дело переговорить, что да как... кому морду бить, значацца, кого под горой прикопать, а кому подарки раздавать.

– Смотрю, ты уже освоился.

Алан похлопал наместника по плечу.

– Так вашим именем правлю, сир. – Серый глубоко вздохнул, окинул взглядом подошедших воинов и широко улыбнулся. – Ксенята-то наши живы...

– Теперь они по-настоящему наши. – Алан оглянулся на еще зелёного от качки Лиса. – Лошадей нам привели?

– Вам привели, а вот киренам вашим возок не приготовили, кир Алан. Не думал, что вы женщин привезете.

– Это моя жена, Серый. – Алан подхватил Валию под руку и повел к стоящим чуть в отдалении лошадям. – Кирена Валия, герцогиня Вас'Хантер, мать Турена Ли.

– С прибытием, ваша светлость. – Серый бросил на женщину заинтересованный взгляд и склонил голову в почтительном поклоне. – Ездите ли вы верхом или будете ждать, пока подадут возок?

– Несколько лет назад я вполне сносно держалась в седле, – спокойно ответила Валия. – Но после пяти дней качки, боюсь, из меня неважный наездник.

– Отправь человека в крепость за повозками, все равно «Шустрик» надо разгрузить. Мы привезли масло и ткани.

– Караван уже в пути, сир.

– Паулинка! – раздался веселый голос Иверта. – Хочешь, покажу место, где меня чуть не пристрелили и где мой вождь закрыл меня от стрелы своим телом?

– Я покажу! – влез в разговор неугомонный Оська.

– Тебя же там не было.

Ворон расстегнул плащ и с улыбкой смотрел по сторонам.

– Как это не было? Я за камешком прятался! А Рука - вжух! Как выстрелил, как убил гада! Я все видел!

Алвис никак не отреагировал на это заявление, лишь дрогнули ресницы, и на губах промелькнула мимолетная усмешка, значение которой понял лишь герцог. Длань лежал на носилках, укрытый несколькими шубами, и делал вид, что дремлет. Остальные обступили Серого, наперебой расспрашивая о последних новостях.

– Вы действительно закрыли горца собой? – тихо спросила Валия.

– Это получилось случайно.

Алану не хотелось вспоминать, потому что как бы он ни сопротивлялся, а где-то очень глубоко в душе воспоминания об этом периоде жизни что-то бередили в душе, что-то порочное и

неправильное, то, что ему хотелось забыть.

– Вы удивительный человек, ваша светлость. – Валия задумчиво смотрела на море. – Я не знаю, что от вас ожидать в следующее мгновение, какие еще тайны мне раскроются, что я узнаю, и как это повлияет на мою дальнейшую жизнь.

– Ты слишком много анализируешь, живешь разумом, а я живу сердцем. К сожалению...

– Я вас боюсь.

– Это хорошо. – Алан склонился ниже и выдохнул ей в губы: – Тебе стоит меня бояться, Валия, я не прощаю предательства, ты или со мной или против меня, третьего не дано. Выбери правильную сторону.

И он легко поцеловал ее.

Просто коснулся мимолетной лаской, обозначая свое присутствие и свою власть. Женщина не отшатнулась, не дернулась, только принужденно улыбнулась.

– Я подумаю над вашими словами, Алан.

– Подумайте, Валия, подумайте. У вас пока есть на это время.

В Осколке их действительно ждали. Топилась баня, с кухни неслись умопомрачительные запахи, а в воротах стояла...

– Ворожея! – Алан соскользнул с лошади и подхватил друиду на руки, прижимая к себе. – Как же я соскучился!

– Отпусти, ирод, кости ломаешь! – Ворожея сердито стукнула его по спине, но в глазах у нее мелькнула радость. – Воняет от тебя, как от козопаса.

– Я тоже тебя люблю, Снежка, – шепнул Алан. – Я тебе кое-что привез, думаю, понравится. Как у тебя дела? Как муж? Что нового?

– Слишком много вопросов. – Ворожея отодвинулась, внимательно осматривая Алана. – Ну, не так страшно, как я ожидала. Где больной?

– Откуда знаешь?

– Пауль прислал весточку, – хмыкнула женщина и поправила платок. – Скажи своим парням, чтобы в баню сразу шли. И Руку пусть туда несут, я сейчас приду. Твоя?

Она кивнула на Валию, которой Ворон помогал выбраться из повозки.

– Мать Турена.

– Она тоже была на берегу реки Забвения, как и ты, Алан, но ты получил дар и вторую жизнь, а она оставила там сердце.

– Думаешь, ей уже ничего не поможет?

– Не знаю, герцог. – Ворожея положила ладонь на его грудь. – Ты мне скажи, если здесь лед, то сможет его растопить огонь? А теперь марш в баню!

Алан перехватил сухонькую ладонь и прижался к ней губами.

– Я рад тебя видеть, вредная женщина.

– Я тоже тебя люблю, Алан.

Старые покои Алана вымыли, натопили, застелили постель чистыми накрахмаленными простынями, на столик поставили кувшин с вином и блюдо с пирожками. Валяя, в шерстяном платке и теплом халате поверх ночной сорочки, замерла у камина, протянув к нему руки, Паулина стояла у двери, расчесывая мокрые волосы. Алан вошел без стука, окинул взглядом помещение, улыбнулся печально, вспоминая, как рисовал углем на стене рожу Вадия и пил с ней на брудершафт. Казалось, прошло десять лет, а ведь это было совсем недавно...

– Валяя, ужин подадут в комнату, прошу не покидать спальню. В крепости слишком много посторонних.

– Волнуетесь обо мне, Алан? – ехидно поинтересовалась женщина, не поворачивая головы. – Или боитесь, что я смогу заключить сделку с вашими врагами?

– Остерегаюсь, – кивнул Алан. – Завтра начнут съезжаться местные владельцы и вожди горцев, ты будешь встречать со мной гостей.

– В качестве кого?

– В качестве моей второй жены. – Алан не смог удержаться от тени легкой издевки в голосе. – У горцев гаремы – часть культуры, думаю, завтра мне попробуют навязать еще парочку женщин, поэтому я очень надеюсь, что ваш надменный и холодный вид отобьет у вождей желание отдавать нам на растерзание своих дочерей. Главное, не улыбайтесь приветливо.

– Вы придете ночевать?

Ледяной голос никак не вязался с доброжелательной и кроткой улыбкой герцогини.

– Нет, у меня много дел. Приятной ночи, кирена. – Он слегка поклонился. – Паулина, твоя постель в соседней комнате.

– Там же разместился Иверт, – удивилась Паулина.

– Именно, – многозначительно нахмурил брови Алан и, подмигнув девушке, вышел.

Иверта он понять не мог, точнее, понимал и даже где-то одобрял, но чувствовал себя предателем и соучастником, словно сам лично держал свечки над кроватью друга. Но молчал. Один раз он задал Иверту вопрос, какого черта тот не пропускает ни одной юбки, ведь он встречается с Маей? На что получил расплывчатый и многословный ответ, весь смысл которого сводился к словам: « Орлы в неволе не размножаются». В результате Алан махнул рукой и не лез в личные дела своего советника.

В кабинете его ждали.

– Добрый вечер! – Алан обвел взглядом разношерстную компанию.
– Я очень рад вас видеть живыми, здоровыми и готовыми к разговору.

– А мальчик растет, – проскрипел отец Жириш. – Садитесь, кир Алан, садитесь, и, пожалуй, приступим...

Как хотелось просто посидеть, поболтать, выпить пару бокалов вина, вспомнить прошлое, обсудить будущее... Но вместо этого он опять идет по минному полю на тонком льду, опять лавирует между друзьями и противниками, опять принимает решения, от которых зависят жизни людей и его собственная жизнь. А еще Алан заметил, что исчез страх, боязнь ошибиться и навредить, стало проще отправлять людей на смерть, да и сама жизнь уже не казалась тем, за что нужно бороться. Новые сведения и откровенный разговор с Вадием сместили не только сознание, они сделали сам факт смерти просто очередным этапом, отрезком бесконечного существования... И это пугало. Виктория никогда не была фаталисткой, всегда любила жизнь, дышала полной грудью, до самой «смерти» не потеряла интерес к миру, людям, новому. А сейчас она спокойно выслушивала доклад брата Турида, который скрупулезно собрал статистику по смертности среди рабов и по затратам на их содержание, внеся это в статью бюджета в той же графе, где учитывался фураж для лошадей и мясо для тау.

Боже, во что ты превратилась, женщина? Как быстро слетел лоск цивилизации, выпуская вперед инстинкты выживания. Мотылек-однодневка летит к свету, который его убьет. Как и он, ты усердно машешь обгоревшими крыльшками, стремясь к гибели, но как иначе? Пока у мотылька есть крылья, он летит...

– ... близкую воду нашли в пяти местах, в низине будет пруд, остальные используем как колодцы...

– Кир Алан, вы нас слушаете? – тихий голос отца Жириша вывел из

задумчивости.

– Простите, отвлекся. – Алан потер виски. – Я бы хотел увидеть все собственными глазами.

– Вы хотите отправиться сейчас? – Турид многозначительно посмотрел на сумерки за окном, затем перевел взгляд на докладчика, брата Остипа, мастера по водопроводу, и покачал головой. – Как всегда, не очень умное решение, кир Алан, – не удержался он от подколки.

– Турид, ты все такая же язва. – Алан усмехнулся. – Только щеки наел, а так совершенно не изменился. Думал, семейная жизнь сделает тебя добрее.

Взывающий презрительно фыркнул, но, заметив укоризненный взгляд отца Жириша, промолчал.

– Покажи смету.

Алан протянул руки к бумагам.

– Список затрат? – уточнил брат Турид, давно привыкший к манере герцога изъясняться непонятными словами, смысл которых собеседники чаще всего улавливали интуитивно.

Алан кивнул и углубился в стройные колонки букв и цифр, записанные аккуратным округлым почерком Взывающего. Да, это не его печатные каракули, которые Алан сам разбирал с трудом, каллиграфический почерк брата Турида вызывал эстетический оргазм. Вот как можно так чисто и красиво писать допотопным пером и чернилами?

В общем, город худо-бедно строился, правда, началось строительство с постройки храмового комплекса и поселка вокруг него, учителя, не стесняясь, воспользовались предоставленными возможностями и не ограничивали себя. Их мини-город в городе был уже почти отстроен. И почему Алана это не удивило?

– Ватикан, – ухмыльнулся Алан, рассматривая план «духовной обители». – Отец Жириш, поверьте опыту моего прошлого, вам следует огородить больше территорий уже сейчас, через сто лет земля в Виктограде будет стоить огромных денег, вокруг вашей Обители вырастут дома, и расширяться можно будет только под землю. Подготовьте документы о дипломатическом, военном и научном сотрудничестве между Игушетией и вашей школой. И дайте уже ей нормальное название, которое можно будет перенести потом на всю вашу территорию. Что не так? – Алан поднял глаза на притихших

собеседников. – Ватикан – город-государство, назван в честь холма, на котором расположен.

– И где находится такой город? – Брат Турид пожевал губами и вперил в герцога недовольный взгляд. – Где вы услышали это название?

– В сказаниях Океании, естественно, – с абсолютно честными глазами беззаботно ответил ему Алан. – Отец Жириш, постарайтесь сделать это до моего отъезда.

– Вы хотите отделить нас от государства?

– Конечно! – Улыбка Алана стала шире. – Но только вас! Храм будет подчиняться верховной власти, а именно – мне.

– Вы не теряли времени даром, кир Алан.

– Я следовал вашим заветам.

– Это которым?

Старый ксен откинулся на спинку жесткого стула и с удовольствием наблюдал за Аланом.

– Учиться уму и интригам.

– Похвально, – задумчиво протянул Учитель.

На изможденном лице жили лишь темные умные глаза, и их цепкий взгляд вызывал у Алана желание сигануть под стол. Отец Жириш был намного опаснее старика Пауля, и герцог его серьезно остерегался. Если отец Пауль был силой, то отец Жириш – мозгом организации.

– Зверь сорвался с поводка, – тихо произнес Учитель, ни к кому не обращаясь. – Не буду лукавить, что мне не нравятся изменения. На все воля Ирия, но я буду молить его о жизни до того момента, когда вы сядете на трон империи.

– Империи? – Алану показалось, что он ослышался. – Но Галендас – всего лишь королевство.

– Мальчик мой, вы ведь не остановитесь на этом?

Объединить под своей рукой крупные королевства материка? Но зачем? Чтобы детям не пришлось воевать. И если не повторять ошибки земных правителей, то, возможно, у этого проекта есть будущее...

Следует хорошенько все обдумать... потом... когда найдется Корона Королей, и если голова останется на плечах.

– Мой вождь, – подал голос Иверт и широко зевнул. Горец тихо сидел в углу рядом с Серым и в разговоре участия не принимал, лишь слушал и иногда кивал или возмущенно сопел на едкие замечания Турида. – Отец желает говорить с тобой перед советом, а сейчас... – Он

опять зевнул и совсем по-детски закончил: – Можно я спать пойду?

Алан удивленно уставился на друга, не сразу сообразив, о чем речь.

– Ты спрашиваешь у меня, можно ли тебе идти спать? – уточнил он недоверчиво.

– Да, мой вождь, и тебе советую перестать тереть глаза и пойти утешить белогрудую красавицу с холодными глазами.

В звенящей тишине тихий смех отца Жириша показался растерянному герцогу раскатом грома.

– Ступайте все отдыхать, а вас, Алан, я попрошу остаться, – отсмеявшись, произнес старый ксен.

– Вообще-то это моя фраза, – пробормотал Алан, следя, как остальные участники разговора быстро покидают кабинет, словно боятся, что дотошный герцог опять начнет задавать сто один вопрос и требовать подробного отчета.

– Кир Алан, – доброжелательно улыбнулся отец Жириш, когда Серый осторожно прикрыл двери кабинета. – Я хотел поговорить о вашей дочери.

– О Ваське? – удивился Алан. Нет, он помнил, что у него есть дочь, но... не вспоминал о ней. – С нею что-то случилось?

– Нет. Но у нас появились планы на этого ребенка. Позвольте, я расскажу?

Алан сел за стол и сложил руки на груди, в сердце кольнуло нехорошим предчувствием, что еще придумали эти старые интриганы и причем здесь его внебрачный ребенок?

– Я вас слушаю.

Через четверть рыски Алан начал беситься, еще через треть – задумался, а потом согласно кивнул.

– Надеюсь, вы понимаете, что девочке только десять лет. – Герцог потер виски, голова начала болеть еще раньше, но сейчас боль достигла апофеоза, и все, чего хотелось, это упасть в кровать и накрыться с головой, и чтобы никто не жужжал над ухом монотонным менторским тоном. – Для меня ранние браки вообще нонсенс. Бессмыслица, – пояснил он, увидев вопрос в глазах отца Жириша.

– Для девочки это лучшая доля, признав ее дочерью, вы изменили судьбу ребенка, да и вам этот брак поможет укрепиться на фронтире.

Да уж, изменил судьбу... Лишил ребенка семьи, знакомого мира, привычного будущего, сделал изгоем среди своих, но при этом не помог

приблизиться к чужим. Виновен перед ней, еще как виновен.

– Хотите с ней поговорить?

Отец Жириш понимал, о чем думает хмурый герцог, и в его голосе Алану послышалось сочувствие. Интересно, притворное или настоящее? Способны ли такие циники как Учителя испытывать чувства, кроме холодного расчета?

– Не поздно ли?

– Когда девочка узнала, что вы прибыли, она не стала ложиться. Кир Алан, она ждет вас, – мягко и слегка укоризненно произнес бывший наместник.

– Мне нужна ворожея. – Алан сжал голову ладонями, с тоской вспоминая аспирин. А ведь когда-то это медицинское чудо казалось Виктории чем-то совершенно обыденным. – Я просто не могу сейчас соображать.

Отец Жириш вздохнул и, кряхтя, полез под сутану, достал маленький пузырек темного стекла, узловатыми пальцами вытащил плотную пробку и протянул Алану.

– Только этим и спасаюсь.

По кабинету поплыл приторный запах жженого сахара, Алан осторожно взял теплый пузырек, поднес к глазам, легонько взболтал и пошутил:

– Яд?

– Старый я уже, ноги болят, а эта травка снимает боль, правда, от нее немного пьянеешь, но это такая малость,

– махнул старик рукой. – Пять капель на кружку воды, вам хватит. Выпейте и ступайте к дочери, кир Алан. Ступайте. Об остальном завтра поговорим, сегодня вы уже не сможете принимать правильные решения.

Моментально после этих слов подняла голову паранойя, Алан подозрительно посмотрел на Учителя, неужели тот не хочет воспользоваться возможностью и неадекватным поведением герцога? Отец Жириш все понял правильно, он грустно улыбнулся и начал медленно подниматься, опираясь руками о стол.

– Я стою одной ногой на берегу реки Забвения, мальчик мой, скоро буду держать ответ перед Вадием, мне не хочется класть на сердце еще один камень, зато очень хочется разгадать вашу загадку. Правда манит меня, как свет бабочку.

– Что есть правда, отец Жириш? – Алан решительно выпил

горькую воду и вернул старику пузырек. – Иногда ложь честнее любой правды.

Перед глазами мелькнуло лицо черноглазого бога, лгуна и манипулятора, который все же болеет за свой мир, хотя и делает вид, что просто развлекается.

В коридоре Алан сдал отца Жириша на попечение молодого ксена, выполняющего при старике роль секретаря, и, кивнув Ворону, направился в сторону своих покоев.

– Знаешь, где разместили Василию?

– Рядом с вашей спальней. Она уже прибежала, пока вы совещались. Смешная девчонка, – улыбнулся телохранитель. – Бойкая.

Алан скривился, вспоминая их последнюю встречу, тогда девочка рыдала и угрожала сбежать, что могло измениться за несколько месяцев?

– Слушай, Ворон, как думаешь, если нам изменить календарь, это будет слишком большой наглостью с моей стороны? Насколько было бы удобнее разбить сезоны на четкие месяца, привязаться к равноденствию...

Послушник покосился на Алана, принялся, потом понимающе приподнял уголки рта, обозначая улыбку.

– Настойка гриба муно. Очень дорогая вещь и очень редкая.

– И что?

– Главное, чтобы вас ворожея не встретила, будет ругаться, – понизил голос Ворон. – Очень сильное обезболивающее, но к нему можно привыкнуть.

– Наркотик.

Алан это подозревал, но не жалел, что принял помощь отца Жирища, боль исчезла, осталось лишь легкое покалывание в висках, но с этим можно было жить. Правда, и эйфории обещанной не наступило. И слава Богу!

– Где можно достать эту настойку?

– Друиды их не применяют, считают, что вреда больше, чем пользы, поэтому искать надо у купцов с Юга.

– Займешься?

Ворон посмотрел внимательно, и герцог даже слегка смутился под его взглядом.

– Просто чтобы было, мало ли, что может случиться, – пояснил он.

– Вдруг придется делать операцию. Или станет так тоскливо, что захочется наложить на себя руки...

– Это плохое решение, сир, но я попробую достать вам небольшой запас. Но сразу предупреждаю, если посчитаю, что вы стали зависимы от гриба, я приму меры.

– Я постараюсь не давать тебе повода.

– Постарайтесь. Я видел, как люди сходят с ума, когда их лишают настойки. Есть много способов веселить ум и тело, но гриб муно – худшее, что дал нам Вадий.

Видно, отец Жириш действительно стоит одной ногой в могиле, коль прибегает к такому радикальному методу лечения. Жаль старика, Алану он понравился.

Дверь в покои Василии не охранялись, и Алан сделал себе зарубку на памяти выговорить по этому поводу Серому. В небольшой комнате горела всего одна свеча, девочка сидела за столом, поджав под себя ногу, и усердно что-то писала, высунув кончик языка. На ней была беленая полотняная рубашка, поверх накинут большой пуховый платок, на маленьких ножках - валенки, толстая черная коса перевязана атласной лентой, в неровном свете сверкают камешками маленькие сережки. Увидев, кто вошел в комнату, она ойкнула и вскочила, задев рукой плоску с чернилами.

– Вот же ж, зараза! – прошептала, выхватывая со стола лист бумаги и расстроено глядя на расплывающееся по столу чернильное пятно.

– Брось, горничная приберет, – улыбнулся Алан, наблюдая за девочкой и не очень хорошо понимая, как себя с ней вести.

Даже та часть, которая была недавно Викторией, молчала настороженно и немного напряженно.

– Так не отмоется, – шмыгнула носом Василия. – Я хотела, а теперь... вы тоже... выгоните меня, да? – выпалила она, глядя на Алана повлажневшими глазами.

– Знаешь, я сам пару раз в стену чернильницей кидался. Так что пенять тебе за случайно разлитые чернила никакого права не имею.

Алан огляделся: камин, кровать, аккуратно заправленная цветастым одеялом, стол, стул да сундук, на котором лежало серое шерстяное платье с белым кружевным воротничком. Он устало сел на кровать и поманил к себе настороженную девочку.

– Ну, иди, хоть обниму.

Того, что Василия бросится в объятия, Алан не ожидал и растерялся, а когда девочка прижалась к нему и зарыдала в голос, почувствовал, как защемило сердце и дрогнула его рука, обнимающая худенькие плечи ребенка. Что-то сместилось в душе, то самое, отвечающее за материнский инстинкт и душевное тепло, то, без чего не чувствуешь себя полноценным. Как бы там ни было, а Васька его дочь, и сейчас ей очень плохо.

– Эй, перестань разводить сырость. – Он легонько погладил ее по спине. – Что-то у нас с тобой каждая встреча со слезами проходит. Ну, Вась, прекращай, чего ревешь-то?

Но девочка никак не успокаивалась, она захлебывалась слезами, подвывая и судорожно всхлипывая, и Алан не придумал ничего лучшего, чем подхватить ее на руки и выглянуть в коридор.

– Ворон, найди ворожею, пусть заварит успокоительный сбор.

– Кир Алан, зачем вы довели ребенка до истерики? – полный негодования голос Валии раздался неожиданно громко. – Несите ее сюда.

Алан занес притихшую Василию в свою спальню и попробовал опустить на кровать, но девочка вцепилась в него двумя руками и только прижалась сильнее.

– Я совершенно не знаю, как вести себя с девочками, – жалобно глядя на Валию, прошептал Алан. – У меня всегда были только сыновья!

– Кирена Василия, – строго произнесла Валия, намочив полотенце водой из кувшина и отжав его прямо на пол. – Вам следует приложить к лицу холодное, иначе глаза опухнут, и вы станете некрасивой.

– И пусть, – буркнула девочка, но полотенце взяла. Вытерла лицо, шумно высморкалась и, аккуратно сложив полотно, положила его на колени, а сама опять прижалась к Алану и еще пару раз всхлипнула. – Я не хотела плакать, – шмыгнула носом. – Оно само как-то получилось. Я хотела вам письмо написать, что буду хорошей дочкой, чтобы вы меня не выгоняли, а потом... разлила чернила, и вот...

– Тихо, тихо! – Алан прижал ее сильнее. – Ты меня утопишь! Никто тебя не выгонит. Никто и никогда! Кто тебе сказал такую глупость?

Он беспомощно посмотрел на Валию.

– Милая, кто тебя обидел?

Это Валия сказала? Алан поднял взгляд на встревоженную

женщину. Столько заботы, нежности и сочувствия... Притворяется? Но зачем?

– Василия... – Валя протянула руку и погладила девочку по темной голове. – Что тебя расстроило?

– Они сказали, что я им не нужна, что я теперь кирена, и мне нельзя ходить за скотиной, а кормить меня они не будут, если я не работаю. А еще она сказала, что всегда меня ненавидела, потому что я родилась от хозяина, что я некрасивая, черная. Это она ему сказала, а я подслушала, – сбивчиво затараторила Васька, выплескивая горькие слова, обиду, горе, захлебываясь в них и при этом отпуская, откидывая от себя прошлое. – Ко мне наш ксен приходил учить грамоте, я книжки брату читала, а она... она сказала, чтобы я уходила, что я теперь кирена, а кирена должна жить в замке, и нечего мне глотать похлебку, когда для меня кушанья будут специально готовить. А за те денежки, что вы ей дали, они дом большой справили и трех коров купили да еще раба взяли для помощи. А меня... а я... не нужная больше-е-е... Она меня не любит, потому что мне работать нельзя. Ксен сказал, что я баронесса, а не прачка. И она сама меня привела в Осколок и даже не поцеловала. Уехала в телеге...

Голос сорвался на вскрик, но Валя быстро подсунула девочке чашку с теплым травяным чаем.

– Знаешь, – глухо произнес Алан. – Она тебя любит, но не понимает этого, пройдет время, твоя мать пожалеет о своих словах.

– Она хотела для тебя лучшей доли, чтобы ты жила богато, ни в чем не нуждалась, – тихо добавила Валя. – Но она неправа.

– Я стану настоящей киреной, выйду замуж за красивого кира, рожу себе ребеночка и буду его любить, даже если он будет некрасивый! И тогда она пожалеет!

– Обязательно, милая, все будет так, как ты захочешь. У тебя два старших брата, скоро родится еще один, теперь рядом с тобой настоящая семья. Большая и дружная. Мы тебя не отпустим больше. – Валя села рядом с Аланом и обняла девочку. – Если хочешь, можешь называть меня мамой.

Герцог поднял голову и посмотрел на жену долгим взглядом, Алан даже не пытался скрыть скептицизм и удивление. Что задумала эта женщина? Он не верил в ее искренность, и Валя это понимала, потому что погладила Ваську по спине и тихо сказала:

– Меня точно так же предали родные, красиво и торжественно вышвырнув из своей жизни, наговорив много пафосных слов и пожеланий, но это была ложь. Меня просто выгодно продали. Не за корову, за нечто большее. И мне даже поплакать было некому. Я не хочу, чтобы у вашей дочери, сир, была такая судьба.

Алану показалось, что в голубых глазах мелькнула и погасла слеза, Валя отвернулась к окну, а когда повернула лицо к притихшей Ваське, ее глаза опять были сухие и холодные. Показалось.

– Вы правда меня примете?

Девочка закаменела плечами, но смотрела она только на Валию.

– Правда. Ирий дал мне шанс все исправить, – прошептала Валя и обняла бросившуюся к ней Ваську.

– Девочки... – застонал Алан и схватился за голову, в отличие от сыновей, дочь у него оказалась чересчур эмоциональная. – Ну, а теперь вы чего плачете? – спросил он с притворным ужасом.

– От счастья, кир Алан, – хихикнула через слезы Васька.

– Папа, – поправил ее герцог. – Что же, дочерей у меня еще не было, это будет прикольно, – добавил он по-русски. – И никакой свадьбы, пока не исполнится лет шестнадцать хотя бы! И пошел отец Жириш к демонам со своими матримониальными планами!

Валя подняла на него лицо и улыбнулась чуть застенчиво и растерянно, она сама не верила, что только что сбросила на мгновение маску безучастной ледышки.

– У меня словно в сердце дверь открылась. Мне так стыдно, – шепнула она. – Я должна написать Турену. Какая же я была дура!

– О да... – Алан потянулся. – Васька, залезай под одеяло, поговорим завтра, а сейчас спать пора. Кирена, на пару слов?

Василию уговаривать не пришлось, она быстро поползла по кровати и нырнула под одеяло, накрывшись с головой, спряталась в домике и притихла, только сопение выдавало ее лежку.

– Валя, ты ведь понимаешь, сказанное нельзя вернуть в рот, – начал тихонько Алан, когда они вышли в коридор. – Мне бы не хотелось, чтобы твои слова были ложью. Девочка и так пережила стресс... потрясение, и еще одно предательство может ее сломать.

– Ах, Алан, – довольно жестко перебила его Валя. – Пусть вас это не волнует, в наших отношениях ничего не изменится. Но девочку я возьму под свое покровительство, хотите вы этого или нет. Ваши

манеры оставляют желать лучшего, вы ничему не сможете научить этого ребенка. Вашей горянке тоже еще учиться и учиться, я же смогу воспитать истинную аристократку.

– Как Эвелин? – ехидно поинтересовался Алан.

– Эвелин попала в мои руки довольно поздно, – холодно заметила Валя и вдруг улыбнулась. – Вы ведь рады, что не вам придется заниматься дочерью?

– Я рад, что вы приоткрыли раковину, кирена, и показали сегодня кусочек своего сердца, а то подозревал, что у вас его нет.

Валя сделала короткий шаг вперед и опустила обе ладони на грудь застывшего от неожиданности герцога.

– Вы себе не представляете, как мне сложно возвращаться, доверять вам, вашему окружению, даже собственному сыну. Я до сих пор не могу понять, какие мотивы движут вашими поступками.

– А вы не допускаете, что у меня нет мотивов, что я просто живу? – Алан снял изящные ладони со своей груди и подвел кирену к двери. – Что я такой, какой есть?

– В это поверить еще сложнее, – вздохнула Валя.

– Придется. – Алан поцеловал холодное запястье и открыл дверь. – Приятных снов, жена моя.

– А вы?

– Я приду позже.

– Я буду ждать, – шепнула она и залилась румянцем.

– Валя, ты меня пугаешь.

А может, ну его все к чертям? Красивая женщина, мягкая кровать, теплая комната. Зачем куда-то идти, что-то решать? Разве он не устал?

– Знаешь, а ты права. Дела никуда не денутся, пошли спать! И все равно я тебе не верю, – шепнул он тихонько, на мгновение прижимая женщину к себе.

– Я вам тоже. – Валя обняла его за шею и осторожно поцеловала в щеку. – Но это ведь не помешает нам стать хорошими родителями?

– А может, заведем еще одного ребенка?

В глазах Валии мелькнуло смятение, и Алан довольно рассмеялся. Ему нравилось дразнить эту женщину. Пока просто дразнить, а дальше видно будет, во что перерастет их противостояние: в дружбу, ненависть или что-то большее? Думать об этом сейчас не хотелось, хотелось рухнуть на кровать, закутаться в одеяло и наконец закрыть глаза.

Похоже, его все же догнал откат от лекарства отца Жириша...

Но Валия его сегодня удивила, неужели что-то растаяло в сердце ледышки? Нет, нет, это просто очередная игра, поэтому расслабляться рано. Но как было бы замечательно растопить лед и увидеть настоящую герцогиню Вас'Хантер.

Серьезная Паулина разбудила герцога, когда небо над морем только начало сереть. Алан открыл глаза сразу, моментально выскальзывая из сна, тело звенело от переполняющей его энергии, голова была на удивление ясной - ни следа от усталости последних дней. Действие настойки из гриба муно? Тогда Алан понимает, в чем ее ценность, и, пожалуй, не предупреди его Ворон о последствиях, позаботился бы о хорошем запасе волшебного средства.

Валия тихо спала рядом, прижимая к себе свернувшуюся калачиком Василию, выглядели обе такими милыми и безмятежными, что Алан на мгновение умилился. Во сне лицо жены казалось совсем юным, расправились жесткие складки в уголках губ, исчезла резкость и строгость черт. Жаль, что в жизни женщина старательно отыгрывала роль холодной стервы. Алан вздохнул и, стараясь не разбудить своих девочек, выбрался из-под теплого одеяла, знаками показывая Паулине, что одеваться будет в соседней комнате. Женщина кивнула, собрала в охапку его одежду и бесшумно вышла, Алан подоткнул одеяло, еще мгновение полюбовался на спящих и покинул спальню.

Может быть, присутствие Василии сможет растопить лед в их отношениях? Не хотелось бы провести жизнь в постоянной тревоге за свой тыл, да и жалко Турена... Хотя пункт «отправить Валию в первый же построенный монастырь» занимал в списке возможных вариантов первое место.

– Кир Алан... – Паулина отвела взгляд. – Если вы хотите, чтобы я и дальше работала с вами, оградите меня от Иверта Урагана.

Алан нахмурился, не совсем понимая, что именно хочет от него Паулина, а когда понял, то зло спросил:

– Разве ты была против?

– Я никогда не хотела этого, – спокойно ответила ему женщина. – Но горец не понимает слова «нет», чем больше ему отказываешь, тем настырнее он становится, поэтому я предпочту уйти, чем отбиваться от не нужного мне внимания.

– Он тебя изнасиловал? – глухо поинтересовался Алан, понимая,

что от хорошего настроения не осталось ни следа.

В душе поднимала голову Виктория, и именно ее злость сейчас затапливала взгляд черным туманом.

– Нет. – Паулина не стала притворяться жертвой. – Но, поверьте, мне это далось непросто. Не думаю, что вас бы порадовал труп советника.

– Где он?

– Берт ждет вас в соседней комнате, Иверт Ураган - на полосе препятствий.

Паулина с достоинством поклонилась и вернулась в спальню, а Алан, чертыхаясь и негодуя, резко толкнул дверь и увидел, как Берт схватился за нос.

– Подслушивал? – зашипел герцог, сжимая кулаки. – Давно плетей не получал? Так я напомним, что это такое. – Он схватил слугу за рубашку и хорошенько тряхнул. – Совсем оборзел, гаденьш?

– Кир Алан, – испуганно затараторил Берт. – Я дверь открыть хотел, воду принес, чтобы побрить вас. Я ничего не слышал! Ирием клянусь! Не убивайте!

Алан глубоко вздохнул, медленно, почти болезненно разжимая пальцы. Что за?.. Откуда эта вспышка ярости? Да, его взбесили слова наемницы, Виктория сталкивалась с жертвами насилия, и ее память хранила много ужасных воспоминаний, она ненавидела насилие. Любое. И готова была кастрировать насильников тупым ножом.

Но ведь ничего непоправимого не произошло, так откуда такая бешеная реакция? Может, ревность? Нет... Это другое. Это из-за Васьки, промелькнувшая на периферии сознания мысль о бесправии женщин в этом мире, мимолетный страх о дочери, которую вот так, походя, может возжелать какой-нибудь мудака... Вспомнились затравленные глаза Неженки до того, как он стал Леонардо и поверил Алану.

– Прости, – произнес герцог глухо, садясь на стул и подставляя лицо под остро заточенный нож, которым Берт сбрасывал ему щетину. Опасно близко от шеи, но Алана это давно не волновало. – Сорвался.

– Давно вы не злились, – нервно хихикнул слуга. – А что такое гаде-ньш?

– Сын змеи, – хмыкнул Алан.

– Хорошее слово, не ругательное. Сплетни вам рассказывать?

– Расскажи, – чтобы отвлечься, согласился Алан.

Берт давно заменил ему радио, с удовольствием пересказывая местные новости.

– ... а еще Лис сегодня с отцом Жиришем разговаривал, а потом долго стоял и смотрел в стену. Оська с ворожеей у раненого нашего ночь провели, ворожея вас видеть хотела поутру. Велела сказать. Оська к нынешней кухарке подкатывал, а Серый его гонял, говорят, сам на нее глаз положил. Дочку вашу мамаша ее сразу, как мы уехали, привезла, сгрузила у ворот да дала деру. Серый потом к ней ездил, сказал, что после этого отчим за девочкой приезжал, да Серый его велел гнать кнутом, чтоб дорогу забыл. Да еще пригрозил, что спалит дом, если появятся. Мелкие они людишки, жадные. Небось, хотели еще золота выторговать. А девочка хорошая, всем тут приглянулась. Иборг к ней приезжал пару раз, верхом ездить обещал научить. Гривастый Волк явно на нее глаз для младшего сына положил, чтоб вы знали.

– Знаю, Берт. Мне вчера отец Жириш это сказал.

– Отдадите замуж за горца?

– Рано ей еще.

– И то верно.

– А скажи мне, что Иверт и Паулина?

Неприятным холодом кольнуло в груди, очень не хотелось разочаровываться в друге.

– А что они? Иверт проходу ей не дает, а она на него только зыркает. Не даст она ему.

– Уверен?

– Да что я, баб не знаю? Эта по углам зажиматься не будет, гордая очень. Хотя и не девка.

– Подкатывал?

– Ну... – Берт смущенно почесал затылок. – Она мне нож к яйцам приставила и пообещала отрезать, если еще раз руки распущу. А я что? Я всего-то за задницу ущипнул! Даже не пощупал!

– Подозреваю, что просто не успел. – Алан подождал, пока Берт подаст тяжелый теплый плащ. – Найди Иверта и скажи, что я его жду у Волдеморта, завтрак туда подай.

Берт понимающе кивнул. С тех пор как они вывезли Алвиса из Белой крепости, имя Длани было под запретом, и с легкой руки Алана в этом мире появился Тот Кого Нельзя Называть. Ненадолго, лишь до тех пор, пока они не выедут из Игушети, а дальше... дальше Алан не

загадывал.

– Доброго утречка, сир. – Серый ждал его на улице. – Наши подтягиваются из Крови и Рогана, к обеду будут. Горцы нервные последнее время, два нападения на наши заставы – молодежь из мелких племен, оба раза повязали да к отцам отправили. Не убивали, как вы и приказывали, но виру взяли, чтоб неповадно было. Мехаами, в основном. Больше обидно, чем польза. Из сильных племен пока не лезут, но беспокойно мне что-то. Привыкли они по весне друг другу глотки резать, как бы не решили, что мы им по зубам.

– Не полезут, не до того им будет. Со Стархом встречусь после завтрака, потом прикажи мне коня седлать, хочу посмотреть город. Брат Турид еще здесь?

– Где же ему быть? Он за отцом Жиришем как привязанный ходит, – улыбнулся наместник.

– Скажи, будет меня сопровождать. Ксенят возьму и Иверта. Да приставь охрану к Ваське и моей жене.

– Кир Алан, – тихо спросил Серый, когда они вышли за ворота. – Правда, что у вас две жены? Или врут морские люди?

– Правда, Серый. – Герцог внимательно всмотрелся в обветренное лицо своего наместника. – Осуждаешь?

– Да что вы! Никак нет! Переживали мы тут за Зиру, – бесхитростно ответил тот. – Полюбилась она всем. Тихая, скромная, да внутри нее такой вихрь, что не обуздать. Истинная дочь гор. Я тут тоже горянку присмотрел из ваших амазонок, коль не будете против, то разрешения на свадьбу испрашиваю. Как вернемся из столицы, так и женюсь, хватит мне уже по чужим койкам валдахаться, пора и о детях подумать.

– Не возражаю. Коль любя тебе женщина, то бери.

Алан знал, что горянки лучше умрут, чем выйдут замуж против воли, поэтому даже не сомневался, что в этой семье все будет по согласию.

– А что ксен наш в Крови?

– Да вот не знаю, что и сказать, – развел руками Серый. – Учтив, спокоен, а что у него на сердце, сам Вадий не разберет.

Иверта они нашли раньше Берта на покойницкой полосе, горец махал яташем, гоняя по утопанной грязи троих салаг. Алан любовался немного на разгоряченных боем парней, а потом

решительно сбросил на плетень плащ. Ярость привычно легла в руку, герцог оскалился и вышел на тренировочную площадку. Злой и с огромным желанием надрать другу уши или хотя бы задать хорошую трепку.

– Эй, советник, есть у меня к тебе пара вопросов.

Он атаковал Иверта без предупреждения, жестко, быстро, агрессивно. Серый свистнул, и его бойцы отошли за загородку, издали наблюдая за боем, в котором не было ни на йоту ученического снисхождения и азарта. Алан нападал серьезно, Иверт едва успевал парировать и отбиваться. Со стороны казалось, что герцог решил убить своего советника, холодный гнев придавал сил и скорости. Уже давно прошли те времена, когда Алан проигрывал Иверту четыре боя из пяти, сейчас они казались примерно равны, но в руках герцога был более длинный меч, и это давало ему преимущество.

– Э, Бешеный Кузнечик, ты чего такой злой? Иверт отскочил в сторону и контратаковал.

– Какого Вадия ты пристаешь к Паулине? Тебе мало служанок? Май?

– А ты что, ревнуешь? – Алан едва успел отвести летящий в плечо клинок. – Себе ее хочешь?

– Ерунда! Мне она не интересна.

– Ты так же говорил про Маю, но сам спал с ней!

Удар ногой в бедро и стремительный быстрый по груди, Алан резко отклонился назад, поэтому клинок всего лишь распорол верхнюю рубаху.

– Я спал с ней до того, как вы стали встречаться!

Выпад, обратный хват, и навершие меча впечатывается в скулу горца. Этот прием Алан подсмотрел у Ворона, и впервые он получился, явно злость помогла. Иверт качнулся, но не упал, вытер кровь с губы и, перекинув яташ в другую руку, вновь атаковал.

– Если возьмешь Паулину силой, убью! – прорычал Алан, вглядываясь в злые зеленые глаза, пытаясь найти в них ответ - зачем?

Они столкнулись, уперлись друг в друга, разгоряченные, злые, потные, глаза в глаза, меч к мечу, грудь в грудь.

– Я не отдам тебе эту женщину, – процедил Иверт. – Эту ты у меня не отберешь!

– У тебя есть Мая!

– Мая для тела, а Паулину я люблю! – выкрикнул Иверт и, воспользовавшись замешательством Алана, нанес сильный удар под дых.

– Твою мать... – Герцог согнулся, хватая ртом воздух. – Ур-р-род... – Он с трудом выпрямился, махнул Серому, чтобы тот опустил лук, и сделал Иверту подсечку, роняя горца в грязь. – Повтори, что ты сказал, гад?

– Люблю я ее! – Иверт сел, размазывая кровь по подбородку. – Сам не заметил, как сердце стало ею. Но она меня не любит, Кузнечик. Совсем не любит, – вздохнул он и, ухватившись за протянутую руку, поднялся. – Впервые меня отвергает женщина. Обидно, да?

Алан обнял его за плечи.

– Ничего, скоро нам в бой, а когда все закончится, начнешь ухаживать как положено. Если выживешь...

– Умеешь ты утешить, вождь, – устало улыбнулся Иверт и тут же заржал. – Но как я тебя достал, а?

– Зато у меня рожа целая, – ухмыльнулся в ответ Алан.

Черт, Иверт влюбился... В наемного убийцу. Нет, с этим горцем определенно что-то не так!

Алвис был не один, рядом с его кроватью сидел отец Жириш, а на подоконнике пристроился серьезный Оська в теплой вязаной кофте на два размера больше шута. Берт накрывал на стол, увидев разбитое лицо Иверта, он подал горцу мокрое полотенце и закатил глаза к потолку.

– Кир Алан! – Длань выглядел намного лучше, исчез нездоровый румянец на щеках, глаза ярко сияли, он сидел полностью одетый, спустив ноги на пол. – Я получил письмо от Наместника. Он ждет нас.

– Нас?

Алан сел за стол, взял протянутую Бертом кружку и не спеша отпил несколько глотков тягучего медового отвара. Наместник уже в курсе, что герцог покинул Белую крепость и планирует посетить родину. Сам же Длань и сообщил, по всей видимости. И?..

– Нас, сир. Я пообещал Наместнику, что приведу вас во дворец.

– Вот как? – Теплая булочка и вареное яйцо с маслом в руках и лихорадочный просчет возможных вариантов в мозгу. – Берт, скажи, чтобы Валии и Ваське подали завтрак в комнату. Не хочу, чтобы они бродили по крепости. – Берт кивнул и выскользнул за дверь. – Регент все еще не оставил мысли посадить меня в тюрьму?

– Он хочет с вами познакомиться. – Алвис одним рывком поднял себя с кровати и сел за стол рядом с Ивертом. – Вы так вкусно едите, что не удержаться. Отец Жириш, присоединитесь?

– Я завтракал.

Старый наместник выглядел сегодня неважно: воспаленные глаза, мешки под ними, но взгляд внимательный, цепкий, любопытный.

– А я буду булочку. – Оська прыгнул с подоконника и с ногами залез на стул. – Я тут подумал... – Он набил полный рот и ожесточенно начал жевать. – Не надо прятаться, надо въехать в столицу с помпой, шумом и очень торжественно. Чтоб наспо-тихому прикопать никто не смог. А до того, как мы туда въедем, нужно шпионов запустить, чтобы в корчмах раззвонили, что едет настоящий король.

Алан согласно кивнул, он и сам собирался так поступить.

– Ваш шут прав. – Длань с наслаждением отправил в рот козий сыр, щедро макнув его в мед. – Вы прибудете не как опальный конт Валлид, а как вождь игушей, глава государства.

– Которое не признала ни одна страна мира, – хмыкнул Алан.

– Ксан Тихий признал Игушетию, и от них прибыли люди для строительства посольской тройки в Виктограде, – тихо произнес отец Жириш.

– Тройка, Алан-балан, это дом посла, дом его помощников и дом для слуг, – с умным видом пояснил шут. – Я вчера картинки смотрел.

– Для посольств нужно выделить отдельный район, чтобы все были в одном месте. Алан с сожалением понял, что есть больше не может.

– Я передам зодчим, – кивнул Учитель. – Значит, с вами поедет отряд вашего тестя, отряд наших мальчиков и отряд ваших ветеранов. Это сила, с которой придется считаться. Дальше все будет зависеть только от вас. Вы уже нашли Корону Королей?

Алан неопределенно пожал плечами, не признаваться же, что от Чупачурика не было никаких вестей, и он понятия не имеет, где искать эту чертову корону. Кстати!

– Мой городской дом ведь еще принадлежит семье Валлид?

– Точнее, вам как единственному наследнику славного рода, – иронично ухмыльнулся Алвис. Ожил гад, ехидничает.

– Отлично. Жаль, что Храм зажил перстень рода и документы на особняк.

– Что сделал? – приподнял брови Длань.

– Не отдал исконному хозяину, – миролюбиво ответил герцог.

– О, я помогу вам их получить, – вернул любезную улыбку Длань.

– Боюсь, цена за вашу услугу будет мне не по карману.

– Я ваш должник, кир Алан, – мягко напомнил Алвис, и в его глазах мелькнуло сожаление. Искоряющему явно не нравилось быть должником герцога.

– Сочтемся.

– Кир Алан, что вы решили насчет брака Василии с сыном Гривастого Волка?

Отцу Жиришу надоело следить за перепалкой верных врагов, и он нетерпеливо пристукнул ладонью по столу. Иверт, до сих пор молча жующий завтрак, поднял голову.

– Мне предложили отдать Ваську за твоего младшего брата, – пояснил Алан.

– За Ибога? Ну и в чем проблема? Он хорош, отдавай. Иверт опять уткнулся в тарелку.

– Ей только исполнится десять лет, – прорычал Алан.

– Ничего, поживет в племени отца, научится женским штучкам. – Ураган помахал в воздухе вилкой. – Как раз Ибог и научит.

Алану захотелось схватить горца за затылок и хорошенько приложить лицом о стол раз так пять. Но он сдержался, Иверту просто сложно понять их с Викторией чувства, он вырос в другое время, в другой среде, в другой культуре.

– Вот будет у тебя дочь, я посмотрю, как тебе захочется отдавать ее чужим мужикам, – проворчал Алан и поднялся. – Я посоветуюсь с женой, поговорю с Сархом и Ибогом и тогда решу.

– Я бы советовал вам выдать девочку в другое сильное племя, чтобы заручиться поддержкой, но ... – Алвис бросил быстрый взгляд на Учителя. – Но коль Сарх и тут всех обошел...

Он развел руками.

– Я еще не решил, – с нажимом повторил Алан, начиная закипать. – Ей десять лет! Десять, мать вашу!

– Ты чего кричишь? – Иверт тоже поднялся. – Бешеный Кузнечик, это просто договоренности, а не свадьба, может, ей еще Ибог не понравится?

Мозгами Алан все понимал, но в душе ворочался и драл когтями сердце огромный злобный монстр. Это неправильно!

– Кир Алан, это политика, привыкайте, – тихо сказал Алвис.

– Даже не подумаю, – буркнул Алан и вышел, забыв, что собирался поговорить совершенно не об этом.

Глава 15

И попытался Вадий коварный обмануть Ирия

и отобрать у него женщину,

но узнал об этом светлый бог и спрятал её

в другом мире, в другом теле,

под другим именем.

Но Темный брат был упрям,

он осушил море, снес горы,

но нашел возлюбленную.

Да только не захотела она идти с ним,

отдала сердце Ирию.

И с тех пор живёт Вадий без любви.

XIX Песнь Жития

– Зять драгоценный! – Сарх Гривастый Волк с довольной улыбкой крепко обнял Алана. – Наконец ты нашел время встретиться с отцом старшей жены. Э, не по закону предков ты живешь! Не по закону!

Он хлопнул герцога по спине.

– Что я опять нарушил? – настороженно спросил Алан, косясь на безмятежного Иверта.

– Жену младшую должен был представить семье по всем правилам. Привести в племя, познакомить с матерями,

– строго глядя на сына, ответил Сарх. – Но ты у нас молодой вождь, тебе простительно не знать, а вот твой советник ...

– Когда нам это было делать? – взвился Иверт. – Это ты сидишь в крепости, как паук, да плетешь интриги. Вот скажи, зачем тебе сейчас женить Ибога? Власти мало? К трону Галендаса хочешь стоять ближе? А ты подумал, что другие вожди могут обиду затаить? Слишком близко ты к Бешеному Кузнечику подбираешься, выстоит ли племя, если войной пойдут?

Младший брат Иверта, стройный, нежный, молчаливый, лишь глазами сверкнул и покачал головой на эту тираду. Сарх же словно не заметил вспышки ярости старшего сына.

– Ну, садись, садись, дорогой зять! – Он взмахнул рукой, приглашая Алана за стол. – Под вино да сыр и разговор проще начинать.

Апартаменты Сарху Серый выделил знатные, больше, чем у герцога. Две комнаты разделяли тяжелые выцветшие шторы, сейчас они были распахнуты, и Алан видел квадратную спальню. Ее стены украшали олени шкуры, они же лежали на полу и на двух низких кроватях, у окна стояли крепкий стол и пара стульев. Гостей же Волк принимал в небольшой комнате, примыкающей к спальне и обставленной лаконично и просто – стол и четыре табуретки. Горел камин, распространяя вокруг себя тепло, из кувшинов лилось в кубки осеннее вино, на тарелке горкой лежали куски сыра. Похоже, что вождь был частым гостем в Осколках.

– Мой вождь. – Сарх почтительно склонил голову, показывая, что помнит, кто тут главный. – Ты ведь знаешь моего младшего сына Ибога?

Иверт громко фыркнул и потянулся к кубку. Ибог, одетый в темную рубашку, расшитую цветной нитью, и штаны из меха короткошерстного кота, скромно улыбнулся, он старался держаться за

спиной отца, но при этом взгляд у парня был открытым и любознательным. И он нравился Алану еще с их первой встречи в горном ауле. Но тогда этот парень не рассматривался в роли мужа для дочери, сейчас же Алану до зубовного скрежета хотелось, чтобы этот симпатичный горец не понравился Ваське. Ну что можно решать в десять лет?

– Здравствуй, Ибог, – все же ответил Алан, понимая, что его длительное рассматривание кандидата в женихи затянулось, и тут же постарался сменить тему: – Сарх, что вожди? Не передрались?

– Пока тебя не было, Кузнечик, я встречался с вождями самых сильных племен, и мы решили, что в этот раз соберемся на территории моего поселения. Без равнинников.

– Это нарушение нашего договора, – холодно глядя в глаза улыбающемуся горцу, ответил Алан.

– Никакого нарушения, вождь. – Сарх прищурился и отпил вина. – Это будет просто дружеская встреча вождей перед Советом, – многозначительно выделил он голосом «перед». – Есть вопросы, которые не касаются равнинников.

– Например?

– Например, сколько воинов выделить тебе в сопровождение, как поделить добычу, чьих дочерей сосватать у благородных, кто в этом году возьмет выпарные озера, и стоит ли бить морды ксенам, которые ходят по горам как у себя дома? – хитро прищурился Волк.

Вот жук! Так ненавязчиво, а перевел разговор в нужное ему русло. Но он прав, эти вопросы стоит обсудить до Совета, потому что Алан не доверял своим соратникам по ссылке, впрочем, горцам он тоже не доверял.

– Ну что мы всё о делах да о делах! – Сарх подлил в кубки вино. – Давай лучше о жизни. Вот смотри, как вырос мой сын, какой красавец, наездник, хозяин и воин отличный. Ты забрал у меня дочь, вождь, так отдай взамен другую. Печалится мое сердце без девичьего смеха.

Нет, опять двадцать пять! Да сколько можно? В то, что Сарх сговорился с Учителями, Алан не верил, хотя... Он внимательно всмотрелся в самодовольное лицо Волка. Неужто сговорился, и что он тогда им пообещал? Ведь не скажет, старый тау.

– Моей дочери всего лишь десять лет, милый друг. – Герцог хотел откинуться на спинку стула, да вовремя вспомнил, что сидит на

табуретке, а то смеху было бы, если бы вождь и почти король с пафосным лицом грохнулся под ноги тестю. – Иверт правильно сказал, другие вожди будут недовольны, если и второго твоего сына я заберу себе. Ты слишком возвысишься над другими, Сарх, а это многим придется не по нраву.

– С этим вопросом я как-нибудь справлюсь, – фальшиво рассмеялся горец, бросив на Иверта быстрый взгляд. – Поверь, когда вокруг меня будет бегать много внуков, и у всех этих внуков будут зелёные глаза и черные волосы, я буду настолько силён, что смогу защитить этих детей.

С точки зрения политики плохой вариант, но Сарха Алан знал и верил ему, он не предаст, остальные вожди пока были темными лошадками. Однако устоит ли племя Волка, если против него объединятся все обиженные и оскорбленные? Алан отпил вина, давая себе возможность подумать. Эх, не молчала бы сейчас женская сущность, насколько было бы проще, Виктория точно нашла бы правильные слова.

«Ага, – захихикал внутренний голос. – Она бы вспылила, наорала и выгнала взашей сватов с женихами».

Тоже может быть. Алан улыбнулся своим мыслям, перекатывая на языке легкую терпкую горечь. Он уже и забыл вкус вина, которое делают на фронтире, оно не пьянит, только добавляет немного веселья и раскрепощенности, а еще помогает думать. Боже, какой же он болван! Если Виктория молчит, то следует привлечь другую женщину!

– Давай о свадьбе наших детей поговорим позже, я хочу, чтобы Валя тоже принимала участие в судьбе нашей дочери. И вообще, пока у тебя не женат старший сын, младшего женить неприлично.

– Мой старший сын перешел под твою руку, Бешеный Алан, он теперь принадлежит к твоему племени, и это не моя головная боль, – заразительно рассмеялся Сарх и искоса глянул на Иверта. – Твой советник стал очень задумчивым и молчаливым, неужели он повзрослел за то время, что мы с ним не виделись?

– Влюблен, – мстительно сдал друга Алан. – Безответно.

– Бывает и такое, не каждый жеребец нравится кобылам, – философски выдал Гривастый Волк и поднялся. – Коль ты хочешь, чтобы твоя вторая жена познакомилась с Ибогом, то не станем тянуть, отправимся смотреть город все вместе, а потом я приглашаю вас в мой дом. Сегодня - веселье, завтра - серьезные разговоры. Предки обидятся,

если ты откажешь.

Его взгляд больше не смеялся, смотрел горец испытующе, с предостережением.

Ждет, когда Алан оступится, совершит ошибку... Зачем? Чтобы протянуть руку или добить? Герцог решил это не выяснять, если никому не доверять, то можно чокнуться, а он только начал чувствовать себя почти здоровым.

– Предки это серьезно, мой вождь, – поднял голову от кубка Иверт, и его губы растянула шалая улыбка. – Паулина будет сопровождать герцогиню, и в горы она поедет с нами, а там... там ей не устоять под напором наших женщин.

– А вот в этом я бы уверен не был, – буркнул себе под нос Алан. И почему Иверта постоянно тянет на экзотику?

Василия, услышав, что они поедут в горы, развила такую бурную деятельность, что женская часть их большого отряда была готова раньше брата Турида. Ксен только натягивал тулуп поверх черной рясы, а все три красавицы сидели в закрытом возке, укутанные в теплые одеяла. Василия подпрыгивала на сиденье, Валя смотрела на нее и как-то очень по-доброму улыбалась, а Паулина как всегда была серьезной и сосредоточенной. Ворон подвел Алану рослого рыжего жеребца и с улыбкой сообщил, отвлекая от разглядывания женщин:

– Из Крови вышел отряд, вас ждет сюрприз.

– Угля приведут? – сразу догадался Алан. Ворон кивнул и посмотрел на серое небо.

– К ночи будет снег, последний снег этого сезона. Морозы закончились, сир.

– Успеем пройти перевал до того, как все потечет?

– Успеем, если все пойдет по плану. Лис! – окликнул он товарища.
– Ты идешь первым.

Рыжий кивнул, и они с Ивертом и Ибогом выехали за ворота, а к повозке подъехал Сарх на невысокой изящной кобылке. Алан обратил внимание на щедро украшенную серебром сбрую, колокольчики и яркие помпоны, все смотрелось празднично и нарядно на фоне серого неба и грязного снега. Горец увидел его интерес и горделиво подбоченился, зажав в кулаке короткий хлыст.

– Какие дивные цветы ныне растут в твоём саду, Бешеный Кузнечик, – белозубо улыбнулся он, с жадным интересом и

восхищением рассматривая Валию. – Неудивительно, что слухи о красоте твоих женщин летят впереди тебя. Кирена, вы похожи на лесную деву.

– И чем же она знаменита? – с благосклонным интересом улыбнулась герцогиня.

– Красотой и холодным сердцем. Много молодых воинов умерло за ее улыбку, но никого не выбрала гордая красавица.

– Валия, этот сказочник - вождь Сарх Гривастый Волк, отец Зиры и мой друг.

Виктория в душе Алана веселилась, наблюдая, как старый тау распушил иглы перед красивыми женщинами.

– Просто Сарх, кирена. – Горец легко соскользнул со спины кобылы и галантно поклонился. – Василия, рад тебя видеть.

– Здравствуйте, дядя Сарх! – звонко поприветствовала его девочка.

Волк полез за пазуху и вытащил симпатичную костяную подвеску в виде цветка.

– Это тебе, маленькая кирена.

– Ух ты! Мама Валия, смотри!

Васька показала улыбнувшейся Валии подарок, а потом засунула его в варежку и что-то зашептала женщине на ухо.

Алан, не отрывая глаз, смотрел на жену и не узнавал ее, во взгляде Валии появились мягкость и тепло, когда она слушала девочку, на губах блуждала легкая улыбка, и сейчас кирена казалась родной и близкой. Что за наваждение? Какую игру затеяла эта женщина? Или, быть может, это не игра? Может, вдали от своей тюрьмы она наконец начала дышать полной грудью?

– Паулина сказала, что вы нас в гости пригласили, вот здорово!

Непосредственная Васька прервала размышления Алана, и он посмотрел на дочь.

Волк перевел заинтересованный взгляд на девушку, сидящую рядом с Валией, Паулина ответила ему прямым снисходительным взглядом, в котором промелькнул интерес.

– А с этой амазонкой ты меня не знакомил, Бешеный Алан. – Сарх обаятельно улыбнулся, расправив плечи. – Предки неспроста привели такую красавицу в Осколок.

– А ты неспроста оказался в нужном месте и в нужное время, – усмехнулся Алан. – Это Паулина, компаньонка моей супруги.

– А где же муж столь прекрасной женщины? – Горец, красуясь, влетел в седло. – Такому красотку моментально украдут.

Его лошадь, ведомая опытной рукой, гарцевала вокруг возка, а Сарх сыпал комплимент за комплиментом.

– Не переживай о Паулине, она сама кого хочешь украдет, – хмыкнул Алан и первым направился к воротам, следом за ним поехали Ворон и недовольный брат Турид.

– Значит, мужа нет, какое приятное известие, да? – поцокал языком Сарх и, подмигнув Паулине, догнал Алана. – Отдай мне ее, Бешеный Кузнечик, любой выкуп дам за такую женщину.

– У тебя три жены, зачем еще одна? – повернул к нему голову Алан.

– Ты видел, как она смотрит? Взгляд, как отточенный клинок, она разрешила мое сердце и забрала половину.

– Вы с Ивертом похожи, он тоже в нее влюблен.

– Но ты сам сказал, что безответно, – оскалился Сарх. – Он мужчина, я мужчина, но выбрать должна женщина. – Он свистнул и пустил кобылу в галоп. – Догоняй, вождь! Вспомни, что такое свобода!

Алан поддался азарту и, прищпорив коня, поскакал по наезженной дороге, медленно, но неуклонно спускающейся вниз к шуму моря, стуку топоров, дыму костров и эху людских голосов.

– Свернете шею, кто будет город достраивать? – донесся в спину недовольный крик брата Турида. – Левай берите, к храмовому комплексу! Да чтоб...

Последние слова Взывающего потонули в шуме, это возница свистнул, радостно завизжала Васька, и возок погрохотал следом за Аланом.

«Ох, растрясет он их там», - подумал Алан, подставляя лицо под встречный ветер. Мерзкая погода! Сыро, мокро, промозгло, пахнет солью и дымом, но как же хорошо! Сарх прав, он начал забывать, что такое свобода. Это необыкновенное ощущение, словно паришь над землей, до боли в груди выдыхаешь тяжелый влажный воздух, и не можешь надышаться, и хочется скакать до самого горизонта...

– О черт! – прошептали губы, когда всадники выехали к огромной стройке, издали похожей на большой рынок.

Алан окинул восторженным взглядом очертания будущего города. Пока только очертания. Расчищенные от снега площадки, кучи

хвороста, сараи и бараки... И только вддали виднелись добротные дома, огороженные высоким забором.

– К Обители поедем, – поравнялся с Аланом брат Турид. – Храм посмотрите, по пути я вам покажу мастерские да познакомлю с мастерами и старостами, что керамику делают и черепицу для крыш. И не корчите рожу, кир Алан, – добавил он недовольно. – Рабы живут в приличных условиях, как и вольные работники. Все в одной куче, не делим мы их, как вы и наказывали. Вон там, видите, дом для барона Ретака. Уже стены стали класть. – Турид ткнул пальцем в сторону. – Барон первым своих людей привел, шустрый... ур-род.

– Почему ур-род?

– Потому что нагл сверх меры да до баб охоч, – зло процедил сквозь зубы Турид.

– Неужто к Литине приставал?

– Попробовал оскорбить намеками гнусными, – нехотя признался Ксен. – Вспылил я, никак Вадий под руку пихнул, да не удержался, – вздохнул он. – Но ничего, через десятницу барон уже на коня мог сесть.

– Да ты герой! – Алан с удивлением посмотрел на Турида. – Уважаю.

– Ох, вы хоть не издевайтесь!

Ксен обиженно поджал губы и поехал вперед.

Алан сжал зубы, чтобы не рассмеяться, и бросил быстрый взгляд через плечо. Из возка выглядывали любопытные лица, вроде все живы и даже не зелёного цвета, на них с Туридом никто не обращал внимания. Возница что-то рассказывал, тыча в сторону кнутом, лошадь Сарха гарцевала рядом, а сам горец с восхищением следил за Паулиной. Девушка же внимательно слушала возницу и внимания на красавца-мужчину не обращала, Иверт и Ибог остановились чуть в стороне, младший брат что-то горячо доказывал старшему, а Иверт только хмурился и головой качал, периодически бросая ревнивые взгляды в сторону отца. Да уж... ситуация.

Пока ехали через город, Алан успел поговорить с людьми, жалоб особо не было, только просили разрешения леса больше валить, чтобы дома семьям отдельно ставить, да несколько раз спрашивали, как будет с мастерскими и магазинами, за какие деньги ставить? Да кто в порту склады построит? Город, или купцам землю продадут?

– Лис, – подозвал Алан телохранителя, когда высокий, заросший

бородой мужик задал в очередной раз вопрос о деньгах. – Напомни мне, чтобы я обсудил с Учителями банковскую систему и систему займов.

Ну а что? Пусть старые интриганы раскошеляются, тут ведь что главное? Главное - условия сделать выгодные для обеих сторон.

Алан вздохнул, с печалью вспоминая старшего сына, без секретаря было очень сложно, хорошо хоть ксенята перестали отнекиваться от мелких поручений. Интересно, как там его мальчишки? Как Зира? Следует попробовать присниться Туру и поговорить, узнать, как у них там дела? Пока Кэп привезет письма...

За высоким забором из толстых заостренных бревен спряталась целая деревня. В центре стоял круглый храм, а вокруг него лучами расходились низкие длинные постройки, некоторые уже накрытые крышами. Из труб стелился светлый дым, в окнах мелькали тени, у дверей стояли послушники в теплых серых сутанах с внимательными глазами и цепкими взглядами. А некоторые дома только строились. Казармы, мастерские, корпуса будущих школ. Турид с гордостью показывал Алану, где будет лабораторный корпус, где - конюшни и псарни, а где - мануфактура и всевозможные мастерские... Судя по скорости, с которой строилась Обитель, деньги у Учителей водились.

– Кир Алан! – К ним навстречу вышел знакомый Учитель, добродушный лысый толстячок, только вот имя его герцог запомнил.
– Мы вас ждали. Проходите в храм!

Он взмахнул рукой, приглашая в распахнутые двери храма.

– Отец Георг! – Турид первым сполз с лошади. – Какая радость, что вы вернулись! Тот опыт, что мы с вами затеяли, дал прекрасные результаты! Прекрасные!

– Это же хорошо, друг мой, – добродушно улыбнулся отец Георг. – Покажем гостям храм и посмотрим, что там у нас получилось.

Пока Алан подходил к возку, Ворон помог выйти Валии, а Сарх успел подать Паулине руку, которую она легко проигнорировала, с непринужденной грацией выскользнув на землю с противоположной стороны возка. Иверт довольно ухмыльнулся, но Волка это совершенно не расстроило, он только причмокнул с удовольствием, следя за женщиной алчным взглядом хищника.

– Позвольте вашу руку, кирена. – С серьезным лицом Алан протянул ладонь дочке. – Вы ведь будете сопровождать меня в храм?

– Конечно, отец, – скромно опустила взгляд Васька, а потом лукаво

стрельнула глазами из-под длинной челки.

– Кокетка, – вздохнул Алан и подхватил пискнувшую дочь на руки.
– В кого ты такая?

– Она говорила, что я вся в вас, – вздохнула девочка. – Даже пальцы на ногах, как у вас.

Она ... Васька больше не называла родившую ее женщину матерью, и у Алана язык не повернулся сделать ей замечание.

В храме они пробыли три часа, ради важных гостей брат Турид провел взывание, потом их угостили вкусным ароматным чаем и свежим хлебом, который пекли здесь же, на территории Обители. А потом все собрались в большой светлой комнате за главным залом, куда пригласили мастеров и зодчих.

это время Васька не отходила от Алана, вцепившись в его руку, она исподлобья зыркала на незнакомых мужчин и тихонько сопела где-то в районе пояса. Валия в основном молчала, изредка бросая на мужа задумчивые взгляды, и явно не слушала, о чем говорят, думая о чем-то своем. Интересно, о чем? Алан искоса наблюдал за женщиной и видел, как меняется выражение ее лица, как она прикусывает губу, а потом зализывает ее, и это движение, неосознанное и простое, бредило в душе какие-то смутные воспоминания и желания. Поэтому когда они выехали в сторону поселения Волка, Алан вздохнул с облегчением. Ему не нравилось то, что он начинал чувствовать к Валии. Это было ненужное чувство, лишнее, чуждое и опасное.

Алан стянул с головы вязаную шапочку – подарок Светики, потрянул отросшими волосами, отгоняя странные мысли, и пустил коня вскачь вслед за уехавшим вперед Ивертом.

– Не люблю зиму, – сообщил он хмурому другу, придерживая поводья, чтобы кони шли рядом. – Серо, сыро и тоскливо. Люблю солнце, море, тишину. Желтый песочек, пляж, чистая вода, рыбки... И официант, который подносит тебе коктейли. Эх, все познается в сравнении...

– Ты видел, как она на него смотрит? – Иверт не услышал слов друга. – У него есть племя, дом, стадо овец и табун лошадей, куда мне с ним тягаться?

Алан задрал голову к серому небу, вздохнул. Никогда не умела и не любила Виктория утешать великовозрастных влюбленных, особенно мужчин. Чего ныть? Добивайся или отступи.

– Вот не понимаю я тебя, Иверт, – оглядываясь по сторонам, сказал герцог. – Ты дерешься на дуэлях, разбиваешь морды за косые взгляды в сторону Май, всем своим видом показываешь, что влюблен и у вас все серьезно, но стоит тебе остаться одному, как ты заявляешь, что любишь другую. Так в чем правда, друг?

А места-то знакомые, вон там на горе вход в пещеру с наскальным рисунком и остатками техногенного мусора, сейчас, когда облетели листья и снег прикрыл траву, узкий проход был очень заметен. Берт говорил, что они все раскопали и то, что нашли, передали брату Туриду для изучения и описания. Нужно поинтересоваться, что именно нашли. А вот и дорога в селение Волка, натопанная, широкая, видно, что в изоляции люди тестя не сидят, активно перемещаются между Виктоградом и Осколком.

– Мая мне нравится, – ответил все же Иверт. – Но я хочу одну жену. Одну и навсегда. Чтобы умереть в ее объятиях, чтобы не делиться, и чтобы дети были только моими. Ты думаешь, я чего из племени ушел? Потому что отец хотел, чтобы я женился на дочери Ведмеда, а она уже носила под сердцем чужого ребенка. Многие бы решили, что это честь, законы предков велют любить всех детей, но что-то во мне воспротивилось этому решению.

– Ты же говорил, что поссорился с отцом из-за...

– Э, мало ли что я говорил! – перебил его горец и белозубо улыбнулся. – Ты ведь не веришь всему, что я рассказываю?

Алан как раз верил.

– А мне зачем Зиру подложил? – прищурился он.

– Глупости говоришь, Кузнечик, Ласка сама тебя выбрала. А вот Паулина меня не хочет, – вздохнул он.

– И правильно делает, – злорадно припечатал Алан. – Зачем ей потасканный кобель, который спит с ее нанимательницей? Вот женишься ты, – В душе подняла голову язва Виктория, которой очень хотелось сказать Иверту гадость. – И куда приведешь жену? Дом в городе ты себе строить не захотел, в Белой крепости у тебя место в казарме и комнатка в крыле холостяков. Да и все твое имущество – яташ да кобыла.

– Мае это не мешало!

– Мая замуж за тебя не собиралась! А что ты вообще знаешь о Паулине? Может, у нее есть мужчина и трое детей?

На подвижном лице Иверта проскользнула целая гамма чувств от смятения до ужаса.

– Нет у нее никого. Двадцать четыре года, отец - разорившийся купец, мать умерла, когда ей было три года, воспитывал ее дядя, наемник. Он водил караваны и девчонку брал с собой, чтобы она не оставалась с отцом, который стал пить. – Ворон, до сих пор молча ехавший рядом с Лисом позади друзей, флегматично сплюнул на землю, – И, кстати, Паулина не настоящее ее имя.

– Как она в таком возрасте осталась не замужем?

Алан давно привык, что в этом мире женщины полностью зависели от мужчин и замуж старались выходить как можно раньше. Двадцать четыре – это уже старая дева.

– Наемницей была, у них нравы попроще, а так... Благородный не женится, а за простого она сама не хочет.

– Откуда ты это все знаешь? – ревниво оскалился Иверт.

– А они после тренировки вместе в баню ходили, – звонко добавил Лис и прищурился, когда выбившийся из-за туч солнечный луч мазнул его по щеке. – А потом мы долго пили чай и разговаривали. Интересная она, не похожая на других. Гордая и независимая. Она к вам, кир Алан, будет в отряд проситься, хочет с амазонками служить.

– Понял, ухажер? – усмехнулся Алан. – Ищи к девушке правильный подход. Иверт тихо выругался и притих, до самого дома не произнес ни слова.

Алан же ни о чем не думал, просто ехал, подставив лицо ветру, дышал полной грудью, смотрел по сторонам, с нежностью и тихой радостью вспоминая знакомые места. Очень хотелось поделиться с кем-нибудь радостью возвращения, но Иверт был сейчас не в том настроении, чтобы вести разговоры, а перед ксенятами ему не хотелось выглядеть сентиментальным. Пожалуй, Алвис бы его понял, но верный враг остался в Осколке под присмотром шута и друиды, поэтому Алан тихонько радовался сегодняшнему дню, редкому солнцу, миру и тому, что они все еще до сих пор живы.

А когда их небольшая кавалькада въехала в горное село, он понял, что рано радовался тишине и покою. Их встречали. Юноши немного старше Васьки стояли чуть в стороне от стайки детей, рядом с девушками. Молодыми, нарядными и улыбчивыми. За их спинами расположились знакомые Алану вожди, и, как показалось герцогу,

горцы ехидно скалили зубы. В душе громко захохотала Виктория.

– Обложили, волки позорные, – пробормотал Алан под нос, спешиваясь и отдавая поводья подбежавшему мальчишке.

– Вождь Бешеный Кузнечик, рад приветствовать тебя в моем доме, – церемонно приложил к груди кулак Сарх. – Будь моим гостем.

– Я рад оказанной чести, вождь Гривастый Волк, – отзеркалил его жест Алан. – Это радость для меня и моих людей - разделить с тобой хлеб и кров.

– Будет праздник! – объявил Сарх. – Мой любимый зять приехал!

Вот же хитрый жук, подчеркнул свой особый статус так ненавязчиво и с любовью, что даже придраться не к чему. Народ радостно загомонил, в это время Ворон подвел к Алану Валию и Ваську.

– От меня ни на шаг, – тихо произнес герцог, беря дочь за руку. – Валия, сегодня ты мой щит.

– В каком смысле? – приподняла брови красавица.

– В прямом. Если не справишься, увезем в Осколок третью жену.

– Вот в чем дело... – Валия более внимательным взглядом окинула окруживших их девушек. – Да вы нарасхват, сир, – ехидно добавила она, беря мужа под руку.

– Еще бы. – Алан улыбнулся и пошел следом за Сархом сквозь расступившуюся толпу. – Это только вы находите меня недостойным внимания, для других я ценный приз.

– Хотите сказать, что я вас не ценю?

– Не ссоритесь, пожалуйста, – дернула Алана за рукав Васька. – Ты такой красивый, когда не ругаешься.

– Видите, кирена, я красивый. – Алан улыбнулся. – Устами младенца говорит истина.

– Пф, – фыркнула Валия. – Иногда мне кажется, что вы могли бы заменить Оську в сочинительстве сказок.

– Вы прелестны, Валия, – рассмеялся Алан.

– А вы невыносимы!

– Я очень рад, что хоть в чем-то мы согласны.

Пьянка, она везде пьянка, в этом Виктория убедилась еще в прошлую встречу со старейшинами. В этот раз ничего не изменилось, пафосные речи сменились тостами, а потом и хвалебными одами горянкам, которые и стол приготовили, и красивы, и смелы, и смогут с мужем спина о спину биться против врагов, но самое главное, каждая из

них готова родить вождю воинов. А если взять в семью мужчину, то...

– Слышал, что ты, вождь, ищешь мужа для дочери. – Красный Бык (имя его Алан так и не выучил) поднял серебряный кубок, остальные вожди заинтересованно замолчали. – Будет справедливо, если мужа ты выберешь из другого племени.

– Не по закону предков ведет себя Сарх, предлагая в мужа младшего сына, – возмущенно выкрикнул вождь маленького отдаленного племени.

Вот почему всегда громче всех кричат самые слабые? Гривастый Волк только снисходительно хмыкнул на это заявление.

– Бешеный Кузнечик сам решит, кто милее для его шалаша. Да и мала его дочь для брака, а вот взять женщину из его племени я бы не отказался.

– Старый ведмедь, зачем тебе молодуха? – заржали вожди. – Справишься с четвертой женой-то?

– Там такая женщина! – причмокнул губами Сарх. – Десятерых воинов стоит!

– Стоп! – Алан поднял руку, предостерегающе глядя на злющего Иверта, готового с кулаками отстаивать свои интересы и притязания на Паулину. – Вожди, вы ничего не забыли? – вкрадчиво начал он. – Вижу, вы забыли, что у нас на границе стоит большой отряд Наместника, который хочет вернуть земли фронта под свою руку. Вы забыли, – повысил он голос и поднялся. – Что я иду войной на Галендас, чтобы взять трон предков, который принадлежит мне по праву. Вместо того чтобы обсудить предстоящую войну, вы устраиваете склоку из-за женщин?

– Война и женщина всегда идут рядом, – уронил весомо Красный Бык. – Ты ведь не думаешь, что здесь собрались глупые мальчишки? Мы понимаем, что решаем за всех, и когда один из нас сядет на трон нашего врага, в горах станет спокойнее. Но и ты пойми, вождь Бешеный Кузнечик, чем ближе к трону, тем больше возможностей.

– И больше ответственности, – парировал Алан. – Вожди, моя дочь сама выберет себе мужа. Это раз. Мои женщины сказали, что мне хватит двух жен, если же я решу иначе, они отрежут мне то, чем... делают детей. Сами понимаете, я парень смелый, конечно, но своих женщин остерегаюсь, – закончил он со смехом. – Давайте лучше о войне.

– Красивую женщину ты взял в свой дом, Бешеный Кузнечик, – причмокнул один из мужчин. – Желая тебе много дочерей, похожих ликом на снежную деву!

Выпили, закусили, опять налили, разговор о свадьбе стих сам собой, но Алан понимал, что это временное затишье и вожди еще к нему вернутся. Не прямо, но...

– Не сердись, друг, – хлопнул его по плечу Иверт, когда мужчины, наконец, разошлись, договорившись встретиться на рассвете, чтобы уже поговорить о делах. – Зима – время скуки, вот старики и развлекаются, заключают споры да пытаются обскакать друг друга на поворотах.

– Иверт! – Из-за цветастой шторы выглянула пожилая красивая женщина, одна из жен Сарха. – Скажи Кузнечнику, что его дочь ушла спать с твоими сестрами, а его женщина пошла в пещеры.

– Спасибо, хозяйка, – ответил с улыбкой Алан, радуясь, что не зря всю зиму изучал язык горцев. – За заботу, за угощение и за прием.

– Ай, какой мужчина! – улыбнулась горянка и скрылась.

– Думаешь, Паулина пошла с Валией в баню? – сделал стойку Иверт.

– Узнаешь?

Горец исчез за ширмой на женской половине и спустя мгновение вышел с улыбкой от уха до уха.

– Она разукрасила рожу одному из сыновей Абогеля, это тот плешивый вождь, который громче всех возмущался, что ему места мало в городе, – пояснил он. – А теперь ушла на конюшню смотреть лошадей. Ты ведь помнишь, где наши бани? – хитро прищурился он.

– Помню. – Алан понимающе ухмыльнулся. – Иверт, эта женщина знает себе цену, ее нахрапом не взять.

– Так ведь интереснее, не? – Друг и не думал сдаваться. – Встретимся утром!

И не успел Алан слово сказать, как он исчез. Что всегда поражало Викторию в Иверте, это его умение моментально переключаться. Полчаса назад горец на полном серьезе обсуждал с вождями обучение салаг, структуру гарнизона, новшества на покойницкой полосе и вот уже строит планы, как завоевать девушку. Азартного и увлекающегося Иверта не зря прозвали Ураганом, он действительно был похож на стихию. Алан был не таким, прежде чем принять решение, он долго взвешивал все за и против, искал аналоги в истории, сомневался... и

списывал это на женскую сущность – осторожную, сомневающуюся, эмоциональную.

Было страшно, неудобно и опасно отдаваться новым реалиям, Викторию даже сейчас пугала возможность разоблачения, а еще было очень трудно избавиться от вбитых с рождения стереотипов, и все равно она ощущала, что меняется, что прикипает разумом к мужскому телу, что все чаще ловит себя на сугубо мужских мыслях и желаниях. Вот как сейчас!

Алану просто необходимо было увидеть Валию. Зачем? А кто его знает! Хотелось - и все тут! Можно было лгать себе, что он хочет узнать, как прошел ее вечер, о чем разговаривали женщины, пока мужчины весело и продуктивно напивались легким вином, но это было бы ложью. Хотелось герцогу совершенно другого. Изменить собственную жизнь в очередной раз. Попробовать и наконец узнать, насколько она стала тем, за кого пытается себя выдавать, после того как Вадий намекнул на возможное будущее.

Кстати, Вадий...

Какие чувства, кроме интереса, она испытывает к этой загадочной личности? И может ли когда-нибудь доверять? Потому что сейчас с доверием у Виктории было очень сложно. Броситься в новые ощущения с головой? Не получится, даже смерть не изменила ее характер. Никогда она не умела отдаваться страсти и любви без остатка, растворяться в партнере, безоговорочно верить, позволять принимать решения. Самый большой недостаток в отношениях – это желание постоянно контролировать ситуацию. Виктория долго училась доверию, но так до конца и не смогла себе этого позволить. Дурной характер – говорила бабушка, мужской склад ума – гордился ею отец, а сама она просто никогда не думала, что может быть по-другому. Вадий же хотел полного доверия. Отдать ему управление своей жизнью? Той или этой? Да какая разница! Нет... пока она к этому готова не была. И вряд ли будет.

– Но какой мужчина! – шепнули губы и растянулись в мечтательной улыбке. – Умный, самодостаточный, сексуальный.

Алан шел знакомыми коридорами, здоровался с домочадцами Сарха, улыбался. По пути разжился стеганым халатом, парой полотенец и меховыми тапочками. В этом доме он был своим. Членом семьи. Зятем. Это было необычно, но приятно. И комнату ему приготовили ту

же, где он останавливался в прошлый раз. Все повторяется, только женщина другая...

В предбаннике – небольшой деревянной пристройке, Алан столкнулся с двумя девушками. Румяные, с мокрыми распущенными волосами, улыбочивые и смешливые, они как раз выходили из бани с ворохом одежды, а увидев мужчину, засмутились на мгновение, а потом весело поздоровались, лукаво стреляя глазами.

– Вождь хочет, чтобы ему сделали массаж?

– Не сегодня, – улыбнулся Алан, придерживая для девушек дверь. – Моя женщина одна?

– Сказала, что никого не хочет видеть, – пожала плечами одна из девушек. – Стесняется.

Алан закрыл за девушками дверь и зачем-то запер ее на щеколду, затем не спеша разделся, обмотал бедра полотенцем и ступил в моечную, в который раз восторгаясь умению горцев создавать вокруг себя уют и удобные для жизни мелочи. Да, обстановке не хватало изысканной роскоши, но простота тоже имеет свою неуловимую красоту.

Струганные потемневшие доски соседствовали с камнем, у стены горел очаг, на котором грелась вода в огромном чане. Пламя давало достаточно света, чтобы не зацепиться ногами за выступы и не врезаться в немногочисленную мебель.

Валия сидела на скамье возле купели и смотрела на воду, распущенные волосы закрывали плечи, спускаясь на спину и грудь. Трогательная и беззащитная в своей наготе, она казалась маленькой и очень хрупкой в отблесках пламени.

Алан бесшумно ступал по деревянному полу, любуясь изящными изгибами и грациозной позой супруги и сожалея, что не умеет рисовать. В воздухе явственно пахло тухлыми яйцами, несильно, но запах сероводорода витал в помещении, напоминая Виктории о далеком отпуске в Краснодарском крае. Единственный раз, когда они с мужем отправились в отпуск без детей.

– Через десятки лет горцы обогатятся на оздоровительных ваннах. Женщина вскрикнула и схватила лежащее рядом полотенце.

– Валия, – мягко произнес Алан, опускаясь рядом. Он осторожно убрал в сторону светлые волосы, ему показалось, что супруга перестала дышать, она лишь судорожно вздохнула и закаменела плечами. –

Прости, если напугал.

Поцеловал ее в плечо, а потом тихо выругался сквозь зубы.

Шрамы. Множество шрамов покрывали бледную кожу. Особенно выделялись два широких, неровных, пересекающих спину между лопаток.

– Если бы я мог, я бы оживил уroda, чтобы убить его еще раз. Медленно и со вкусом. Он осторожно провел пальцами по шраму.

– Вам бы пришлось оживлять обоих братьев, – тихим безжизненным голосом прошептала Валя. – Все Вас'Хантеры отличались вспылчивым нравом.

– Мне жаль. – Он пропустил сквозь пальцы пряди ее волос. – Но ты все равно очень красивая.

Что же это за жизнь такая, раз даже титул и близость к короне не могут защитить женщину от власти мужа- деспота? И тут же пришли другие воспоминания... Беременная соседка, которая после побоев мужа родила мертвого ребенка и все равно простила его, вернулась. Потому что ... потому что муж ведь, отец старшего сына, и он ее любит, просто ревнивый очень, но это же от любви! А ведь ей было куда уйти, была работа, друзья, родители... Валя же была лишена этого выбора, хотя, как подозревал Алан, одному Вас'Хантеру она отомстила. Правда, какой ценой... Но не ему ее судить.

– Красивая, гордая, умная...

Он продолжал вырисовывать узоры на ее спине.

– Вы ведь шутите? – Валя уже взяла себя в руки, она укуталась в полотенце, и вместе с наготой спряталась и ее нерешительность. – Когда вы начинаете расточать комплименты, становится страшно.

– Ты уже была в парилке? – спросил он весело и, подхватив пискнувшую женщину на руки, понес в знакомую пещеру.

– Алан, отпустите меня! – попыталась протестовать Валя, но Алан применил безотказный метод, он ее поцеловал, одновременно стягивая с женщины полотенце.

– Валя, расслабься и получи удовольствие, нам еще не скоро удастся просто понежиться в теплой воде и горячем паре.

– Я никогда не была в таком месте. Очень странные ощущения.

– Тогда позвольте за вами поухаживать, кирена. – Алан осторожно опустил ее на горячий камень и потянулся за мыльной пеной. – Очень надеюсь, что ты полюбишь баню так, как люблю ее я. А теперь просто

закрой глаза и отдайся ощущениям.

Он медленно провел мыльным пузырем по изящной спине, с интересом наблюдая за реакцией Валии и прислушиваясь к собственным ощущениям. Азарт, предвкушение, нежность и странное желание сделать все по высшему уровню, доказать, что он не такой, как ее предыдущие мужчины, что с ним она может получать удовольствие. Хм... знакомые ощущения, но все равно странные, трансформированные.

«Отключи мозг», – скомандовал он сам себе, но... получилось не сразу. А вот прикосновения к женскому телу не вызывали отторжения, даже наоборот, ему нравилось ощущать под руками упругие выпуклости и впадинки, медленно и чувственно исследовать каждый участок, прислушиваться к дыханию, замечать дрожь, видеть, как Валия судорожно сжимает кулаки, как вздымается ее грудь и стыдливо алеют щеки.

– Милая, – шепнул он ей в губы, скользя по намыленному телу ладонями. – Посмотри на меня. Она сильнее сомкнула веки и испуганно замотала головой.

– Что же они с тобой делали, что ты боишься собственной чувственности? – пробормотал Алан по-русски, осторожно целуя закрытые глаза. – Валия, ты даже не представляешь себе, насколько ты горяча...

...Наградой за его старания были прикушенная губа и бледные руки, с силой вцепившиеся в подстилку. Женщина тихо застонала и выгнулась навстречу мужским губам и пальцам...

А потом они лежали в теплой воде, пахнущей тухлыми яйцами, и Валия рассказывала о прошедшем дне. Она все еще стеснялась своего оргазма, прятала взгляд и мучительно краснела, когда Алан касался ее. Сам же он оставался расслабленным и спокойным.

Валии не стоило знать, как непросто это ему далось. Пришлось, лаская отзывчивое женское тело, усиленно думать о стройке, женихах для Васьки, лошадях и выпарных прудах, а когда Валия задрожала в его руках в предвестии оргазма, и вовсе мысленно чертить схему нового квартала.

За то, что он не испугал ее собственным возбуждением, ему полагаглась как минимум медаль. И горячая ночь... несколько позже...

Утром Алан проснулся первым и долго лежал, глядя в низкий

потолок, переживая отголоски странного сна. Очень реального сна. Виктории снился младший сын, он улыбался и выглядел абсолютно счастливым.

– Мама, у нас родилась дочь. Викушка. Она так похожа на тебя. Хочешь ее увидеть?

Хотела ли она? Да у нее даже во сне сердце заболело и воздух застрял в груди, когда ее мальчик подвел Викторию к кровати.

– Правда, красивая? – спросил он чуть напряженным голосом, будто Виктория могла сказать что-то другое.

– Наши дети не могут быть другими, малыш. Я так за вас рада.

– Нам тебя не хватает, мама. – Сын ее обнял, и она обняла его в ответ. — Почему все так несправедливо? Ты не должна была умирать.

– В другом мире появились те, кому я была нужнее. – Виктория взлохматила отросшие волосы младшенького. – Я не умерла, я просто ушла в другой мир. Здесь у меня тоже семья. Двое мальчишек, а теперь еще и дочь появилась, и жалею я лишь об одном, что вы никогда не познакомитесь.

– Мама, разве такое может быть?

– Разве я тебе когда-нибудь лгала? Не волнуйтесь обо мне, у меня все хорошо. Можно, я буду иногда приходить?

– Когда ты спрашивала разрешения? – округлил он удивленно глаза. – Мы все будем рады, правда, пока я не готов рассказывать братьям, что мы общаемся. Сама понимаешь, сочтут меня за маленького, который верит в сказки. А ведь я действительно в них верю.

Сын был нежен и улыбался, но Виктория видела слезы в его глазах. Её маленький мальчик вырос, сам стал отцом, но до сих пор нуждается в ней, в женщине, которая дала ему жизнь.

– Ты ведь вернешься? Расскажешь, как живешь?

– Обязательно, дорогой. Передавай от меня привет братьям. Я вас люблю.

Сон ушел, а на душе осталось грустно и светло, Алан прикрыл глаза, стараясь сохранить в памяти отголоски нежности и сам уже не понимая, кто он, Виктория или Алан. Да какое это имеет значение! А ведь еще снился Вадий... Да, точно снился!

Он будто ждал, когда Алан заснет, ворвался в его сон неожиданным вихрем, закружил, подхватил на руки, прижался губами к губам, и Виктория растерялась. От напора, от неожиданной нежности, от острого

щемящего чувства, разливающегося в душе. Это было странно, странно и немного страшно. Она не должна радоваться встрече с ним, не должна надеяться, потому что точно знает, верить Вадюю нельзя, все его слова могут быть очередной ложью, всего лишь попыткой манипулировать. Она это все знала, но верила, надеялась и позволяла. Правда, помнила, что все это в любой момент способно оказаться игрой. Но ведь играть могут и двое.

– У меня для тебя сюрприз. – Вадий опустил ее на зеленую траву, и Виктория подивилась, как легко он изменяет реальность. – Я помню, что ты не любишь сюрпризы, но позволь мне попробовать тебя удивить. – Виктория критически оглядела легкое цветное платье с рукавами-фонариками, тонкие руки, светлые пряди, падающие на лицо, фыркнула, выражая недовольство. – Прощения просить не буду, это твое тело, и я хочу, чтобы ты к нему привыкла.

– Если ты вернешь меня раньше, чем я сама этого захочу, я тебя убью, – спокойно произнесла она, вкладывая ладонь в мужскую руку.

– Я это запомнил еще в прошлый раз, не стоит повторять, Вика. Я ведь сказал, что буду ждать сколько нужно, но...

– Что?

Они шли по широкой тропинке, уходящей в глубину березовой рощи. Сон был таким настоящим, что Виктория даже запахи ощущала и слышала, как кричит птица и стрекочут кузнечики. Вот как такое может быть?

– Я тебя ревную. Безумно, бесконтрольно и абсолютно глупо. Понимаю, что нельзя, что не имею на это право, но ревную.

– К кому? – удивленно спросила Виктория, оглядываясь по сторонам, но за высокими березами ничего не было видно.

– К Зире, к Валии, к Алвису, к Иверту.

– Это глупо, – качнула она головой. – И смешно.

– Знаю, – вздохнул Вадий. – Но ничего не могу с этим поделать.

– Слушай! – Виктория резко остановилась. Чтобы увидеть глаза мужчины, ей пришлось поднять голову. – Что дало тебе повод ревновать меня? Я ведь ничего тебе не рассказывала. Ты следишь за мной? Но как?

– Если бы я мог следить за тобой, я бы так не нервничал. – Вадий не сдержался, склонился и нежно коснулся ее щеки поцелуем, Виктория отстранилась, и лицо ее спутника дернулось, будто он хотел что-то

сказать, но передумал. – Я снюсь не только тебе, а некоторые из моих информаторов весьма наблюдательны.

Он попытался придать разговору шутливый оттенок.

– Ты слишком много обо мне знаешь, но я не знаю о тебе почти ничего, – пробормотала Виктория. – Как-то несправедливо, тебе не кажется, темный бог моих снов?

– Мне нравится, как это звучит из твоих уст, – шепнул Вадий, склоняясь к ней ближе. – Спрашивай, и я отвечу на твои вопросы.

И как назло ничего в голову не пришло, кроме мыслей, что так не бывает, что это, скорее всего, очередной выверт больного сознания, которое ищет островок стабильности в безумном океане раздвоения личности.

– При разделении личности на несколько сознаний человек об этом чаще всего не догадывается, – покосился на нее Вадий.

– Я сказала это вслух?

Мужчина ничего не ответил, только посмотрел испытующе и виновато улыбнулся, разводя руками.

– Что за сюрприз? – нарочито грубо поинтересовалась Виктория, которую начали раздражать намеки и собственная глупость.

– Смотри, – шепнул он на ухо и исчез.

Дверь. До боли знакомая дверь обычной квартиры с латунной цифрой «126». Нужно протянуть руку и толкнуть, но пальцы зависли над дверной ручкой. Боже! Как же страшно! Даже здесь, в чужом сне, ей было так страшно, как не было еще никогда. Даже когда она умирала второй раз в пыточной Осколка, ей не было настолько жутко, как сейчас, когда она стояла перед собственной дверью. Живому человеку иногда сложно сделать простое движение навстречу прошлому, но ведь она не живая, она умерла, а чего бояться мертвецу?

– Ну же, трусиха, сюрпризы не бывают плохими, не так ли? И она все же открыла эту чертовую дверь!

– Мама? ...

– Мама, – тихонько повторил Алан и улыбнулся.

Воспоминания не были болезненными, как она ожидала, наоборот, стало спокойнее, с души слетел гнетущий груз неизвестности. У ее мальчиков все хорошо. Даже если никакого Вадия не существует, если это ее шизофрения, все равно она согласна видеть такие сны, согласна обманываться, чтобы не свихнуться окончательно. Но что-то

подсказывало, что ей это не привиделось, что Вадий существует на самом деле и его сюрприз удался.

Рядом шевельнулась Валя, и Алан окончательно проснулся. В занавешенное тяжелой толстой шторой окно не пробивался ни один луч света, но, судя по тихим голосам за стеной, в доме уже встали. Герцог осторожно, чтобы не разбудить жену, выбрался из-под теплых шкур, нащупал в темноте одежду и, не зажигая свечей, оделся.

Валя перекатилась на его место, обняла подушку и уткнулась в нее носом, на губах у нее играла легкая улыбка. Сейчас, когда сон содрал с ее лица маску холодной неприступной аристократки, когда обнажил настоящую Валию, Алан видел нежную одинокую женщину, которая совершенно не умела быть счастливой. Не научили. И тут же избирательная память подсунула воспоминание: Валя, смущенная, испуганная, ошарашенная глубиной собственных ощущений, прячет взгляд и так мило краснеет, когда он несет ее из парилки в купальню, что ему на целое длинное мгновение верится, что у них может получиться... Ведь не обязательно любить человека, который рядом, иногда достаточно симпатии и уважения, доверия и заботы, нежности и страсти, чтобы у них было что-то общее, кроме детей, чтобы было о чем разговаривать, чтобы не было скучно друг с другом... Разве не из этого состоит любовь?

Черт! А еще так странно ощущать гордость за то, что должно быть нормой для любого мужчины: умение доставить удовольствие и разбудить чувственность, показать, что секс - игра, в которую могут играть двое, и удовольствие делится на двоих. Он не хотел быть эгоистом, хотя ноющий низ живота и дискомфорт в яйцах однозначно намекали, что ему тоже не помешало бы получить разрядку. Ничего, пробежка по зимней горной дороге вполне заменит одно удовольствие на другое, заодно мысли прочистятся, и Алан, возможно, наконец-то поймет, где заканчивается Виктория и начинается герцог Вас'Хантер.

В темном коридоре пахло хлебом, дымом и гулял легкий сквозняк. Алан помнил, что его покои в огромном лабиринте помещений находятся на втором этаже, но вот где расположились Иверт и остальные гости, он не знал. Дом горца представлял собой хитросплетение коридоров, проходов, лестниц, часть дома уходила вглубь скалы, подсобные помещения находились рядом с жилыми, женская половина упиралась в хозяйственные пристройки, а на мужской

имелся выход к конюшне. Без сопровождающего здесь было немудрено заблудиться, поэтому Алан решил не рисковать и выйти на улицу через конюшню. Этот проход он хотя бы знал и был уверен, что не забредет куда-нибудь в угольный чулан или отхожее место.

На конюшне было оживленно, трое парней сновали между загонами с лошадьми, один толкал перед собой тележку с навозом, второй тащил мешок с зерном, а третий как раз шел навстречу Алану с охапкой сена.

– Где Иверт? – ухватил Алан его за плечо.

Увидев герцога в наброшенном на плечи кожухе и с поясом радетеля в руках, парень вылупил глаза, а потом ехидно усмехнулся.

– Повел свою женщину в горы.

Алан решил, что он неправильно понял чужую речь. Судя по темному небу, до рассвета было не меньше часа, да и легкий морозец не располагал к прогулкам в горах. У Иверта совершенно крышу сорвало от любви? Или он решил завести Паулину в горы и там бросить?

– Да не достанься же ты никому! – пробормотал он под нос по-русски и переспросил еще раз: – Куда повел?

– На холм предков, – смилостивился над ним паренек. – Просить одобрить выбор.

– Э...

– Твой брат, вождь, хочет ввести свою женщину в дом отца по заветам горцев. Повел показать ее предкам, – пояснил подошедший сзади седой горец, чье лицо, изрезанное морщинами, было Алану незнакомо. – Сильно полюбил наш Ураган, коль отцу перешел дорогу.

– Могут быть неприятности? – уточнил Алан, с интересом рассматривая старика и одновременно завязывая пояс.

– Ты вождь, ты мне скажи, – улыбнулся горец. – Другие вожди уже собрались в доме Волка, поди рыску как спорят.

Алан поднял голову к серому чистому небу, втягивая в себя холодный воздух, в котором чувствовалась скорая оттепель, и с печалью понимая, что прогулку придется отложить. Так не хотелось возвращаться в жаркое помещение, где пахнет шкурами и потом, где вновь придется отстаивать свою независимость, изворачиваться, лгать и сулить несуществующие блага. Боги, как же надоело! Но ведь и выбора у него нет, хотя зачем себе-то врать, выбор есть всегда. Можно вернуться в герцогство, окопаться в нем, создать наемную армию,

построить большой город, там ведь тоже есть выход к морю и намного лучше, чем в Виктограде, купить флот и жить долго и счастливо в окружении детей и соратников. Зачем он лезет на плаху?

– Так сложилось.

– Что? – переспросил старик.

– Отведи меня к вождям.

...Через час Алану надоело слушать разглагольствования и взаимные обвинения, и он решил прекратить глупую грызню, хотя прекрасно понимал, что у горцев так заведено: сначала пить, потом ругаться, обсуждать, торговаться и наконец, принимать решения, - но у него не было времени на эти игры.

– Итак, кыры! – Он привлек внимание спорящих мужчин громким хлопком по столу. – Я внимательно слушал ваши взаимные обвинения, а теперь послушайте меня. Кто поведет в бой наших воинов? – Наступила тишина. Только Красный Бык понимающе улыбнулся. – Вы не слышали уважаемого Сарха? На перевале стоит большой отряд из Галендаса. Наместник послал его для уничтожения нас и нашего города. – Алан был уверен, что вожди крупных племен уже в курсе готовящегося нападения, но все сидели с каменными рожками, и понять, кто что знает, было невозможно. Еще и Иверт где-то бродит! – Вы же, как неразумные дети, спорите, сколько земли выделить под строительство общего дома, вместо того чтобы решить, кто именно будет эту землю защищать. Право, мне даже стыдно слушать ваши вопли! Если вы не способны принимать решения, то, возможно, нам стоит назначить новых вождей? – Он повысил голос. – Почему барон Верон, – Алан кивнул в сторону сидевших отдельно ссыльных аристократов, – говорит о необходимости создания армии, а вы грызетесь из-за трех овец? А может быть, мне взять все племена под свою руку? Зачем им вожди, которые не видят дальше своего носа? – последнюю фразу он прорычал в полной тишине.

– Да кто ты такой?.. – начал плешивый коротышка, вождь, который жутко раздражал Алана еще со вчерашнего вечера, но закончить не успел, герцог бесцеремонно его перебил:

– Ворон.

Мгновение - и слишком крикливый неудачник уже лежал, уткнувшись носом в пол, а Лис с хладнокровием потенциального убийцы навел лук на дернувшегoся в сторону седого вождя.

– Сарх, я не хочу проливать кровь в твоём доме, но племя этого ур-рода осталось без вождя.

– Почему же, Бешеный Кузнечик? – весело ответил невысокий и гибкий молодой вождь по кличке Хитрый. – Мой кузен давно хотел сбросить этого трусливого горлопана с его места. – Если ты не возражаешь, я приглашу его на совет?

– Приглашай, а этого вышвырните вон.

Что сделал Ворон, Алан так и не понял, но свергнутого вождя вынесли из комнаты без сознания.

– Ещё есть недовольные моими решениями?

– Он мне давно не нравился, – пожал плечами Сарх и продолжил как ни в чём не бывало: – Думаю, что вести людей в бой должен Асмет, старший сын Красного Быка. Он опытный воин, хитрый и изворотливый, и он лучше всех знает горы, по которым попробуют пройти наши враги.

Алан про себя облегченно вздохнул, Сарх умело направил разговор в нужное русло. А демонстрация силы прошла, как они и планировали. Если бы перед началом совета Волк не предложил устроить публичную порку особо активным противникам объединения, Алан ни за что бы не решился на открытую конфронтацию, а так... Самые влиятельные и опасные вожди были предупреждены, а для остальных это послужило предостережением.

Дальше совет наконец-то превратился в нормальное производственное совещание, а не в балаган, и когда на пороге появились Иверт с новым синяком на довольной морде и Ворон в сопровождении высокого широкоплечего блондина, в котором только слепец не увидел бы кровь жителя равнины, решение уже было принято. Встречать людей Наместника будет сводный отряд из пятидесяти человек. Все племена захотели поучаствовать, и Алан не мог им в этом отказать.

– Этот отряд и будет началом нашей регулярной армии, а Асмет - её первым командиром. А теперь давайте подумаем, сколько воинов пойдёт со мной брать трон моих предков?

Не давая вождям опомниться, Алан швырнул вторую конфетку, а сам сел рядом с Ивертом.

– Кто тебе морду разукрасил?

– Паулина, – довольно растянул губы советник. – Думал, зарежет.

Но успел сбежать.

– Ты сбежал?

– Не драться же мне со своей женщиной, когда она держит в руках сковородку? – блеснул глазами друг.

Герцог только очень выразительно глаза закатил. Понять влюбленного Иверта отказывалась и мужская, и женская сущность, поэтому он прислушался к нарастающему спору.

Идти с Аланом собирались все! Ведь победа над врагом на своей территории не сулила трофеев и славы, а вот пощипать богатый город хотелось каждому вождю. Лис только головой качал, когда слышал хвалебные оды вождей, а барон Верон, который получил очень хорошее военное образование, откровенно ржал.

– Киры! – наконец не выдержал он. – Война в городе – это не то же самое, что война в горах. С нами пойдет всего десяток, но самых опытных, умных и скрытных.

– Конструктивное предложение, – пробормотал Алан и громко заявил: – Иверт отберет из ваших людей самых умелых и хитрых, тех, кто сможет притвориться купцами, наемниками или бродягами. Возьмем разведчиков.

– У нас маленькое племя, и каждый из вождей хоть раз пытался нас завоевать, – поднялся новоиспеченный вождь. – Мое имя Рустам, и вы все знаете, что нас ни разу не смогли победить.

– Да потому что вы всегда подло прятались! – рассмеялся кто-то из мужчин. – Хитрые и изворотливые!

– Вот! – Рустам поднял палец. – Поэтому с Аланом пойду я. Я знаю язык Галендаса и сойду за своего. А еще... – Он повернулся к герцогу. – Мое племя хочет уйти из гор и поселиться в городе. Если ты позволишь, то мы бы пошли под твою руку, верховный вождь. Мало воинов осталось, много женщин и детей, нам трудно стало выживать в горах. В эту зиму было много больных. Из-за бывшего вождя, упрямого мула, да примут предки его дух, умерло много мужчин.

– Значит, это правда, что ваш колодец кто-то отравил? – спросил Иверт.

– Да.

Он начал рассказывать, и Алан понял, что речь идет о дизентерии. Черт, для этого века очень опасное заболевание.

– Вожди, еще у кого-то были такие больные? – спросил он.

К счастью, больше никого не зацепило так масштабно. Да и племя Рустама бы так не пострадало, если бы вождь (как понял Алан – уже покойный) разрешил обратиться за помощью к соседям, но он испугался, что, узнав об их слабости, на них нападут.

– Сколько вас?

– Сто двадцать человек с детьми и бабами.

Сто двадцать - это не племя Гадюки, этих надо где-то разместить...

– Обсудим позже, – кивнул своим мыслям Алан, искоса наблюдая за реакцией остальных вождей, а она последовала незамедлительно.

– Рустам, почему не хочешь под мою руку пойти? – Красный Бык расправил могучие плечи. – У меня места много, всем хватит.

– Это честь для меня, – поклонился молодой вождь. – Но мы со стариками решили, что охота не для нас, нам бы хлеб растить да лес продавать.

Алан перевел взгляд на Сарха и понятливо улыбнулся. Вот же жук! Да они с Рустамом в сговоре! Раз этот блондинчик с таким знакомым именем успел переговорить со стариками и принять решение, значит, на совет ехал, твердо зная, что место вождя у него в кармане. Сговорился за спиной Алана с Волком и разыграл эту карту как по маслу, стоит к нему внимательнее присмотреться. Не то чтобы Алан был недоволен, но очень неприятно опять ощущать себя идиотом. Сарх тихонько рассмеялся и развел руки, мол, прости, зятек, сам дурак.

Дальше разговаривали только по делу, потом пообедали, Иверт и Веррон отправились отбирать воинов в команду, а Алан сел с Рустамом у карты, прикинуть, где ставить деревню, в городе или у Крови? Несколько раз забегала Васька, вертелась возле Алана, заглядывала в записи, крепко обнимала и опять убегала.

– Девочки совсем не похожи на парней, – в очередной раз получив порцию обнимашек, поделился с Рустамом житейской мудростью Алан. – Они нежные, ласковые и непосредственные. А еще очень доверчивые и ранимые. И меня это пугает.

А еще он четко понял, что при мысли о замужестве Васьки у него руки чешутся разбить чье-нибудь лицо. Он уже ненавидел будущего зятя. И это было странно!

Переговоры, расчеты, планирование заняли всю ночь, и утром, сидя в седле, Алан чувствовал себя кулем с грязью, который качался при каждом шаге лошади, норовя сползти с седла и рухнуть на камни. Валяя

и Паулина опять ехали в возке, и жена бросала на него озабоченные взгляды, а один раз даже предложила поменяться местами, на что Алан только гордо фыркнул. Хотя соблазн был велик.

Они поднялись на гору. Впереди в сизой дымке виднелся Осколок, правее лежал в долине Виктоград, точнее, намеки на Виктоград, хотя уже сейчас были видны улицы и контуры будущих кварталов.

– Папа, смотри! А там ксены! – звонкий голосок Василии вывел Алана из дремы.

Девочка ехала с Ивером верхом и восторженно глазела по сторонам, она первая и заметила большой отряд воинов в серых сутанах, скачущий параллельным курсом.

– Обещанный отцом Паулем отряд. – Ворон подъехал к Алану и пустил коня рядом. – Скачут в Осколок.

– Вижу еще отряд, идет от Крови! – крикнул Лис. – Готов поспорить на шапку, что толстяк впереди – Найк!

– Ой, Лис, не надо, не спорь! – испуганно запричитала Васька, оглядываясь на рыжего. – Ты же головку застудишь! – и обиженно насупилась, когда услышала дружный мужской ржач.

Лис оказался прав, в Осколке их встречали Найк и брат Эдар. Неожиданно...

Глава 16

«Война – худшее изобретение человека.

Но денежное.

*Впредь постарайся избегать заявлений,
которые могут привести к войне.*

Но никому не позволяй принимать решения за тебя.

Иногда ради мира стоит воевать».

Из письма Алвиса к Турену Ли

– Когда-нибудь я напишу об этом книгу. – Алан со стоном соскочил со спины Угля и пошел рядом с конем. – Так и назову: «Семь дней в седле, или Как приобрести железную задницу, похудеть и поссориться с женой».

– Ты преувеличиваешь, хорошо едем. – Иверт мог спать, есть и справлять нужду, не слезая с лошади, поэтому брюзжание Алана его совершенно не трогало. – И Валя уже не сердится. Она стала улыбаться после последнего привала.

Еще бы! Последний привал был два дня назад и пришелся на

небольшую деревню, где их с радостью взяли на постой, накормили свежим хлебом и кашей без угольков, истопили баню и уложили спать на кроватях.

– Скажи мне, Кузнечик, зачем ты вообще потащил женщин в поход?

– Потому что был глуп!

Ну и не хотелось оставлять врага в тылу, а Валя, несмотря на то, что их отношения стали намного теплее, все же рассматривалась Аланом как враг. А еще потому что Вадий постоянно намекал, что ревнует, и Викторией хотелось его подразнить. Абсолютно детская причина! Смешная, глупая и несерьезная. Но все, что было связано с темным богом, казалось Викторией смешным и несерьезным.

Она так и не решила, как относиться к этому бурному роману во сне, поэтому и дурачилась, считая его нереальным. Хотя Вадий, похоже, так не думал, он появлялся каждый раз, стоило Алану задремать или устало прикрыть глаза, а на вопросы, как ему удастся подловить момент, отшучивался, что у него на Викторию колокольчик висит.

Алан подозревал, что Оська, более продвинутый ходок, чем он сам, каким-то образом умудряется предупредить Вадия. Правда, сам шут от всего отнекивался, делал большие глаза и утверждал, что он вообще не знает, кто такой Вадий. Но на перегонах с наслаждением горлопанил разухабистую песенку о шамане, у которого темный бог увел женщину-воительницу. Алан на него косился, но, глядя в честные-честные синие глаза, только вздыхал укоризненно и молчал. Они больше ни разу не возвращались к разговору о ходаках. И хотя иногда очень хотелось задать шуту пару десятков вопросов, но Оська избегал этих тем, и Алан не настаивал.

– Ладно, Валию потащил, но Ваську зачем? – не мог угомониться Иверт.

Хотя вот Васька как раз чувствовала себя в походе лучше всех. Добрая и непосредственная девочка пришлась по душе суровым воинам, и ее баловали при каждом удобном случае. Даже Лис с Вороном припрятавали для нее куски повкуснее, а Найк вообще души не чаял, называл киреной Егзой и ни в чем не отказывал, чем Василия и пользовалась без зазрения совести. Вот и сейчас она ехала верхом, сидя впереди наместника Рогана, и что-то увлеченно ему рассказывала.

– На Ваське настояла Валя, – со вздохом ответил Алан. – Она

посчитала, что девочке опасно оставаться в Осколке без присмотра. Да и пора ей учиться быть принцессой, – усмехнулся он.

«Кир Алан, вы только посмотрите на эти жадные взгляды! – категорично заявила супруга за день до отъезда. – Я настаиваю, чтобы дочь вы забрали с собой».

«Почему?» – спросил тогда Алан.

«Потому что я знаю, что бывает с наивными девочками без присмотра строгого взрослого», – обрубил герцогиня. И на этом разговор был закончен. Алану самому не хотелось оставлять Ваську под присмотром Серого и Сарха, поэтому он даже спорить не стал, только взял с Валии слово, что девочкой она будет заниматься сама.

– Ладно, женщины добавляют нашему походу чувственности и веселья, но зачем ты позвал с нами ксена? Этот горелый сразу же привлечет к себе внимание!

– Ураган! – Алан в сто пятый раз вздохнул. – Я уже объяснил, Эдар идет с нами вместо проводника.

– А Алвис нам зачем? – не унимался Иверт, причем этот разговор он заводил раз пять за день.

– Алвис наш враг, я ему не доверяю, – терпеливо отвечал Алан.

– А меченому доверяешь?

Иверт расстегнул полушубок и, стащив с головы шапку, засунул ее за пояс. Они подъезжали к столице, и климат здесь был намного теплее, чем на фронтире.

– Эдару я тоже не доверяю, но ему верит отец Жириш, поэтому верю и я.

– Если что, я его зарежу.

– Отлично! – Алан криво усмехнулся. – Сразу после Лиса. – И, увидев вопросительный взгляд, пояснил: – Я приказал Лису, чтобы он убил брата Эдара при первом же намеке на измену.

– Ты вождь, тебе виднее!

Иверт ускакал вперед, а к Алану подъехал брат Эдар, легок на помине, он подождал, пока герцог взгромоздится в седло, и только после этого начал разговор.

– Я не нравлюсь вашему советнику.

Ксен не снимал глубокого капюшона и перчаток, но Алан все равно видел безобразные шрамы. От памяти не так просто спрятаться за куском тряпки.

– Иверт не любит новых людей в моем окружении, – нейтрально ответил герцог.

– Ваша жена тоже относится ко мне с предубеждением, – в голосе ксена прозвучала легкая ирония.

– Герцогиня ко всем так относится. Но ведь не ради того, чтобы сообщить мне об этом, ты затеял разговор?

– Сегодня вечером мы прибудем в столицу.

– Вовремя, а то я уже зверею без кровати и ванны.

Тут же зачесалась борода, и Алан с наслаждением поскреб подбородок. Самое страшное – подхватить вшей, но вроде пока Ирий миловал.

– Пройдем через улицу Скомороха, там редко бывает патруль, да и ждут вас со стороны гор. Думаю, утро вы встретите в своем доме.

Алан кивнул, и дальше они ехали молча. Было немного нервно и очень любопытно. Во время пути они не заезжали в крупные селения и часто ночевали в лесу, чтобы не привлекать к себе лишнее внимание. По дорогам шастали шпионы Наместника, а Алану хотелось, чтобы о его прибытии узнали как можно позже. Поэтому они выдавали себя за наемников, сопровождающих раненого Длань. Это было почти правдой, Алвис еще не оправился после ранения и верхом ехать не мог, для него запрягли второй возок, и Искореняющий путешествовал с комфортом, все чаще вызывая у Алана приступы жгучей зависти.

Как и обещал Эдар, в город они вошли в темноте и разными группами. Герцога сопровождали ксенята, брат Эдар, Иверт и Рустам, остальные ушли двумя отрядами, один повел Алвис, второй – Найк. Алан ожидал увидеть крепостную стену, ворота, но ничего этого не было, просто в какой-то момент вдоль дороги появились невысокие дома с покосившимися заборами и грудями хлама. Стук копыт периодически прерывался воем тау и громкими выкриками хозяев животных, но на дорогу никто не выходил, внушительный отряд не располагал к задушевным расспросам.

Чем дальше углублялись в город, тем шире становились улицы и выше – заборы, а потом резко дома закончились, и всадники выехали на круглую площадь, а с нее – на другую улицу.

– Улица Согласия, – прокомментировал брат Эдар. – В ее конце находится королевский дворец, а нам нужно держаться правее.

– Впереди засада, – тихо сообщил Лис. – Четверо, все пешие.

– Это Молчун. – Глазастый Иверт первым высмотрел массивную фигуру капитана. Алану иногда казалось, что друг видит в темноте как кошка. – Точно, Молчун.

Лис придержал лошадь Алана, а Ворон и Иверт поскакали вперед, спустя несколько томительных мгновений раздался тихий свист, а еще через десять минут они спешили во дворе большого темного дома, и Алан оказался в медвежьих объятиях своей верной няньки.

– Да жив, я жив! Валяя прибыла?

– Да все уже на месте, только вас ждем. Берт уже и воду натаскал, и травы заварил. Мы вчера прибыли, дров купили, дом протопили, но все равно холодно. Чупка-то больше не живет здесь, – вздохнул Рэй. – Погубили девку ксены проклятушие, только муж ейный и остался с дочкой. Да он сам все расскажет, идемте в дом, кир Алан, идемте! Чай ваш дом-то по закону.

Значит, Чупачурик мертва. Как жаль... Алан не знал сестру Берта, но ему до сердечной боли было жалко незнакомую девушку, которую убили из-за куска железа, о котором она, скорее всего, и не знала.

– Где же теперь искать эту чертовую корону? – в сердцах прошипел он по-русски и направился за Реем к высоким ступеням.

Внешне дом не выглядел большим. Он был выстроен в один этаж, с толстыми каменными стенами, которые в темноте казались темно-серыми, с узкими высокими окнами и покатою черепичной крышей. Чуть в отдалении стояла конюшня, сбоку угадывался парк, а к самому дому вела широкая расчищенная дорога. И главное – здесь был забор. Каменный, высокий, основательный.

Двое мужчин как раз закрывали массивные деревянные ворота. Все происходило очень тихо, коней увели, зажав им морды и сняв седельные сумки, безмолвными тенями скользили по двору горцы, барон Верон мелькнул впереди рядом с Найком и исчез, Алан узнал его лишь по высокой мохнатой шапке. Только ясная полная луна, смазанные силуэты, тихий говор и запахи: дым печных труб, конский навоз, талый снег и легкий, едва уловимый цветочный аромат. Чьи-то духи?

Они вошли в большой темный холл, света было настолько мало, что Алан лишь угадывал очертания мебели, закрытой какими-то тряпками, но рассмотреть все подробно возможности пока не было. А хотелось. Все же это его дом, и было очень любопытно побродить по

комнатам. У окна их ждал напряженный Берт, он поставил на стол подсвечник и повернулся к вошедшим мужчинам. Алану стоило бросить лишь один взгляд на слугу, чтобы понять, что-то случилось. Но что могло случиться за те несколько минут, которые разделяли их прибытие в этот дом?

– Берт?

– Они ее убили, – глухо ответил парень и вдруг сделал то, что Алан никак от него не ожидал, он шагнул вперед и, обняв герцога, разрыдался ему в плечо. – Она умерла под пытками. Никогда больше не буду звать к Ирию!

– выкрикнул он глухо. – Не нужен нам такой бог, который допускает это. Ненавижу... Как я их ненавижу! Сначала Нанни, потом Чупка, за что? Почему к власти стремятся мужчины, а умирают женщины?

Алан обнял верного Берта и, как маленького, погладил по спутанным волосам, не зная, что говорить и как утешать.

– Страдают всегда те, кто слабее, доступнее и не может защититься. Но мы будем с этим бороться. Обещаю.

– Я никогда не брал в руки оружия, вы же знаете. – Берт отстранился и вытер мокрые щеки тыльной стороной ладони. – Но я готов идти с вами, если понадобится. Я хочу увидеть, как сдохнет Наместник!

– Тсс, мальчик, не говори вслух то, о чем пожалеешь. – Голос Алвиса прозвучал до неприятного громко. – Храм не виновен в смерти твоей сестры. Кстати, я не знал, что она и есть неизвестный Чупачурик...

– Если не храм, то кто же?

Алан не стал поворачиваться к говорившему, он и так прекрасно знал, какое сейчас выражение на лице Искореняющего.

– Без понятия. Но это не наши методы. Мы не пытаем до смерти без приговора Тройки.

– Видел я, как работают ваши судьи. – Алан презрительно скривил губы. – Я не верю тебе, Длань.

– Имеете полное право, сир. Где мне расположиться?

– Идите за мной, – буркнул Берт и, не оглядываясь, ушел в темный боковой проход.

– Он неплохо ориентируется в этом доме, хотя говорит, что никогда здесь не был, – задумчиво произнес герцог, поворачиваясь к

молчаливому Рэю.

– Дык здесь все точно, как в хозяйском доме в Крови, только лестниц нет.

Ага, значит, если совместить два этажа Крови, то получится план особняка? Напоминает компьютерную графику.

– Значит, бани нет?

– Нет, ваша светлость, – развел руками Рэй и ухмыльнулся в бороду. – Но мы воды нагрели, так что можете идти мыться. Кирены уже плещутся, чай и вам спинку найдется кому помыть.

– А Васька?

– Ее спящую в спальню перенесли. Вот скажите мне, кир Алан, зачем вы девчонку-то притащили?

– А зачем я притащил Валию, тебя не волнует?

– Ну, баба ясно для чего, – глубокомысленно покивал Рэй и запустил пятерню в седую бороду. – Без бабы молодому мужчине никак.

– Побрился бы ты, – вздохнул Алан и провел рукой по собственной бороде.

Восемь суток без бритвы превратили его в старообрядца. Зато узнать почти невозможно, борода и усы изменили лицо, сделав его старше и солиднее.

Не о том разговаривают, не о том! Нужно расспросить, чем закончился поход в Мирию, что с Ксаном Тихим, какие потери, где генерал? А они вместо этого говорят о всяких глупостях. Но говорить о делах язык не поворачивался, хотелось тупить, ни о чем не думать, а еще хотелось хоть несколько часов побыть одному, ему очень не хватало одиночества. Рэй искоса смотрел на воспитанника и тоже молчал, понимая, что не хочется Алану грузиться проблемами.

– Устал я, Рэй, – неожиданно промолвил герцог. – Знал бы ты, как я устал.

– Да разве ж я не вижу, кир Алан? – Рэй подхватил свечу и жестом показал, куда идти. – Как очнулись после ранения, на себя не похожи. И все, как бешеный тау, бегаєте, все что-то решаете, куда-то спешите, словно боитесь не успеть. Гляжу на вас, и сердце в крике заходится. Загоните вы себя. Нельзя же так спешить. Еще и корона эта... – Он взмахнул рукой и тяжело вздохнул. – Нет, я все понимаю, генерал мне разъяснил, что нельзя вам бегать от долга, но... Погубит она вас!

– Кто? – не понял Алан.

– Да корона эта проклятущая!

– Меня погубит любовь, Рэй, – похлопал его по плечу герцог. – Я нынче у Вадия в любимчиках хожу, – добавил он непонятно.

– Лучше бы Ирия светлоокого слушали, – тихо шепнул Рэй, но Алан услышал, рассмеялся, представив, где бы сейчас находился, если бы послушал Ирия, и сдался.

– Прорвемся, Рэй. Мне никак нельзя сейчас умирать.

– Генерал велел, чтобы вы спать сегодня легли и никаких дел не решали. Завтра будут гости, и вам надо выглядеть хорошо, – сменил тему капитан. – Как королю, а не как оборванцу. Одежку маркиз прислал и велел меч на пояс прицепить. Где ваша Ярость, сир? – спросил он, подозрительно прищурившись.

Алан сразу же почувствовал себя нашкодившим котенком, мучительно вспоминая, где его мечи? Ну никак он не мог привыкнуть к ножнам на поясе! Мешало, раздражало, било по ногам! Вот кинжал – всегда пожалуйста, а меч... Не его это оружие. Эх, пистолет бы...

– Где-то в телеге лежит, – признался он и, увидев возмущение на лице наставника, быстро спросил: – Как у вас все прошло?

– Как в балладах Оськи, сир, – хохотнул Рэй. – Хитрый жук этот Ксан, ох, хитрый! Вы с ним осторожно впредь, красиво он говорит, да действительность намного красивее. Он и без нас бы победил, а так показал всем, что у него за спиной Игушетия и герцогство стоят, и что он первый признал вас как правителя Галендаса, а значит, и союзником стал первым. В общем, я в политике не силен, но генерал сказал, что все прошло как надо. Мы за спиной Ксана постояли, пока он головы братьям рубил да на трон зад усаживал, а потом с почестями и дарами домой направились. Вам там письма генерал передаст. Не война, а прогулка! – недовольно закончил он.

– Эх, Рэй, Рэй... – Алан покачал головой, ощущая такую усталость, что даже объяснять воину, в чем преимущество бескровной победы, было лень. Они остановились у двери, из-за которой раздавались тихие женские голоса, герцог уже взялся за ручку, предвкушая, как сейчас помоемся и уляжемся в нормальную чистую постель, а не на еловые ветки, накрытые попонами. – Ведь никто не погиб?

– Только Пипу морду в драке трактирной подправили, а так все живы, слава Вадию.

– Это главное. Боюсь, здесь нам так просто не будет.

– Сдюжим, сир. Одежка ваша чистая вот! – Рэй сунул в руки Алану кулек, который до этого тащил под мышкой. – Вы только спать ложитесь, не шастайте по дому. За остальными я сам присмотрю. Жену под бок да спать! – прибавил он строго.

– Спать... Какое замечательное слово. Еще бы вспомнить, что это такое, – печально пошутил Алан и вошел в комнату, приспособленную под ванную.

– Кирены, вода осталась?

Алан попробовал улыбнуться, но получилось плохо.

– Мы уже уходим, – решительно ухватив Валию за руку, заявила Паулина. В отличие от герцогини, она была уже одета. – Кирена плохо себя чувствует.

– Что-то серьезное?

Валия потупилась и покраснела.

– Нет, – коротко ответила за нее наемница. – Женские дни.

– Паулина! – возмущенно воскликнула герцогиня. – Что ты такое говоришь, разве можно?

– Думаете, ваш супруг не знает, что это такое? – фыркнула Паулина и, накинув на плечи пунцовой Валии шубу, потащила ее на выход. – Зато теперь можете спать спокойно.

– А до этого, значит, кирена спала беспокойно? – уточнил герцог у захлопнувшейся двери.

Но, конечно, ему никто не ответил, зато Алан услышал гневный голос Валии, которая дала волю негодованию, когда свидетелей рядом не оказалось.

– Бриться будете? – В дверь протиснулся Берт. – Ух, как там жена ваша ругается! Жуть!

– Мыться, бриться и спать! – решительно перебил его Алан.

Комнату ему выделили небольшую, зато жарко натопленную и аж с двумя свечами.

– Боги, как же хорошо, – простонал Алан, падая спиной на мягкую перину.

Пахло пылью и дымом, где-то скреблась мышь, от разохшегося окна сквозило, и спать не хотелось совершенно. Алан, закинув руки за голову, смотрел в некрашенный потолок. Утром раскрутится маховик, который остановить уже будет невозможно, пути обратно нет, если он

проиграет, то живым из этого города не уйдет. Может быть, стоит все же договориться с Вадием? Перенесет его сознание в тело... например, Наместника! Алан сам себе улыбнулся. Умирать было страшно. По-настоящему страшно. Как бы пафосно и банально это ни звучало у него в голове, но герцог Вас'Хантер нес ответственность не только за себя. Слишком много жизней зависит от него. Нет, умирать нельзя! Никак нельзя.

Раздался легкий стук в дверь, и она медленно открылась, на пороге появился мужской силуэт в белом исподнем, в одной руке он держал свечу, во второй - нож.

– Алвис? Какого черта?

Сработали вбитые напряженными тренировками рефлексы, Алан моментально скатился с кровати.

– Тихо, – поднял руку незванный гость, и герцог заметил, что на пол капает кровь.

– Ты ранен?

– Нет.

Длань запер за собой дверь и тяжело опустился на кровать. Выглядел он при этом таким растерянным, что Алан моментально напрягся, что не помешало ему схватить полотенце и, присев перед верным врагом на корточки, осмотреть его раненую руку. Порез на тыльной стороне запястья оказался неглубоким, но Алан все равно тщательно промыл его водой из кувшина и замотал полотенцем.

Искореняющий все это время молча наблюдал за его движениями, нож при этом из рук он не выпустил, и Алану пришлось забирать его силой. Длань вцепился в клинок побледневшими пальцами, но потом разжал кулак и выдохнул.

Алан искоса наблюдал за ним, такого Алвиса он никогда не видел и даже в страшном сне не ожидал увидеть растерянное выражение на этой породистой роже. Это было забавно и одновременно пугало. Что могло выбить невозмутимого Искореняющего из вечно сдержанного состояния?

– А теперь рассказывай. – Алан сел рядом и накинул на плечи одеяло, затем подумал секунду и набросил второй конец на Алвиса. – Ты увидел призрака?

– Призрак - это?..

– Не упокоенный дух, – усмехнулся Алан.

Сюр, полный сюр. Он сидит на кровати со своим вечным соперником и ведет беседы о земных страшилках.

– Почти. Я разговаривал с Вадием.

– О...

Алан смачно выругался. Не стесняясь в выражениях, от души, пятиэтажным русским матом. Потому что стало страшно. Неужели Вадий решил вмешаться открыто? И зачем? Какую игру он ведет теперь?

– Это было необычно, – Алвис передернул плечами.

– Разве ты не общался с ним раньше?

– Так – никогда.

Алан, повернувшись к нему, вопросительно приподнял брови.

– До сих пор он приходил во сне. – Алвис поднял на собеседника нездоровый взгляд, будто то, о чем он сейчас рассказывал, было плодом его галлюцинаций. – В этот раз он попробовал занять мое тело.

– Что? – Вот так и познают на практике значение выражения «глаза вылезли из орбиты, а челюсть упала на пол». Герцог быстро захлопнул рот и, ухватив Алвиса за плечи, хорошенько потрянул. – А теперь расскажи очень медленно, подробно и, желательно, вспомни все, что эта сволочь тебе говорила.

Длань усмехнулся, и наконец Алан увидел на его лице знакомое выражение сосредоточенной злости.

– То, что он до этого являлся ко мне, тебя не удивляет?

Алан заметил, что Искореняющий перешел на «ты», но не придавал этому значения. После сегодняшней откровенности их отношения точно не будут прежними.

– Нет. Меня удивляет другое, но об этом я расскажу после. Как ты порезался? Алану показалось, что это очень важно.

– Когда он попытался вытолкнуть меня за реку Забвения, пришлось действовать решительно, чтобы очнуться. Ты меня понимаешь?

Алан вздрогнул, испытывая абсолютно полярные чувства: с одной стороны огромное облегчение и предвкушение, потому что теперь ему есть с кем обсудить опасные знания, а с другой – страх разоблачения и готовность дорого продать свою жизнь.

– После того как я отбил свое тело, мы говорили. Долго, – продолжил Алвис и улыбнулся. – Он сказал, что в этот раз эксперимент не удался и я пока могу жить спокойно. Понимаешь? Он просто дал мне

отсрочку.

– Скорее всего, Вадий поищет более слабое тело, – кивнул своим мыслям герцог. – Ох, не нравится мне это. Как бы не пришлось умирать раньше времени, – глядя в окно, проговорил он собственные мысли вслух. – Значит, он попытался вселиться в тебя, что весьма предсказуемо. Ты силен, авторитетен, молод и красив. Я бы смог тебя полюбить...

И сам рассмеялся собственным мыслям. Да, Вадий был прав. Абсолютно прав, черт бы его побрал! Виктория поступила бы точно так же. Выбрала бы для реципиента того, с кем считаются в этом мире, на кого можно сделать ставку, кто близок к объекту твоего интереса и реально сможет помочь достигнуть цели. Того, кто встанет за спиной со всей мощью и поддержкой Храма и Учителей, кто будет надежно прикрывать тылы и вести в нужном направлении. Того, кому будешь доверять и кого можно рассматривать как объект для влюбленности. Вадий увидел и рассчитал верно, ошибся лишь в двух вещах, в силе духа Алвиса и гомофобии Виктории...

– Господи, Алвис, если бы ты только знал, как я рад, что ты не поддался! – Алан искренне сжал руку Длани. – Стань ты Вадием, и я бы чокнулся окончательно.

– Я поддался. Просто Темный не смог удержаться в моем теле, сказал, что для этого нужно двое, а Ирий категорически против таких экспериментов. Ты понимаешь, о чем речь?

Алан кивнул. Он понимал. И помнил слова Вадия: один направляет в этом мире, второй контролирует оборудование в мире другом.

– Что он еще говорил?

– Ну... – Алвис поежился, одной рукой неуклюже натягивая одеяло на ноги. – Он добился того, чего хотел. Показал, что может со мной случиться, если я не соглашусь на его условия. Знаешь, не представляю, как ты смог это пережить. Когда тебя, твою память, и жизненный опыт выталкивает из тела более сильное, более решительное, более древнее сознание, когда волю ломают, как скорлупу, когда ты не можешь подчинить себе конечности, а можешь лишь орать и цепляться за остатки разума – это даже не страшно, это нечто за пределами понимания. Я думал, что никогда больше не вернусь, не смогу жить, дышать, быть. Рыску назад я понял, что такое быть анчутой. И я понял, что вся моя жизнь, мои цели, желания, стремления легко ломаются

более сильной волей. Это пугает. Я оказался не готов. Совершенно не готов.

– Добро пожаловать в клуб, Алвис! – похлопал его по плечу Алан.
– Но на самом деле все не так страшно. Как видишь, даже боги не всесильны, если у человека есть сила воли и желание жить.

– Но он сможет занять мое тело? – напряженно уточнил Длань.

– Сможет, – не стал лгать Алан, – У них хватит оборудования, и это просто вопрос времени.

Вадий упрямым, как мул, и если он решит осуществить этот эксперимент, то он его осуществит. Подождет, пока Ирий вернется на работу, будет пробовать столько раз, сколько нужно, не считаясь с потерями и чужим мнением. Вижу цель, иду к ней. Дурак! Зачем рисковать собой? Ради чего?

– Он любит тебя, – ответил Алвис на невысказанный вопрос.

– Наверное, ты прав, раз он решил вернуться, несмотря на трудности и неудачи, несмотря на десятилетия исследований, на неодобрение Ирия. Он ученый и понимает последствия этой выходки. Ведь он просто может потеряться во сне, не вернуться в свое тело и не попасть в новое... И все ради меня. Да, наверное, он меня любит.

– Но...

Длань замолчал, споткнулся на следующем слове, но Алан понял, что он хотел спросить. Понял, но тоже промолчал.

– Ты ведь не Алан Валлид? – осторожно спросил верный враг.

– Нет. Я пришел извне, точнее, меня Вадий с Ирием привели, но в своем мире я умер.

Алан смотрел на Алвиса и думал, сколько можно ему рассказать, насколько довериться? Нет, признаваться в том, что Вадий влюблен в женщину, пожалуй, будет преждевременно, если бог захочет, сам сообщит. Зато теперь Алан точно знал, что он не сумасшедший и Вадий ему не чудится. Все, что происходит на грани сна и яви, – правда, только вот проще от этого не стало. Черт! Да стало сложнее! Потому что... потому что Виктория тоже начинала симпатизировать Вадю. А это не вовремя.

Алан прикусил губу, до рези в глазах всматриваясь в темный угол, подсознательно ожидая, что там сейчас появится знакомая фигура, но Вадия не было, и быть здесь сейчас никак не могло. Интересно, как бы это случилось, удайся Темному его эксперимент? Если бы сейчас рядом

с Аланом сидел не Алвис, а древнее существо с огромным пластом знаний, умением манипулировать и интриговать, но в теле человека, который говорит, что любит... Ох, что-то подсказывает, что общаться в реальности было бы намного сложнее, чем во сне, где все кажется просто игрой.

Длань что-то прочел по его лицу, грустно улыбнулся и тихо произнес:

– Он взял с меня слово, теперь я стану твоей тенью, твоим клинком, твоим глашатаем. Не могу сказать, что это идет вразрез с моими личными желаниями, но всегда сложно принять навязанное решение. Мне сложно. Я понимаю, что отныне моя жизнь зависит от твоей. Правда, и награда обещана королевская.

– Еще одна жизнь? – понимающе кивнул Алан.

– Он ведь сможет? – немного нервно уточнил Длань.

– Сможет. Им хватит оборудования, чтобы перенести твое сознание, например, в беременную рабыню.

– Вот ур-род, – прошипел Алвис, глядя на собеседника с откровенным ужасом. – Это жестоко.

– Они не милые и не добрые, Длань. Они манипуляторы, безжалостные и беспринципные убийцы. А еще они ученые, что почти то же самое.

Мужчины замолчали, каждый думал о своем, и мысли обоих были далеки от веселых. Хотя Алан, поразмыслив и оценив шанс, все же признал, что Вадий поступил неожиданно, однако мудро. Он сумел перевести Длань из потенциальных противников в союзники, хотя герцог был уверен, что и без вмешательства Вадия они бы договорились, потому что оба шли к одной цели, просто разными дорогами. Но теперь... А как все будет теперь? Он задал этот вопрос вслух и получил короткий ответ:

– Я не знаю, сир. Клянусь жизнью, не знаю. Но нам придется согласовать планы до встречи с Наместником и оппозицией.

– Значит, спать сегодня не получится. Пойду поищу кого-нибудь, чтобы принесли горячего.

– Расскажите о себе?

Алвис даже не скрывал любопытства и предвкушения, а Алану самому хотелось рассказать. Урезанную версию. Поэтому ночь впереди действительно обещала быть бессонной...

Через несколько часов их нашел Оська, вредный шут притащил несколько пыльных бутылок, залитых воском, стопку пышных лепешек и кусок солонины.

– Мне надоело под дверью подслушивать, – честно сообщил он, шустро нарезая солонину ножом Алвиса. – А потом кушать захотелось. – Оська потер нос и ловко срезал пробку с бутылки. – Ну что, Алан-балан, выпьем за успешный конец этого безнадежного дела? Нет, вы представляете, что мы сможем втроем устроить в новом мире, когда помрем в этом?

Алан представил, и ему стало жалко новый мир.

Утром, когда печи прогорели и в комнатах стало прохладно, ослабленный длительной болезнью организм Длани дал сбой, и ксен заснул, а Оська и Алан отправились исследовать дом.

– Понимаешь, Алан! – размахивал шут куском лепешки. – Генерал все продумал. Здесь с тобой только ветераны и ксенята, те, кто не предаст, а всех остальных он разместил по секретным местечкам в разных закоулочках. Наместник не знает, где все, никто не знает, где спрятано твоё войско, и в нужный момент - бац! Мы как вдарим! И как победим!

Алан с интересом рассматривал большой холл, из которого вело несколько коридоров.

– Ничего так, да? – самодовольно приосанился шут, словно лично развешивал на стенах гобелены и расставлял многочисленные кресла и диванчики, которые сейчас закрывали серые пыльные тряпки.

– Маркиз придет с утра горничных, и к приходу гостей здесь все будет сиять и пахнуть.

Оська толкнул дверь, и они вошли в большую спальню. Кровать под балдахином, ковер... В полумраке он казался серым, но, когда шут поднял выше свечу, Алан понял, что это голубой цвет. Красивая спальня с большим окном, выходящим в заснеженный парк.

– Хозяйская.

Интересно, была ли здесь счастлива мать Алана Валлида, или эта спальня была для нее пыточной и тюрьмой? Из спальни имелся проход в кабинет и будуар. По-видимому, супруги встречались только ночами.

– Оська, как думаешь, корона еще здесь?

Они обошли все комнаты, кроме тех, в которых спали, и вышли в кухню. Здесь уже горела печь, а у большой плиты крутился мужчина

лет сорока-пятидесяти. Увидев Алана, он испуганно ойкнул и низко поклонился.

– Ваша светлость, изволите завтракать?

– Это Илия, муж Чупки. – Оська сел за стол и взмахом руки предложил герцогу присоединиться. – Это он мне вино дал! Расскажи грозному хозяину этого домика, как вы тут жили?

– А что рассказывать? – Мужчина покосился на Алана. – Его честь генерал Роман уже расспрашивали. В месяц зеленого Петуха пришли трое в рясах, спросили, как давно мы получали распоряжения от конта, потребовали все письма. Из Храма каждый сезон приходил посыльный, проверяли, что из Крови пишут, какие распоряжения дают, сколько денег на содержание дома присылают. Раньше этим всем ваш отец занимался, а как погиб, Нанни писала за вашим именем.

Алан вспомнил письма, которые подписывал, написанные аккуратным округлым почерком его кормилицы, и сердце сжалось от тоски. Нанни он храмовникам так и не простил.

– А потом спросили у Чупланы, что за зверь - чупачурик, а она ответила, что ее в детстве брат так звал. И все. Больше мы с дочкой ее живой не видели. Даже проводить до реки Забвения не дали, лишь письмо пришло из канцелярии Приближенного, что скончалась от неизвестной болезни, да три монеты как компенсация дочери.

– В доме ничего не искали?

– Как же! Четыре раза все перевернули, еще и сад перекопали, цветник спасти после этого не удалось. Да только ничего, видно, не нашли, потому что всегда злые уходили.

– Кто искал? – раздалось хмурое от двери, и в комнату вошел Лис.

На нем были серые штаны, заправленные в высокие сапоги, черная рубашка, поверх нее расстегнутый мундир тоже серого цвета. Алан впервые видел своего телохранителя без сутаны.

– Чей мундир? – с интересом рассматривая рыжего, спросил он.

– Дворцовой стражи.

Послушник смотрел на Илию и ждал ответа.

– Первые три раза - братья Искореняющие, а вот в последний приходили люди в таком же мундире, как на вас, кир.

– Я не кир, – поправил Лис и повернулся к Алану. – Разрешите нам осмотреть дом? Учитель уверен, что корона, если она существует, находится в доме. У вашей матушки не было времени, чтобы ее вынести

и спрятать за пределами особняка. А с собой она ее тоже не брала, все вещи графа Валлида проверили.

Алан кивнул. Лис ушел, а герцог еще рыску расспрашивал Илию и только, когда на кухню заглянула бледная девочка лет десяти – дочка управляющего, отправился искать Берта.

– Кир Алан, если хотите, Марушка вашей дочери прислуживать будет. – Илия вручил дочери тарелки и отправил ее накрывать на стол, а сам повел Алана в полуподвальное помещение, где спали слуги. – Она смышленная у меня.

– Конечно.

Дом лишь на первый взгляд казался маленьким, на самом деле он был достаточно большим, чтобы в нем легко разместилось человек тридцать.

Завтракали в наспех прибранной малой столовой – большой светлой комнате. Расселись за круглым столом, покрытым желтоватой скатертью, которая пахла полынью, Алан подозревал, что ее в срочном порядке вытащили из бабушкиного сундука, где она благополучно лежала последние лет тридцать среди другого приданого.

Завтрак оказался весьма скудным: пшенная каша на молоке и яйца.

– Валия, – обратился Алан к жене, когда Илия принес чайник. – Как ты себя чувствуешь?

– Все хорошо, – слегка заалела щеками женщина, досадливо прикусывая губу.

– Слугами и домом придется заниматься тебе.

– Конечно! – Герцогиня посмотрела на Алана с недоумением. – Вам не стоит об этом беспокоиться, занимайтесь вашими мужскими делами, Алан, а женские дела оставьте мне.

– Деньги возьми у Иверта. – Алан с благодарностью сжал холодную руку супруги. – Сегодня у меня очень важные встречи, я бы хотел, чтобы ты на них присутствовала как хозяйка... – А потом неожиданно даже для себя протянул руку и нежно провел кончиками пальцев по бледной щеке, коснулся большим пальцем полных губ и тихо закончил: – ...этого дома.

– Сколько времени у меня есть? – прикусила губу герцогиня и перевела взгляд на притихшую Ваську, которая внимательно следила за их разговором.

Алан с запоздалым сожалением подумал, что у его женщины нет

наряда, достойного ее статуса. Что значит, голова забита войной, а не любовью!

– Четыре рыски, – ответил за него Рэй, они с Ивертом уже позавтракали и теперь о чем-то тихо переговаривались. – Генерал сказал, что гости придут ко второму зыванию.

– Отлично, мы все успеем. – Алан поднялся.

– А мне что делать? – звонко спросила Василия. – Маме помогать?

– А тебе - маме не мешать! – строго произнес Алан.

– Тогда можно я с Марушкой буду играть? – Васька молитвенно сложила ладошки на груди. – Она мне обещала показать детскую комнату, где есть куклы! Говорит, что в них еще ваша матушка играла, отец!

– Пусть поиграет, – ответила на вопросительный взгляд мужа Валя.

– Только из дома не выходить. На улице может быть опасно, – строго предупредил Алан и на мгновение замер от четкого осознания, что только что включил заботливую мамочку.

Так знакомо прозвучала эта фраза!

«Мама, можно мы с Витькой пойдем на улицу?»

«Конечно, сын, только со двора не выходите, это опасно».

– Кузнечик, ты слишком много волнуешься. – Иверт громко шлепнул его по плечу, подталкивая к выходу. – Барон Верон приглашает посмотреть столицу. Ты с нами?

Чтобы он отказался от экскурсии по настоящему средневековому городу? Да ни за что!

– Это может быть опасно, – тихо шепнул Лис.

– Опасно сидеть в четырех стенах и не знать, что за забором, – ответил Иверт, и Лис не нашел, что возразить.

Город Алану понравился. Большой, довольно чистый, с широкими улицами, мостовыми и даже тротуарами. Небольшая речушка делила его на две части, и, чтобы попасть в «центр», пришлось перейти через широкий каменный мост. Рядом с мостом возвышалась полуразрушенная крепость, чуть левее серели кирпичные стены мануфактуры, из высоких труб в пасмурное небо уходил черный дым. Если удастся взять трон, Алан прикажет вынести производство за реку, подальше от жилых районов.

Они шли по расчищенной дороге, распугивая немногочисленных

прохожих, и смотрели по сторонам. Барон Верон комментировал, размахивая руками и иногда, увлекшись, толкая Алана в плечо.

– Речку, как и город, называют Вьерк, потому что она очень извилистая. Заселять берег начали с этой крепости. – Он, как заправский экскурсовод, взмахнул в сторону крепостной стены. – Но аристократы предпочли селиться в низине, подальше от речки и мастерских. Поэтому все приличные особняки находятся на той стороне. Когда построили королевский дворец, многие приобрели земли и на этом берегу, но в основном здесь проживают те, кому титул достался не по наследству. – Он презрительно сплюнул. – Выскочки. Но с деньгами.

Обычный город, если бы не отсутствие проводов и светофоров, запросто сошел бы за какую-нибудь эстонскую Нарву. Люди здесь не отличались от жителей герцогства, только одевались побогаче, да в центр не пускали бродяг и нищих. Центральные улицы патрулировали стражники в теплых стеганых бушлатах и шапках-ушанках. На рукавах у них были нашивки – две скрещенные секиры в треугольнике.

– Зайдем в храм? – предложил барон, когда их небольшая компания вышла на площадь, упирающуюся одним концом в королевский дворец. – К дворцу отсюда не подойти, а вот с храмового двора очень все хорошо можно рассмотреть.

Дворец Алану тоже понравился, не Эрмитаж, конечно, но на Павловск потянет. Небольшой, двухэтажный, выкрашен в желтый цвет, с большими витражными окнами и резными колоннами на входе.

– Ваш отец не любил этот дворец, говорил, что он его убивает, – тихо произнес из-под капюшона Эдар.

Алан оглянулся на ксена, но промолчал. Ему было глубоко безразлично, что любил, а что не любил Айро Второй, виноватый лишь в одном, что не сумел вовремя вытащить свое осадное бревно из крепости графини Валлид.

В храме было безлюдно и безжизненно, шаги пяти мужчин создавали легкое эхо и звучали слишком громко.

– Странно, что нет людей, – напряженным голосом произнес Ворон. – Нам следует уйти.

– Это ловушка!

Одновременно с криком Лиса случилось несколько вещей. С громким противным звуком захлопнулась дверь и стало намного темнее, из-за колонн появились воины в форме дворцовой стражи,

Верон и Эдар выхватили мечи и атаковали ксенят.

– Это не ваша битва! – выкрикнул барон Верон. – Вадий на нашей стороне, вы умрете, а можете вернуться в храм и стать героями!

– Ты ошибаешься, барон, Темный благоволил герцогу, – презрительно процедил Ворон и стремительным броском ударил Эдара, но тот ловко уклонился.

Иверт застыл рядом с Аланом, гневно полыхая глазами и сжимая в руках яташ. Открылась дверь за алтарем, и в узкую полосу света вышел невысокий крепкий мужчина.

Алан стоял, сложив руки на груди, и с холодным интересом следил за приближающимся к ним Наместником. В том, что это был он, герцог не сомневался. Живой любознательный взгляд, уверенная походка, на плечи накинут меховой плащ, но из-под него видна черная сутана с пустым левым рукавом, зашитым золотой тесьмой. На шее золотая цепь с большим круглым кулоном, Алан не видел, что на нем изображено, но был уверен, что лики обоих богов.

– Наместник, – слегка склонил он голову.

Боги, каких усилий это ему стоило! Сохранить хладнокровное и безразличное лицо, когда сердце бешено колотится о ребра, а взгляд постоянно возвращается к двум парам бойцов, сражающихся в центре храма. Если погибнет кто-то из мальчишек, он здесь камня на камне не оставит!

– Если здесь прольется кровь, я велю сравнять этот храм с землей, а на его месте воздвигну Церковь нового бога, – расправив плечи, сообщил он остановившемуся напротив мужчине.

Дерьмо!

И все завертелось в сумасшедшем калейдоскопе мыслей и событий.

Как же так получилось, что они попали в ловушку? Почему он до сих пор верит людям? Расслабился, думал, что тебя окружают друзья и соратники? Случай с Валией ничему не научил? Сколько раз сам себе повторял, что пора выключать менталитет двадцатого века и включать паранойю, и опять на те же грабли! Идиот!

Вскрик - и Алан резко повернул голову, не в силах оставаться в неведении. Облегченный вздох он даже не попытался скрыть: барон Верон упал на пол, а Лис прижал рану на плече.

– Наместник, вы обещали нам поддержку! – успел выкрикнуть барон, прежде чем Лис вогнал ему в горло кинжал.

– Прикажете своим людям...

– Не стоит верить тем, кто много обещает, не так ли? – поинтересовался Алан у Наместника и спрятал руки за спину, потому что они мелко тряслись.

Но это скоро пройдет. Вдох, выдох.

– Иверт, – обратился он к другу на наречии горцев. – Позаботишься о моих женщинах.

– Конечно, вождь, – весело и зло ответил Иверт, не сводя взгляда с Наместника. – Но прежде, чем всех зарезать, послушаем, что скажет этот человек?

– Сир! – Ворон замер напротив Эдара. – Мы не будем атаковать Наместника.

– Понимаю. – Холод в голове Алана был созвучен холоду в сердце. Предательство парней ранило сильнее, чем удар железа. – Мне жаль, что так вышло, Ворон. Вы можете уйти.

– Нет! – звонкий голос Лиса разнесся под высокими сводами. – Мы останемся.

– Зачем? – устало поинтересовался Алан. – Чтобы добить, если ваш идол прикажет?

– Идол? – переспросил Наместник.

– Не важно.

Алан смотрел прямо, не пряча взгляд, и ждал.

Вот Эдар медленно отошел к Наместнику и встал чуть позади. Не убирая меч в ножны, он рывком надел капюшон, пряча под ним обезображенное лицо.

– Я никогда не доверял меченому, – скривил Иверт губы в улыбке. – Зато умрем красиво, и похоронят нас с почестями.

– Ага, а Оська сочинит песенку о наших похождениях, – сыронизировал герцог, потому что больше ничего не осталось.

«Ты стал фаталистом, мой друг», – послышался ему голос Вадия, и Алан улыбнулся.

– Знаешь, я передумал умирать. – Иверт оглянулся вокруг. – Вдвоем, конечно, будет сложно всех зарезать, но мы же попробуем?

– Попробуем, друг.

Ладонь привычно легла на гладкую рукоять меча, пальцы приласкали отполированное навершие, и Алан ясно понял слова Рэя: «Рука и меч едины».

– Не стоит умирать так бездарно, конт Валлид. – Голос у Наместника оказался на удивление неприятный, тихий и тонкий, совершенно не подходящий властному выражению лица. – Мы можем договориться.

Конт? Алан непроизвольно скривил губы. Нет, они не договорятся, потому что этот тип не видит в нем личность, ни во что не ставит его заслуги, не считает нужным вникать в планы. Он для себя уже все решил.

– Ты сдаешь мне герцога Верги и всех, кто его поддерживает, а я разрешу тебе вернуться.

– Это он сейчас с кем разговаривает? – приподнял соболиные брови Иверт, и Алан поймал себя на мысли, что опять, как полгода назад, любит горцем. Да! Чтобы потом в другой жизни помнить все, до последней черточки.

– Кто такой герцог Верги? Э? Вождь?

– Без понятия, Иверт, – пожал плечами Алан. – Знаешь, что губит цивилизации, из-за чего проигрывают сражения? Из-за неумения правильно оценить противника. Вот и меня храмовник недооценивает. Он уверен, что за моей спиной кто-то стоит. Но мы-то знаем правду...

– И какая же она? – поинтересовался Наместник, но в его взгляде мелькнуло недоумение, он явно не ожидал от Алана связных речей.

– За его величеством Айро Третьим стоят Темный бог и Учителя, – глухо ответил за Алана Эдар и коротким быстрым движением загнал нож в основание черепа Наместника.

Выдохнули...

– А он мне всегда нравился, – весело воскликнул Иверт, помогая Эдару опустить убитого на пол.

– Ты же говорил, что не доверял Эдару!

Лис оглянулся, но растерянные стражники не собирались нападать, они переминались с ноги на ногу, бросая вопросительные взгляды на десятника.

– Я ему не доверял, но он мне нравился, – выкрутился Иверт. – Что будем делать с трупом? Это же не раб, этого искать будут.

– Старший! – Ворон выпрямился и сделал шаг в сторону стражников. – Его величество Айро Третий благодарит вас за службу и приглашает во дворец для получения награды. Весь ваш отряд будет награжден за помощь в поимке заговорщиков и врагов короны! Как

ваше имя?

– Таг, к вашим услугам, – хмуро ответил десятник, следя за Вороном с напряжением. Меч он держал в руке, но клинком вниз. – Мы не подчиняемся храмовникам, просто патрулировали эту часть города. А здесь оказались по просьбе брата Изора, местного ксена, он попросил вмешаться, если на его гостя кто-нибудь нападет. Я только сейчас понял, кто именно был его гостем...

Услышав о ксене, Лис метнулся к двери, из которой вышел Наместник, но она оказалась заперта.

– Вам не кажется, что нам пора смываться? – Алан оглянулся на дверь.

– Смываться – означает скрыться? – уточнил Лис. – Таг, откройте дверь и можете быть свободны. Когда объявлена свадьба узурпатора?

– Через день.

– Я бы на вашем месте...

– Я подчиняюсь капитану городской стражи. – Десятник проследил взглядом, как пятеро мужчин уходят из храма, и только после этого закончил: – А он раньше служил у герцога Верги. Как думаете, парни, мы можем пожрать из этой кормушки?

– Мы с тобой прошли две кампании, старшой. – К нему бесшумно подошли четверо стражников, трое матерых мужиков и один совсем юный, похожий на десятника, явно родич. Говорил самый старший. – Сам понимаешь, держать золото за пазухой не в тягость, так что идем старым маршрутом, никуда не лезем, ничего не видим, а как капитан клич бросит, встанем за его спиной. Глядишь, к пенсии домик справишь, – усмехнулся он в усы.

– А если этот... – Десятник дернул головой в сторону выхода. – Проиграет?

– Этот? – хмыкнул его собеседник. – Этот не проиграет. Ты видел, как он стоял перед Наместником? Слухи не брешут, настоящий король вернулся в город, не чета нынешнему ...

Он хотел сплюнуть, но постеснялся, храм все же.

– Айро Третий! – прозвенел голос юноши, и он тут же смутился собственному восторгу, добавил в голос солидности и пренебрежения. – А мы значит, как бы, на его стороне. Эх, коня куплю и женюсь! Ну, как награду получу, – смущенно добавил он под тихий смешок десятника.

– Надо капитану пересказать. И чтоб молчали, рожи немые, я сам

доложусь. – Десятник затер ногой кровь на полу и тихо добавил: – А храм жалко, красивый был.

– Да, этот точно свое обещание исполнит, – согласился кто-то из воинов.

Наместника унесли с собой и всю дорогу до дома ждали, что их арестуют, но никому дела не было до спешащих по своим делам мужчин. А то, что одного волокли под руки, так может, перепил с утра. Бывает.

Тело Наместника сгрузили в конюшне, Алан всю дорогу молчал, но сейчас у него накопилось слишком много вопросов, и он собирался задать их немедленно, поэтому коротким кивком приказал всем следовать за собой, выяснять отношения лучше под защитой толстых стен. Однако поговорить им не удалось, на крыльце ждали сердитый Рэй и генерал Генри Роман.

– Маркиз! Раз вас видеть! – Алан с искренним удовольствием пожал сухощавое предплечье генерала. – У меня новости, и даже не знаю, насколько они приятные.

– Все новости чуть позже, – отмахнулся генерал и торжественно произнес: – Я представляю вам людей, которые давно мечтали познакомиться с истинным королем.

– Только после того, как я кое-что выясню. – Алан вошел в холл и повернулся к Ворону. – Итак. Вы это спланировали заранее?

– Да. – Телохранитель не стал отводить взгляд. – Отец Жириш дал на этот счет четкие указания. Мы знали, что встреча состоится, знали, что барон Верон - предатель.

– Кому вы служите? – Алан потер виски. – Мне или Учителям?

– Вам, – прозвучало коротко и твердо. – Если бы планы отца Жириша шли вразрез с вашими, мы бы не стали рисковать.

– Я работаю на Учителей и Храм, – прозвучало из-под капюшона брата Эдара. – Моя личная заинтересованность не распространяется настолько далеко, чтобы предавать то, чему я посвятил жизнь. Но Храм нуждается в переменах, и поэтому я с вами, а не против вас.

– Вы понимаете, что натворили? – Алан был зол, потому что убийство ключевой фигуры на политической доске континента никак не входило в его планы. Он собирался договариваться! Решать вопросы путем переговоров, а не убийства! – И неизвестно, как к этому отнесется Длань.

– Папа!

В холл выбежала раскрасневшаяся Васька с большой куклой, которую бережно прижимала к груди. Девочка запуталась в длинном платье, затормозила, замахала руками и с громким писком свалилась под ноги генералу. Тот наклонился и поднял Ваську, лицо его при этом выражало досаду, но, увидев куклу, генерал вдруг побледнел и схватился за сердце.

– Папа, мама сказала, чтобы ты сразу же шел в большую гостиную! – Васька и не думала стесняться. – Там гости пришли! Важные! Смотри, какую куклу мы нашли на чердаке! Она старенькая, но дядя Рэй сказал, что ручку можно починить. И платье новое пошить, а то это уже запыхтелось!

Алан же смотрел на генерала, который протянул к кукле дрожащую руку и взволнованно попросил.

– Девочка, можно посмотреть?

Васька удивленно кивнула и отдала ему куклу, ревниво следя, чтобы генерал ничего не отломал. Что так взволновало маркиза, Алан понять не мог. Кукла как кукла, фарфоровое личико с нарисованными ресницами, светлые кудрявые волосы, платье из синей парчи. К нижней юбке, по-видимому, пришита жесткая лента, потому что платье стояло колоколом.

– Осторожно! – возмущенно пискнула Васька, когда генерал поддел кончиком ножа загнутый край кукольного платья. – Не пораньте Машутку!

– Я тебе новую подарю, девочка. – По щекам генерала текли слезы.
– Ах, Ксана, Ксана, что же ты даже не намекнула.

– Это то, о чем я думаю? – тихо спросил Алан, когда в руках у генерала оказался тонкий железный ободок с выгравированными символами.

– Да, сир, перед вами корона Королей, – торжественно произнес генерал. – Уникальный металл, вещь, единственная в своем роде. Подделать ее невозможно.

– Боги на вашей стороне, сир, – Ворон склонил голову перед Аланом.

– Я ожидал чего-то более внушительного, – усмехнулся герцог, принимая из рук маркиза легкий титановый ободок. – Могли бы и бриллиантами украсить, – сварливо пробормотал по-русски и улыбнулся.

Глава 17

И глянул на сына своего Отец Небесный,

и возгордился его поступками,

И позвал Его в чертоги свои, и усадил на трон рядом с собой.

И стали люди молиться более справедливому из всех братьев,

Тому, кто грехи людские искупил

перед Отцом Небесным мученической смертью.

И даже Вадий и Ирий склонили головы перед ним, и омыли ему ноги,

И проводили в покои светлые,

и служат с тех пор ему правдой и верой.

«Из Жития святого Алвиса»

Приписка на полях по-русски: «А еще Вадий поклялся оторвать святому Алвису яйца, если тот будет клеиться к его дочке».

– Странное чувство, когда цель достигнута, а удовлетворения нет. – Алан смотрел, как Длань Наместника облачается в черную сутану с серебряной окантовкой и подпоясывает талию витой черной веревкой. – Скажи мне, что будет дальше?

– Мир не будет прежним, – хмуро отозвался Искореняющий. – Ты уже разрушаешь устои. Вводишь новые законы и порядки, даже не подозревая об этом. Ты идешь к цели, не замечая, как за тобой меняется мир.

– Я просто живу, точнее – выживаю. Хочу спокойно растить детей,

строить город, путешествовать. Я эгоист, Алвис, я делаю все, чтобы мне было удобнее и легче жить.

– Но каждый твой поступок меняет мир, да что там мир, каждый человек после общения с тобой меняется.

Алан уставился на Длань, ожидая продолжения, но Алвис молчал, только когда скептически осмотрел себя, расправил складки и накиннул на голову капюшон, он повернулся к герцогу.

– Вот пример! Ксан Тихий после общения с вами изменил политику королевства, по-новому взглянул на брак и задумался об отмене рабства через введение налога на голову. При этом выдает ваши идеи за свои и находит поддержку у населения, правда, аристократы пока выжидают, но он начал править жестко, много голов полетело, поэтому открыто никто не выступает.

– Откуда знаешь?

– Получил известие от отца... Пауля.

– Считаешь, мне тоже стоит начать жестко?

– Тебе стоит арестовать и судить убийцу Наместника. Знаешь, Алан... – Искореняющий сел рядом. – Мне было намного проще противостоять тебе, чем быть на твоей стороне. Сейчас мы вступаем на такой тонкий лед, что даже я не рискну предположить, чем все обернется.

– Что будешь делать?

– Действовать по уставу Храма. В случае смерти Наместника до выборов следующего власть в Храме переходит к Длани. Что буду делать? Во-первых, ты отдашь мне брата Эдара, убийца не должен разгуливать на свободе, потом соберу всех высших иерархов Храма, а дальше... буду думать.

Алан задумчиво кивнул. Длань прав, если хочешь показать себя справедливым королем, следует начинать с себя и своего окружения. Но как-то все это неправильно.

– Я не хотел смерти Наместника. Веришь?

– Я это знаю. Глупо все получилось, не ожидал от отца Жириша такого недалёковидного поступка. Хотя... – Алвис замолчал. – Учитель Жириш был его наставником, возможно, он знает больше меня.

Алвис встал, и герцог поднялся следом. Длань больше не был знакомым соперником, их словно отбросило назад на момент первой встречи. Перед Аланом стоял жесткий собранный незнакомец, его

взгляд выражал решимость, и герцог в очередной раз подумал, что он совершенно не понимает этого человека.

– Знаешь, – сказал он, выходя в распахнутую дверь. – Я рад, что ты на моей стороне.

– От этого ваш путь не станет легче, – тихо произнес Алвис.— Я обещал защитить вас ценой собственной жизни, но я не обещал решать за вас. Если увижу, что ваши действия идут вразрез с моими интересами, я рискну ослушаться Вадия.

– Я рад, что ты честен со мной, и ценю это, Алвис - святой великомученик, – не удержался герцог от подколки.

– Кстати, в столице у меня другое имя, и знают его немногие.

– Мне нравится то, под которым я тебя знаю, Длань, – пожал плечами Алан. – Делай, что должен, и будь, что будет. Давай попробуем избежать кровопролития.

Алвис внимательно всмотрелся в лицо герцога и кивнул, после чего направился к большой гостиной, по пути к ним присоединилась тройка молодых ксенов из тех, что пришли с Аланом. Герцог прикусил губу, чтобы не ругнуться, только что Длань показал ему воочию, кто именно отдает команды отряду, который приставили к нему старые интриганы. Отряд ксенов подчинялся герцогу номинально, но в приоритете были приказы Длани.

– Храм потому силен, что мы соблюдаем четкую иерархию. Приказы Длани и Наместника никогда никем не оспариваются, как и решения Тройки. Вы первый, кто посмел бросить вызов храмовникам. И теперь я понимаю, почему.

– Да я еще даже не начинал, – хмыкнул Алан.

Если все пойдет по плану, то Длань ждет большой сюрприз.

– Вы меня пугаете, сир. – Алвис повернулся к Алану и прежде, чем спрятать лицо под капюшоном, посмотрел в глаза. – Прошу вас, будьте осторожны. Дальше наши пути расходятся.

– Ты тоже береги себя, Алвис, – тихо ответил герцог. – Не дай мне повода убить тебя.

– Вы меня уже один раз убили, – пошутил Длань и распахнул двойные двери. – Добрый день, киры и кирены.

– Что здесь делает Длань Наместника? – раздался чей-то высокий голос.

– Он мой гость, – холодно произнес Алан, входя следом и окидывая

взглядом гостиную.

Сегодня он не будет мягким и покладистым, среди гостей нет его друзей, они все рассчитывают получить марионетку на троне, но Алан не собирается им это давать. Все зашло слишком далеко. Маски сброшены. Долой установки цивилизованного мира, долой мысли о справедливости, ее нет и не будет, как и милосердия. Он не хотел войны, не хотел смертей, но теперь поздно менять что-либо. Меньше года, а от цивилизованного лоска не осталось ничего.

Да, жаль той прошлой Виктории, но она бы здесь не выжила. Теперь есть он, Алан Валлид, бастард последнего короля Галендаса, есть его дети, его семья, его друзья. За них он будет рвать зубами, стоять до последнего, сражаться и умирать. А все остальное... да плевать Алану на корону! На Галендас и остальной мир! Если бы ему позволили построить город и спокойно жить, если бы не угрожали детям, разве он полез бы на этот трон? Ни за что!

А ведь Вадий знал, когда перенес женское сознание в это тело, что мать никогда не бросит своих детей и ради них пойдет до конца. Знал, что для женщины ее дети – целый мир. Знал, что Виктория не сможет бросить своих мальчишек, как не бросила тех, кто остался в прошлой жизни, за которых до сих пор болит душа, хотя они выросли и счастливы...

На мгновение нахлынула злость, очертания предметов и силуэты людей поплыли, но Алан справился. И со всем, что ему приготовила судьба, он тоже справится.

В этом помещении он еще не был. Большая светлая комната понравилась бы Алану, приди он сюда с книгой и бокалом вина... Его ждали шесть мужчин. Все в возрасте. Серьезные, внимательные и любопытные взгляды. И только глаза маркиза Генри Романа сияли гордостью отца за своего сына. Валия беседовала с невысоким полным киром, выглядела она изумительно хорошо в небесно-голубом платье с пышной юбкой, отделанном кружевом на тон темнее – оно обрамляло ворот и широкие рукава.

– Сир, позвольте представить вам герцога Верги, – взял на себя маркиз роль распорядителя. Толстячок элегантно поклонился, бросив на Алана мимолетный оценивающий взгляд.

– У вас прекрасная жена, сир, красивая, как редкий цветок. Было приятно познакомиться с вами, кирена. Он поцеловал Валии руку,

намекая, что женщина может удалиться, чтобы не слушать мужские разговоры. Алан намек понял, но... проигнорировал. Он с улыбкой подошел к Валии и взял за руку.

– Мои супруги, – с безмятежной улыбкой глядя в серые глаза герцога Верги, сообщил он, – не только красивы, но еще и умны. Обе.

– И как на это смотрит Храм?

Герцог Верги улыбнулся, но взгляд его остался холодным и пронизательным.

– Понятия не имею. А вот церковь не одобряет, но для меня сделала исключение. – Алан приглашающим жестом указал на стол, накрытый к чаю. – Прошу, кыры. Генерал, представьте наших гостей.

Он помог сесть Валии и сам сел рядом, пока генерал Генри Роман называл имена. Пять старинных семей аристократов, тех, кто пришел на эту землю с Кером Завоевателем, положившим начало рода Айро. Сегодня к Алану пришли главы этих семейств. Не зря Алвис всю дорогу вдалбливал герцогу генеалогические древа самых сильных родов, не зря Алан учил геральдику и изучал рисунки родовых перстней, зато сейчас он вполне сносно понимал, какие силы стоят за его спиной и что именно ожидают от его победы. Посты, земли, привилегии.

– Что же, кыры, прежде чем начнем обсуждение, я бы хотел сделать заявление. – Алан смотрел только на герцога Верги, понимая, что сейчас он здесь самый опасный человек. Герцог контролировал городскую стражу и имел влияние на гарнизон, расположенный в столице. – Сегодня был убит Наместник.

И тишина...

– Как временный глава Храма я уполномочен заявить, что мы не станем вмешиваться. – Длань отбросил капюшон и обвел мужчин тяжелым взглядом, задержав его на герцоге Верги. – До выборов нового Наместника.

– Сколько дней у нас есть? – быстро спросил Верги.

– Три дня. Сир, – повернулся Длань к Алану, показывая этим обращением, что он признает в герцоге короля. – Властью, данной мне Вадием и Орденом Искореняющих, я забираю убийцу Наместника с собой.

Алан согласно склонил голову. Брат Эдар проявил инициативу, сыграл за его спиной, нарушил их договоренности, и Алан не чувствовал за собой вины. Только вот как он будет смотреть в глаза

Суно...

Длань... – Алан сделал паузу, усмиряя сердце и прогоняя дурное предчувствие. – Встретимся. Береги спину, верный враг.

Алвис предостережение принял серьезно, но пока он шел к двери, герцог не мог отделаться от мысли, что видит его последний раз. Хотелось вскочить, схватить за плечи, вернуть. Черт! Он не представлял свою жизнь без такого врага, как Алвис! Их противостояние делало существование Алана более реальным и живым.

Из задумчивости его выдернуло легкое прикосновение холодных пальцев.

– Тебя ждут, – шепнула Валия.

– Вторая новость, кыры! – торжественно нарушил напряжение маркиз Генри Роман. – Корона Королей у нас. И он осторожно положил на стол невзрачный символ королевской власти.

Вот это вызвало оживление, к короне потянулось сразу несколько рук.

– Это, несомненно, она!

– Точно такая, как была на коронации Айро Второго!

– Как вам удалось? – довольно потирая пухлые ладони, спросил герцог Верги, косясь на Алана с удивлением и уважением.

– Маркиз Генри был так любезен, что передал сегодня ее мне.

Алан не просто так не стал рассказывать подробности, он видел слегка пренебрежительные взгляды, которыми одаривали маркиза присутствующие. Прямолинейный генерал был далек от интриг и плохо вписывался в эту компанию завзятых царедворцев. Но именно он нашел Алана, поэтому с ним пока считались. Пока...

– Да я... – начал честный генерал, но Алан его перебил:

– Генерал все эти годы, рискуя жизнью, бережно хранил реликвию, за что мы ему очень благодарны.

Маркиз поджал губы, но промолчал, лишь коротко кивнул. Герцог Верги явно хотел что-то спросить, но все же сдержался, хотя Алан был уверен – генерала ждет допрос.

– Отлично, тогда приступим к разговору. – Герцог Верги отодвинул чашку и достал из внутреннего кармана сюртука сложенные листы бумаги. – Смерть Наместника нам на руку, завтра Длань объявит траур и соберет всех верховных иерархов в Ордене, чтобы выбрать нового главу. Как только они запрутся в храме, мы ...

– Вернем трон достойному, – закончил генерал Роман и протянул Алану корону, которую тот после секундного раздумья отложил в сторону.

– Рекомендую надеть, – произнес тихо герцог Верги, и его поддержали одобрительными голосами.

– Да как-то неприлично короноваться самому, – пошутил Алан. Бог его знает, какие еще законы он нарушит.

– Как первый советник вашего батюшки и его друг я имею право короновать вас, сир, – улыбнулся герцог Верги одними губами.

– Сочту за честь, лорд-канцлер.

Алан понял намек сразу, он давно научился читать между строк. Еще в той прошлой жизни...

– Лорд-канцлер? – спросил один из гостей.

– Новый король, новая столица, новые законы и титулы, – уклончиво ответил Алан. – Лорд-канцлер – правая рука короля, его советник, наставник и совесть.

– Вы мудры не по годам, – задумчиво произнес герцог Верги. – Маркиз Роман не ошибся в вас. Я очень огорчен, что у нас нет времени поговорить о том, как вы жили все эти годы, как смогли достигнуть величия, даже будучи в ссылке...

– У нас еще будет время, герцог. Приступайте к коронации.

Все прошло без торжественных речей, обыденно и скучно. Герцог прочел слова клятвы, Алан повторил за ним, обещая блюсти интересы королевства и его народа, править мудро и справедливо, и спустя несколько минут голову его величества Айро Третьего украсила скромная корона. Все присутствующие склонились в поклоне, но Алан махнул рукой, приглашая продолжить. Не до церемоний, да и к короне он, в отличие от местных, относился как к куску железа.

– Лорд-канцлер, когда все закончится, предоставьте мне список людей, кто заслужил занять места моих советников. Думаю, именно из них получится первый кабинет министров. Министры – это советники по определенным вопросам, – пояснил он и улыбнулся, увидев смешинку в глазах генерала. – Маркиз, вы ведь предупредили наших друзей о моих странностях?

– Вы – Разрушитель, сир, вам положено менять устои, – флегматично отозвался генерал. – Рядом с вами я чувствую себя молодым. Столько перемен! Но вернемся к обсуждению, кыры,

действовать надо быстро. Как только объявят о смерти регента, нужно брать дворец.

– Вам лишь бы что-нибудь брать, – прервал кровожадные планы маркиза герцог Верги. – Власть возьмем тихо и бескровно, в глазах народа это придаст новому королю ореол благочестия и миролюбия. Узурпатора, конечно, придется устранить. – Он скривился. – Нельзя оставлять в живых человека, вокруг которого может собраться оппозиция. Пустим слух, что он окончательно сошел с ума и убил Наместника. Итак, Длань дал нам три дня, значит, действовать нужно быстро, желательно прямо сегодня, пока слухи о кончине регента не просочились к нашим врагам. Красным я отметил караулы...

Через полчаса Алан утвердил предварительный план и велел позвать Рэя, Иверта и своих телохранителей. Вместе с парнями пришел молчаливый строгий мужчина – командир отряда молодых ксенов. Он сразу заявил, что его отряд подчиняется только Алану и будет защищать его жизнь.

Рэй одобрительно крикнул на это заявление, Алан, наученный общением с ксенятами, даже бровью не повел, решив, что отказываться от такой защиты точно не станет. После быстрого обсуждения было принято решение выдвигаться ко дворцу через две рыски. В это время как раз проходили аудиенции у короля и его регента, и появление нескольких дворян не должно было привлечь к себе внимания.

Во все стороны разбежались гонцы, а Алан в сопровождении Валии отправился одеваться.

– Я буду молить Ирия, чтобы у вас все получилось.

Валия осенила мужа кругом светлого бога, когда они остались одни, и вдруг, поднявшись на цыпочки, поцеловала в губы и моментально отстранилась.

– Валия, ты будешь прекрасной королевой, – улыбнулся Алан. – Но если что-то пойдет не так, забирай Ваську и уходи в Белую крепость. С тобой останется десяток горцев.

– Все будет так, муж мой. Все будет так...

Ему бы ее веру! Но в ответ Алан лишь улыбнулся.

– Не оставляй Зиру, она сможет тебя защитить.

Валия на это заявление мужа ничего не сказала, лишь кивнула и, осенив Алана еще и кругом Вадия, ушла.

– Берт, собери всех наших.

Слуга понятоливо кивнул и убежал. После отбытия с фронта и приезда в этот дом Берта было не узнать: он не улыбался, не болтал, ходил задумчивым и хмурым, и часто в его взгляде Алан замечал ненависть. Особенно, когда Берт сталкивался с ксенами. Лиса и Ворона он давно уже считал своими, но и с ними старался лишний раз не пересекаться.

Алан его понимал, храмовники забрали у парня самых дорогих людей, и, хотя косвенно в смерти Нанни и Чупки не был виноват Храм, именно он невидимой тенью стоял за спинами убийц. Алан тоже об этом помнил и поклялся себе, что виновные понесут наказание. Но рассказать об этом Берту не успел, случая поговорить не было. И сейчас он лишь проводил слугу задумчивым взглядом и сделал себе зарубку на памяти – обязательно найти время, чтобы поговорить с названным братом.

Алан не изменял себе, поэтому кроме того плана, что ему предложила оппозиция, он подготовил и свой собственный, в который были посвящены только близкие. Не хотелось быть марионеткой на троне. Нет, Алан верил генералу Генри Роману, но генерала тоже могли использовать. Герцог потрогал корону на голове и ухмыльнулся. Сюрприз ждал всех.

– А ты знаешь, Алан-балан, что эта коронация недействительная?

Оська протиснулся в щель между дверью и косяком и шустро забрался на кровать. Кабинет Алан пока не нашел, пришлось проводить «совещание» в спальне.

– Подозревал. – Алан присмотрелся к шуту. – Ты решил отпустить усы?

– Правда, я с ними солиднее? – Оська гордо повернулся в профиль. – Верги, конечно, на нашей стороне, но короновать тебя должен Наместник.

– А Наместника убили... – понимающе протянул Алан, пазл сложился. – Вот ур-роды!

– Ага. Ты ведь тоже понял, да? Ты взял трон, но храмовники еще три дня выбирают нового Наместника, и заметь, мы не знаем, кого именно! Ты сидишь во дворце, у тебя есть корона Королей, но ты не король! Потому что некому тебя правильно короновать! А в это время...

– А в это время?

– А вот дальше я не могу понять, – потер нос Оська. – Зачем так

сложно? И почему это приказал отец Жириш? Хотя... Ты ждешь здесь корону, а они там прибирают к рукам твой город? Или за эти три дня протянут какие-нибудь странные законы? Или...

– Или отцы просто решили выиграть время и, не дав храмовникам опомниться, поставить на пост Наместника своего человека. Насколько я помню из хроник, выбор нового главы Храма занимает больше месяца, а тут всего три дня. Государственный переворот, смута и неразбериха, под шумок очень легко протянуть своего кандидата.

– Но их ждет сюрприз, да, ваше величество? – захихикал шут и забрался на подоконник.

– Отец Жириш приказал нейтрализовать Наместника, но приказа устранять его физически не было. Это инициатива брата Эдара. – В комнату в сопровождении Ворона бесшумно вошел командир отряда ксенов.

– Просто ты не видишь всего замысла, птичка-невеличка! – высокомерно посмотрел с высоты окна на вошедших Оська. – Ты еще маленький, тебе не рассказывают.

– Возможно, ты прав, шут, – не стал спорить ксен. – Я воин, а не политик.

– Умрешь за чужие идеи? – Оська скорчил серьезную мину. – Я тебе песенку посвящу и спою ее на берегу реки Забвения. Или куда там попадают Искореняющие после смерти? Хотя Вадий такой затейник...

Глаза шута расфокусировались, и он словно выпал из реальности.

Алан уже замечал такой взгляд у Оськи и понимал, что именно пытается увидеть шут. Самому бы попробовать, но время! Все упирается в нехватку времени. Он и так уже пожертвовал сном, а все равно не успевает...

– Как твое имя? – спросил он командира отряда.

Алан до сих пор не сталкивался с молодым ксеном близко. Парень держался обособленно и отстраненно.

– Винсент.

– Брат Винсент учился с нами, год назад он закончил обучение и получил сан искореняющего. Вторая ступень, – пояснил Ворон, становясь у Алана за спиной. – Отец Пауль ставил нам его в пример.

– Жалеешь, что ушел? – спросил Винсент, не отрывая взгляд от лица Ворона.

– Он не уходил, – ответил за телохранителя Алан. – Просто взял

перерыв.

Да, он выкупил ксенят у храма, причем немалой ценой, но если они захотят продолжить учиться, то Алан не станет возражать.

Винсент согласно кивнул. Алан же откровенно рассматривал парня. Лет двадцать, может, чуть больше. Белокур, сероглаз, правильные черты лица, тонкий нос, волевой подбородок. Небольшой шрам на левой скуле. Не красавец, но лицо породистое, парень явно не из крестьянской семьи. И взгляд точно такой, каким смотрят они все. Безликий, спокойный, безэмоциональный.

Когда в спальню пришли Найк с Рэем, остальные уже расселись и тихо переговаривались, рассматривая корону, которую Алан стащил с головы и пустил по кругу.

– Друзья, – оскалился Алан. – Время наступило. Мы вступаем в опасную игру, и у вас еще есть время отказаться. Я пойму и не буду препятствовать.

Никто не ушел и не сказал ни слова, только Оська громко и пренебрежительно фыркнул.

– Отлично, тогда приступим. Первым выслушаем наместника Рогана, его брат, как вы знаете, служит в городской страже, и он там далеко не последний человек.

А еще Найк по поручению герцога вел с ним бурную переписку всю нынешнюю зиму. Заговор, провернутый чужими руками, – это хорошо, но ненадежно, никогда не знаешь, что потребуют за помощь, поэтому Алан всю зиму занимался собственными переговорами, и план, разработанный с участием брата Чеха и Мэтью Гарднера, нравился герцогу больше, чем предложенный герцогом Верги.

– Найк?

– Я встречался с братом, все идет по плану. Городская стража на нашей стороне. Капитану обещали титул, а его дочери место ... – Алан перевел это как «фрейлина». – ...при ее величестве. В случае противостояния стража вступить в бой не будет и поддержит нас при захвате Храма.

– Отлично! Генерал Роман утверждает, что армия тоже на нашей стороне.

– Армия, ха! – Оська подпрыгнул на стуле и скривил рожу. – Три тысячи наемников - это разве армия? Это так... гопники в подворотне!

– Ты знаешь, кто такие гопники?

Алан откровенно смеялся. Никак, стресс действовал.

– Конечно, знаю! – скорчил хитрое лицо Оська. – Гопники – это армия Галендаса!

– Ничего, шут, мы быстро исправим это недоразумение.

– Зато Искореняющих полторы тысячи, а каждый из них стоит трех наемников, – тихо добавил Винсент и тут же спросил: – Вы хотите захватить храмовников?

– Нет, только нейтрализовать их на время, – не стал лукавить Алан.

– Хотя после смерти Наместника мои планы немного изменились. Ты против?

– У меня четкий приказ - сохранить вам жизнь и трон, остальное меня не касается. Но воевать против Храма мы не будем.

– Поэтому ты идешь со мной во дворец, а в Храм идет городская стража и отряд Иверта.

– Правильно ли я понимаю: ваши соратники об этом не знают?

– Я не кладу все яйца в одну корзину.

– Значит ли это, что нам следует устранить герцога Верги, когда вы возьмете трон?

– Пока не вижу для этого причины.

Винсент склонил голову, показывая, что понял, остальные молча слушали.

– Иверт, вы знаете, что делать, – повернулся Алан к молчаливым горцам.

– Второй отряд ждет нас в едальне рядом с дворцом, – очень неприятно ухмыльнулся Рустам.

Его племя все же перешло под руку Бешеного Кузнечика, и племя Алана теперь сравнялось по численности с племенами Сарха и Красного Быка, а это уже была сила, с которой даже горцы станут считаться. Еще один отряд горцев, состоящий из воинов Быка и Сарха, ушел в столицу тихо и незаметно за двое суток до выхода остальных. Двадцать два отборных воина, горячих, опытных и безбашенных, жаждущих славы и добычи... Ох, как бы лекарство не оказалось хуже болезни.

Но Рустам поклялся за всех, он лично отбирал воинов и за каждого ручался головой. В этом отряде были и амазонки, две лучницы из Крови, а Виктория еще помнила, как относятся воины к женщинам в отряде – с легким пренебрежением и снисходительной заботой. Трудно придется горянкам, но и не взять их было нельзя. Они требовали

равноправия, и Алан их понимал лучше, чем кто-либо другой.

– Тогда вам пора. – Алан кивнул подымающемуся Найку и пожал руку молчаливому и сосредоточенному Иверту. – Береги себя, брат.

– Э, Бешеный Кузнечик, не бойся за меня! – Иверт ощерил зубы в кровожадной улыбке и покосился на Паулину.

– Мы еще на моей свадьбе не погуляли.

– Погибнешь - убью, – напутствовала его наемница. – И не думай, что я выйду за тебя замуж, много чести!

– Перестаньте грызться хоть сейчас! – прикрикнул на них Рэй. – Сил нет на вашу дурь смотреть.

– Паулина, на тебе защита моей семьи. С тобой останется пятерка ветеранов и пятерка горцев, – пресек Алан разгорающийся скандал.

– Поняла, кир Алан.

Женщина кивнула и вышла следом за горцами и наместником Рогана.

Алан успел заметить, как Иверт прижал ее к себе и тут же отпустил. Отношения между этими двумя были для всех загадкой, а обсуждать свои чувства друг категорически отказывался. Ну да ладно, большой мальчик, сам разберется.

– Я иду во дворец с людьми герцога Верги. – Алан повернулся к Рэю. – Ты прикрываешь мне спину. Винсент, твои люди идут со мной, а дальше действуем по обстоятельствам.

– Кольчугу наденьте, кир Алан. – Рэй тяжело поднялся с кровати. – И Ярость возьмите, с яташем не дело идти во дворец. Не по чести!

Алан вздохнул, но спорить не стал.

– Нервничаешь? – тихо и непривычно серьезно спросил Оська и поманил сложенными пальцами. Он спрыгнул с подоконника, и герцогу пришлось присесть, чтобы услышать шепот шута. – У меня есть травка...

Шут многозначительно пошевелил бровями.

– А давай! – согласился Алан. – Может пригодиться.

– Ага, пожуюшь, и станет так хорошо-хорошо и спокойно-спокойно. – Оська сунул ему в ладонь липкий шарик, похожий на пластилин. – Только весь не жуй, а то к Вадию на свидание улетишь, – хихикнул шут.

– Спасибо. – Алан сунул травку в карман и нахлобучил на голову корону. – Как думаешь, у нас получится?

– Конечно! Я же с тобой!

«Мне бы твою веру», – подумал герцог и тряхнул головой, отгоняя дурные мысли. Главное, что Зира и мальчишки в безопасности, а остальное как-нибудь да будет. Пути назад все равно нет, а значит, и печалиться не о чем.

– В конце концов, я уже один раз умирала, – шепнули губы по-русски.

– Ага, – тут же отозвался нагло подслушивающий Оська. – Нам сами боги задолжали, да, Алан-балан? И не единожды!

Через несколько лет летописцы опишут этот переворот как самый бескровный в истории всех семи королевств Ойкумены и назовут его «Тихий смерч».

Армия, лишившись пяти несогласных командиров, присягнула новому королю, но еще до этого, до того, как глашатаи разнесли радостную новость по столице, до того, как во все города Галендаса отправились посыльные, капитан городской стражи лично распахнул тяжелые дворцовые двери перед десятком вооруженных ксенов. Они молчаливой неумолимой лавиной пронесли по королевскому дворцу, убивая всех, кто пытался сопротивляться, а остальных вельмож согнали в зал рядом с тронным, пообещав честный суд и легкую смерть, если истинный король примет такое решение.

Что-что, а нагнетать братья умели, поэтому, когда из тронного зала вытянули труп его предыдущего хозяина, половина дам лежала в обмороке, а вторая половина тряслась в объятиях бледных кавалеров, тех, кому не посчастливилось попасть на аудиенцию именно сегодня. Зато они были первыми, кто встретил истинного короля.

За рыску до подхода «сотни» регулярной армии во дворец вошла десятка ветеранов под предводительством рослого широкоплечего воина, следом за ними в сопровождении телохранителей под высокие своды вступил истинный хозяин Галендаса. Под строгими и безразличными взглядами ксенов и хмурых воинов все, кто были в зале, склонились перед королем. А в том, что это король, сомневаться не приходилось, на черноволосой голове красовался считающийся утерянным символ королевской власти – корона Королей.

– Кир Астур, вы видите то же, что и я? – тонкий старческий голос прозвучал в напряженной тишине особенно громко.

– Мне не нужно видеть корону, мне достаточно посмотреть в его лицо, – так же скрипуче отозвался неизвестный Алану кир Астур. – Я

готов отдать свой лучший бриллиант, если ошибаюсь, но это сын Айро Второго. Одно лицо! Сир, примите мое восхищение и искренние заверения в верности. Когда-то я присягал вашему деду, а в его лице

- всему роду, и вот дождался справедливого суда Ирия над узурпатором, который в компании Наместника развалил страну!

- Астур! – женский визгливый голос заставил Алана передернуть плечами. – Говорить о мертвых плохо - недостойно аристократа!

- Плевать! Слава о деяниях герцога Вас'Хантера бежит впереди него. То, что я слышал о нем, вселяет в мое старое сердце надежду, что наконец будет разогнано это стадо бездельников и подхалимов, и власть опять сосредоточится в руках короля, а не храмовников! Кстати, виконтесса, у тебя ведь траур, так что ты делаешь в этом... ?

Ворон склонился к уху Алана и тихо пояснил:

- Место, где Вадий принимает подхалимов и развратников.

«Бордель», – перевел для себя Алан, заметив удивленный взгляд Винсента.

Видно, ксену, который держался обособленно, не донесли, что герцог Вас'Хантер не всегда понимает некоторые слова. Травма головы, тяжелое детство, отягощенная наследственность... Что поделать, ваш король немного странен и много неадекватен.

Вокруг тихонько загомонили, Алан же тихонько шепнул Ворону:

- Мне уже нравится этот дедуля.

Расталкивая толпу, к ним шел сухенький седой старичок с тростью. Он был одет в слегка потертые на локтях и коленях черные бархатные камзол и штаны. Образ обедневшего дворянина довершали короткие, выдавшие лучшие времена сапоги. Зато трость была произведением искусства, элегантная, с рукояткой в виде головы зверя, вместо глаз – изумруды, в оскаленной пасти - рубин. Черная трость даже издали вызвала у Алана трепетное желание взять ее в руки и рассмотреть в подробностях надписи, сделанные вокруг рукоятки.

Следом за ним, постоянно извиняясь, протискивалась его полная противоположность – полный лысый старик, одетый в ярко-зеленое нечто с развевающимися фалдами. На его лысине блестела испарина, щеки и руки покрывали коричневые пигментные пятна, а в серых глазах застыли страх и предвкушение.

- Кир Астур, – приветливо улыбнулся Алан и, подражая киношным королям, сделал микроскопический шаг вперед. – Рад видеть вас во

здравии.

– Ах, сир!– Старичок гордо окинул взглядом замерших придворных. – Вы меня знаете?

– Конечно, – не моргнув, солгал Алан, которому как никогда не хватало рядом опытного царедворца. И где черти носят герцога Верги? Хотя о чем говорить, сам же пришел на две рыски раньше договоренного срока. – Увы, из-за действий врагов я был все эти годы изолирован от моего народа и верных друзей, но соратников отца я знаю.

«Видит Вадий, я даже имени твоего до сих пор не слышал».

Но надо держать лицо. Что-то подсказывало Алану (никак, женская интуиция?), что от этого разговора многое зависит.

– Мы уж и не чаяли увидеть корону Королей, – с почтительным трепетом произнес кир Астур и стукнул тростью по паркету.

– Вы ее узнали? – с улыбкой спросил Алан, следя за подавшейся вперед толпой придворных, которые ловили каждое сказанное слово, изредка обмениваясь тихими шепотками и растерянными взглядами.

– Узнал ли я корону, которую сделал мой предок? – с негодованием воскликнул кир Астур. – Может быть, я и стар, сир, и глаза мои уже не видят с той четкостью, что двадцать сезонов назад, но изделие нашего рода узнаю всегда!

– Значит, вы подтвердите, что корона подлинная? – тихо спросил Винсент.

Алан восхитился мгновенной реакцией ксена, сам он только начал выстраивать в уме цепочку и просчитывать варианты, а брат Искореняющий успел сработать на опережение.

– Если вы позволите, – тихо попросил старик.

Алан не колебался: кем бы ни был этот Астур, его мнение явно что-то значит, раз толпа сделала дружный шаг вперед и замерла в ожидании. Но прежде, чем Алан успел снять корону с головы, вперед выступил Ворон и многозначительно протянул руку, сигналивая глазами, что корону следует отдать ему. Алан не стал удивляться, он полностью доверял своим телохранителям, поэтому склонил голову, позволяя парню снять с себя корону и отдать ее кире Астуру. По-видимому, это что-то означало, теперь, главное, не забывать делать непроницаемое лицо и ничему не удивляться.

Именно в это время в зал вошел важный и довольный герцог Верги

в сопровождении генерала Генри Романа и остальных заговорщиков. Увидев, что корона в руках кира Астура, он на мгновение замер, а затем, поймав взгляд герцога, немного напряженно улыбнулся, пристально следя за лицом старого вельможи. Алан понял, что от решения этого невзрачного старика многое будет зависеть, и, пожалуй, с герцогом Верги стоит поговорить отдельно, слишком много недосказанности в его действиях.

Кир Астур дрожащими руками с поклоном принял от Ворона корону, прикрыл глаза, взвесив ее в руках, провел узловатыми пальцами по ободку, словно читал выгравированные надписи, улыбнулся и только потом открыл глаза и громким торжественным голосом объявил:

– Я, барон Астур Борно, наследник рода Астуров, утверждаю, что это настоящая корона, созданная моим великим предком.

Алан, который внимательно следил за лицом герцога Верги, увидел облегчение, промелькнувшее в его взгляде. По залу прокатилась волна ахов и громких выкриков с поздравлениями. Алан боковым зрением заметил движение рядом, это Винсент быстрым взмахом руки указал куда-то в сторону, и тот же час двое ксенов вывели из толпы парочку в ярких одеждах и увели из зала. Мужчина пытался высокомерно что-то говорить, но, получив короткий удар под дых, замолчал и обвис на руках одного из ксенов Винсента, женщина, поджав губы, молча семенила рядом, придерживаемая за локоть вторым Искореняющим.

Эта демонстрация силы не осталась незамеченной, и выводы присутствующие сделали правильные. Строгая линия одетых в серое ксенов за спиной Алана, хмурые лица ветеранов у дверей, высоченная фигура Рэя с огромным мечом в руках – все это очень ощутимо давило на сознание безоружных вельмож.

– Ваше величество, – поклонился герцог Верги, его глаза торжественно сверкали. – Я рад следом за бароном Борно продолжить список ваших верных слуг. Примите мою клятву верности, ваше величество.

Герцог опустил на колено.

– Встань, друг мой. – Алан был серьезен как никогда. Сейчас каждое его слово, каждый жест должны были сыграть на пользу будущему правлению. – Не было у нашего государства слуги вернее, все эти годы правления узурпатора твоя семья боролась за процветание Галендаса. Только благодаря твоим стараниям и заботе я до сих пор

жив, только благодаря самоотверженности верных друзей удалось сохранить корону Королей и вернуть ее нашему народу. Встань, канцлер великого Галендаса, глава кабинета министров, который мы сформируем вместе.

Алан был уверен, что присутствующие не поняли и половины слов, но ему было откровенно плевать. Потому что сейчас все знания Виктории основывались на псевдоисторических фильмах и книгах. Сейчас она с острой обреченностью поняла, насколько чужая в этом мире, на этом конкретном месте.

До сих пор ей везло, потому что рядом оказывались нужные люди, те, кто, сами того не зная, помогали, направляли и вели к цели. Алвис с его ехидными, но действенными советами, ироничный Мэтью Гарднер с его знаниями и обширными связями, Турен, воспитанный править...

Сейчас же Алану катастрофически не хватало моральной поддержки за спиной. Эх, зря он не посещал в компании Дарена уроки мастера Семона... И почему же умные мысли так поздно приходят в голову?

«Хорошо, что голова пока еще есть», – съехидничал внутренний голос, и Алан подумал, что ключевое слово в этой реплике «пока». «А с другой стороны, – продолжал философствовать голос в голове, и Алан никак не мог уловить, кому он принадлежит. Хотелось верить, что Виктории, потому что прогрессирующая шизофрения пугала его больше раздвоения личности. – Ты – Разрушитель. Поэтому можно смело начинать менять политику сразу. Давай, скажи им, пусть разносят сплетни».

Но что сказать, Алан подумать не успел, потому что плотину прорвало, к нему тонкой струйкой потянулись люди, все хотели выразить восхищение, заверить в верности и выторговать себе какие-то преференции. При этом многие мужчины заискивающе улыбались, а женщины выставляли на обозрение свои прелести, кокетливо стреляя глазками.

– А у вас есть королева, ваше величество?

– Ей ведь нужна будет свита. Я готова служить ее величеству со всем рвением.

– А может быть, его величество холост?

– Сир! – голос маркиза Генри Романа прервал поток лести и подхалимажа. – Армия и стража в моем лице дают клятву верности

Айро Третьему.

– Принимаю ваши клятвы, главнокомандующий. – Алан вскинул голову и обвел тяжелым взглядом присутствующих. – С этого мгновения каждый, кто выступит против моей власти, будет арестован и казнен. По закону военного времени.

– Официальные празднования в честь вступления его величества Айро Третьего, герцога Алана Вас Хантера, верховного вождя Игушетии, на трон начнутся через десять дней, – добавил герцог Верги. – Клятвы верности должны быть произнесены до начала официальной церемонии. Кто не сделает этого, будет объявлен врагом короны и ликвидирован. А сейчас...

Договорить он не успел, в зал буквально ворвался Иверт Ураган и, не доходя до Алана трех шагов, громко и весело сообщил:

– Вождь, вчера днем предательским ударом в спину был убит Наместник.

– Убийцу арестовали? – бросил Алан в полной тишине.

– Да. Это один из ксенов, но мы подозреваем заговор, в котором замешаны оба Приближенных и некоторые братья.

– Арестовать всех. Чтобы не допустить раскол и гражданскую войну, – пафосно проговорил Алан, глядя на молчащих придворных поверх голов. – На время расследования временно объявляю Наместником и главой Храма себя.

Тишина.

– Аудиенция закончена! – Герцог Верги легким поклоном указал Алану на неприметную дверь в стене. – Прощу выслушать меня, сир.

Они оказались в большом светлом кабинете, но Алану было не до разглядывания обстановки, он отметил только, что белый стол первозданно чист, на нем даже бумаг не лежало. Впечатление было однозначным: этим кабинетом давно никто не пользовался.

– Предыдущий его хозяин даже читать не умел, – понял его взгляд герцог. – А я вас недооценил, ваше величество.

– Меня многие недооценивают, – без улыбки сообщил Алан и повернулся к Иверту. – Тебе нужно в лицедеи податься. Как все прошло?

– Храмовники заперты в центральном храме, их охраняют мои парни.

– Сопротивлялись?

– Длань приказал никому не вмешиваться, ждать новостей и предложений из дворца, а только потом делать выводы и принимать решения.

Алан потер щеки, отмечая, что неплохо было бы побриться. Что делать здесь, во дворце, он не знал, вроде как вот он трон, а что дальше? Ведь никто и никогда не учил его быть королем и управлять государством.

«Можно подумать, наших президентов кто-то учил. Вспомни современную историю. Кто у власти? Безопасник, председатель колхоза, артист, бизнесмен... Список можно продолжать до бесконечности. Помнишь, в одной южной европейской стране даже порноактриса на пост президента баллотировалась и, кстати, почти дошла до финиша. Здесь что главное? Главное – подобрать правильную команду. А это делать ты умеешь. Король – это тот, на кого все шишки посыплутся, а не тот, кто будет править», – не дал внутренний голос впасть в панику. Хотя после его монолога Алану показалось, что у него на голове не корона, а терновый венец. Захотелось сдернуть с волос этот символ пожизненного рабства, но он удержался, представив, как подобное будет смотреться со стороны.

– Что же, будем писать первый указ. – Алан опустил в кресло, жестом предлагая герцогу Верги садиться за стол. – Вы должны понимать, что меня не готовили к королевской власти, но я не позволю никому править вместо меня. Только рядом. Готовы ли вы и ваши союзники к таким условиям? Прежде чем мы приступим, я хотел бы донести до вас одну мысль: я не похож на других, у меня свои правила, и людей я оцениваю не по их рождению, а по уму, воспитанию и полезности для меня лично и для королевства. В моей команде есть простолюдины и герцоги. – «И даже один принц крови», – подумал Алан про себя и улыбнулся, ну а кем еще может быть Иверт, если его отец – король своего племени? – Я – Разрушитель, герцог, и если вы готовы к переменам, то нам по пути.

– А если нет?

Герцог Верги опустил руки на стол, сплетя пальцы в замок. Этот жест не укрылся от Виктории, она еще помнила основы языка тела: мужчина был разочарован и недоволен, но старался этого не показать.

– Если нет, то мне будет очень жаль, – искренне ответил Алан. – Не хотелось бы иметь в оппозиции настолько опытного интригана и

царедворца.

Намек был более чем прозрачен, и герцог его понял. Он молчал долго, Алан даже успел рассмотреть в деталях вид из окна, там был парк, сейчас еще заснеженный, но кое-где проглядывали очертания клумб и дорожек. Похоже, зимой им не пользуются для прогулок, а ведь там, в глубине, виднелось озеро, сейчас немного талое. Но когда лед станет толстым, можно устроить каток. Детям, да и взрослым будет интересно.

Перед глазами возникла четкая картинка: большой крытый каток, много людей, и Виктория со старшим медленно катятся вдоль бортика. Она вцепилась в руку сына, ноги почему-то не хотят ехать прямо, разъезжаются, а тело так и норовит завалиться назад. Пятнадцатилетний сын хихикает, а она злится, потому что не любит чувствовать себя беспомощной неумехой. А потом все же ловит нужное движение и уже уверенно отталкивается ото льда, главное, чтобы на пути никого не было, а то тормозить пока Виктория умеет только в несущееся навстречу тело.

Вот и сейчас Алан чувствовал себя так, будто впервые встал на коньки, а вокруг множество опытных и умелых конькобежцев, затормозить можно, но только если снести конкурента.

– Какой указ будем писать, ваше величество? – деловой голос герцога Верги прервал воспоминания. – Я решил, что мне будет интереснее следить за разрушениями с места в партере, чем из-за чужих спин.

– Я рад. Ты даже не представляешь как, – сказал Алан, переходя на «ты», и вздохнул с облегчением. Это была победа, пусть и маленькая, но первый шагочек в направлении спокойной жизни сделан.

«Наивный», – усмехнулся внутренний голос, и Алан подумал, что теперь не различает, кому он принадлежит. Значит ли это, что он стал цельным? Обновленной личностью, впитавшей в себя жесткость и решительность реципиента, знания и умения Виктории? Симбионтом двух миров, двух эпох, двух полов? Скорее да, чем нет. Следует обязательно обсудить этот вопрос с Вадием. Алану очень не хватало совета со стороны, совета от того, кто видит картину полностью.

Вадий не говорил, но Виктория догадывалась, что они с Оськой не единственные засланцы, у ученых есть другие проекты в других мирах. Как подозревала Виктория, основной задачей подселенцев была кража

новых знаний и технологий, не зря же Вадий и Ирий работали на военных. Они же с Оськой были скорее личной инициативой, а не плановым заданием. Как там говорил Ирий в одну из их малочисленных встреч? Мы поспорили. Возможно, это было толчком, но вот причина... Причина могла быть совершенно другой. Душа болит об оставленном мире, и ностальгия, небось, грызет.

– Первый указ о вступлении меня в должность. – Алан увидел усмешку в глазах герцога и быстро исправился: – Сам сформулируй, как правильно. Я пока второй раз королем становлюсь, еще не выучил процедуру.

– А первый раз как? – со смешком поинтересовался герцог, мгновенно превращаясь в доброго дядюшку, которым и близко не являлся.

– Поговорили, морды побили, вина выпили, и я уже верховный вождь, – ощерился Алан. – Об этом будет второй указ. О включении земель Игушетии и герцогства Вас'Хантер в состав Галендаса на правах автономии и переименовании королевства в империю. Это мы обсудим позже.

«Император звучит гордо, не то что какой-то там королек», – тут же прокомментировал ехидный соглядатай в голове.

– Третий указ о назначении герцога Верги канцлером империи Галендас. И сразу же мой приказ для канцлера, сформировать кабинет министров. Что это означает...

– Сир, я в курсе, что это означает, – сварливо заметил будущий канцлер. – Название новое, но сути оно не меняет. Я подготовлю список достойных кандидатов, и мы его обсудим позже.

– Кстати, кто такой этот барон Астур Борно?

Алан вспомнил резкого старика, первого признавшего в нем наследника Айро.

– Глава ювелирного дома, самого богатого в мире. Баронство получил от вашего деда за заслуги перед короной, поэтому его не любят среди аристократов, считают плебеем, но молчат, потому что все имеют долги.

– А по нему не скажешь, – удивленно протянул Алан, вспоминая непрезентабельный вид старого барона.

– Это же Астур, – тихонько хмыкнул герцог. – Приходил, видимо, что-то просить, вот и вырядился как попрошайка.

– Ага, в налоговую ходи нищим, а в банк - богатым, – пробормотал Алан, глядя в окно. – Внеси-ка его в список на пост казначея.

– Я бы предложил ему роль ревизора при казначее, сир. – Герцог мгновенно ухватил идею. – Он въедливый, склочный и неподкупный.

– Отлично. Жду тогда список кандидатов и их самих для разговора. И, кир Верги... – Алан вперил в глаза герцога тяжелый немигающий взгляд, с удовлетворением замечая, как напрягся мужчина. Не зря же перед зеркалом тренировал взгляд убийцы, работает! – Каждого кандидата буду проверять лично. Мне нужны профессионалы, а не родственники.

– Вы ведь понимаете, что следует наградить сторонников? – осторожно начал Верги. – Тех, кто помог вам взять трон.

– Понимаю, – согласился Алан. – Хорошо, что напомнил. – Он повернулся к застывшему у двери Лису. – Ты помнишь того десятника из патруля, который был с нами в храме? – Телохранитель кивнул. – Скажи, чтобы нашли и привели сюда. И капитана стражи тоже! Мне катастрофически не хватает адъютанта, – пожаловался он внимательно наблюдающему за ними Верги. – Надо срочно перевозить моих людей из герцогства.

– Могу предложить на должность адъютанта одного верного нам человека. Он знает дворцовую кухню, имеет связи и титул.

– А мозги имеет? – хмыкнул Алан.

– Вы удивитесь, но да, – тонко улыбнулся герцог Верги. – Адъютант – не жена, всегда можно заменить в случае, если вам что-то не понравится.

Вот точно, еще одна головная боль.

– Прикажи, чтобы подготовили покои для императрицы и принцессы, – со вздохом произнес Алан. – Дворец посмотрю позже, сейчас я в храм, воевать с ксенами, пока они разрознены и пытаются откусить от торта кусок побольше. Подписать что-то надо до моего отбытия?

– Указ о вашем и моем назначении, – с улыбкой повторил герцог фразу Алана и протянул ему бумаги. – Найду писарей, посажу писать остальное. Удачи, сир, – совершенно серьезно закончил он.

– Спасибо.

В кабинет стукнули, и Лис распахнул дверь.

– Капитан стражи и десятник Таг прибыли по приказу его

величества, – гаркнули за дверью низким глухим басом.

– Пусти, – дал отмашку Алан.

Лис посторонился, пропуская в кабинет двух мужчин, высокого поджарого капитана с седыми висками и морщинами в уголках светлых глаз и знакомого десятника. Последний смотрел настороженно, но это было и понятно, вдруг новая власть решит убрать свидетелей? Алан это понимал, но времени на разговоры не было.

– Хочу выразить свою благодарность, капитан. – Алан протянул руку и пожал предплечье удивленного такой честью воина. – Проси, что хочешь, любое желание выполню, если оно не затронет интересы короны, – щедро предложил он.

– Ваше величество... – растерялся на мгновение капитан, но после ободряющего взгляда канцлера сориентировался быстро. – Возьмите сына моего на личную службу при его высочестве.

Хор-рошее желание, правильное... Алан внимательнее присмотрелся к капитану.

– Сколько лет, что умеет?

– Четырнадцать, ваше величество. Воинскому делу обучен, сам его натаскивал, – с гордостью командира ответил капитан. – Старший мой давно служит, а вот младшего к делу никак не приставить в силу возраста. А парнишка умный, грамотный да шустрый. Жена умерла в прошлом сезоне, я дома редко бываю, а так и малой при деле, и мне спокойнее. Да и честь это – служить королевской семье.

– Императорской, – подал голос герцог Верги, и Алан заметил восторг, промелькнувший в глазах капитана, и торжество во взгляде десятника. Явно тот рад, что не прогадал, когда выбрал в храме нейтралитет. – Баронет Мак, сир, достойный человек, и дети у него хорошие. Берите, не пожалеете.

Значит, капитан стражи – баронет, титул перейдет к старшему, а младшему придется добиваться всего самому, и шанс этого всего добиться рядом с императором стократ выше, чем в любом другом месте, но и стократ опаснее. Понимает ли это отец?

– Возьму к себе вестовым, а дальше посмотрим. Приводи завтра на собеседование, – сказал он и, увидев непонимание в обращенных к нему глазах, поправился: – Ты же понимаешь, что с парнем должен поговорить мой глава личной безопасности? Лис, слышал? – повернул Алан голову к флегматичному охраннику. – Проверишь мальчишку и

дашь допуск.

Если Лис и оказался чем-то удивлен, то по его бесстрастной физиономии понять это было невозможно, он только коротко кивнул и опять застыл у двери рыжим изваянием. Алан же повернулся к вытянувшемуся в струнку десятнику.

– Подготовь наградной лист на своих людей. Каждый получит денежное вознаграждение. Баронет Мак! – Строгий взгляд на капитана стражи. – Будем менять структуру армии и стражи, вводить новые звания и оклады. Прикинь пока, кого из своих людей хочешь выдвинуть, а от кого пора избавляться. Через три дня обсудим. Свободны.

– Быстро вы решаете дела, сир, – проводив взглядом закрывающуюся дверь, задумчиво произнес герцог Верги.

– Очень быстро.

Пожил бы ты в двадцать первом веке в огромном мегаполисе, тоже бы научился принимать решения молниеносно, но вслух этого Алан, конечно, не сказал.

– Я живу быстро. Привыкай.

– Да, об этом я тоже слышал, – кивнул герцог, глядя на Алана совершенно другими глазами. – Мне говорили, что вы моментально принимаете решения. Король, который скор на расправу и быстр на награды.

– Забавно, – усмехнулся Алан. – До сих пор только мои женщины говорили это.

«Слава Ирию, не в постели», – тут же съехидничал внутренний голос.

– Лис, в центральный храм!

Хватит заниматься ерундой. Пора продолжить разрушать, и начать Алан собирался с Храма...

Глава 18

Честь по чести - как кровь по лезвию:

Стон клинка похоронной вестью.

Честь в ближайшем родстве с бессмертием,

Честь в ближайшем родстве со смертью!

Написано на полях Песни Жития на неизвестном языке рукой Айро Третьего Разрушителя.

– Кодекс чести начертан пурпуром, Честь и кровь неразрывно

связаны. Честной сталью в игре по-крупному Честь оказана! Честь оказана!..

Алан тихонько напевал себе под нос слова песни, Иверт косился на него, но пока молчал. Эх, гитару бы сюда. Кстати, видел здесь нечто похожее, хотя когда ему было интересоваться музыкой? Вот же выверты подсознания, рок-оперу «Легенда о принце» Виктория слышала всего один раз, но слова сами пришли на ум. Нет чтобы вспомнить что-то полезное.

На дворцовой площади Алана ждали стройные ряды городского гарнизона во главе с генералом Генри Романом. Короткое приветствие, благодарность, знакомство с командирами и дружное: «Слава императору! Слава! Слава! Слава!», после чего Алан пригласил командиров на завтрашнее совещание во дворец и направился в сторону знакомого храма, стены которого величественно возвышались над крышами домов, сияя желтой краской в тусклом заходящем солнце. В этот раз его сопровождала не горстка соратников, а маленькая армия, и двигало им не любопытство, а конкретная цель.

Судя по количеству зевак на улицах, новости уже просочились за пределы дворцовой площади. Нового правителя встречали криками, свистом и аплодисментами. Но никто не лез под копыта, да и вообще не наблюдалось толп поклонников новой власти. Люди спешили по своим делам, но, увидев внушительную компанию, останавливались, обсуждали новости, с любопытством глазели на черноволосого мужчину с короной на голове. Без излишнего ажиотажа и волнений. Горожанам было все равно, кто у власти, лишь бы налоги не повышали и воевать не заставили. Но при этом в воздухе разливались настороженность и волнение, каждый чувствовал причастность к происходящему. Как же! Повезло оказаться в нужном месте в нужное время, теперь будет что соседям рассказать.

– Корона Королей вернулась! – орал кто-то басом, и Алану почудился голос Рэя. – Теперь боги опять на нашей стороне!

– Истинный король пришел! Радуйтесь, люди!

А вот это явно кто-то из парней Иверта. Говор уж очень знакомый. Рустам? Следует к нему присмотреться, парень молодой, умный и, хотя привел свое племя под власть Бешеного Кузнечика, сохранил самостоятельность и уважение остальных вождей. Выкрики подхватили, эхо волной разнесло новость по окрестным кварталам.

– Праздник надо объявить, – наблюдая с высоты лошади за окружающими, посоветовал Алану генерал. – Простые люди всегда любят праздники, особенно, если за вино платить не нужно.

– Где же столько вина взять?

Алан был согласен с маркизом, но не представлял, как это все делается. Он много чего пока не представлял, понимая, что учиться всему придется на ходу, и хорошо, если учителя найдутся быстро.

– У храмовников и возьмите, – хмыкнул генерал. – Их подвалы забиты бочками. Винное дело в столице именно братья Взывающие контролируют. Отличный повод пощипать дармоедов.

– Не любишь ты их.

– А за что мне их любить? – Генерал дернул щекой. – Меня боги и без посредников слышат.

Алан поднял руку и помахал двум девушкам в лохматых шубках. Они заметили, радостно засмутились и тут же стали шептаться, прикрывая ладошками губы.

Возле храма было тихо, только у дверей стояла охрана из двух ксенов, да на самих дверях висел огромный замок, формой напоминающий куб. Увидев неожиданных гостей, охранники подобрались, но с места не двинулись. Тем временем солдаты окружили храм по всем правилам воинского искусства. Мышь не выскользнет.

– Мы идем с вами, сир. – Винсент возник справа, как только Алан спрыгнул с коня. – Этим мы покажем, что вы действуете с одобрения Учителей.

– Ты же был против?

Алан внимательно всмотрелся в глаза молодого ксена, но тот не отвел взгляд и добавил:

– У меня плохое предчувствие.

Вот и ответ. Алан бросил быстрый взгляд на Ворона, парень кивнул и пристроился рядом. Рэй сбросил с могучих плеч кожух, зачем-то поправил Алану перевязь и басисто вздохнул:

– Вы там только сразу головы не рубите, кир Алан. Пусть хоть слово сперва скажут.

– Рэй, ну что ты из меня изверга делаешь? – возмутился Алан, как никогда ощущая себя ребенком рядом с верной нянькой.

– А я что? Я ничего. Этот, как его... – Великан нахмурил светлые брови. – Имудж, во, вам создаю. Правильный! – поднял он палец. –

Чтоб, значитца, боялись. – Он полез в карман и достал из него маленькую кривую морковку. – Хотите?

Алан улыбнулся и отрицательно качнул головой. Кое-что неизменно в быстро меняющемся мире – Рэй и морковка.

– Надерем ур-родам задницы, – раздалось из-за спины, и вперед выскочил Оська в распахнутом кожаном плаще. Глаза шута подозрительно блестели, в кулачке был зажат внушительный нож, на хитром лице читались решимость и предвкушение. – Зря они у нашего Кузнечика родовой перстень сперли и домик чуть не отобрали! Мы не злопамятные, но помним хорошо! Да, твоя императорская величавость?

А ведь действительно, документы на наследство деда по матери и его родовой перстень так и осели в недрах канцелярии Приближенного. Ирия на него нет!

– Заходим?

Алан кивнул генералу, который оставался со своей маленькой армией, а про себя подумал, что этот бой будет сложнее, чем взять трон.

– Мы первые! – Иверт уже распахнул тяжелые двери, а его люди аккуратно укладывали у стены двух ксенов, охраняющих вход. – Живы, просто обездвижены, – весело ответил Ураган на невысказанный вопрос друга.

Алан лишь головой качнул осуждающе, но промолчал. Это война, и жертвы неизбежны. Черт! Подняли голову вина и сожаление. Как же больно оттого, что душа черствеет, что чужая смерть становится обыденной необходимостью, что все меньше любви остается в сердце. Стоит ли его жизнь всего этого?

«Страшно?» – змеиным голосом прошипело в голове.

«Страшно, – не стал отнекиваться Алан. – Но разве есть выбор?»

«Выбор есть всегда».

«Я не буду склонять голову перед храмовниками. Хватит с меня Учителей с их интригами. Храм нужно разрушить. Слишком много власти, слишком много амбиций. Я буду воевать, чтобы мои дети жили в мире».

Полумрак большого храмового зала вернул Алана на сутки назад. Вот здесь упал Наместник, здесь пролилась его кровь. Пол замыли, и сейчас ничего не напоминало об убийстве, только легким уколом в сердце мелькнуло сожаление. Ведь могли поговорить по-человечески, решить вопросы без ненужного убийства, но не судьба.

Шаги гулко раздавались в тишине, пахло благовониями, воздух был холодным и сухим. Чисто, пусто и тревожно, и точно так же пусто и тревожно было на душе.

Проходя мимо ликов богов, Алан остановился, подошел к портрету Вадия. Темный бог стоял, опираясь на огромный меч, черная кираса блестела, подчеркивая мощь фигуры, надменное выражение породистого лица, высокомерный взгляд. Красавчик! Так и хочется обласкать парой русских слов. Или поцеловать... Ощутить горячее упругое тело под ладонями, дрожь в ногах, сумасшедшее биение сердца...

Стоп! Это не его желания!

– В твою честь пролита кровь, бог тьмы и смерти. – Алан не удержался, провел кончиками пальцев по нарисованному лицу.— Ты в долгу у меня, Вадий. В большом долгу, и я скоро напомню тебе об этом.

В гулкой тишине его слова прозвучали неожиданно громко.

– У нашего вождя особые отношения с богами, – иронично заявил Иверт. – Они с ним разговаривают.

Кто-то тихо ахнул, Алан криво усмехнулся, но не стал оглядываться, он перевел взгляд на Ирия. Полная противоположность. Светлые одежды, платиновые волосы, синие глаза смотрят ласково и ободряюще. В руках тоже меч, но он тонкий и изящный, больше подошел бы женщине, чем мужчине. Алан бы не удивился, узнав, что художник рисовал с натуры, именно в таком виде Ирий пришел к Виктории первый раз.

– Счастливого тебе материнства, Светлый, – улыбнулся Алан, испытывая легкую зависть.

Прижать к груди своего ребенка, что может быть лучше в любом из миров? Что может сравниться с этим чувством полного абсолютного счастья? Ничего.

– У вас действительно странные отношения с богами, сир, – тихо произнес Винсент. Он стоял рядом и смотрел на портрет Ирия.

– Мы лично знакомы, – туманно ответил Алан и направился к двери.

В прошлый раз они не смогли ее открыть, но сейчас пара ударов топором - и дверь слетела с петель.

– А можно было просто постучать, – недовольно проговорил встретивший их пожилой ксен.

– Прости, отец, но новому Наместнику срочно нужно встретиться со своей Рукой, – нагло оскалился Иверт.

Брат Взывающий поклонился Алану, безошибочно выделив его среди остальных, на мгновение задержал взгляд на короне, искренне и светло улыбнулся, хотя голос ксена звучал сварливо и своими интонациями очень напоминал брата Турида.

– Ключ от зала заседаний у меня, никто не покинет его, пока не выберут нового главу Храма, – менторским тоном заметил он, вытаскивая из кармана огромный спиралевидный ключ.— Процесс это длительный и не терпящий суеты. Первый день кандидаты молятся богам, очищают мысли и приводят дух в равновесие, потом начинаются доклады. Каждый, кто желает занять пост, рассказывает, почему его кандидатура лучше для Храма. И только после споров и тайного голосования по системе «два против всех» Длань выбирает нового Наместника.

– «Два против всех», это как? – тут же поинтересовался самопровозглашенный Наместник.

– Каждый может проголосовать за одного кандидата и за себя, – пояснил ксен.

– Но так как Наместник уже выбран, то можно их отпереть, – сообщил Иверт, осторожно взял ключ и, отодвинув ксена в сторону, решительно направился по ярко освещенному коридору.

За ним заскользили горцы, с любопытством рассматривая картины на стенах. Алан шел следом, рассеянно слушая Ворона.

– Самая полная коллекция работ великого Дарте. Он умер пятнадцать лет назад, болел и плохо ходил, но до последнего дня жизни создавал полотна по мотивам Песен Жития. У отца Жириша есть две его картины. Батальные сцены. Очень впечатляюще.

Алан выхватил взглядом полотно, на котором Ирий летел над океаном, впереди бушевала буря, а позади солнце отражалось в спокойной воде. Картина дышала жизнью, на мгновение Алану даже показалось, что он чувствует запах моря и слышит грохот волн. Нет, не светлый бог был героем этого полотна, художник воспевал море, всепоглощающую мощь стихии и тишину непокорной воды, трагедию и победу.

«Не удивлюсь, если они переселили в этот мир Айвазовского, – прошептал внутренний голос. – Море завораживает».

– Ворон, напомни мне, чтобы мы конфисковали у храмовников эту коллекцию. Работам кира Дарте место в музее, а не в коридоре.

– Наш Леонардо тоже будет висеть в музее! – Из-под руки телохранителя выскочил Оська. – Да, Кузнечик?

– Нет, Оська, в музее будут висеть его работы, от подвешивания художника мы воздержимся. Раздался смех, немного разрядив напряжение последних мгновений.

Алан старательно ни о чем не думал, отгоняя даже малейшие сомнения. Сейчас не время предаваться унынию и жалости к себе, а время действовать решительно и без раздумий.

Иверт распахнул дверь, и в открытый проем, решительно отодвинув непризнанного Наместника в сторону, скользнули ксены Винсента и тройка горцев во главе с Рустамом. Алан размашисто перекрестился и шагнул следом, в последний момент замечая, как рядом мелькнула знакомая фигура.

– Берт? Что ты здесь делаешь? – опередил Рэй Алана с вопросом.

– Кир Алан, меня кирена Валяя отправила, – зачастил громким шепотом Берт. – За ней карету из дворца прислали, она интересуется, ехать или вас ждать?

– Пусть никуда пока не едут, – нахмурился Алан, рассматривая обстановку помещения, куда они попали. Судя по всему, это была приемная. Стол, стул, диванчик для посетителей, столик с кувшином и парой стаканов. На стене портреты Вадия и Ирия в золотых рамках. – Я напишу ей записку, отнесешь.

Что-то кольнуло, какое-то несоответствие, легкий диссонанс, но подумать Алан не успел, высокая строгая дверь цвета темной вишни распахнулась перед ним, и Рэй торжественно рявкнул, да так, что не ожидающий этого Иверт схватился за сердце, а Оська притворно упал в обморок:

– Император Айро Третий!

Следом за Винсентом и Лисом Алан вошел в большой зал, заставленный столами и диванами. Четыре больших окна, закрытых с улицы ставнями. Круглое возвышение в центре, на нем два кресла, в одном сидит Длань, второе пустует. Вокруг возвышения двенадцать мягких, удобных даже на вид стульев. Все заняты.

На Алана смотрели тринадцать пар глаз. Кто-то глядел с иронией, кто-то – со злостью, кто-то – с любопытством, но были и те, чьи

взгляды выражали презрение и брезгливость. Таких оказалось двое.

– Добрый день, – произнес Алан тихо и обвел взглядом бесстрастные лица ксенов. – Длань, – кивнул он застывшему в высоком кресле, больше похожем на трон, Алвису. – Меня тревожат слухи о расколе среди храмовников. Борьба за власть, предательство, взяточничество, разврат – вот синонимы высшей храмовой власти. Но последней каплей моего терпения стало убийство Наместника одним из ваших людей. Боги этого не одобрили.

Послышались недовольные голоса, но Алан лишь поднял руку, призывая к тишине.

– В связи с убийством Наместника, напряжением в обществе и Храме и заговоре против короны я единоличной властью, данной мне богами и народом Галендаса, во избежание кровопролития и раскола принял тяжелое решение. Храм давно нуждается в переменах, и начнем мы с объединения власти.

– Хотите сказать, что какой-то самозванец станет править Храмом? – скривил губы высокий седой мужчина в ярко-желтом одеянии.

– Приближенный к Ирию, – шепнул Ворон.

– Иверт, арестовать, – бросил Алан.

Команда была исполнена молниеносно, никто не успел отреагировать, как бесчувственное тело потащили на выход под возмущенные выкрики и угрозы.

– Молчать! – гаркнул Алан.

«Поорать? Умею, практикую, люблю», – нервно подумал он про себя, ощущая липкий неприятный ком в желудке.

– Для тех, кто слеп и глух, повторю один раз. – Алан указал на свою голову. – Трон мой по праву рождения. Любого, кто попытается высказаться против, ждет суд по закону военного времени. Наместника Храма отныне буду назначать я. Никакой демократии! Хватит, поиграли – и достаточно! Во что вы превратили веру? В балаган! Отец Небесный вами очень недоволен. Пока я не разберусь с теми, кто стоял за убийцей Наместника, пока мне на стол не ляжет полный список заговорщиков, править Храмом будет император. Не обсуждается!

Что тут началось! Заговорили все одновременно. Возмущение, угрозы, вопросы... Ксены принялись перебегать с места на место, что-то обсуждать, размахивая руками, споря и ругаясь, и только Длань оставался совершенно бесстрастным. Казалось, его ничего не волнует,

но Алан знал, что сейчас верный враг просчитывает все возможные варианты и принимает решение, от которого будет очень многое зависеть. Как же хотелось верить, что он не пойдет на открытую конфронтацию. Да и что может сделать один воин против маленькой армии?

Когда Алвис поднялся со своего кресла и, опираясь на трость, направился к ним, Алан даже не заметил, он следил за Бертом, который прижался к подножью белой статуи. Слуга был бледен, на лбу проступила испарина, глаза лихорадочно блестели. Заболел, что ли? В голове опять промелькнула какая-то мысль, но тут раздался голос Ворона, и Алан отвлекся.

– Лис, – тихо позвал Ворон, бросая многозначительный взгляд на напарника. Рыжий кивнул и скользящей походкой направился к Приближенному к Вадию. Глава искореняющих не принимал участия в общем споре, он стоял чуть в стороне и точно так же, как Алан, внимательно следил за всеми. – Сир, может, пора?

– Рано, – так же тихо ответил Алан. – Нам нужны провокация и повод.

Неужели он ошибся, и святоши безропотно снесут унижение? Не дадут повода всех арестовать? И почему молчит Длань? А ведь день назад план казался безукоризненным. Простой и верный: прийти незваными, оскорбить, спровоцировать и обвинить в бунте. Но как-то все слишком мирно...

И сглазил же!

Боковым зрением Алан отметил движение справа, рядом хмыкнул Винсент и вдруг резко дернулся вбок, выбрасывая вперед руку с метательным ножом.

Алан даже не успел понять, что произошло. Ворон швырнул его на пол носом в пахнувший сыростью ковер, навалился сверху, кто-то закричал, раздались звуки борьбы, глухие удары мечей, громкие маты Иверта, и вдруг резко наступила тишина.

Алан дернулся, пытаясь встать.

– Да отпусти ты меня, – зло пихнул он плечами Ворона, достал из-под живота свалившуюся корону и наконец поднялся.

Дерьмо!

Взгляд отстраненно фиксировал события. Лис и еще два ксена из отряда Винсента повалили на пол Приближенного и вязали ему руки.

Тот хрипел и извивался, парни едва справлялись. «Здоровый, зараза», - равнодушно подумал Алан. Остальных ксенов горцы прижали к стене. Рэй стоял на коленях над телом Берта.

То, что слуга безнадежно мертв, Алан понял сразу, нельзя выжить, когда у тебя из глаза торчит нож. В руке Берт стиснул знакомый кинжал, подарок герцога ко дню Тарании Воительницы. Алан мгновенно заледенел, эмоции замерзли, сердце стало биться медленнее, он смотрел и не чувствовал ничего, кроме бесконечной усталости и разочарования.

– Он убил Руку, не простил храмовникам смерть семьи. – Рэй осторожно поднялся, стянул со стола скатерть и набросил на Берта. – Иди с миром к реке Забвения, малыш.

Алан перевел замороженный взгляд на Алвиса. Длань улыбался. Он лежал в нескольких шагах от Берта и смотрел на Алана. Сутана на груди была мокрой от крови, трость валялась рядом, нога вывернута под неестественным углом, но взгляд ясный, осознанный.

– Почему до сих пор жив? – вырвалось само собой.

– Не жилец. – Рустам присел рядом с Дланью и склонился над ним. – Четверть рыски, не больше. Этого мы не спасем, а второго можно еще вытащить. Вождь?

О ком он говорит? Алан с трудом отвел взгляд. Нужно подойти, сказать то, о чем молчал все это время, взять за руку... Но он не шевелился. Время замерло, остановилось, он чувствовал, как разум все глубже врастает в ледяную глыбу, в которую превращается его душа.

– Алан! – Зареванный Оська выскочил откуда-то из-за спины. – Не стой, как глиняный божок! Пора звать покровителя! Вин, не умирай!

Винсент? Но он как попал под удар? Ксен стоял, опираясь на Ворона, и зажимал ладонью бок. Черт, неужели печень пробита?

«Но это же верная смерть!» – отчаянно закричала в глубине ледяного панциря Виктория.

– Теперь у вас есть повод, – улыбнулся Винсент окровавленными губами и стал заваливаться набок. Да, теперь у него есть повод. Разве не этого ты ждал, император?

– Всех арестовать. Судить будем открытым судом. Храм опечатать, казну конфисковать, взять всех причастных,

– раздавал он отрывистые команды, стараясь не смотреть на умирающего Алвиса. – Рэй, Иверт, вы знаете, что делать! К утру

заговорщики должны сидеть в тюрьме. Возьмите Найка, он покажет.

Через несколько минут в помещении осталось несколько человек.

– Рана несерьезная, но клинок был отравлен. – Ворон бережно опустил Винсента на пол. – Судя по запаху – яд куары.

Эх, Берт, Берт... что же ты натворил? Но об этом он подумает завтра. Все завтра.

– Найди лекаря.

– Алан! – Оська дергал его за рукав, и это непривычно звучащее из уст шута «Алан» подействовало, как ушат ледяной воды. – Быстро! Мы еще можем спасти одного! Пока душа не ушла! Мой шарик у тебя?

Шут уже совал за щеку липкий, остро пахнувший шарик.

Точно такой он дал Алану несколько часов назад для успокоения нервов... Где-то был в кармане.

– Что ты задумал?

Алан наконец нашел кусочек странной смолы, на него налип мусор и соринки, и он попробовал стряхнуть их пальцами.

– Ты совсем мозги потерял? – Оська изо всех сил пнул его по колену носком сапога, корча зверские рожи. – К Вадию взывай, дурень! Пусть свою шайтан-машину заводит!

– Не суетись, шут, – хрипло произнес Алвис. – Я...

– Заткнись! – Оська наставил на Длань палец. – Заткнись и сосредоточься на внутренних ощущениях. И не сопротивляйся! Ты! – Он перевел палец на Ворона. – Неси Вина в соседнюю комнату. Что хочешь делай, но он должен выжить!

И тут до Алана дошло. Он резко повернулся к телохранителю.

– Ворон, любые деньги, любые ресурсы, но он должен выжить. Ты меня понял? Ворон коротко кивнул.

– Лис, охрану к двери, сюда никого не пускать! Ни при каких условиях. Самим не входить, пока не позову!

Алан уже жевал кисло-горькую субстанцию, когда парни выскочили за дверь, захлопнув ее за собой. Щелкнул замок.

– Ты пожуй, а потом за щеку заложи и только сглатывай! – давал указания Оська. – Ложись рядом с Дланью, бери его за руку. Физический контакт важен...

Голос шута удалялся, становился тише, тише, тише...

– Вика! Что с ней, шаман?

– Не ори! – Вот что за несправедливость? Тела нет, а ощущение,

что сейчас стошнит, осталось. – Голова...

– Ты ей гашиш дал? – говорил Вадий где-то вдали.

– Обижаешь! Это «лётная трава», – проскрипел старый голос, и Виктория наконец стала различать лица.

Рядом с Вадием, одетым в белый лабораторный халат поверх джинсов и традиционной майки, сидел на корточках худой морщинистый старик в одной набедренной повязке. Он курил длинную тонкую трубку, знакомые синие глаза с веселыми смешинками взирали на Викторю с интересом.

– У нас там критическая ситуация, между прочим!

Она вскочила на ноги, одергивая на себе короткое желтое платье.

Привычно провела рукой по волосам, в который раз дивясь, что ощущения настолько реальны, а потом вспомнила... Воспоминания ударили под дых железным кулаком и на мгновение отключили возможность думать. Виктория качнулась от нахлынувшего чувства вины и горя. Берт, Алвис, Винсент...

– Кто? – коротко бросил Вадий и наконец приблизился, молча обнял за плечи, осторожно прижимая к себе. – Кто, Викушка?

Она не любила, когда он называл ее так, но в этот раз промолчала, горло свело спазмами, и Виктории стоило огромных усилий вытолкнуть единственное имя:

– Алвис.

Выбор был сделан до того, как она осознала это. Что-то подсказывало, что спасти можно только одного, и спасти она хотела Длань, врага, который всегда защищал ей спину.

– Ты хочешь отдать ему тело Алана? – Вадий обхватил ладонями лицо и заглянул в глаза. – Я ждал. У меня все готово для твоего переноса. Все пройдет идеально, – чуть суетливо добавил он. – Ты проснешься в моем мире, а Алвис сумеет править, – сбивчиво закончил Темный и замолчал.

Наверное, увидел гнев в ее глазах.

Виктория дернулась. Думала, что Вадий задержит, но он опустил руки. Он что, специально это все устроил? Чтобы забрать ее к себе? В то тело, которое она примеряет последний месяц каждую ночь, тело, которое ждет ее в секретной лаборатории на военной базе?

– Я думал...

Вадий снова замолчал, растерянно и виновато глядя ей в глаза.

Это было так не похоже на него, что отрезвило, погасило зарождающийся гнев.

– Оська? – Она повернулась к шаману. – Вы сговорились заранее?

– Мы предполагали такой вариант, – не стал отказываться шаман. – Но тут неувязочка вышла, да, Темный? – Он скрипуче рассмеялся. – Там уже есть тело, готовое принять дух Алвиса. И, заметь, это тело ходока! – Оська поднял палец. – Думаешь, я просто так пырнул ксеника ножиком?

Виктория схватилась за голову.

– Привыкай! – жестко произнес Оська. – Ты – ходок, и тебе не раз еще придется принимать жесткие, а порой и жестокие решения. Или ты считаешь, что скакать из тела в тело – это легкое удовольствие? Думаешь, знания и умения не несут никакой ответственности?

Виктория даже растерялась от напора и строгости, что звучали в словах шамана.

– Стоп! – Хватит вешать ей лапшу на уши! – Вы провернули все это, чтобы убить дорогого мне человека и вынудить меня отдать тело Алана, а самой прийти к Вадию? Отвечайте!

Последнее слово она выкрикнула, и ей было плевать, что все это смахивает на истерику.

– Нет, нет! – быстро поднял руки Вадий. – Ничего подобного. Хотя, как сказал шаман, мы рассматривали этот вариант, но, клянусь, я бы никогда ничего не сделал против твоей воли. Я ведь обещал ждать столько, сколько будет нужно. – Он сделал шаг вперед. – Ты мне веришь?

Если не ему, то кому еще? Виктория всхлипнула и все же разревелась, уткнувшись в грудь мужчины. В голове была лишь одна мысль: как же она устала. А может быть, действительно сбежать? Оставить страну и семью в крепких руках Алвиса, иногда навещать детей во снах, следить за ними издали. Все равно ничего у нее не получается! Люди гибнут, враги множатся, знаний не хватает. Бьется, как о стену, вроде бы вот оно, решение, но обязательно что-то происходит, и Алана отшвыривает назад, да еще сверху придавливает. Так к чему эти мучения? Есть более достойные, сильные, умные. Алвис справится...

– У нас нет времени, – прервал ее самоедство голос шамана. – Или мы вытаскиваем Руку, или собираем для них один костер. Дух Винсента уже покинул тело, – спокойно заявил Оська и пыхнул трубкой, с

блаженством прикрыв глаза. – Ох, забористая травка все же.

– Это называется кома, – буркнул Вадий, с нежностью глядя Викторию по плечам. – Ну, малыш, соберись, сейчас действительно не время, тебе придется поработать проводником. Милая... – Он поцеловал ее в макушку.

– Нам надо спасти Алвиса.

– Никто не ожидал от Берта такой ненависти, – со вздохом произнес шаман. – Только ненависть позволила ему убить Длань. Жаль мальчика.

А как ей было жаль! Но Вадий прав, сейчас некогда предаваться скорби, это она сделает позже, когда все будет позади.

– Спасибо. – Она отодвинулась от Вадия, вытерла кулаком глаза. – Что мне нужно делать?

– Она же не обучена? – Оська тоже встал. – Тогда будет проводником.

– Главное, чтобы там, в реальном мире, ты не отключилась. Понимаешь? – Вадий смотрел в глаза. Серьезный, сосредоточенный, отдаленный. – Один остается у тела, второй удержит душу, я буду у себя. Вика, тебе надо просто удержать его, пока я настрою оборудование.

– Алвис не ходок, у него не развит тот орган, который отвечает за этот талант. – Виктория покачала головой, рассуждающий серьезно Оська был еще удивительнее, чем все происходящее. – Он сам не сумеет, но у Вина, как и у тебя, есть потенциал, поэтому, когда я понял, что Рука убит, я выбрал для него это тело.

– То есть тебе не жаль молодого парня, у которого вся жизнь впереди?

– Жалко, – вздохнул Оська. – Но он воин и был готов умереть. У него будет хорошее посмертие, он скоро переродится в теле ребенка, которого все будут любить.

– Откуда знаешь?

Виктория подала Оське руку, и они направились в заволакивающий горизонт туман. Она уже такое видела, когда Вадий учил переходить из сна в сон.

– Я же шаман! – лукаво и знакомо улыбнулся Оська. – А ты девочка. Такая миленькая, просто прелесть! Он хихикнул.

И вот тут Виктория поняла, что теперь ее жизнь превратится в ад!

Оська ей этого никогда не забудет!

– Думаешь, Берт это все рассчитал заранее?

Сердце сжалось от обиды. Почему не сказал, не поделился?

– А ты спрашивал? – тут же недовольно отозвался шут, и Виктория вспомнила, что ей рассказывал Вадий. В этом состоянии не бывает слов, только мысли, которые звучат довольно громко. – После смерти Наместника он ходил довольный, как кот, а потом что-то изменилось. Резко. Думаю, кто-то вложил нож в руку нашего доброго мальчика. – Оська еще раз затянулся и вздохнул: – Как мне не хватает настоящей трубки.

– Что мешает ее завести? – тут же отозвалась Виктория.

Дымка начинала рассеиваться, и стали видны четкие очертания покинутой комнаты.

– Ты представляешь, что будет с моим телом, если я еще курить начну? – возмутился шаман. – А я планирую прожить долго, мне хочется посмотреть, как ты будешь выкручиваться. А вот скажи мне, Алан, как это быть девочкой? – хихикнул он, и Виктория наконец-то узнала своего шута.

– Верить, хреново! – с чувством ответила она и уставилась на серебристый контур тела Алвиса. – Почему он светится?

– Так и знал, что мне придется тебя всему учить. – Оська присел рядом с телом и потянул за собой Викторю. – Умер он, но дух и сознание еще не покинули тело. А вот тут все очень интересно. Что есть душа?

– Никто не знает, но мне кажется, это то, что отвечает за чувства, эмоции, любовь, индивидуальность.

– И это тоже. Но шаманы считают, что душа – это консистенция разума, характера, навыков и силы. Ведь душа меняется вместе с человеком, и иногда милый замечательный ребенок превращается в тирана и деспота, и тогда его душа чернеет. Ничего во вселенных не бывает неизменным. Даже время течет везде по-разному. Но! – Он поднял вверх тонкий палец. – Разум легко отделить от всего остального. Простых людей можно после смерти заставить существовать, подселив в их тело душу, но при этом перенести разум невозможно. Подселенец научит тело ходить, питаться, делать то, что приказывают...

– Зомби.

– Зомби, – согласно кивнул шаман и положил ладонь на грудь

Алвиса. – Ты видишь энергетический контур, он еще будет светиться некоторое время, но скоро потухнет. Разум переносить не умеют даже шаманы, а вот ходоки могут. Но для этого им нужно снять матрицу и поместить ее в компьютер, они называют это по-другому – живой искусственный интеллект, но мне нравится слово «компьютер», оно прикольное.

– А как они это делают?

– Без понятия! Я и компьютер-то никогда в глаза не видел, – широко улыбнулся Оська, демонстрируя идеальный ряд белоснежных зубов. – Я просто отправляю вот это Вадию.

Виктория зачаровано смотрела, как в ладонях шамана материализуется голова Алвиса. Это было жутковато и вызывало ассоциации с фильмом ужаса.

– Понимаешь, Алан... – Оська ухватил голову за волосы и направился к выходу. – Когда умерли мы с тобой, наши тела были материальны, и веселые божки в них хорошенько поковырялись, вытащили из памяти все, что им было нужно. Без тела это

сделать тяжело, но Ирий что-то там изобрел, и они давно хотели это испытать. А тут случай подвернулся! – Он помахал в воздухе головой, и Виктория почувствовала тошноту. – А вдруг получится, а? Держи душу, кузнечик.

И это «кузнечик» явно не было кличкой.

– Как?

– Крепко!

– Да объясни мне, наконец, как все происходит?

– Я откуда знаю? – вылупил глаза Оська. – Я только два новых слова выучил: компьютер и ретроспективная трансформация! У своего возлюбленного Вадиа расспросишь.

И он, показав язык, исчез.

Виктория села рядом с телом, с интересом наблюдая, как над ним начинает собираться золотистый сгусток. Душа? Вот такая маленькая и яркая? Как шаровая молния, даже смотреть больно. Хотя она и понимала, что видит душу Алвиса не зрением, а чем-то пока непонятным и неизведанным, но все равно привычнее было думать знакомыми понятиями.

Шарик завис над сердцем, дернулся несколько раз и стал медленно подниматься вверх. Виктория испугалась, вдруг сейчас душа исчезнет?

Улетит... Кстати, а куда улетают души?

– Эй! Стой!

Черт бы побрал Оську, неужели сложно было объяснить? Спокойное умиротворение сменилось паникой, и Виктория ничего лучшего не придумала, как подпрыгнуть и накрыть яркий шарик телом. И тут же распахнула глаза.

Алан лежал на полу, крепко держа холодную руку Алвиса, рядом вытянулся Оська, его лицо выражало полную безмятежность и счастье, только веки подрагивали, да на левой руке дрожали пальцы.

Алан прикрыл глаза, его тошнило, голова кружилась, в теле разливалась такая слабость, что даже моргать было трудно. И что-то нужно вспомнить... Душа Алвиса! Он... внутри? Внутри его тела? Или ничего не получилось?

Мысли пронеслись, как порыв ветра, и наступила ночь, Алан опять проваливался за грань яви...

Боль. Боль ощущалась каждой клеткой тела. Особенно болело сердце, каждый вдох – давящая на грудь острая режущая мука. А еще страх. Он навалился тяжелой глыбой, мешая мыслить рационально. Страх не за себя, а за дело, которому он посвятил жизнь, за людей, за одного упрямого и загадочного человека, который начал перестраивать этот мир. Справится ли без него? Даже в тот миг, когда последний камень лег в кладку его могилы, отрезая от света факелов и прошлой жизни, он так не боялся. Знал, что выкарабкается. Но сейчас все было безнадежно. Его убили.

Нет, не было злости и обиды на молочного брата Алана, парень ни за что бы не решился на этот отчаянный шаг сам. Алвис точно знал, кто вложил кинжал в его руки, успел увидеть торжествующий взгляд Приближенного к Ирию. Для него Длань всегда был помехой на пути к креслу Наместника. А тут такой удобный случай, личный слуга императора убивает Длань... можно разыграть партию по дискриминации выскочки и убрать несговорчивого соперника.

Никто не ожидал от Алана решительных действий, никто не верил, что он пойдет против Храма, привыкли за эти века, что они стоят над законом. Они опять недооценили Алана Валлида. Но теперь Алвис знал, в чем секрет. Алан – анчута, занявший нужное тело. Боги очень удачно подтасовали карты...

Все только начинается, а его ждет суд на берегу реки Забвения, и

рассчитывать на милосердие не приходится. Все мысли и эмоции ощущались как свои, но Виктория точно знала, что это не она.

– Алвис, не спеши за реку Забвения. Тебе туда еще рано.

Напряженная, настороженная тишина. И... пустота, лишь отголоски памяти и души.

– Стоять! – гаркнула Виктория, одной частью себя ощущая, как сжимает холодную руку трупа, второй видя серебристое сияние, напоминающее силуэт шамана. Оська возвращался, а значит, помощь близка. – Алвис, это приказ! Держись за меня.

– Кто ты, женщина?

– Ты не согласишься...

Бред. Это галлюцинация и бред, вызванный наркотиком. Такого просто быть не может. Она материалист! Закоснелый материалист!

– Эй, Кузнечик! – По щекам лупили, и довольно сильно. – Дыши!

И Алан вдохнул. Сипло, громко, жадно. И сразу же закашлялся, ощущая боль под ребрами.

– Оська, что произошло?

Глаза открывать не хотелось, хотелось лежать в позе зародыша и не шевелиться.

– Ты чуть не умер. Но Оська тебя спас! А Вадий грозился выпороть при следующей встрече. Я бы на твоём месте не ходил больше гулять в астрал, чтобы не встретить там гневного Темного. Он хотел утащить тебя в новое тело, но верный шут помешал!

Оська радостно захихикал.

– Не смешно. У нас получилось?

– Узнаем, когда Винчик откроет глазки. Ты уже отпусти Руку, хватит его тискать, а то подданные заподозрят императора в нездоровых наклонностях!

Шут заржал, и Алан услышал топот маленьких ножек.

– Откуда в тебе столько здоровья?

Алан со стоном сел, отодвинулся от трупа Алвиса, с тоской посмотрел на стул и понял, что не дотянется. Пришлось переворачиваться на живот, становиться на колени и только потом, помогая себе руками, подниматься. Оська в это время колотил в дверь.

– Вороненок, вина и мяса! И отопри нас немедленно!

Дверь распахнулась в тот момент, когда Алан озирался в поисках короны.

– Я опять ее уронил, – пожаловался он встревоженному Рэю. – Как думаешь, может, это знак?

– Привязать веревочками за уши? – беззлобно пошутил Рэй, подставляя воспитаннику плечо. – Домой?

– Во дворец.

– Ну, дык я и говорю, домой, – пробурчал великан и, бережно поддерживая Алана за пояс, повел на выход. – Вот скажите мне, кир Алан, какого Темного вы тут натворили?

– Тс-с-с, Рэй... – Алан попробовал улыбнуться, но щеку свело, и вместо улыбки вышел звериный оскал. – Не ругайся нашим покровителем, а то еще услышит. Как Винсент?

– В себя не приходит, но дышит. Лекарь с ним и парни из его команды.

– Это хорошо. Это очень хорошо. Помести его рядом с моей спальней. У меня есть спальня?

– Целое крыло, – хмыкнул верный Рэй и осторожно отстранился. – Негоже, если вашу слабость воины увидят, – чуть виновато произнес он, не глядя Алану в глаза. – Вы дальше уж сами, чтоб имудж, значит, не поганить.

Алан на мгновение прикрыл глаза и тихонько рассмеялся.

– Такого идиотского восшествия на престол в этом мире точно еще не видели.

– А когда у вас было по-другому? – философски изрек Рэй, распахивая перед императором двери. – Все у вас как не у людей, кир Алан. Как трон, так жертва богам. За Осколок Нанни отдали, за фронтир наших сколько полегло, герцогство Неженка откупил, а вот трон предков большей кровью пришлось омыть. Вадий будет доволен.

В этом Алан даже не сомневался, особенно, если испытания пройдут успешно.

– Я сделал все, что мог, Рэй, – тихо произнес он, глядя на ясное звездное небо и ощущая в воздухе легкий запах сандала. Благодарно кивнул, когда Лис набросил на плечи теплый плащ. – Остается только уповать на Отца Небесного.

И его двух упрямых протеже. Голова болела, мысли постоянно возвращались к событиям дня, где-то в глубине души сидел страх, вдруг не получится, но Алан гнал его от себя. Не время! Он не будет думать о плохом, только позитивное мышление. У них все получилось. Даже

сомневаться не стоит!

– Во дворец. Ночь только начинается, а у нас много работы.

Восемь дней спустя

– Оська, завари своего волшебного чая.

Алан потер красные глаза и отложил в сторону исписанный мелким округлым почерком серый лист. Когда он нормально спал? Кажется, на последнем привале перед въездом в столицу.

– Алан-балан, ты станешь наркоманом. – Даже неунывающий шут выглядел уставшим и заспанным. – Нельзя так часто пить травку бодрости. Давай я тебе лучше пощучу о чем-нибудь, ты посмеешься, и спать перехочется.

– Пошуту, но траву завари все же.

– Герцог Верги вчера встречался с посланцем Мирии.

Шут зевнул и полез в поясной кошель, где хранил пакетики с травами.

– Я в курсе. – Алан на мгновение прикрыл глаза. – Читал доклад.

– А ты в курсе, что герцог сказал послу, что он возглавляет оппозицию? – Оська зажег под треногой свечу, водрузил сверху медный ковшик, сыпанул в него несколько щепоток сухой травы, долил воду и еще раз громко зевнул. – Мирийцы подарили ему золотой браслет.

– Ага...

Алан потер щеки. Не мешало бы побриться, но... Эх, Берт, Берт, как же так...

Суд над храмовниками был открытым, и любой желающий мог присутствовать на объявлении приговора. За три дня Храм лишился верхушки. Смерть Берта Алан не простил. Единственная уступка, на которую пошел император, замена казни через сожжение на яд. Да и то лишь потому, что ему приснился отец Жириш и попросил достойной смерти для «глупых щенков».

Официально Храм обвинили в заговоре, предательстве и сговоре с врагами Галендаса. Наместник и его Длань были вписаны в Книгу скорби как борцы за справедливость и процветание империи Галендас, их портреты украсили стены дворцовой часовни чуть пониже лика Отца Небесного и двух его сыновей. Приближенных Алан назначил сам...

– Брат Эдар отписался? – спросил он у шута.

– Ты о главе Искореняющих? – округлил глаза шут. – Скажи мне, Алан-балан, почему ты помиловал меченого, да еще и наградил его?

– Потому что я могу быть благодарным, – усмехнулся Алан. – Эдар расчистил мне путь к Храму, шут.

– Я знал, что ты знал, но делал вид, что не знал! – Оська ткнул в Алана кулачком. – Хитрюга! Брат Эдар написал, что выполнил указания и завтра представит на одобрение новые «тройки». Защитник, обвинитель и судья. Да ты реформу судебной власти проводишь под шумок! Затейник ты, император!

Шут погрозил пальцем.

– Так время самое подходящее, пока никто опомниться не успел. Кстати, как Наместник я назначил себе в Длани Винсента.

Главное, чтобы он глаза открыл и не превратился в овощ. Винсент так и не пришел в себя, хотя рана начала затягиваться, и температура спала. Рядом с ним постоянно дежурили лекари, поили через трубочку жидкими кашами и водой, обтирали по несколько раз на день, смазывали рану, меняли постель. И никаких признаков, что душа вернулась в тело.

Алан навещал раненого каждый день, выгонял всех из комнаты, садился на пол, прислонившись спиной к кровати, рассказывал о новостях или просто проваливался в полусон, туда, где Викторину всегда ждал Вадий. В эти короткие встречи они почти не разговаривали, просто сидели, обнявшись, и смотрели на закат. Каждый раз закат был в новом месте. На берегу моря, в горах, в пустыне, на заснеженной равнине...

Виктория была благодарна Темному за молчание. Просто потому что сил не было обсуждать то, что произошло в Храме. Она помнила и оговорку Вадия, и его желание утащить ее в новое тело, и взгляды, которыми он перебрасывался с шаманом, помнила, что Вадий опять пытался ею манипулировать, но... энергии не хватало на выяснение отношений. Все потом, когда она выпитая и будет в нужном расположении духа. Не стоит портить хороший скандал плохим настроением.

– Ой, Ледяная красавица идет!

Оська сиганул под стол, только скатерть колыхнулась. Последнее время Валя постоянно ругалась с шутом из-за легкого тонизирующего напитка, которым Оська бодрил и себя, и своего господина.

Алан поднялся, встречая супругу.

– Тебе очень идет этот наряд.

Закрытое темно-синее платье, расшитое золотой нитью, с широкими рукавами и летящей юбкой, подчеркивало тонкую талию и высокую грудь, оттеняло ярко-голубые глаза и светлые волосы женщины. Из украшений на Валии были лишь серьги с сапфирами, и Алан в очередной раз напомнил себе, что следует все-таки посетить сокровищницу, именно туда свезли конфискованную казну Храма и имущество казненных ксенов.

Из-за спины Валия выглянула Васька, увидев, что отец в кабинете один, она с визгом повисла у него на шее. Алан подхватил девочку на руки и чмокнул в щеку.

– Ты колючий, – рассмеялась она. – А мы с мамой только что платье на бал выбирали!

Да, осталось лишь пережить бал в честь коронации, и можно начинать нормально работать. Алан с благодарностью посмотрел на супругу. Как всегда идеальная, сдержанная, отстраненная и рациональная.

Валия взяла на себя все заботы, связанные со светской жизнью. Она общалась с придворными и послами, с главами родов и с их женами, ей нравилась такая жизнь, нравилось заниматься обустройством их нового дома, организовывать приемы и встречи, самой вести учет дворцового имущества и расходов на его содержание. Валия наконец жила той жизнью, для которой ее готовили с детства, и эти перемены шли ей на пользу. Она стала более живой. И более близкой... А еще она умела слушать и задавать нужные вопросы, умела одним взглядом поставить на место, при этом оставаясь сдержанной и холодной.

Она была истинной императрицей, такой, какой хотела быть Виктория. Изысканной, холодной, недостижимой. Женщиной, которой смотрят вслед. Хотела быть... но никогда не была. Рядом с супругой Алан ощущал себя неотесанным чурбаном. Впрочем, это не мешало ему жить. Еще в прошлой жизни Виктория поборол комплекс некрасивой подружки, а уж в этой даже думать о подобном было некогда. Не сдохнуть бы от перенапряжения...

– Вы опять пропустили завтрак, Алан, – укоризненно произнесла Валия. – И снова не ночевали в своей спальне.

– Я здесь на диване прикорнул. – Император почувствовал себя школьником. – Прости. Больше не буду!

Под столом хихикнул Оська. А что делать? Куй железо, пока

горячо! Сейчас под шумок нужно почистить ряды

«соратников», вывести на сцену новые имена, раздать пряники и взмахнуть пару раз кнутом.

– Я получила послание Турена. – Валяя счастливо улыбалась. – Они в трех днях пути от столицы!

Какое облегчение! Хоть одна приятная новость за последние дни. Теперь все наладится, не может быть, чтобы это известие не потянуло за собой и другие хорошие новости. Алан протянул руку, и женщина вложила в нее свою ладонь. Васька притихла, следя за ними настороженным взглядом.

– Наконец мы опять будем вместе. Я очень скучаю по мальчишкам.

– Они ведь меня не прогонят? – тихо спросила дочь.

– Конечно, нет, ваше высочество, – серьезно ответила Валяя. – Они будут счастливы познакомиться с вами.

– А мама Зира? – шепнула Васька и уткнулась носом в шею отца.

Адан приподнял вопросительно брови, Валяя лишь плечами пожала, мол, ничего не знаю, ничего не ведаю, я тут вообще рядом постоять пришла.

– Зира любит всех наших детей, тебе не стоит волноваться.

– А ты?

– Я тоже вас люблю.

Алан смотрел в голубые глаза и видел в них отражение собственных мыслей. Они с Валией партнеры, семья, возможно, станут близкими друзьями, они оба стремятся к этому, но они никогда не смогут полюбить друг друга. Сожалеет ли об этом Алан? Нет. Как бы он ни делал вид, что проблемы нет, а она есть и никуда не делась. Мужчины в нем все же меньше, чем нужно для обычного семейного счастья.

Валяя сжала его ладонь и ободряюще улыбнулась.

– Вам надо отдохнуть, даже покровительство богов не спасет вас от усталости.

«День - время Алана, а ночи будут принадлежать нам, – послышался голос Вадия. – Ты, я и мир, который станет вращаться вокруг тебя».

– Надо мной нет богов. – Алан отогнал воспоминания и осторожно опустил Ваську на пол, погладил по заплетенным в косы темным волосам. – Это просто вечер, вино, хронический недосып, сейчас выпью

Оськиного чаю и буду как новенький.

– Вы себя не бережете, Алан, – вздохнула Валя и направилась к двери.

– Все будет хорошо. Я люблю жизнь, что мне дана. – И, когда дверь закрылась, тихо добавил: – А что-то важное не дано.

Оська вылез из-под стола в тот момент, когда в дверь заглянул юный вестовой, радостно выпалив:

– Ваше величество, брат Винсент очнулся. Отлично! Похоже, черная полоса заканчивается.

«Или только начинается, – тут же влез въедливый внутренний голос. – Если в теле Вина очнется debil...»

«Хватит каркать!» – одернул сам себя Алан.

– Мой чаек! – Шут бросился к треноге и быстро задул свечу. – Ты запах не чувствуешь? Испортил такой напиток... у, вредитель!

По кабинету разливался терпкий аромат вареной соломы. Пока Алан прятал в стол бумаги, Оська перелил чай в чашку и сунул ее в руки императору.

– Вот и пей теперь гадость! Может, научишься беречь ценный продукт.

– Не бухти. – Алан осторожно отпил маленький глоток горького напитка. – Эта гадость и правильно заваренная на вкус отвратительна.

– Лекарство приятным не бывает!

Идти к Винсенту было страшно, но еще страшнее оставаться на месте и не знать. Черт!

– У тебя руки дрожат. – Оська допил чай прямо из ковшика, сморщился и зевнул. – И безумие рвется из глаз. Выглядишь жутенько.

– Ну, прости, я никогда не был нормальным. – Алан направился к выходу. – Сам понимаешь...

– О да... – Оська загадочно усмехнулся и поскакал впереди, громко вопя: – Императорский шут идет, императора за собой ведет!

Неисправим!

И все же хорошо, что усталость притупила все эмоции, будь Алан в нормальном состоянии, бежал бы эти десять метров и губы искусал до крови, а сейчас просто хотелось, чтобы все закончилось. Так или иначе. А еще невыносимо хотелось спать, и трава больше не помогала. Проспать бы сутки. Эх, мечты, мечты...

– Чувствую себя в декретном с погодками, – пробормотал он себе

под нос. – Точно такое состояние вечного недосыпа и ожидания подвоха.

Дверь в покои Винсента охраняли люди Иверта, сам горец уехал со своим отрядом встречать Зиру и мальчишек. Увидев вождя, воины улыбнулись и синхронно приложили кулаки к груди. Так, не забыть, что на бал приедут вожди фронта. Распорядиться, чтобы Иверт приготовил для них дом.

– Как он? – спросил Алан у лекаря, кивая на лежащего с закрытыми глазами Винсента.

– Брат Искореняющий еще не пришел в себя, бредит, порывается куда-то идти, но так бывает после долгого беспамьяства. – Пожилой лекарь служил еще отцу Алана, и в его компетенции сомнений не было. – Я оставлю вас, ваше величество.

Он поклонился и вышел, тихонько притворив за собой дверь.

– Думаешь, он от счастья подвинулся рассудком? – рассматривая бледного ксена, шепотом спросил Оська.

– А что ты ощущал, когда очнулся в теле карлика? – так же тихо ответил Алан.

Получилось или нет? Хотелось хорошенько потрясти парня за плечи, чтобы, наконец, рассеять все сомнения и страхи.

– Я обрадовался. – Оська забрался на подоконник. – Новая жизнь, новый мир, это же так здорово. Духи говорили со мной перед смертью, спрашивали, хочу ли я прожить еще одну жизнь? Я согласился. Заплатил, и вот я здесь.

– Чем заплатил?

– А это касается меня и духов. – Оська хитро сощурился. – А ты?

– А меня не спрашивали, зато потом очень много предлагали за лояльность и послушание, – зло ухмыльнулся Алан. – И до сих пор предлагают.

– Да Вадий ради тебя готов был сам в тело ксенчика вселиться!

А вот с этого места подробнее! Алан испуганно вылупился на шевельнувшегося ксена. Нет, не может быть! Только этого не хватало! Мозг начал паниковать и метаться в поисках ответа, а глупое сердце робко и очень осторожно обрадовалось.

– Нет, нет, нет! Только не это!

Он не хотел переживать это вновь! Влюбленность в Иверта до сих пор вспоминалась болезненно и горько. Пусть Оська просто шутит!

– Я умер? – Винсент распахнул глаза и вперил ошарашенный и больной взгляд в склонившегося над ним Алана.

– Сир? Вы тоже?

– Что помнишь?

Алан напряженно вглядывался в серые глаза, пытаясь найти в них ответы. Кто?

– Берт всадил в меня нож. Потом... небытие. Река Забвения. Голос, который приказывал вернуться. Боль.

– Имя свое помнишь?

– Вы называли меня Алвис.

– Получилось! – заорал Оська и зажал рот двумя ладонями.

– С возвращением, Длань. – Алан облегченно вздохнул и сел на кровать, которая под ним едва слышно скрипнула. – Ты умер, мой верный враг. В этот раз умер по-настоящему.

– Но мы с Кузнечиком сбегали на реку Забвения и притащили твой дух назад в это прекрасное молодое и красивое тело! – Оська энергично размахивал ногой. – Это было настоящее приключение! Хочешь, я тебе спою песенку про шамана и его подружку-Викушку?

– Убью, – беззлобно пообещал Алан и потер глаза. – Винсента больше нет, его дух ушел на перерождение, а вот тело стараниями Оськи осталось, и оно приняло тебя. Ты теперь тоже анчута, Длань.

– Почему ты называешь меня Дланью? – задал Алвис совсем не тот вопрос, который от него ждали.

– Потому что я назначил брата Винсента своей Дланью. Поэтому хватит валяться, поднимай свою тощую задницу и приступай к прямым обязанностям. И так восемь дней потеряли. – Алан улегся рядом и закрыл глаза.

– Я пока немного посплю, а Оська тебе все расскажет...

– Спасибо, – услышал он тихое и удивленное, прежде чем его накрыло глубоким темным сном.

Воскрешение Алвиса порвало тонкую натянутую струну, и Алан наконец-то позволил себе расслабиться. Он поспит всего часик... не больше....

Спустя примерно полгода...

– Ваше величество, ваш советник предлагает опустить пошлины на зерно и ввести тройной налог на рабов, я же считаю, что в настоящий момент это нам невыгодно.

– Кир канцлер! – Мэтью Гарнер откинулся на спинку кресла и тонко улыбнулся. – Отмена рабства проходит в три этапа, и мы с вами согласовали данные этапы еще сезон назад, это вопрос времени, пока же я хочу немного наполнить бюджет. Который, – повысил он голос, – стараниями его величества скоро выйдет в минус.

– Не прибедайтесь. – Алан не принимал участия в беседе, он нервно ходил по кабинету, прислушиваясь к шуму в коридоре. У Зиры начались схватки, а его к ней не пустили! Где справедливость? – У нас впервые за последние двадцать лет доход превышает расходы.

– Это пока вы не начали строить порт, – тут же подал голос министр финансов. – Строительство Виктограда съедает почти все свободные деньги.

– Продавайте участки под застройку не только аристократам, но и богатым купцам и мастеровым. Кстати, весь центр оставить за короной.

– Да, мы это помним.

– Через несколько десятков лет эта земля будет золотая, поверьте мне.

– Да она уже золотая, – хмыкнул герцог Верди. – Сир, оппозиция в моем лице требует сократить расходы на армию и увеличить дотации на образование.

– Хорошее требование, – усмехнулся Мэтью Гарнер. – Не забудьте про финансирование первого женского монастыря и школы при нем.

– Да, именно, – удовлетворенно кивнул канцлер и переглянулся с министром финансов.

– А если нет? – тут же с интересом повернулся к нему Алан. – Если я откажу оппозиции в твоём лице?

– А оно вам надо? – с тихим смехом ответил герцог Верги. – Опять создавать коалиции, засылать шпионов, вычислять заговорщиков...

– А так у вас карманная оппозиция, и все под контролем. Гарнер согласно кивнул.

– Не сказал бы, что карманная, – вздохнул Алан и, заложив руки за спину, остановился напротив окна. В желудке горчил нервный комок, а в голове царил хаос. Хоть бы все закончилось хорошо. Хоть бы родила без осложнений. Чем лечить в мире, где, кроме плесени, нет антибиотиков, он не знал. – Герцог весьма искусно мною манипулирует.

– Пытаюсь, – добродушно улыбнулся канцлер. – Но ваш верный пес очень мне в этом мешает.

Гарнер на пса не обиделся. Когда он приезжал в столицу, то постоянно собачился с канцлером и министрами, но в итоге выигрывал Мэтью, потому что за ним стояли цеха и гильдии, а это была та сила, которая наполняла бюджет, и с которой приходилось считаться. Как и с армией. Армия готова была идти за императором хоть на край света, потому что реформы, которые проводил Айро Третий, давали шанс даже крестьянскому сыну стать генералом, если у него мозги на месте. А ведь они еще планируют открыть военную академию на базе школы ксенов...

С Учителями уже было все согласовано, и во дворце со дня на день ждали гостей, чтобы обсудить дальнейшую судьбу Храма и заодно поделить планы на будущее. В общем, команда вокруг молодого императора собралась сильная, хотя и весьма разношерстная.

– Ваше величество! – В кабинет вбежал раскрасневшийся Ольт в форме дворцовой стражи. Мальчишка был приставлен к вестовым и очень этим гордился. – Кир Дарен велел передать, что началось!

– Дальше без меня! – бросил Алан и выбежал следом за Ольтом.

Перед дверьми в покои Зиры толпился народ. Василия сидела на руках у Турена, Дарен в окружении тау уселся прямо на полу, Иверт подпирал стену и заметно нервничал, бросая взволнованные взгляды на флегматичную Паулину. Девушка заняла пост у двери и, судя по решительному лицу, никого не планировала пускать внутрь.

– Что? – спросил у нее Алан.

Вопрос прозвучал слегка нервно, и он попытался успокоиться. Да черт побери, не получалось у него успокоиться! Не выходило! Потому что Виктория три раза рожала и помнила, как это бывает даже в нормальных условиях современной больницы!

– Друида там?

Алан нервно кивнул на стену.

– И друида, и лекарь, – спокойно ответила Паулина и опустила руки. – Кир Алан, – мягко произнесла она. – Ваша супруга не первая и не последняя, кто рождает. Не стоит так волноваться.

Что значит «не стоит»? А если что-то пойдет не так? Если ребенок перевернется не тем боком, если кровотечение, разрывы? Последние недели Зира едва ходила, у нее был очень большой живот, просто огромный для ее телосложения. Сарх Гривастый Волк шутил, что дочь носит богатыря под сердцем, а она лишь охала и держалась за спину.

– Иверт, – жалобно протянул Алан, глядя на друга. – Это ужасно!

– Э, ты что? – Иверт нахмурил темные брови. – Это прекрасно! У нас будет еще одна маленькая принцесса. Да, Васька?

– Ага, дядька Ураган, – глубокомысленно кивнула Василия. – Вот бы она была похожа на маму Валию... Она такая красивая!

– Валия тоже там?

Алан сжал губы. Все рядом с его женщиной, а он стоит в коридоре и слушает через двери стоны и вскрики. И от этих приглушенных стенами стонов сердце болезненно сжималось. Черт побери, да рожать намного легче, чем ждать!

– Отец, не волнуйся. – Турен попробовал улыбнуться, но у него плохо получилось. – С нею же наша друида, а значит, все будет хорошо.

Двери распахнулись, и на пороге появился хмурый лекарь, увидев подскочившую к нему толпу, он попятился, а потом удивленно вздохнул, заметив Алана.

– Сир, что вы здесь делаете?

Ну да, в этом мире не принято, чтобы отцы подпирали стены родильного зала.

– Жду, – коротко бросил император.

– У вас дочь, – улыбнулся лекарь. – Крепенькая, здоровая девочка, похожая на мать. Ступайте за мной.

– А как мать?

– Ваша супруга чувствует себя хоро...

И тут раздался вскрик. Алан, не раздумывая, отпихнул лекаря в сторону и рванул на себя дверь спальни.

– Второй идет! – повернулась к нему напряженная Валия. – Алан, это двойня! Заберите дочь и выйдите! – тут же строго добавила она, вручая растерянному мужчине маленький сверток и толкая в сторону двери. – Ступайте, вам здесь делать нечего!

Дочь. Дверь за спиной закрылась, и Алан остался в гостиной, которая вдруг заполнилась людьми.

– Садись, – подпихнул ему под ноги кресло Иверт. – Покажи мою племянницу! Алан осторожно сел и приподнял кончик белой пеленки.

– Какая она страшенькая! – разочарованно прошептал Дарен. – Глаза узкие, красная и кривится.

– Она красавица. – Алан почувствовал, как по щеке покатились слеза. – Виктория.

– Виктория значит «победа», – глубокомысленно сообщила всем Васька. – А страшенькая, потому что только родилась, цыплята тоже из яйца страшные вылупливаются, а потом как солнышко становятся.

– Сын! Второй - мальчик! – в дверь выглянула Валя. – Алан! Это мальчик! Представляете, еще один сын!

– Винсент! – Алан вспомнил слова Оськи. – Это Винсент.

– Виктория и Винсент? – Турен громко выдохнул. – Мне нравится. Думаю, Длань будет доволен, что в его честь назвали принца.

Алан наклонился над дочерью, пряча слезы.

Боги, какое это счастье - держать на руках новую жизнь. Какое счастье - видеть, как они растут, взрослеют, становятся сами родителями. Любить их просто за то, что они есть. Стать другом, наставником, защитником.

Когда Алану вынесли сына, он только и смог счастливо вздохнуть и поцеловать в щеку наклонившуюся к нему Снежку.

– Как мать?

– Спит. Намаялась, бедная. Кто же знал, что тебе оба бога покровительствуют? Шустрый ты у нас, Алан, ох, шустрый. – Друида чмокнула его в лоб и погладила по голове как маленького. – Теперь тебе нужно жить.

– Да я вроде умирать не планирую, – отшутился счастливый папаша.

– Ты торопишься, мальчик, словно тебя ждут где-то еще, – вздохнула друида.

– Я обещаю, что уйду только тогда, когда дети перестанут во мне нуждаться. Клянусь, – глядя ей в глаза, серьезно произнес Алан.

Они поняли друг друга без слов. И Снежка кивнула, показывая, что принимает его клятву.

– Теперь мы самая настоящая большая и дружная семья, да, папа? – тихонько спросил Дарен. – Дедушка говорил, что счастье – это когда много детей. Теперь ты счастлив? – с тревогой закончил он, заглядывая Алану в глаза.

– Абсолютно, – серьезно ответил император Айро Теретий Разрушитель.

Эпилог

Ее высочество Виктория Вас'Хантер, дочь Айро Третьего

Сегодня муж привез меня в Кровь и с разрешения матушки-настоятельницы провел экскурсию по «местам боевой славы», как шутливо говорил папа. Мы долго бродили по бывшей крепости, даже поднялись на скалу, и Винсент показал место, где их с отцом едва не убили. Потом спустились в темницу, и я увидела камеру, в которой муж провел несколько неприятных дней, в ней даже сохранился ржавый замок, которым отец закрывал колодки. Жутенькое местечко!

Да уж, бурная молодость была у моего супруга. И какое счастье, что папа его не прибил в начале их знакомства. Хотя Винсент смеется и уверяет меня, что еще неизвестно, кто кого прибил бы, и я ему верю, они с отцом очень похожи. Нет, не внешне, а целеустремленностью, упрямством и здоровым цинизмом. Не зря ведь я его полюбила и даже вышла замуж, хотя как принцесса могла выбирать среди принцев и даже королей. Но зачем мне король, когда есть Длань?

Отец долго не давал согласия, возмущался, что Винсент для меня слишком стар, но я не считаю, что двадцать один год – это большая разница. И самое главное, что мамы меня поддержали. Втроем мы так насели на императора, что он сдался, правда, Винсенту глаз подбил, когда Длань пришел просить моей руки...

Это было незабываемо.

Губы сами растянулись в улыбке, когда я вспомнила тот день. Вот уж братцы повеселились, подначивая меня и беззлобно издеваясь над Дланью. Васька в то время уже жила в Мирии и растила двух сыновей, поэтому отбиваться пришлось самой.

Мы зашли в храм, и я остановилась у ростового портрета Айро Третьего, выполненного самым знаменитым художником нашего времени. Леонардо боготворил отца и ушел следом за ним, пережив папу всего на полгода. Между ними были странные отношения, я бы назвала это платонической любовью. Для художника отец был всем миром, он поставил его на пьедестал и поклонялся как божеству, а папа... Папа позволял ему это делать. Это последняя работа Леонардо и моя самая любимая. На ней отец стоит на валуне и смотрит вдаль, а

вокруг бушует море. Он сосредочен и хмур, но взгляд твердый и жесткий. Настоящий правитель и лидер.

Мне давно хотелось поговорить об отце, но как-то не было настроения. Сначала пришлось пережить боль от расставания. Хотя мы знали, что это не навсегда и папа будет приходить в наши сны, но мне было сложнее всех смириться с его решением. Братья говорят, это потому что я была любимицей, хотя мне кажется, что он любил нас с Васькой одинаково. Отец никого из нас не выделял, но девочкам больше прощалося и нас больше баловали.

Его большое сердце билось ради нас, и с самого детства я знала, что если ночью мне станет страшно, я могу прибежать в папину спальню и забраться к нему под одеяло, и он никогда меня не прогонит. Он даже предупредил охрану, чтобы нас всегда пропускали, в любое время суток. Когда нам с братом было по три года, мы сбежали от нянечки и пришли к папе в кабинет, а там шло очень важное совещание. И нас не прогнали. Папа приказал принести молока и печенья, нас посадили на диван рядом со скучающим дядей Ивертом, где мы тихонько и присидели, пока нас не нашла мама.

А теперь мы выросли, и отец посчитал, что его долг перед нами исполнен, пора давать дорогу молодым. Он собрал нас сразу после праздника Тарании Воительницы и озвучил свое решение. Последние годы он фактически отошел от управления страной, издали наблюдая, как с этим справляется Турен, иногда давая советы или принимая решения, но, в основном, вся ответственность за страну легла на Тура, сам же он вместе с Учителями занялся Академией Наук.

И вот уже несколько лет, как отца с нами нет, а страной перавит Турен, из него вышел отличный император, хотя я точно знаю, что он иногда бегаёт к отцу за советами. Да, школа ходоков при Обители процветает, и Турен с Вином ее закончили. Только у них из всех детей Айро Третьего оказался достаточно развит дар, остальные умеют лишь запоминать сны. Но нам и этого достаточно. Это семейный секрет, как и язык, которому обучил нас отец. В нашей семье много тайн и секретов, и один из них – связь с богами.

Отец никогда не скрывал, что пытался сменить основную религию континента, и они даже разыграли с моим мужем целое представление, но, как, смеясь, говорил папа, что-то пошло не так. Или актеры были бездари, или зрители бестолковые, но Церковь Отца Небесного так и не

заняла главенствующее место, зато она изрядно потеснила храмовников, и теперь в религиозном мире установилось хрупкое перемирие.

Мама Зира до сих пор взывает к духам, мама Валия – к светлому Ирию, Васька молится Отцу Небесному и святой Нанни, покровительнице детей, а мы с братьями не делаем различия между Вадием и святым Алвисом, Отцом Небесным и духом Великого Волка. Потому что мы продукт особенного воспитания. Отец всегда говорил, что это боги нашего мира служат людям, а не люди – богам. А Вадий...

Вадий вообще у нас член семьи. Мне кажется, он с самого нашего рождения незримо присутствует в наших жизнях. Хотя почему незримо? Он приходит к нам во снах, и это не всегда приятно, потому что выедать мозг этот бог умеет похлеще мамы Валии!

Ну вот, хотела рассказать об отце, а рассказываю о себе. Но иначе не получится. В нашей жизнь всегда был папа, папа и его друзья. Отцу многое прощали, прощали то, что другим ставили в вину. Народ любил его и искренне молился о его благополучии. Нас всегда окружали замечательные люди. Отец умел собрать вокруг себя команду и нас учил этому. Я скучаю по дедушке Рэю, который ушел за реку Забвения за несколько лет до отца, прожив долгую и счастливую жизнь. Тетка Райка вернулась в Кровь, и дворец лишился лучшей кухарки на все королевства. Мама Валия открыла в Крови первый женский монастырь, и тетка Райка стала его настоятельницей.

Я смотрела на закат и улыбалась. Внизу в долине сверкал в лучах заходящего солнца Виктоград, наша новая столица. Прекрасный город, названный в мою честь. Так думают люди, но на самом деле это меня назвали в честь возлюбленной Вадия, и город тоже назван ее именем. Это мне Темный рассказал, он много рассказывал об этой прекрасной женщине. Хотела бы я быть на нее похожей.

– Вика, – тихий голос мужа вывел меня из задумчивости. – Холодает, нам пора домой. Император ждет на ужин.

Да, пора. Тур не любит, когда опаздывают. Сегодня у нас праздник, день рождения старшего сына Турена, соберутся все наши друзья. Обе мамы, сестра с семьей, Дарен с невестой, Вин со своими тау. Братец ни в какую не хочет жениться, сейчас он планирует отправиться через море к островам Океании, а оттуда дальше, на поиски нового материка. Оська уже собирает котомку и сочиняет новые куплеты знаменитой на весь мир песенки про шамана. Я бы тоже хотела плыть под белыми парусами

навстречу рассвету, но... Я положила руки на округлившийся живот. Пока не получится.

– Ворон и Лис готовят сюрприз. – Муж обнял меня за плечи и помог сесть в карету. – Подозреваю, что они подарят Алвису огнестрел.

Алвису сегодня исполняется десять, и он бредит пистолем.

– Не рано ли?

– Мне подарили меч в три года, – пожал плечами муж. – Он воин, и у него прекрасные учителя. А уж ответственности хватит на троих.

– А Иверт вернулся?

– Будут все вожди, и твой дядя тоже.

– У него опять полный бардак в личной жизни, – вздохнула я, прижимаясь к теплому плечу мужа. – Папа бы смеялся.

– Алан всегда называл его котом блудливым. – В голосе Винсента я услышала ностальгию. – Напиши о нем.

– Об отце?

– Да. Пока помнишь, пока живы те, кто его хорошо знал... А это идея...

У кромки прибоя на огромном плоском камне сидели двое. Высокий черноволосый мужчина, босой, в традиционной майке и джинсах, жутковато улыбался, глядя на прибой. Рядом с ним, положив подбородок на изящные тонкие кисти, лежал, безмятежно щурясь на зеленоватые воды океана, худощавый юноша. Легкий бриз запутался в светлых волосах, заставляя юношу приглаживать непокорные пряди.

Эти двое находились здесь уже давно. Может, час, а может, год – невозможно судить о времени в месте, где такового не существует. Первым нарушил молчание Ирий. Не поворачивая головы, он лениво произнес:

– Вижу, она вернулась.

– Она сама выбрала, – отозвался Вадий.

– И здесь ты умудрился всех обставить. Тебе повезло больше нас всех, дружище, – без злости, но с легкой завистью проговорил Ирий, задумчиво глядя теплый камень, а потом просто исчез.

Вадий плавным движением поднялся, улыбнулся солнцу, еще немного постоял, запрокинув голову, словно к чему-то прислушиваясь, и исчез следом.

Он вошел в большую светлую комнату, заставленную цветами.

Каждый год он менял здесь интерьер, каждый год надеялся, что наступит момент, когда она откроет глаза и оценит его старания. Долгие пять лет, чертовски долгие пять лет он ждал, надеялся и мечтал. И вот Виктория решила вернуться.

Для нее прошло двадцать семь лет, дети выросли, страна процветает, новая столица превратилась в жемчужину побережья и неприступную крепость. Впрочем, сейчас у Галендаса нет врагов, с империей считаются, и Винсент Вас'Хантер готовит корабли на поиски новых континентов. Любимую больше ничто не держало в том мире. Семь дней назад она сказала, что готова...

Вадий подошел к роскошной кровати, на которой лежала худенькая светловолосая девушка. Она смотрела на него и улыбалась.

– Привет, – хрипловатым голосом произнесла она. – Вот и я. У тебя здесь забавно, совсем не так, как во снах. Вадий подал ей стакан с водой и смотрел, как она с наслаждением пьет.

– Массажист придет через час, врач – через десять минут. – Он взял Викторию за руку и нежно поцеловал пальцы. – Не могу поверить, что это ты.

– А уж мне как сложно в это поверить. – Кривая улыбка мелькнула на ее губах и погасла. – Знаешь, прожить почти тридцать лет с яйцами, а потом их лишиться, тот еще стресс для психики.

– Ты должна была привыкнуть к этому телу. – Не зря же он во время их встреч настаивал, чтобы Виктория была девушкой. – Да и что спорить, все эти годы ты все равно была женщиной.

– Неправда, к концу жизни я вполне вжилась в роль мачо, – отшутилась Виктория. – Я была хорошим отцом, Вадий.

– Лучшим.

... А через неделю они впервые вышли на улицу. Виктория с интересом смотрела по сторонам, улыбалась, здоровалась с людьми, разговаривала с продавцами мороженого и соков. Она была такая непосредственная, живая и родная, что Вадий испугался, вдруг это не реально и стоит ему проснуться, как она опять исчезнет. Он даже пару раз ущипнул себя за ногу. Право слово, ведет себя, как мальчишка. А еще ему очень хотелось ее поцеловать. В реальном мире. Ощутить вкус ее губ, трепет тела под ладонями, услышать рваное дыхание. Но когда он попробовал это сделать, получил твердое:

– Нет.

– Нет?

– Ты ведь не думал, кир темный бог, что я брошусь к тебе в объятия только за то, что ты мне трепал нервы все эти годы? – спросила Виктория ехидно.

Вообще-то, именно так он и думал. И тянул с объятиями только потому, что боялся навредить пока еще слабому физически телу.

– Но...

Впервые за последние сотни лет Вадий растерялся. Чего не хватает этой женщине?

– Никаких «но», дорогой мой интриган. – Виктория взяла его за руку. – Я слишком молода, чтобы принимать серьезные решения. Хочу учиться, путешествовать, знакомиться с людьми, может быть, встречаться с мужчинами. Ты подарил мне шанс прожить еще одну жизнь, и я намерена использовать его на полную катушку!

– Встречаться с мужчинами? – Вадий прищурился и коварно усмехнулся. – Даже не мечтай! Я не дам тебе ни единого шанса устоять. Соблазню, влюблю и отведу под венец!

– Попробуй, – улыбнулась Виктория.

Конечно, он попробует! И начнет прямо сейчас, вот только успокоит бешено стучащее сердце и начнет... Ближайшие годы обещают быть веселыми.

Конец